

Annotation

Аннотация издательства: Противостояние Англии и России в 1857–1907 годах во многом предопределило ход событий XX века. Да и сейчас изучение этого «белого пятна» мировой истории, можно сказать, первой «холодной войны», позволяет по-новому взглянуть на ситуацию, сложившуюся после распада СССР. Это был великий конфликт двух самых сильных империй мира, действие которого происходило во всех районах Мирового океана, от берегов Вислы до гор Памира, от стен Константинополя до пустынь Сицзяна. В своем исследовании автор попытался популярно изложить историю военного, дипломатического и экономического аспектов конфликта двух великих держав.

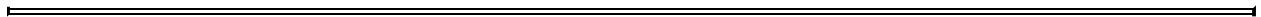
- [Широкоград Александр Борисович](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1. Парижский мир](#)
 - [Глава 2. Миф о «железном канцлере»](#)
 - [Глава 3. Цепь неудач в психологической войне с Англией](#)
 - [Глава 4. Русский флот выходит в океан](#)
 - [Глава 5. Кризис 1863 года](#)
 - [Глава 6. Борьба князя Горчакова за пересмотр статей Парижского мира](#)
 - [Глава 7. Проникновение русских в Среднюю Азию](#)
 - [Глава 8. Конфликт на стыке трех империй](#)
 - [Глава 9. Вторжение англичан в Афганистан](#)
 - [Глава 10. Окончательное присоединение Средней Азии к России](#)
 - [Глава 11. Спор о «крыше Мира»](#)
 - [Глава 12. Милые родственники](#)
 - [Глава 13. Непобедимая армада королевы Виктории](#)
 - [Глава 14. Русский флот одевается в броню](#)
 - [Глава 15. Балканский кризис 1875–1877 годов](#)
 - [Глава 16. Британский фактор в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов](#)
 - [Глава 17. Великое стояние у Царьграда](#)
 - [Глава 18. Военная тревога 1878 года](#)
 - [Глава 19. Берлинский конгресс](#)
 - [Глава 20. Британская интервенция в Египет](#)

- [Глава 21. Русско-британское решение проблемы Крита](#)
- [Глава 22. Армянский вопрос и новый кризис Османской империи](#)
- [Глава 23. Несостоявшийся русский десант в Босфор](#)
- [Глава 24. Дела Персидские](#)
- [Глава 25. Вторжение англичан в Тибет](#)
- [Глава 26. Альбион притравливает японского дракона](#)
- [Глава 27. Британский вектор в Русско-японской войне](#)
- [Глава 28. Встреча в Бьёрке — забавный анекдот или упущенный шанс спасти две империи?](#)
- [Вместо эпилога](#)
- [Приложение. Записка генерал-адъютанта М. Д. Скобелева о походе в Индию\[86\]](#)
- [Использованная литература](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

Широкоград Александр Борисович
Россия — Англия: неизвестная война,
1857–1907

Предисловие

*И в воинственном азарте
Лорд британский Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом.*

Из песни 60-х годов XIX века

*И на любой британский ультиматум
Воздушный флот сумеет дать отпор.*

Из песни 20-х годов XX века

*Позволю себе думать, что все существующие и
могущие еще быть затруднения в делах наших в Европе
идут от Англии.*

*Туркестанский генерал-губернатор К. П.
Кауфман*

Россию всегда не любили в Европе. Это пошло еще с XIII в., когда она была наглухо отгорожена от Западной Европы Польшей, Литвой и Швецией, власти которых в корыстных целях всячески старались опорочить своего восточного соседа. Немало усилий приложил к этому и папский престол, почти тысячу лет доказывавший, что схизматики, т. е. православные, хуже язычников.

Надо ли говорить, что для Англии, претендовавшей на мировое господство, Россия всегда была как «кость в горле». Владычица морей не нуждалась ни в схизматической реакционной Российской империи, ни в атеистической революционной Советской республике.

Нечастые приступы любви к России у британского кабинета и послушной ему прессы постоянно совпадали с критическими ситуациями на Европейском континенте, когда срочно требовалось пушечное мясо для борьбы с Людовиком XV, Бонапартием,^[1] Вильгельмом II и Гитлером. В остальное время Британской империи «до всего было дело». Забузят ли паны в Привисленском крае, подерутся ли турки со славянами на Балканах, накажет ли туркестанский генерал-губернатор за буйный набег местного

хана — и сразу же в Петербург из Лондона летят грозные ноты, а к берегам России движутся эскадры броненосцев. В свою очередь от Кронштадта до Владивостока расчехляются огромные береговые орудия, а русские крейсера выходят на британские коммуникации.

При встрече в океане на кораблях обеих сторон часто играли боевую тревогу и заряжали пушки. Другой вопрос, что лорды Адмиралтейства, играя на нервах русских моряков, старались не доводить дело до стрельбы. Вот характерный пример действий британских и российских кораблей. 8 апреля 1885 г. русский клипер «Стрелок» зашел в американский порт Норфолк, чтобы пополнить запасы угля и продовольствия и дать отдых команде. Об этом стало известно англичанам, и к Норфолку приблизился корвет «Гарнет». Корвет занял позицию у входа в бухту и приготовил орудия к стрельбе.

Командир «Стрелка» пошел на хитрость. Он отпустил большую часть команды в увольнение на берег, а для господ офицеров в местном театре были куплены лучшие билеты. Британский капитан решил, что он тоже «не лыком шит», и сам отправился с группой офицеров в театр. Еще до окончания спектакля русские офицеры незаметно покинули театр. Когда они прибыли на клипер, там уже собралась вся команда и были разведены пары. Выходя из бухты, «Стрелок» прошел в полусотне метров от «Гарнета», стоявшего на якоре без паров, капитана и большей части офицеров. Через двое суток «Стрелок» уже крейсировал на морских путях, соединяющих Нью-Йорк с Лондоном.

Полстолетия непрерывно шла война дипломатов двух великих империй — грохотали грозные ноты, депеши и циркуляры, заставляя трепетать обывателей всей Европы. Зато мало кто знал о дуэли разведок и о том, что в забытых богом местах — Афганистане, Памире, Тибете и других — происходили стычки между русскими и англичанами с убитыми, ранеными и пленными.

Противостояние с Англией было главной внешнеполитической проблемой для всего русского общества. Ф. М. Достоевский гневно обличал происки Альбиона и призывал правительство к решительным действиям. Чего стоят одни названия его статей: «Еще раз о том, что Константинополь рано или поздно, а должен быть наш», «Не всегда война бич, иногда и спасение». 13 июня 1873 г. у поэта Ф. И. Тютчева в Царском Селе случился сердечный удар, он потерял сознание, из Петербурга к умирающему вызвали его духовника. Когда тот подошел к Федору Ивановичу, чтобы напутствовать его к смерти, поэт открыл глаза и спросил: «Какие подробности о взятии Хивы?» Две мировые войны, Октябрьская

революция в России и холодная война 1945–1991 гг. заставили наше общество напрочь забыть о внешнеполитической истории России от Крымской до Первой мировой войны. Даже в специальных исторических трудах много говорится о Плевне и Шипке, но не упоминается о великом стоянии русской армии под Константинополем в 1877–1878 гг. Русско-французский союз 1891 г. у нас рассматривают как союз против Германии, забывая, что для России в нем имела приоритет прежде всего антибританская направленность. Много писали и еще больше будут писать в связи со столетним юбилеем о Порт-Артуре и Цусиме, но роль Англии в Русско-японской войне до сих пор не исследована, хотя без вмешательства владычицы морей исход ее мог быть совсем другим.

Глава 1. Парижский мир

13 февраля 1856 г. в Париже для подведения итогов Крымской войны открылся конгресс представителей великих европейских держав. Это был самый грандиозный европейский форум после 1815 г. Со стороны России в конгрессе принимали участие граф А. Ф. Орлов и барон Ф. И. Бруннов. Семидесятилетний граф Орлов, будучи опытным и удачливым дипломатом, выступал в роли первого уполномоченного. Барон Бруннов, бывший посланник в Лондоне, а затем при Германском союзе, был назначен вторым уполномоченным. В работе конгресса принимали участие представители Франции, Англии, России, Австрии, Турции и Сардинии. Позднее были приглашены и представители Пруссии.

Первым актом Парижского конгресса было заключение перемирия с прекращением военных действий. 2 марта между воюющими сторонами состоялся обмен конвенциями о перемирии до 19 марта. После семнадцати заседаний конгресса, 18 марта, в Париже был подписан мирный договор, главные постановления которого заключались в следующем. Восстанавливается довоенный территориальный статус-кво. Султан издает фирман (указ), подтверждающий права и преимущества его христианских подданных, и сообщает его для сведения державам. Последние не имеют права вмешиваться в отношения султана с его подданными и во внутреннее управление Османской империей. В мирное время Турция закрывает Проливы для всех военных судов, независимо от их принадлежности, за исключением стационаров в Стамбуле. Черное море объявляется нейтральным и открытым для торговых судов всех наций. Россия и Турция обязуются не иметь на его берегах военно-морских арсеналов. Им разрешается держать на Черном море для береговой службы не более десяти легких военных судов каждой. Дунай и его устья объявлены открытыми для речных судов всех наций, причем регулирование судоходства по Дунаю передано в ведение международной концессии. Сербия, Молдова и Валахия остаются в вассальной зависимости от Турции и сохраняют все имеющиеся у них права по самоуправлению. Россия отказывается от части своей береговой полосы у устья Дуная, которая переходит к Молдове. Граница России и Турции в Азии восстанавливается в том виде, в котором она существовала до войны. Россия обязуется не укреплять Аландские острова и не держать на них военных сухопутных и морских сил.

Отдельная русско-турецкая конвенция конкретизировала типы судов на Черном море. Каждая из черноморских держав могла иметь для береговой службы по шесть паровых судов длиной до 50 м по ватерлинии и водоизмещением до 800 т и по четыре легких паровых или парусных судна водоизмещением до 200 т. России и Турции следовало отныне соблюдать одинаковые ограничения. Однако для турок это было пустой формальностью, ведь в целом на султанский флот не накладывалось никаких ограничений. И при необходимости весь турецкий флот за сутки мог проследовать из Мраморного моря в Черное. Россия же фактически лишалась с таким трудом созданного флота.

После получения в Петербурге текста договора канцлер К. В. Нессельроде отправил депешу графу Орлову, где говорилось:

«Государю императору благоугодно было оценить по достоинству непреклонную настойчивость, проявленную вами для того, чтобы побороть злые намерения наших врагов, равно как и мудрую проницательность, с которою вы и барон Бруннов сумели, среди возникавших затруднений, устранить препятствия, которые повредили бы соглашению... Вы успели, при добром расположении к вам императора Наполеона, расстроить намерения Англии и уничтожить коалицию, принимавшую все более и более страшные размеры, способную ввергнуть Россию в продолжительную войну, исход которой нельзя было предвидеть»

(56. Кн. первая. С. 219).

К этой депеше прилагалась высочайше одобренная записка, излагавшая взгляд Александра II на новое политическое положение, проистекавшее из мирного договора:

«Трактат, только что заключенный в Париже, полагая конец войне, а вследствие того и образовавшейся против России коалиции, все же, должно признаться, оставляет нас в неопределенном положении относительно нашей политики в будущем. После недавно перенесенного испытания, России нужно сосредоточиться в самой себе и искать (пути для того, чтобы. — А. III.) излечить внутренними средствами нанесенные ей войною раны. На этой мысли должна основываться вся наша политика в течение времени, которое нельзя определить, с целью достигнуть исполнения этого благого желания... Швеция на

севере и Турция на юге стоят против нас в условиях совершенно новых и щекотливых. Англия, наш действительный, упорный враг, осталась недовольной и злобной по заключении мира, а потому начальные причины, вызвавшие против нас коалицию, продолжают существовать. Наше единственное ручательство против возникновения несогласий, прекращенных миром, и наше обеспечение в том, что мир этот продлится столько, сколько необходимо нам для наших внутренних потребностей, — заключается в добром к нам расположении императора Наполеона, а потому сохранить это расположение, не обязываясь, однако, следовать за ним в его предприятиях, — должно быть целью всех наших стараний»

(56. Кн. первая. С. 219–220).

Эта записка полностью отражала взгляды нового министра иностранных дел князя Александра Михайловича Горчакова. Любопытно, что Александр II подписал рескрипт о назначении Горчакова в свой день рождения — 17 апреля 1856 г. Замечу, что официальные царские историки положительно оценивали дипломатическую деятельность А. Ф. Орлова и А. М. Горчакова по подписанию Парижского мира. Советские и современные российские историки придерживаются той же точки зрения. На первый взгляд такая оценка выглядит объективной. В самом деле, в 1856 г. главной заботой России были внутренние дела. Готовились отмена крепостного права, военная, судебная и другие реформы. Наконец, Александр II хотел короноваться в Москве в спокойных условиях. Для этого России действительно требовалось «сосредоточиться» на внутренних проблемах. Однако не следует забывать, что внешняя политика государства сильно влияет на состояние общества и на ход реформ в стране. А оценка Горчаковым внешнеполитического положения России с 1857 по 1870 г. была в целом неверной.

Глава 2. Миф о «железном канцлере»

Культ князя А. М. Горчакова начал складываться еще до 1867 г., когда он был назначен канцлером, т. е. высшим государственным чиновником России. Кстати, Горчаков был и последним канцлером Российской империи. После же знаменитой «Циркулярной депеши» от 19 октября 1870 г. его стали считать «спасителем Отечества». В 1871 г. ему посвящал стихи Тютчев, в 70-е гг. XX в. Пикуль написал книгу «Битва великих канцлеров». И вот в постсоветское время мы наблюдаем новый всплеск популяризации Горчакова. На самом же деле Горчаков был весьма талантливым дипломатом, но, увы, с уровнем мышления конца XVIII в. Он наивно полагал, что ходом истории можно управлять с помощью дипломатических нот, депеш или циркуляров. В чем-то он был похож на русского дипломата Билибина, с блеском описанного Л. Н. Толстым в романе «Война и мир». Кроме того, в 1856 г. Горчаков, как и многие другие наши дипломаты и военные, заболел «синдромом Крымской войны», т. е. боязнью европейских коалиций, направленных против России. Секрет же успеха князя Горчакова в том, что статью Парижского мира об ограничении морских сил на Черном море он сумел раздуть до размеров национальной катастрофы, а затем через четырнадцать лет совершил чудо — одним росчерком пера избавил Русь от столь страшной угрозы. Немаловажным фактором для популярности Горчакова была его относительная близость к А. С. Пушкину.

Надо сказать, что в 1854–1856 гг. европейские государства были настроены против России по двум причинам. Во-первых, им казалось, что в 1853–1854 гг. Россия готовилась одна захватить наследство «больного человека»,^[2] в частности — Черноморские проливы. Во-вторых, Россия с 1815 г. была жандармом Европы. Советские историки видели роль царизма лишь в подавлении революционных и национально-освободительных войн в Европе. Но помимо того, царизм мешал и территориальному переделу Европы. А к перекройке границ рвались все, от Франции и Пруссии до маленького Сардинского королевства. И почти сразу же после заключения Парижского мира в Европе произошла серия войн. В 1859 г. Франция и Сардинское королевство начали войну против Австрийской империи. В 1866 г. против Австрийской империи воевали Пруссия и Италия. В 1867 г. Франция осуществила интервенцию в Италии и ввела войска в Папскую область. Назревал серьезный конфликт между Францией и Пруссией за

господство над мелкими германскими государствами. Австрия также стремилась восстановить там свою власть, в значительной степени утерянную в 1866 г. К 1867 г. сложилась весьма благоприятная для России внешнеполитическая обстановка. Россия уже не могла остаться, как в 1855 г., в одиночестве против коалиции европейских стран. Наоборот, все без исключения европейские страны начинают в большей или меньшей степени добиваться союза с Россией. И такое положение сохраняется до 1914 г. С 1866 г. руки у России были развязаны. Теперь она могла делать все, что хочет. Но, увы, этого не понимали ни Горчаков, ни Александр II.

Стенания Горчакова о позорной статье Парижского договора, запрещавшего России иметь флот на Черном море, были хороши лишь как пропагандистский лозунг.

Реально же все эти ограничения ни на йоту не могли сдерживать наращивания военной мощи России в этом регионе.

В 1854–1855 гг. русские моряки сами затопили корабли Черноморского флота. Обидно? Да! Но зато этим они сэкономили казне миллионы рублей. В Крымскую войну все корабли Балтийского флота уцелели. Но после появления в 1855 г. броненосных судов они потеряли всякое значение для линейного боя и не годились для крейсерства. Причем большинство балтийских парусных кораблей было исключено из состава флота лишь в 1863 г. Часть из них оснастили паровыми машинами, и они еще 10–15 лет коптели небо, не имея никакого боевого значения. Винтовые корабли «Цесаревич», «Николай I» и «Синоп» исключены в 1874 г., а «Ретвизан» — в 1880 г. Увы, никому из наших морских историков не пришло в голову выяснить, кому и зачем потребовалось держать в строю эту «липу».

Возвращаясь к статьям Парижского договора, отметим, что они были сравнительно мягки, а в отдельных случаях расплывчаты. Не было предусмотрено никакого контроля на местах за исполнением статей договора. Попробуем сравнить Версальский и Парижский договоры. По Версальскому договору Германии было запрещено иметь танки, самолеты, зенитные пушки, тяжелую артиллерию, подводные лодки и т. п. Ей разрешили построить шесть броненосцев береговой обороны водоизмещением до 10 тыс. т. По всей Германии колесили всяческие контрольные комиссии. Англия и Франция бдительно следили за выполнением статей Версальского договора. Тем не менее немцы ухитрились, используя различные приемы, создать лучшие в мире танки, самолеты, подводные лодки, зенитную и тяжелую артиллерию. В день, когда Гитлер денонсировал ограничения Версальского договора, у Германии уже была первоклассная армия. Кстати, вместо броненосцев

береговой обороны немцы построили «карманные мониторы» водоизмещением 16 тыс. т с огромной дальностью плавания.

Для начала России следовало заложить в Николаеве шесть разрешенных договором корветов. Но из-за ошибок кораблестроителей водоизмещение корветов оказалось бы не 800 т, а 4000 т, а в бронированных казематах корветов размещалось бы от четырех до восьми 15-дюймовых гладких пушек Александровского завода. Кстати, Бисмарк в беседе *tete-a-tete* сказал Горчакову, что вместо громких стенаний об отмене статей Парижского договора лучше по-тихому начать строить флот.

Да что броненосцы, русское правительство не делало даже того, что было разрешено договором. Например, железные дороги на юге России строились очень медленно. Так, железная дорога Москва — Лозовая — Севастополь вошла в строй лишь в 1875 г., да и то до 1880 г. ее пропускная способность была очень низкой. В Одессу железную дорогу провели в 1867 г., в Феодосию — в 1892 г., в Керчь — лишь в 1900 г. А ведь именно по железной дороге за 3–5 суток самые тяжелые береговые и осадные орудия, мины, минные катера, а главное, сухопутные силы могли быть переброшены из Петербурга в Одессу и Севастополь.

Кто мешал нашим адмиралам создать на Черном море вместо РОПиТа^[3] или в дополнение к нему торговую судоходную компанию, владевшую двумя десятками пароходов водоизмещением 4000–8000 т и развивавшими скорость 14–15 узлов? Палуба и ватерлиния их могли иметь легкую броню толщиной 25–30 мм, кроме того, частичная защита производилась бы расположенными по бортам угольными ямами, что уже делалось в других странах. Пароходы могли быть оснащены креплениями под орудийные станки, зарезервированными местами под артиллерийские погреба и механизмы подачи боекомплекта и т. п. В мирное время эти пароходы возили бы грузы из Одессы в порты Средиземноморья, а их пушки, станки и боекомплект хранились бы на складах Одессы и Николаева. В день «Х» численность их экипажей доводилась бы до штатной и происходила бы установка орудий. А через 10–20 дней в море выходил бы мощный крейсер с 203-мм или даже 229-мм орудиями обр. 1867 г. Естественно, такие малозащищенные крейсера не годились для боя с британским флотом, но смело могли вступить в сражение с любым турецким броненосцем в 1877 г.

Увы, ничего подобного сделано не было. Военное и Морское ведомства России предпочли действовать по старым шаблонам.

К марту 1856 г. все боевые суда Черноморского флота были уничтожены. На стапелях Николаевского адмиралтейства находились

паровые линейные корабли «Синоп» и «Цесаревич», винтовой корвет «Волк» (водоизмещением 1820 т и мощностью машин 250 номинальных лошадиных сил),^[4] пароходофрегат «Тигр» и винтовые шхуны «Дон» и «Салгир» (водоизмещением по 360 т и мощностью машин по 50 номинальных лошадиных сил).

Корабли «Синоп» и «Цесаревич» в 1859 г. без машин через Босфор прошли на Балтику. Корвет «Волк» в 1859 г. был переклассифицирован в транспорт. В 1871 г. «Волк» был вновь переклассифицирован в корвет и в начале 1875 г. вооружен одной 8-дюймовой, пятью 6-дюймовыми и двумя 9-фунтовыми пушками обр. 1867 г.

Россия на Черноморском флоте не имела даже положенных по Парижскому договору шести судов водоизмещением по 800 т. Поэтому в 1857–1858 гг. с Балтики были переведены шесть корветов «Удав», «Рысь», «Зубр», «Волк», «Вепрь» и «Буйвол». Водоизмещение их составляло 885 т, мощность машин — 200 номинальных лошадиных сил. Первоначально все корветы, кроме «Рыси», были вооружены одной 36-фунтовой пушкой № 1 и десятью 36-фунтовыми пушко-карронадами, а «Рысь» — двумя 68-фунтовыми пушками и девятью 36-фунтовыми пушками № 1.^[5] Все пушки, разумеется, были гладкоствольными.

«Рысь» исключена из боевого состава в 1866 г., а остальные корветы — в 1869 г. Корветы типа «Удав» были построены на Охте в 1855–1856 гг., т. е. были кораблями «военного времени» и уже к середине 1860-х гг. пришли в негодность.

На смену корветам типа «Удав» в Николаеве построили пять корветов. В 1859 г. был спущен «Сокол», а в следующем году — «Ястреб» и «Кречет». Их водоизмещение составляло 1016 т, мощность машин 220 номинальных лошадиных сил. Первоначально «птички» вооружались гладкоствольными орудиями: «Сокол» — одной 60-фунтовой пушкой № 1 и десятью 36-фунтовыми пушками № 3, а «Ястреб» и «Кречет» — девятью 36-фунтовыми пушками № 1 и одной 8-фунтовой карронадой. «Ястреб» был исключен из списков в 1870 г., «Кречет» — в 1871 г., а «Сокол» в начале 1870-х гг. был перевооружен двумя 6-дюймовыми и шестью 9-фунтовыми пушками обр. 1867 г. «Сокол» был исключен из боевого состава лишь в 1893 г.

Два корвета, «Память Меркурия» и «Львица», были спущены на воду в 1865 г. в Николаеве. Их водоизмещение составляло 880 т, номинальная мощность машин — 382 и 411 лошадиных сил, а максимальная скорость хода — 8 узлов. Первоначально эти корветы были вооружены

гладкоствольными орудиями: одной 36-фунтовой пушкой № 1, восемью 36-фунтовыми пушко-карронадами и двумя 10-фунтовыми единорогами. К 1875 г. они уже были оснащены тремя 6-дюймовыми и шестью 9-фунтовыми пушками обр. 1867 г.

Все эти корветы не имели брони. Артиллерия корветов была сравнительно мощной для их водоизмещения, но слишком слабой, чтобы пробить броню турецких броненосцев. Скорость хода под парами очень мала — ни один из них не мог развить и 10 узлов. Таким образом, эти корветы не годились ни для боя с броненосцами противника, ни для крейсерских действий.

Проектирование же броненосных судов на Черном море было парализовано страхом перед Англией. Еще в 1862 г. Морское министерство предложило разработать проект броненосного корвета водоизмещением 800 т. (А кто их, дураков, проверять стал, если бы корветы оказались водоизмещением 1500 т или даже 4000 т!) Понятно, что создать корабль водоизмещением 800 т со 114-мм броней и сильной артиллерией — абсолютно нереальная затея.

Вопрос о броненосных кораблях для Черноморского флота вновь возник в июне 1863 г. В «весьма секретной» записке военного министра Д. А. Милютин на имя управляющего Морским министерством Н. К. Краббе говорилось, что, по донесению командующего Одесским военным округом, надежная оборона Керченского пролива силами одних только береговых батарей, далеко еще не законченных, не может быть гарантирована. Полностью защитить его от прорыва вражеского флота можно лишь при сочетании береговых и бронированных плавучих батарей. Во избежание обвинений в нарушении условий Парижского договора Милютин предлагал строить такие батареи в виде сугубо «оборонительных береговых средств, лишенных необходимых для мореходных судов качеств».

В 1860-х гг. было разработано с десяток проектов броненосных плавучих самоходных батарей и мониторов для Черного моря. Наконец, в 1869 г. контр-адмирал А. А. Попов предложил построить два круглых броненосца, которые сразу окрестили «поповками». Вместо того чтобы переутомленному непосильными трудами адмиралу предоставить годичный отпуск — полечиться у психиатров в Швейцарии, Морское ведомство восприняло его проект всерьез.

Русь всегда славилась курьезами — Царь-пушка, никогда не стрелявшая, Царь-колокол, никогда не звонивший. Теперь Александр II позабавил свет — в 1871–1876 гг. были построены две «поповки». Первая, «Новгород», имела водоизмещение 2671 т, диаметр 30,8 м, машины

мощностью 2000 индикаторных лошадиных сил, две 11-дюймовые пушки обр. 1867 г. и две 4-фунтовые пушки обр. 1867 г. Вторая, «Вице-адмирал Попов», имела водоизмещение 3550 т, мощность машин 3000 индикаторных лошадиных сил, две 305-мм пушки обр. 1867 г. и шесть 4-фунтовых пушек обр. 1867 г.

Скорость «Новгорода» не превышала 6 узлов, «Попова» — 8, а в свежую погоду она падала до 5 узлов.

Поворотливость была в 10 раз хуже, чем у обычных судов. «Поповки» не слушались руля, а управлялись только машинами.

Весной 1877 г. в ходе учений у Очакова «поповку» «Новгород» начало сносить ветром и течением, с которыми не могли справиться ее машины. Про плавание на «поповке» можно снять не менее забавную комедию, чем «Волга, Волга», а пароход «Севрюга» покажется по сравнению с ней куда более надежным плавсредством.

15 ноября 1876 г. при пробе 305-мм орудий на «Попове» после двух выстрелов возникли повреждения в обшивке корпуса и в надстройке. После этого из орудий было запрещено стрелять полным зарядом. При самом слабом волнении круглые суда сильно качало, что резко ухудшало прицеливание. Стрелять из орудий можно было лишь залпами. При одиночном выстреле «поповка» начинала вращаться. Рассказ об анекдотичных свойствах «поповок» можно продолжать и далее. Но почему русские высококвалифицированные офицеры и инженеры не могли все это заранее предвидеть? Причина одна — трусость. Александр II и Горчаков боялись Европы, которой, как я уже говорил, было совсем не до России, а чины морского ведомства патологически боялись начальства и абсолютно не разбирались во внешней политике. Да и вообще вести разговоры о политике офицерам и адмиралам было запрещено уставом.

В апреле 1870 г. управляющий Морским министерством писал: «Избрание этого типа для броненосцев на юге России не только избавит нас от значительных денежных затрат на сооружение судов прежних типов, которые по местным условиям не могут вполне удовлетворять требованиям современной обороны, но и лишит иностранные державы повода делать нам какие-либо возражения и протесты... Круглые суда без всякой натяжки могут быть причислены к разряду плавучих крепостей и не войдут в список судов флота».^[6]

Насчет «значительных денежных затрат» — вранье чистой воды, так как предварительная стоимость первой «поповки» была определена в 4,14 млн рублей. На эту сумму можно было изготовить 67 самых мощных 11-дюймовых береговых пушек обр. 1867 г. с лафетами или 2510 полевых

4-фунтовых пушек обр. 1867 и 1877 гг. Можно лишь гадать, сколько жизней русских солдат было бы спасено, если бы деньги на две «поповки» пошли на полевую и осадную артиллерию. Главное было в другом — не дай бог будут «возражения и протесты» Англии.

Знаменитым циркуляром Горчакова Россия сняла с себя ограничения в военном кораблестроении на Черном море, но «поповки» по инерции продолжали строить. Никаких других броненосных судов с 1870 по 1877 г. на Черном море даже не заложили.

Глава 3. Цепь неудач в психологической войне с Англией

Внешнеполитические успехи России в XVIII в. были обусловлены не только успехами на поле брани, но и не в последнюю очередь грамотным ведением психологической войны. К сожалению, после смерти Екатерины Великой Россия стала постоянно проигрывать Англии в этом противостоянии.

Александр I и Николай I с успехом играли роль жандармов Европы. Николай I в 1848 г. мог позволить себе громогласно заявить на балу: «Седлайте коней, господа! В Париже революция».

Александр I и Николай I ухитрились внушить ненависть к России во всей Европе, причем никаких политических и экономических выгод роль жандарма не принесла и не могла принести нашей стране.

Полицию и на бытовом, и на межгосударственном уровне любят лишь тогда, когда возникает реальная угроза нападения сильнейшего противника. Но как только непосредственная угроза пропадает, присутствие полиции начинает тяготить как отдельных граждан, так и целые народы, а попытки чужеземного жандарма заставить жить народ по выдуманным жандармом законам вызывают ненависть «охраняемых». К полицейскому лучше, чем к кому-либо иному, применима формула: «Мавр сделал свое дело, и мавр немедленно должен уйти».

Увы, ни Павел I, ни его сыновья не поняли этого и возмущались неблагодарностью Европы. Действительно, когда Европе угрожал Наполеон, монархи и народы обращались с мольбами о помощи к Павлу, а затем к Александру. Немцы, итальянцы и другие народы Европы с восторгом встречали русские войска. Александр I и его окружение забыли, как австрийцы в 1799 г. предали Россию, после того как Суворов вернул им Северную Италию. Александр и его окружение наивно полагали, что монархи и народы Европы будут всегда благодарны России за избавление от Наполеона.

Хорошо известно, что М. И. Кутузов в конце 1812 г. неоднократно уговаривал Александра I не переходить границу и не ввязываться в новую войну. Александр I не послушался, и русские войска вошли в Париж. Все наши историки восхищаются триумфом русских войск, но никто не задает естественного вопроса, а что дала эта война России? Ведь уже тогда была

известна классическая формула: «Война есть продолжение политики другими средствами», а иначе это не война, а дурацкая драка.

Что же произошло после отречения Наполеона I и его ссылки на Эльбу? Ну, потешил свое самолюбие Александр, погарцевали казаки на Елисейских Полях, Англия получила Мальту и часть французских колоний, Австрия — огромные территории в Италии и Германии, а России достался всего лишь маленький кусочек Польши — Герцогство Варшавское. Да и то Англия, Австрия и Людовик XVIII, привезенный в Париж в русском обозе, решили Герцогство Варшавское России не отдавать и заключили против нее военный союз. Россию же от новой войны спас Наполеон, бежавший с Эльбы и на сто дней вновь ставший императором Франции. Наполеон нашел в кабинете Людовика XVIII текст договора о военном союзе против России и отправил его Александру. Но великий актер оказался на высоте, он величественным жестом показал договор австрийскому канцлеру Меттерниху, а затем не менее величественно кинул документ в огонь.

26 сентября 1815 г. в Париже Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих-Вильгельм III заключили Священный союз. Суть союза — вечная консервация режимов, престолов и государственных границ в Европе. Увы, монархи забыли античную пословицу: «Все течет, все изменяется». Историю никогда не загнать в прокрустово ложе договоров.

Но дело не только в том, что Священный союз был нежизнеспособен. Его суть противоречила интересам России. Если Австрия заглотила гораздо больше, чем могла переварить, и не только не могла претендовать на большее, но и стала быстро терять захваченное (Италия, германские княжества), то вопрос обеспечения безопасности России на юге так и не был решен. Вот послушал бы Александр I Кутузова, не полез бы в Европу, и война там продлилась еще лет десять как минимум. А за это время Россия, глядишь, и могла бы решить вопрос с Проливами.

Ввод войск в Венгрию в 1849 г. был роковой ошибкой Николая I. Европейская, и прежде всего британская, пресса получила возможность еще больше разжечь ненависть к России в европейских странах. В свою очередь австрийский император Франц Иосиф I через шесть лет отплатил России черной неблагодарностью, фактически присоединившись к Англии и Франции в ходе Крымской войны.

У Николая I не было никаких оснований опасаться переноса революции из Венгрии в Россию. А вот развал Австро-Венгерской империи в 1849 г. мог кардинально изменить исход Крымской войны и всю последующую историю Европы.

В ходе Крымской войны наши генералы и адмиралы не только не смогли защитить отечество ни на море, ни на суше, но они, в отличие от обыкновенного обывателя, даже не сумели покричать: «Караул, грабят!» Дело в том, что союзники, и в первую очередь англичане, постоянно и грубо нарушали все общепризнанные правила и обычаи войны.

Так, 8 (20) апреля 1854 г. англо-французская эскадра подвергла жестокой бомбардировке город Одессу, которая до войны вообще не имела укреплений.

По этому поводу в германской газете «Neue Preussische Zeitung» говорилось:

«Адмиралы очень хорошо знали, что английский и французский консулы давно уже выехали из Одессы. Целью их прибытия была рекогносцировка, и только... Как громко вопили журналисты в английских газетах и министры в парламенте по случаю бомбардировки Палермо и Мессины в 1848 году! Они говорили, что нужно назвать варварством бомбардирование неукрепленных городов... Действительным же варварством было бомбардирование Одессы, города совершенно открытого. Только злоба и страсть к разрушению могли побудить союзников на подобный поступок. Частное имущество истреблено, но военная сила России от этого нисколько не уменьшилась»

(26. С. 222).

Еще ранее, 31 марта (12 апреля) английский пароход, прикрываясь австрийским флагом, захватил под Севастополем русское каботажное судно. 1–3 апреля англо-французская эскадра, избегая подходить к одесским батареям ближе, чем на 2,5 версты, стреляла по русским торговым судам и захватывала их. Подвиги союзной эскадры в окрестностях Одессы заключались в «приобретении» восьми частных каботажных судов и двух бригов. 2 апреля винтовой пароходофрегат союзников, прикрываясь русским флагом, подошел к Кинбурну и захватил там шесть торговых судов.

Русское командование за полтора года войны не сумело достаточно укрепиться в Керченском проливе. И в начале мая 1855 г. при подходе союзных кораблей генерал-лейтенант барон Врангель, командовавший всеми русскими войсками в районе пролива, приказал все береговые батареи взорвать, корабли Керченской флотилии затопить, а полевым частям отступить в глубокий тыл. В результате союзная эскадра,

большинство которой составляли английские корабли, беспрепятственно вошла в Азовское море и начала расстрел беззащитных русских портовых городов — Геническа, Таганрога, Мариуполя и Ейска, где не только пушек, но и солдат-то не было, если не считать нескольких полицейских.

То же самое доблестные союзники творили и на Балтике. Так, 24 июня (6 июля) 1855 г. английский винтовой корвет за отказ жителей маленького финского городка Ништадта отпустить англичанам провизию бомбардировал город в течение четырех часов.

И если на Черном море и на Балтике союзники не только грабили, но и вели боевые действия, то на севере России по вине царского правительства регулярных сил вообще не было, т. е. англо-французской эскадре воевать было попросту не с кем, и занималась она исключительно разбоем. Вот только один эпизод из книги Л. Горева:

«В Белом море десять английских и французских судов появились 5(17) июня 1854 года, и первое, что они сделали, — это захватили две ладьи крестьянина Ситкина и мещанина Ломова с грузом муки. 11 (23) июня они отобрали у кемского мещанина Василия Антонова шхуну «Волга», шедшую в Норвегию («Волга» имела свидетельство норвежского консула, но англичане заявили, что свидетельство недействительно, так как написано не на гербовой бумаге!). 14 (26) июня три неприятельских судна захватили кочмару Кольского крестьянина Андрея Ильина с грузом трески. 29 июня (11 июля) английский винтовой корвет остановился против одинокой рыбацкой избушки между селениями Чаванским и Кузонемском; два офицера и 15 матросов вломились в избушку, отняли у крестьянина Василия Климова ружье, три ножа, 50 сажень бочевы, 15 деревянных ложек, бумажный кушак, головной убор жены, прихватили с собой корову и теленка и ушли... 9 (21) июля 1855 года английский пароход подошел к приморскому селению Мегры и высадил десант, который сжег три дома (из шести), уничтожил лодки рыбаков, а три карбаса с припасами увел. В августе с Мурманского берега в Архангельск шли на трех собственных шняках с грузом рыбы крестьяне Кемского уезда Сороцкой волости Павел Малашес, Семен Галанин и Петр Леонтьев; английский пароход остановил их, две шняки сжег, а третью увел. 18 (30) сентября во время отсутствия жителей, ушедших на рыбный промысел, английский десант сжег

Екопский лопарский погост (7 избушек и несколько веж)»

(10. С. 271).

6 (18) и 7 (19) июня 1854 г. два английских парохода вели обстрел Соловецкого монастыря. Правда, тут монахи не растерялись и открыли ответный огонь из пушек времен царя Алексея Михайловича.

Вряд ли нужно давать оценку действиям просвещенных мореплавателей. Но вот что интересно — при малейшем отклонении противника от норм международного права британская и зависящая от англичан европейская пресса поднимали страшный вой. К примеру, кто не знает «варварского» потопления английского пассажирского лайнера «Лузитания», совершенного германской подводной лодкой U-20 в мае 1915 г.? Ах, какой ужас, погибли сотни пассажиров! Стенания и вопли по сему поводу унялись лишь к 1950-м гг. О «Лузитании» были написаны тысячи газетных статей и десятки книг, сняты десятки кинофильмов. Но вот что любопытно — в лайнер водоизмещением 32 тыс. т, т. е. в пять раз больше крейсера «Аврора», попала всего одна торпеда. Для потопления такой громады требовалось по крайней мере 8–12 торпед. А тут корабль разнесло в считанные секунды. Ларчик открывается просто: трюмы «Лузитании» были забиты боеприпасами, произведенными в Соединенных Штатах Америки для британских войск, сражавшихся на Западном фронте. Они-то и сдетонировали, став причиной гибели сотен пассажиров. И вот вместо того, чтобы наказать негодяев, начинивших взрывчаткой пассажирское судно, британское правительство и пресса в течение тридцати пяти лет лишь проливали слезы по поводу «Лузитании».

А, между прочим, в том же 1915 г. британская подводная лодка пустила на дно Мраморного моря турецкий паром, перевозивший несколько сотен мирных жителей. Но об этом инциденте, в отличие от «Лузитании», знает только узкий круг военно-морских историков.

В ноябре 1914 г. германские линейные крейсера обстреляли пару раз военные объекты в Англии, и британская пропаганда завопила на весь мир о разрушении целых городов. Все германские линейные крейсера получили название... «детоубийц».

Когда же к действиям противника придраться было невозможно, британская пропаганда прибегала к беспардонному вранью. В 1917 г. вся английская пресса внезапно начала расписывать преступления «тевтонских варваров», которые трупы убитых на Западном фронте солдат скармливали свиньям. Этот «ужастик» потряс обывателей всех стран, а правительство Китая сочло это за *casus belli*^[7] и объявило Германии войну. И лишь в

1924 г. два британских журналиста публично похвалились, что именно они придумали это.

Но вернемся к Крымской войне. Русское правительство обладало огромными финансовыми средствами, за ничтожную часть которых десятки, а то и сотни европейских газет начали бы ежедневно печатать фотографии изнасилованных английскими матросами чухонек, ограбленных русских купцов, а также лубочные рисунки, где британские корабли громят горящий Соловецкий монастырь.

Увы, ничего этого не было сделано. Мало того, когда несколько петербургских газет назвали действия британского флота пиратскими, то космополит канцлер Нессельроде строго предупредил редакторов о недопустимости подобных выражений.

В ходе же Парижских переговоров Россия допустила огромный просчет, подписав 4 (16) апреля 1856 г. Декларацию по морскому праву. Тут уж были повинны не Николай I и Нессельроде, а Александр II и князь Горчаков.

В первой статье Декларации говорилось об уничтожении каперства.^[8] Мало того, даже пассажирский или портовый корабль, принадлежащий правительству данной страны, не может вести никаких боевых действий в море, если он не поднял военный флаг в порту своей страны и об этом не было официально заявлено. Согласно Декларации

«нейтральный флот признан прикрывающим собственность неприятеля, а нейтральные товары — не подлежащими захвату под неприятельским флагом, за исключением военной контрабанды; наконец, постановлено, что блокада обязательна только тогда, когда действительно содержится морскою силою, достаточною для преграждения доступа к неприятельским портам и берегам»

(56. Кн. первая. С. 225).

К подписанию такого соглашения лучше всего подходят слова министра иностранных дел Франции Талейрана: «Это хуже, чем преступление, это — ошибка».

Увы, в России ни Горчаков, ни другие политики и адмиралы не осознали, какой подарок они преподнесли «владычице морей». Вот, к примеру, известный русский историк С. С. Татищев в 1902 г. написал по этому поводу:

«Русские уполномоченные тем охотнее приложили свои подписи к этому акту, что провозглашенные им начала были те самые, которые положены Екатериной II в основание ее знаменитой Декларации 1780 г. о вооруженном нейтралитете и в течение целого столетия упорно отвергались Англией, тогда как Россия занесла их в конвенцию с Северо-Американскими Соединенными Штатами, заключенную как раз накануне Восточной войны»

(56. Кн. первая. С. 225).

Да, действительно, Екатерина Великая добивалась подобной декларации. Но ведь за 70 с лишним лет ситуация кардинально изменилась. В конце XVIII в. Англия почти непрерывно вела морскую войну с Францией, Америкой и другими странами, но даже не помышляла о нападении на Россию. Зато британские военные корабли и каперы постоянно захватывали русские суда и российские грузы на нейтральных судах. В такой ситуации принятие декларации было крайне выгодно нашей стране.

Однако в 1854–1855 гг. Англия совершила прямое нападение на Россию на Черном и Балтийском морях, на Севере и на Тихом океане, и с тех пор до 1907 г. постоянно грозила повторить его.

В мирное время в России в 60–70-х гг. XIX в. большая часть зарубежной торговли шла через порты Балтики и Черного моря (до 70 %), а остальная часть приходилась на гужевой и железнодорожный транспорт. Однако с началом войны с Англией торговые пути на Балтийском и Черном морях противник мог легко прервать, как это случилось в ходе Крымской войны. И есть ли декларация, нет ли ее, русская морская торговля сводилась к нулю. Причем следует заметить, что с развитием железнодорожного транспорта при наличии больших сухопутных границ России, любая морская блокада ее неэффективна и может привести лишь к небольшому росту цен, и то, когда перевозка по железной дороге дороже, чем по морю.

Для любого островного государства (Англии, Японии и др.) эффективная морская блокада равносильна гибели. Вспомним, какой ущерб экономике Страны восходящего солнца нанесла в 1944–1945 гг. блокада японских островов американским флотом. И решающую роль в блокаде Японии сыграло не столько количественное и качественное превосходство флота США, сколько метод ведения крейсерской войны.

Представим себе фантастический вариант — американские корабли и

подводные лодки в 1942 г. получили приказ вести крейсерскую войну в строгом соответствии с парижской Декларацией 1856 г. Американские крейсера и эсминцы должны были останавливаться, спускать шлюпки, сажать на них призовые партии, которые должны были осматривать японские транспорты. Подводные лодки, естественно, должны были еще и всплывать. Вся процедура занимала бы несколько часов. При таком методе ведения войны американцы в минимальном варианте понесли бы в 1941–1945 гг. вдвое большие потери, а в максимальном — проиграли бы войну.

На самом же деле командующий американским подводным флотом адмирал Локвуд отдал приказ — «Sink them all!» («Топи их всех!»). И американские подводные лодки выполняли его в буквальном смысле, т. е. топили любое судно в любом районе Тихого океана, где по их сведениям не было американских судов. Так были без предупреждения потоплены многие десятки нейтральных судов, включая и советские. В отдельных случаях это происходило вблизи наших берегов. Так, подводная лодка SS-281 6 июня 1944 г. потопила советский пароход «Обь» в Охотском море у западного (!) берега Камчатки.

Замечу, что после войны американцы не только не извинились перед владельцами нейтральных судов, но тот же Локвуд набрался нахальства и выпустил свои мемуары под названием «Sink them all!» («Топи их всех!»).

Подписав парижскую Декларацию о крейсерской войне, Россия сделала большой подарок Англии, существенно сузив возможности действий собственного флота и к тому же лишив русских дипломатов весомых козырей в переговорах.

Русский крейсер в отдаленных районах Тихого или Индийского океана еще мог себе позволить роскошь обыскать британское судно со всеми формальностями. Но в водах у берегов Европы, перенасыщенных английскими военными кораблями, подобный метод означал смертельный риск для нашего крейсера. Чтобы свести этот риск к минимуму, крейсер должен был без предупреждения атаковать и потопить судно противника, и немедленно уходить на полном ходу, не принимая никаких мер к спасению экипажа потопленного корабля. В море крейсер в целях маскировки должен был постоянно менять флаг, устанавливая на палубе фальшивые надстройки, мачты, дымовые трубы и т. д., т. е. делать то, что делали германские рейдеры в 1914–1918 и 1939–1943 гг.

Если бы у русских моряков были развязаны руки, то «владычице морей» стало бы накладно не только воевать с Россией, но и даже шантажировать ее, искусственно создавая кризисные состояния на грани войны. При действии Декларации, отправляясь в плавание в ходе

очередного русско-британского кризиса, матросы и пассажиры английских судов ожидали в самом худшем случае, что их пересадят в теплые каюты русского крейсера, а затем высадят в нейтральном порту. Совсем другое дело проснуться от взрывов снарядов и торпед, а затем искупаться в ледяной воде Атлантики. Степень риска совсем другая, и убытки от отказов на перевозку пассажиров и грузов, возрастание стоимости фрахты, страховок вполне могли привести к краху британских судоходных компаний и без объявления войны.

В заключение стоит заметить, что парижскую Декларацию о крейсерской войне не подписали Соединенные Штаты Америки, Испания, Мексика, а позже к ней так и не присоединилась Япония.

Правительство Соединенных Штатов заявило, что уничтожение каперства может быть выгодно лишь для державы, обладающей сильным военным флотом, и ни одна нация, сколько-нибудь уважающая себя, не может никому позволять определять или как-либо иначе ограничивать характер ее вооружений. И государство, не обладающее достаточно мощным военным флотом, имеет полное право прибегнуть к выдаче каперских свидетельств, чтобы нанести неприятельской морской торговле тот вред, который терпит ее собственная торговля от крейсеров противника, что неизбежно, раз частная собственность на море не признается неприкосновенной.

Глава 4. Русский флот выходит в океан

В 1853–1860 гг. в истории русского флота произошло несколько вроде бы взаимоисключающих друг друга событий. В ходе позорно проигранной Крымской войны русский флот с блеском выиграл одно сражение (Синопское), и не проиграл ни одного. Мало того, союзным флотам не удалось потопить ни одного русского корабля. В ходе нападений в 1854–1855 гг. на Свеаборг на Балтике и Петропавловск на Тихом океане русские корабли совместно с береговой артиллерией успешно отразили нападения англо-французов и, можно сказать, выиграли эти сражения по очкам (с обеих сторон не было потоплено ни одного корабля).

Но к концу войны Россия осталась без флота, а еще через два года русские корабли вышли в океан. Дело в том, что к началу войны Россия опоздала со строительством парового флота, и наши парусные корабли не могли противостоять паровым кораблям союзников в бою в открытом море. Советские историки сводили все к косности царского правительства и непониманию им роли парового флота. На самом же деле Николай I и его адмиралы, пусть не очень хорошо, но все понимали.

Еще осенью 1852 г. адмирал Лазарев представил в Петербург планы и сметы для строительства Севастопольского пароходного завода. В начале апреля 1853 г. Николай I утвердил план строительства на Черном море шести 120-пушечных линейных кораблей. Два таких корабля, «Босфор» и «Цесаревич», были заложены в 1853 г. в Николаеве. Начато было строительство новых и переделка старых линейных кораблей в паровые и на Балтике.

Однако медлительность бюрократической машины и неготовность отечественной промышленности к изготовлению мощных паровых машин затормозили создание парового флота. В итоге к началу 1854 г. на Балтийском флоте имелся только один винтовой фрегат «Полкан» и десять пароходофрегатов, а на Черноморском флоте — только шесть пароходофрегатов.

Пароходофрегатами в России называли большие колесные пароходы, вооруженные несколькими (6–18) пушками, обычно крупного калибра.

Для сравнения скажу, что в июне 1855 г. крепость Свеаборг была атакована английской эскадрой из восьми линейных кораблей (от 131 до 51 пушек), двух винтовых фрегатов (34 и 20 пушек) и восьми колесных пароходов; и французской эскадрой в составе трех винтовых линейных

кораблей (100–90 пушек), винтового корвета, а также нескольких десятков канонерских лодок.

Суда союзников по конструкции и огневой мощи мало отличались от русских кораблей соответствующего ранга, но имели паровые машины с винтовыми двигателями. Практически это были те же парусные линейные корабли и фрегаты, в которые были встроены паровые машины. В сражении в открытом море парусные корабли становились легкой добычей равного по силе парового корабля. Пароход мог просто зайти с кормы или с носа и продольным огнем разнести противника. Отсутствие паровых кораблей вынудило русское командование держать флот в базах.

Огромный вред нанес и застой военной мысли во времена Николая I. Вспомним, как при Петре русские солдаты на лодках брали на абордаж шведские суда. А в 1854–1855 гг. и на Черноморском, и на Балтийском флотах имелись десятки малых пароходов, не уступавших по скорости хода британским линейным кораблям и фрегатам. Эти малые пароходы и паровые катера можно было оснастить шестовыми минами или переделать в брандеры. От выхода из Севастопольской бухты до стоянки французского флота в Камышовой бухте — около пяти верст, до Балаклавы, где стоял британский флот, — около сорока верст, т. е. ходу 30–40 минут и 2–2,5 часа соответственно. Обе гавани имеют небольшие размеры, союзные суда (боевые и многочисленные транспорты) стояли скученно. Ворвись туда пара пароходов-брандеров, и все запылало бы любо-дорого, почище Чесмы. Увы, русские адмиралы и не помышляли о ночных атаках, активных минных постановках и диверсиях в портах неприятеля.

В ходе Крымской войны произошли события, совершившие революцию в военном морском деле. В конце сентября 1855 г. к входу в Днепро-Бугский лиман подошел флот союзников из пятидесяти английских и сорока французских судов. Впервые в истории в состав флота были включены броненосные корабли. Это были три плавучие батареи «Lava», «Devastation» и «Tonnante» («Лава», «Опустошение» и «Гремящий»), покрытые железной броней толщины 111 мм на 203-мм деревянной подкладке. Вооружение каждой батареи состояло из шестнадцати 50-фунтовых (194-мм) и двух 12-фунтовых (116-мм) пушек.

Крепость Кинбурн в последний раз перестраивалась еще при Екатерине II. Вооружение крепости состояло из 70 орудий. Из них 55 пушек (24-, 18- и 12-фунтовых), 5 единорогов (одно — и полупудовых) и 10 мортир в 5 и 2 пуда.

5 октября 1855 г. в 9 часов утра три бронированные плавбатареи и несколько канонерских лодок подошли к Кинбурну на дистанцию одного

километра и открыли огонь. Во время этой бомбардировки в плавучую батарею, «Опустошение» 31 снаряд попал в броневые плиты, и 35 снарядов ударили в палубу. Якорь в 650 кг весом, лежащий, на баке, был разбит на несколько кусков. Батареи «Лава» и «Гремящий» получили каждая около 60 попаданий, из которых около 50 пришлось на покрытые броней борта и около 10 — в палубу. Несмотря на это, потери личного состава были совершенно незначительны и нанесены были только теми снарядами, которые попали в пушечные порты. Потери составили: 2 убитых на «Опустошении» и 30 раненых на всех трех плавучих батареях. К 12 часам русские батареи почти замолчали, а в крепости возник сильный пожар. К вечеру комендант Кинбурна генерал Коханович сдал крепость, хотя возможности к сопротивлению далеко не были исчерпаны.

Таким образом, выяснилось, что бронированные корабли неуязвимы для всех существующих береговых и корабельных орудий. Однако значения этого боя полностью не осознали ни в Европе, ни тем более в России. Потребовалось еще шесть лет и поединок броненосцев «Монитор» и «Меримак» в годы Гражданской войны между Северными и Южными штатами, чтобы все европейские и наши адмиралы осознали суть произошедшей революции.

Но вернемся к русскому флоту. Уже в 1854 г. выяснилось, что боевое значение всех парусных кораблей стало равно нулю, за исключением разве что крейсерских операций в отдаленных частях Мирового океана. Поначалу наши адмиралы решили копировать Европу с отставанием на 5–10 лет, т. е. строить обычные парусные линейные корабли и фрегаты со вставкой внутрь корпуса паровых машин. А чтоб еще дешевле было, попросту снабжать паровыми машинами старые парусные линейные корабли.

Так, в 1857–1860 гг. после тимберовки паровыми машинами были оснащены парусные линейные корабли 74-пушечные «Константин» и «Выборг» и 84-пушечные «Гангут» и «Вола». Переделка этих кораблей — воплощенный образец бюрократической глупости и технической безграмотности. Эти корабли с самого начала были не боеспособны. И дело не в том, что они не могли драться с броненосными судами, они просто не могли выходить в море. В результате «Выборг» числился в строю около трех лет и в 1863 г; был исключен из состава флота, «Константин» исключили в феврале 1864 г., а «Гангут» 6 марта 1862 г. перечислили в учебно-артиллерийский корабль.

На Балтике в 1854–1860 гг. были построены три новых линейных корабля: 84-пушечные «Орел» и «Ретвизан» и 11-пушечный «Император

Николай I». В Николаеве были достроены два 135-пушечных линейных корабля, заложенные еще до войны, «Цесаревич» и «Синоп». Последний первоначально назывался «Босфор», но потом решили не срамиться и переименовали корабль. Машины в Николаеве нельзя было изготовить, и поэтому оба корабля под парусами прошли через Черноморские проливы, обошли вокруг Европы, и в 1860 г. в Кронштадте на них установили паровые машины мощностью по 800 номинальных лошадиных сил, изготовленные в Англии. Понятно, что и от новопостроенных линейных кораблей проку было мало. Из-за перегрузки они были маломореходны. Так, к примеру, на «Ретвизане» орудия не могли стрелять даже при малейшем волнении, поскольку волны заливали открытые порты.

Куда более эффективными кораблями оказались винтовые фрегаты, корветы и клипера. Для удобства читателя я буду называть их крейсерскими судами, хотя термин «крейсерские суда» времен Екатерины II был забыт, а термин «крейсер» ввели позже. По возможности, крейсерские суда строили из лучших пород древесины, в наборе корпуса начали использовать элементы из железа. Суда стали длиннее. Так, например, отношение длины корпуса к ширине у фрегата «Александр Невский», спущенного в 1861 г., составило 5,3 против 3,97 у парусного фрегата «Паллада», спущенного в 1832 г.

Фрегаты, корветы и клипера сочетали паровые машины с отличным парусным вооружением. Любопытно, что максимальная скорость этих судов под паром была в среднем ниже, чем под парусами. Так, фрегат «Илья Муромец» давал под паром до 8 узлов, а при полном ветре под парусами — 12 узлов. А скорость хода корвета «Богатырь» под парусами достигала 14 узлов.

Фрегаты, корветы и клипера предназначались для действий в океане и должны были большую часть времени проводить под парусами. Машины вводились в действие лишь в штиль, в узкостях прибрежных вод и, разумеется, в бою. Чтобы не мешать действиям с парусами, на многих судах паровые трубы делались телескопическими, т. е. убирающимися. Поэтому часто на фотографиях и рисунках парусно-паровые суда выглядят как чисто парусные. Чтобы гребной винт не создавал дополнительного сопротивления при ходе под парусами, его разъединяли с валом и поднимали внутрь корпуса через специальный колодец.

Парусно-паровые суда обладали огромной автономностью и могли по многу месяцев не заходить в порты. И это в мирное время, а ведь в случае войны они могли пополнять запасы воды, продовольствия и угля с захваченных торговых судов.

После Крымской войны на вооружение флота и береговых крепостей были приняты новые мощные 60-фунтовые (196-мм) пушки. Кстати, замечу, что в рассматриваемый период все береговые крепости относились к Военному ведомству, а не к Морскому. Причем береговые крепости располагали паровыми, парусными и гребными транспортами и судами, а также минными заградителями, а с 80-х гг. XIX в. даже сверхмалыми подводными лодками.

До Крымской войны на вооружении кораблей и береговых крепостей имелись длинноствольные 36-фунтовые (173-мм) пушки с длиной канала до 16 калибров и короткие двухпудовые (245-мм) бомбические пушки с длиной канала 11,4 калибра. Первые стреляли сплошными ядрами, а вторые — сферическими бомбами.

В 1851 г. в России были изготовлены первые образцы 60-фунтовых пушек системы Баумгардта, принятые на вооружение уже после Крымской войны. 60-фунтовая пушка № 9 (длинная) имела длину канала 17,6 калибра, а № 2 (короткая) — 15,4 калибра. Эти пушки могли стрелять ядрами, бомбами и картечью. Дальность стрельбы ядром составляла 3,5 км, а бомбой — 3,1 км.

Таблица 1. **Вооружение винтовых фрегатов на 1862 г.**

Фрегаты	Закрытая батарея		Открытая батарея		Поворотные платформы		Примечания
	орудия	шт.	орудия	шт.	орудия	шт.	
«Громобой»	60-фн № 2	16	30-фн № 1	2	60-фн № 1	1	На 1871 г. на «Громобое» 22–60-фн пушки № 2 на нижней батарее, 4–30-фн пушки № 1 и 8–12-фн орудий на верхней батарее
	30-фн № 1	4	30-фн № 3	20			
	30-фн № 2	10					
«Илья Муромец»	60-фн № 2	10	30-фн № 1	2	60-фн № 1	1	
	30-фн № 1	4	30-фн № 4	20			
	30-фн № 2	16					
«Пересвет»	60-фн № 2	10	36-фн № 1	2	60-фн № 1	1	На 1873 г. на нижней батарее 24–60-фн № 2 и 4–36-фн № 1, на верхней батарее 12–60-фн № 1 и 2–36-фн № 1, на поворотной платформе 1–60-фн №1 [41]
	36-фн № 1	4	36-фн № 3	16			
	36-фн № 2	18					
«Дмитрий Донской»	60-фн № 1	18	60-фн № 1	2	60-фн № 1	2	На 1868 г. на «Дм. Донском» на закрытой батарее 16–60-фн № 1 и 6–60-фн № 2, на открытой батарее 16–60-фн № 2, на поворотной платформе 2–60-фн № 1
	60-фн № 2	12	60-фн № 2	16			
«Александр Невский»	60-фн № 1	18	60-фн № 1	2	60-фн № 1	2	
	60-фн № 2	12	60-фн № 2	16			
«Светлана»	60-фн № 2	20	60-фн № 2	4	60-фн № 1	2	До 1869 г. вооружение оставалось почти без изменений, а в 1870 г. все орудия были уже обр. 1867 г.: 6–8-дм на закр. батарее, 4–8-дм и 1–6-дм на открытой батарее
	36-фн № 1	4	30-фн № 2	10			
«Олег»	60-фн № 2	26	60-фн № 1	2	60-фн № 1	1	Вооружение почти не менялось до его гибели 3 августа 1869 г.
	36-фн № 1	4	36-фн № 1	2			
			36-фн № 2	22			
«Генерал-Адмирал»	60-фн № 1	36	60-фн № 1	22	3-пуд. пуш. Дальгрена, куплен. в Америке	2	Вооружение почти не менялось до разборки в 1870 г.
	36-фн № 1	4					
«Ослябя»	60-фн № 2	28	60-фн № 2	6	60-фн № 1	1	На 1871 г. вооружение не изменилось [42]

60-фунтовая пушка пробивала на оба борта любой деревянный корабль. Но когда в 1855–1856 гг. на Волковом поле (полигоне под Петербургом) был проведен обстрел английской брони толщиной 114 мм (4,5 дюйма) под углом 19°, то ядра 60-фунтовой пушки на дистанции 213 м (100 саженей) проникали в броню на 60 мм и там застревали, причем чугунные ядра разбивались вдребезги, а железные плющились. Тогда впервые в русской артиллерии для 60-фунтовых пушек были отлиты стальные ядра. На испытаниях 60-фунтовой пушки № 1 при увеличенном заряде (9,4 кг против штатного 6,56 кг) на дистанции 213 м стальные ядра насквозь пробивали 114-мм броню, но застревали в деревянной обшивке. Дело в том, что в 1863 г. на Волковом поле был воссоздан целиком кусок борта британского броненосца. Позже там построили еще много макетов отсеков британских кораблей.

Эти опыты показали, что 60-фунтовые пушки даже со стальными ядрами не годятся для борьбы с броненосцами. Тем не менее с начала 1860-х гг. 60-фунтовые пушки № 1 и № 2 становятся основным вооружением фрегатов, корветов и клиперов.

В 1857–1863 гг. в строй были введены винтовые фрегаты «Аскольд», «Илья Муромец», «Громобой», «Олег», «Пересвет», «Ослябя», «Дмитрий Донской» и «Александр Невский», построенные на отечественных верфях. Кроме того, 70-пушечный фрегат «Генерал-Адмирал» был построен в Нью-Йорке, а 40-пушечный фрегат «Светлана» — в Бордо. Замечу, что «Генерал-Адмирал» пересек Атлантику за 12 дней, что было для того времени совсем неплохим результатом.

В 1855–1856 гг. в Петербурге на Охтенской верфи были построены винтовые корветы «Боярин», «Новик», «Медведь», «Посадник», «Гридень», «Воевода», «Вол» и «Рында». В 1856–1858 гг. в Або (Финляндия) был построен корвет «Калевала», а в 1857 г. в Бордо — «Баян». В 1859–1863 гг. в Петербурге была построена серия корветов «Богатырь», «Витязь», «Варяг» и «Аскольд».

Вооружение наших корветов не было единообразным, поэтому следует привести его полностью.

Охтенские корветы постройки 1856 г. первоначально имели одинаковое вооружение: одну 36-фунтовую пушку № 1 и десять 36-фунтовых пушек № 3.

В 1860–1870-х гг. вооружение этих корветов постоянно менялось.

«Боярин» с 1866 г. имел одиннадцать 60-фунтовых пушек № 2, а с 1871 г. три 6-дюймовые пушки обр. 1867 г.

«Посадник» с 1866 г. имел только шесть 36-фунтовых пушек № 3.

«Гридень» в 1880 г. имел одну 36-фунтовую пушку № 1 и десять 10-фунтовых единорогов.

«Воевода» с 1866 г. имел одиннадцать 60-фунтовых пушек № 2; к 1875 г. — одну 60-фунтовую пушку № 2 и четыре 8-фунтовые короткие пушки. В следующую кампанию 1876 г. все пушки были нарезными, заряжаемыми с дула: четыре 8-фунтовые и одна 4-фунтовая.

«Вол» к 1862 г. имел одну 36-фунтовую пушку № 1 и десять 24-фунтовых пушко-карронад, к 1866 г. — одиннадцать 60-фунтовых пушек № 2.

«Рында» к 1868 г. имел одну 60-фунтовую пушку № 1, две 36-фунтовые пушки № 2, шесть 36-фунтовых пушек № 3.

«Баян» с 1858 г. имел шестнадцать 12-фунтовых длинных пушек. После тимберовки в 1873 г.: четыре 6-дюймовые пушки обр. 1867 г. и четыре 9-фунтовые обр. 1867 г.

«Калевала» на 1862 г. имел одну 60-фунтовую пушку № 1 и десять 36-фунтовых пушек № 2. В 1866 г. сняли две 36-фунтовые пушки.

«Богатырь» с 1861 г. имел одну 60-фунтовую пушку № 1 и шестнадцать 60-фунтовых пушек № 2, после тимберовки в 1870 г.: восемь 6-дюймовых обр. 1867 г. и четыре 4-фунтовые обр. 1867 г. пушки.

«Витязь» (с 27 июня 1882 г. «Скобелев») первоначально имел одну 60-фунтовую пушку № 1 и шестнадцать 60-фунтовых пушек № 2; с 1871 г. — пять 6-фунтовых обр. 1867 г. пушек.

«Варяг» первоначально имел одну 60-фунтовую пушку № 1 и шестнадцать 60-фунтовых пушек № 2; с 1870 г. пять 6-дюймовых пушек обр. 1867 г. и четыре 4-фунтовые пушки обр. 1867 г.

«Аскольд» первоначально имел одну 60-фунтовую пушку № 1 и шестнадцать 60-фунтовых пушек № 2; после тимберовки в 1872 г.: восемь 6-дюймовых пушек обр. 1867 г. и четыре 9-фунтовые пушки обр. 1867 г.

В 1856 г. в Архангельске построили шесть винтовых 6-пушечных клиперов: «Разбойник», «Стрелок», «Джигит», «Опричник», «Пластун» и «Наездник». Их вооружение составляли одна 60-фунтовая пушка № 1 и две 24-фунтовые пушко-карронады.

Клипер «Гайдамак» был построен в Англии в 1860 г., а клипер «Абрек» тогда же в Финляндии. Оба клипера имели одинаковое вооружение: первоначально три 60-фунтовые пушки № 1 и четыре 4-фунтовые нарезные пушки.^[9] С 1871 г.: три 6-дюймовые пушки обр. 1867 г. и четыре 4-фунтовые пушки обр. 1867 г.

Клипер «Всадник», построенный в 1860 г. в Финляндии,

первоначально имел три 60-фунтовые пушки № 1 и два 1/2-пудовых единорога. С 1868 г.: четыре 6,03-дюймовые пушки обр. 1867 г.

Клипера «Алмаз» и «Жемчуг», построенные в 1861 г. в Петербурге, первоначально имели три 60-фунтовые пушки № 1 и четыре 8-фунтовые нарезные пушки; с 1871 г.: три 6-дюймовые пушки обр. 1867 г. и две 8-фунтовые нарезные пушки (кроме того, на «Жемчуге» с 1871 г. было две 9-фунтовые пушки обр. 1867 г.)

Клипер «Изумруд», построенный в 1862 г. в Петербурге, первоначально имел три 60-фунтовые пушки № 1 и четыре 8-фунтовые нарезные пушки. С 1871 г.: три 6-дюймовые пушки обр. 1867 г., две 9-фунтовые пушки обр. 1867 г. и две 4-фунтовые пушки обр. 1867 г.

Клипер «Яхонт», построенный в 1862 г. в Петербурге, первоначально имел три 60-фунтовые пушки № 1 и четыре 8-фунтовые нарезные пушки. С 1871 г.: две 6-дюймовые пушки обр. 1867 г., одну 60-фунтовую пушку № 1 и одну 4-фунтовую нарезную пушку.

Таким образом, в России была создана эскадра крейсерских судов, способная доставить большие неприятности «просвещенным мореплавателям» во всех уголках Мирового океана. В мирное же время крейсерские суда должны были поддерживать своим присутствием интересы Российской империи. Прежде всего это относилось к Средиземному морю и к Дальнему Востоку.

Сразу же после окончания Крымской войны, 8 октября 1856 г., из Кронштадта в Средиземное море вышла эскадра контр-адмирала Е. А. Беренса. В ее составе были винтовой линейный корабль «Выборг» и фрегат «Полкан», а также парусники: фрегат «Кастор» и бриг «Филоктет». При этом часть пути парусные суда шли на буксире у паровых. В декабре 1856 г. эскадра пришла на Средиземное море.

Фрегат «Полкан» был отправлен в Грецию в распоряжение русского посла, а бриг «Филоктет» для аналогичной функции — в Константинополь. «Выборг» и «Кастор» несколько недель простояли в Ницце, а затем в Генуе в связи с нахождением там вдовствующей императрицы Александры Федоровны.

Вскоре в Ниццу прибыл и пароходофрегат «Олаф». Из Ниццы в Геную он перевез великого князя Михаила Николаевича.

«Выборг», «Кастор» и «Олаф» вернулись в Кронштадт летом 1857 г., «Филоктет» — в августе 1858 г., а «Полкан» — в июле 1859 г.

В 1857 г. был осуществлен перевод шести корветов, разрешенных Парижским договором, с Балтики, где они были построены, на Черное море. Первый отряд из корветов «Рысь», «Зубр» и «Удав» вышел из

Кронштадта 13 июня 1857 г. и в сентябре того же года прибыл в Николаев. Второй отряд в составе корветов «Вепрь», «Волк» и «Буйвола» отбыл из Кронштадта в начале сентября 1857 г. и в конце апреля 1858 г. прибыл в Николаев.

В 1857 г. вернулись с Тихого океана отправленные на Дальний Восток в 1850–1853 гг. парусники: фрегат «Аврора», корвет «Оливуца» и транспорт «Двина». Взамен на Дальний Восток в 1857 г. был отдельно отправлен винтовой фрегат «Аскольд» под командованием флигель-адъютанта Унковского, а также эскадра капитана 1 ранга Кузнецова в составе корветов «Воевода», «Новик» и «Боярин» и клиперов «Джигит», «Пластун» и «Стрелок». Все семь кораблей, отправленных на Тихий океан, были винтовыми. На Тихом океане эскадру Кузнецова обеспечивало судно снабжения «Николай I», принадлежавшее Российско-Американской компании.

В следующем 1858 г. на Тихий океан была отправлена эскадра под командованием флигель-адъютанта А. А. Попова.^[10] В ее составе были корветы «Рында» и «Гридень» и клипер «Опричник».

В конце августа 1859 г. на Тихий океан отправят из Кронштадта новое подкрепление: корвет «Посадник» и клипера «Наездник» и «Разбойник». Причем, чтобы быстрее дойти до места, им было приказано идти раздельно, что впрочем, видимо, было формальной причиной, а на самом деле это затрудняло слежение за ними британских кораблей.

Еще не успели уйти из Средиземного моря корабли эскадры Беренса, как туда в 1858 г. отправилась эскадра контр-адмирала Истомина в составе линейного корабля «Ретвизан», фрегата «Громобой», пароходофрегата «Рюрик», корветов «Баян» и «Медведь».

Из этих кораблей «Баян» был оставлен стационарным в Афинах, а «Медведь» — в Константинополе.

Пароходофрегат «Камчатка» в 1858 г. совершил поход из Кронштадта в Бордо, куда доставил экипажи для фрегата «Светлана» и яхты «Штандарт». В конце 1858 г. «Светлана» отправилась в Россию, но из-за повреждений в шторм была вынуждена зимовать в Копенгагене.

К сожалению, много средств тратилось на путешествия высочайших особ, которым не хватало яхт и пассажирских пароходов, и они из тщеславия предпочитали боевые корабли. Так, в том же 1858 г. пароходофрегат «Гремящий» был послан из Кронштадта в Архангельск только затем, чтобы перевезти Александра II из Архангельска в Соловецкий монастырь. В том же году пароходофрегаты «Олаф», «Гремящий» и «Рюрик» неоднократно гонялись в Данию и Пруссию с

менее значительными, но все же «августейшими особами».

В 1859–1860 гг. Италия была пороховой бочкой Европы. В 1859 г. Франция и Пьемонт воевали с Италией, в 1860 г. рушится как карточный домик Неаполитанское королевство. Соответственно, поблизости постоянно находится русская эскадра. К началу декабря 1858 г. в Генуе собрались линейный корабль «Ретвизан», фрегаты «Полкан» и «Громобой», пароходофрегат «Рюрик» и корвет «Баян». Командовал эскадрой сам генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич.

Летом 1859 г. корабли этой эскадры ушли в Россию, а взамен на Средиземное море прибыла новая эскадра под командованием контр-адмирала Нордмана. В составе его эскадры были линейный корабль «Гангут», фрегаты «Илья Муромец» и «Светлана» и корвет «Медведь». Кроме того, в Геную прибыл пароходофрегат «Олаф», которому было поручено состоять при вдовствующей императрице.

Зимой 1860 г. англичане начали подготовку к высадке десанта в заливе Посьет^[11] с последующей оккупацией этого района. Об этом стало известно капитану 1 ранга И. Ф. Лихачеву, прибывшему в японский порт Хакодате на французском пароходе. Лихачев принимает решение в инициативном порядке занять залив Посьет, формально принадлежавший Китаю. Но фактически это была ничейная территория, и в радиусе нескольких сотен верст там не было ни китайских солдат, ни чиновников.

В связи с этим фрегат «Светлана» срочно покидает Средиземное море и направляется в Тихий океан. В Пекине шли переговоры русских представителей с китайскими чиновниками, на которых должна была решиться судьба Приморья.

К 13 апреля 1860 г. в Печилийском^[12] заливе близ китайского порта Таку (в 150 верстах от Пекина) собралась русская эскадра в составе фрегата «Светлана», корвета «Посадник», клиперов «Джигит», «Разбойник» и «Наездник».^[13] В подкрепление эскадре Лихачева на Дальний Восток были отправлены из Европы корвет «Калевала», клипера «Абрек» и «Гайдамак», а также канонерская лодка «Морж».

В итоге китайская сторона стала податливее, и 2 октября 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому неразграниченные ранее территории (в том числе Приморье) отошли к России.

А теперь вернемся в Средиземное море, где с 1857 г. непрерывно находились русские корабли. Наши корабли плавали там полгода — год, а затем заменялись новыми. Так, в сентябре 1860 г. вернулся из Средиземного моря в Кронштадт «Илья Муромец», а взамен туда ушел

фрегат «Ослябя». В том же году на Средиземное море были отправлены фрегаты «Генерал-Адмирал», «Громобой» и «Олег».

С 1860 г. до конца июля 1861 г. русская Средиземноморская эскадра вела патрулирование у берегов Сирии. Причиной этого стали нападения мусульманского населения на местных христиан, которые тоже в основном были арабами по происхождению.

Россия на основании статей Парижского договора 1856 г. должна была вместе с другими государствами Европы выступать защитницей христианского населения, проживавшего в странах Ближнего Востока. Как только в Сирии начались кровавые столкновения, Франция направила к ее берегам свою эскадру. Вслед за французскими кораблями туда отправились английские, а затем и русские корабли.

Командовал нашей эскадрой капитан 1 ранга Шестаков, получивший по прибытии в Бейрут звание контр-адмирала. Вести боевые действия русским не пришлось, но факт присутствия эскадры («Fleet in being», как любил говорить Нельсон) успокаивающе подействовал на вождей религиозных фанатиков.

Итак, несмотря на поражение в Крымской войне, русский флот впервые вышел в Мировой океан. В 1856–1862 гг. русские корабли прошли в океане больше миль, чем за всю предшествующую историю нашего флота. Замечу, что постоянное военное присутствие России в Средиземном море, на Тихом океане, в Атлантике и других районах было достигнуто с помощью сравнительно небольшого числа кораблей и небольших материальных затрат.

Однако наряду с появлением передовых идей в нашем флоте по-прежнему процветали глупость и косность. Иначе чем можно объяснить, что целых семь лет несли службу на Балтике двенадцать абсолютно бесполезных парусных линейных кораблей, которые были исключены лишь в 1863 г., не говоря уже о семи линейных кораблях, исключенных в 1860 г. Я молчу о парусных фрегатах, бригах и т. п. Сколько можно было построить новых фрегатов и корветов вместо содержания этой рухляди, использования пароходофрегатов для вояжей титулованных особ и т. п.?

Тем не менее в 1853–1862 гг. Россия впервые получила эффективное оружие для противодействия британской агрессии — крейсерские эскадры.

Глава 5. Кризис 1863 года

После окончания Крымской войны Англия впервые стала угрожать войной России в 1863 г. Поводом для шантажа стало восстание поляков в западных землях империи.

Британская пропаганда нахально врала на весь мир, что в Польше происходит демократическая революция, направленная против тирании русского царя. Причем самое интересное состоит в том, что и русское правительство Александра II, и позже советские историки придерживались той же точки зрения. Чтобы разобраться в сути «давнего спора славян»,^[14] придется совершить краткий экскурс в историю.

К 1690 г. в составе Речи Посполитой (Польской республики) собственно польские земли, населенные этническими поляками, составляли не более трети территории. Большинство же оставшихся территорий заселяли этнические русские.^[15] Так, к примеру, с 1395 по 1401 г., с 1404 по 1505 г. и с 1611 по 1654 г. литовцы и поляки владели Смоленском, а граница проходила близ Можайска и Тулы. Смоленск литовцы и поляки каждый раз присоединяли силой, но большая часть городов западной и южной Руси, включая Киев, в XIV — XV вв. добровольно признала власть великого князя Литовского. Замечу, что царские и советские историки о присоединении этих земель к Литве писали коротко и неясно.

Почему же русские добровольно признали власть литовских князей? Некоторые историки связывают это с тем, что центральные русские княжества находились под «татарским игом» и платили дань, а Литва была всегда независима от Золотой Орды. На мой взгляд, зависимость от Орды была лишь второстепенным фактором. Проблема тут весьма сложная, но в первом приближении можно считать, что литовских князей приняли в западных и южных русских землях так же, как в IX в. призвали на Русь Рюрика, а во второй половине XIII в. призвали в Псков литовского князя Довмонта, которого псковичи позже причислили к лику святых православной церкви. Наконец, в 1382 г. после бегства из Москвы Дмитрия Донского, заметим, с семейством, боярами и митрополитом, москвичи призвали литовского князя Остзея, который мужественно защищал город от полчищ Тохтамыша.

Литовские князья в XIII — XV вв. были православными, в ряде случаев в молодости они были язычниками, но затем приняли православие

и православные русские имена. Соответственно, на православную веру никто не покушался. Власть литовских князей на русских землях была номинальной. Реально на местах политическая и экономическая власть находилась в руках боковых ветвей князей Рюриковичей, а также русских бояр и дворян.

Такая ситуация кардинально изменилась в конце XVI — начале XVII в. Русское и литовское дворянство было обращено в католичество и ополячено, а частично вытеснено из русских земель. К примеру, те же Вишневецкие из ревнителей православия за 20–30 лет были превращены усилиями ксендзов и иезуитов в фанатиков-католиков — душителей православия. В западной и южной Руси образовалось два класса — помещики-католики и бесправные православные крестьяне.

Читатель, наверное, уже обратил внимание, что Польшу я назвал Речью Посполитой (республикой). Какая же это республика, если в Польше был король? Так дело в том, что король-то в Польше был выборным и выбирали его шляхи на сейме. Королевская власть была минимальной. В конституции было записано, что польские паны могут... воевать с королем! Кстати, это происходило довольно часто в XVI — XVIII вв. Польские магнаты имели частные армии, зачастую превышавшие по численности королевскую. Король мог находиться в мире с иностранным государством, но частные армии магнатов могли вести с ним войну.

В 1582 г. был заключен русско-польский Запольский мирный договор. [16] Тем не менее Адам Вишневецкий вел частную войну с войском Бориса Годунова за несколько спорных городов. Борис не хотел большой войны и, выгнав «полевых командиров» Вишневецкого, велел стереть с лица земли эти города.

В 1604 г. частная армия Мнишеков и других польских магнатов вторглась на русскую территорию под знаменами Лжедмитрия I. Через три года десятки тысяч поляков из частных армий Сапеги, Рожинского, Лисовского и других вторглись в Россию для поддержки Лжедмитрия II (Тушинского вора). Причем король Сигизмунд III официально считал себя в мире с Москвией. А когда в 1610 г. и Сигизмунд решил пограбить Россию, то некоторые частные армии присоединились к нему, а другие продолжали грабить в индивидуальном порядке. К примеру, тот же Лисовский был объявлен бандитом и приговорен королевским судом за преступления, совершенные в Польше, к смертной казни.

Так было и далее. К примеру, в ходе Северной войны шведская армия Карла XII вторглась в Россию через Польшу. Причем одна часть магнатов поддерживала Карла, а другая — его противников. Соотношение это

менялось в зависимости от успехов шведов. Во всяком случае, все коммуникации Карла шли через Речь Посполитую. Да и вообще он почти ничего не получал из Швеции, его армию кормила Польша.

Надо ли говорить, что столь нестабильное государственное образование, как Речь Посполитая, представляло опасность для ее соседей — Австрии, Пруссии и России. В ходе разделов в 1772, 1793 и 1795 гг. земли Речи Посполитой разошлись по ее соседям, а сама Речь Посполитая в конце концов прекратила свое существование. Стоит заметить, что инициаторами раздела Польши были Пруссия и Австрия, а Екатерина II первоначально противилась этому, но была вынуждена уступить. При этом Россия не получила ни одной области с коренным польским населением. Мало того, часть земель, населенная русскими (украинцами, русскими и др.), отошла к Австрии. Северная часть территории бывшей Речи Посполитой (вместе с Варшавой), населенная поляками, отошла к Пруссии, а южная — к Австрии.

В 1807 г. Наполеон образовал из отобранных у Пруссии польских земель Великое герцогство Варшавское и создал польскую армию. К началу 1812 г. у Наполеона было под ружьем 85 тыс. поляков. А всего в русской кампании 1812 г. на стороне Наполеона сражалось свыше 120 тыс. поляков. Вообще говоря, в Великой армии Наполеона в России этнических французов было не более 30 %, остальное составляли поляки, немцы, итальянцы и др. Замечу, что Москву грабили в первую очередь поляки^[17] и немцы, а старая гвардия Наполеона в грабежах практически не участвовала.

После отречения Наполеона на Венском конгрессе британский представитель лорд Кастльри в ноте от 31 декабря 1814 г. (12 января 1815 г.) предложил новый план раздела территории Польши на три части. Предложение это было принято Александром I при условии, что он не хочет в случае своего отказа от английского варианта привести к краху Венский конгресс.

18 (30) января 1815 г. Александр I подписал план лорда Кастльри. Пруссия присоединилась к этому согласию 9 (21) февраля 1815 г., а Австрия — 9 (21) марта 1815 г. После этого все три бывшие соседки Польши заключили между собой трехсторонний договор, который вошел в Общий акт Венского конгресса, санкционированный всеми его участниками.

Так, впервые в истории земли с коренным польским населением (часть бывшего Великого герцогства Варшавского) вошли в состав Российской империи под названием Царство Польское.

Александр I постарался как можно мягче обойтись с поляками. Уже 14 (26) апреля 1814 г. он разрешил вернуться в родные места всем полякам, служившим в армии Наполеона. Причем речь шла не только об уроженцах Великого герцогства Варшавского, но и о поляках — русских подданных с 1772–1795 гг., которых можно было считать изменниками. Вот, к примеру, Фаддей Бенедиктович Булгарин сначала служил в русской армии, потом подался к французам и грабил Москву, а затем отправился в Петербург, где стал писателем, издателем журнала и секретным сотрудником Третьего отделения.

По приказу царя к 1 ноября 1814 г. была полностью сформирована польская 30-тысячная армия, в основном состоявшая из поляков, служивших в наполеоновских войсках. Официальным языком армии был польский, было разрешено ношение орденов, полученных при Наполеоне.

В ноябре 1815 г. Александр I подписал конституцию Царства Польского. Высшую законодательную власть осуществляли сейм, собиравшийся раз в два года, и Государственный совет, действовавший постоянно. Провозглашалась свобода печати и личности. Все акты должны были совершаться на польском языке. Королем провозглашался император, представленный в Варшаве наместником либо из лиц царской фамилии, либо из поляков. Вся власть, согласно этой конституции, сосредоточивалась в руках все той же шляхты, а нищая крестьянская масса так и оставалась бесправной.

Тем не менее в 1830–1831 гг. в Польше произошло восстание. Польская армия почти полностью присоединилась к восставшим. Русские войска подавили восстание. В ноябре 1831 г. император Николай I учредил Временное правительство Польши во главе с Паскевичем. Николай уничтожил польскую конституцию. В феврале 1832 г. был опубликован Органический статут, согласно которому Царство Польское объявлялось неотъемлемой частью Российской империи, а польская корона — наследственной в русском императорском доме (отдельной коронации императора теперь не требовалось). Управление Польшей возлагалось на Административный совет с наместником императора во главе. Сейм был упразднен. Польскую конституционную хартию Николай I приказал хранить в Оружейной палате как историческую реликвию.

И вот в январе 1863 г. в Польше вновь вспыхнуло восстание. Царское правительство по старинке стало пугать европейские правительства призраком революции, очагом которой на сей раз стала Польша. Увы, это было далеко от действительности. Восстание было поднято исключительно шляхтой и католическим духовенством, к которым присоединилось

некоторое число деклассированных элементов.

Напомню, что 1863 г. — это разгар реформ в Российской империи, проводимых императором Александром II: освобождение крестьян (в самый разгар восстания царь подписал закон о запрещении телесных наказаний), идет подготовка к созданию земств, судебной реформы и др. Другой вопрос, что довольно узкий круг русских революционеров из дворян и разночинцев требовал более кардинальных реформ — ликвидации помещичьего землевладения и т. п. Советские историки в своих трудах даже пытались объединить польских повстанцев и русских революционеров, мол, они вместе боролись с «проклятым царизмом». Увы, цели у них были совсем разные.

В Польше был самый большой в Европе процент дворян. К 60-м гг. XIX в. польское шляхетство непомерно, фантастически разрослось. Из шести миллионов поляков, живших в пределах Российской империи, потомственных дворян было около пятисот тысяч человек. Для сравнения: на пятьдесят миллионов остального населения европейской части империи приходилось всего лишь чуть больше двухсот пятидесяти тысяч потомственных дворян.

Откуда же взялась такая прорва благородных панов? Начнем с того, что многие были потомками шляхтичей из частных армий, собственность которых состояла из сабли и кафтана и которые кормились за счет подачек магнатов. Кроме того, в Польше было сравнительно легко пролезть в дворяне всякому сброду. Так, профессор Московского археологического института Л. М. Савельев писал: «С течением времени все эти самозванные Базилевские, Силевичи, Тарасевичи успевали уверить других, а может быть и себя, в своем польско-шляхетском происхождении. Оставалось его утвердить документально. С деньгами это было делом уже не таким трудным. Можно было добиться частною сделкой того, чтобы какой-нибудь — конечно, незначительный — шляхетский род согласился принять в свой герб; можно было склонить того или другого польского магната похлопотать перед сеймом о внесении в сеймовую конституцию и выдаче диплома на шляхетство под предлогом якобы утраты документов во время смут; но можно было также и обойти все эти формальности. На этот случай были под рукой евреи, которые охотно брались за фабрикацию необходимых документов» (47. С. 162).

Замечу, что в первой половине XIX в. в западных областях России было обнаружено несколько еврейских контор, наладивших массовое производство документов, подтверждавших дворянское происхождение, причем качество этих документов было превосходным.

Естественно, что этим «благородным панам» позарез нужны были война и смута. Повстанцы отбирали у польского населения под «квитанцию» лошадей, подводы, одежду и продовольствие. Деньги приобретались сбором податей за два года вперед, вымогательством у состоятельных лиц, грабежом касс и другими подобными способами. Сначала повстанцы набрали 400 тыс. злотых (1 злот = 15 коп.), потом в июне 1863 г. в Варшаве из главной кассы Царства было похищено три миллиона рублей и в других местах еще около миллиона.

Повстанцы не ставили своей целью провести какие-либо демократические или экономические реформы. Главным их лозунгом была полная независимость Польши в границах 1772 г. «от можа до можа», т. е. от Балтийского до Черного моря, с включением в ее состав территорий, населенных русскими или немцами. Диссиденты, т. е. православные и протестанты, должны были кормить оголодавшую шляхту. Любопытно, что ряд польских магнатов «умеренных взглядов» предлагали русским сановникам компромиссное предложение — Польша останется в составе Российской империи под властью царя, но ее административные границы следует расширить до территориальных границ Речи Посполитой образца 1772 г., т. е. попросту панам нужны хлопы, и бог с ними, с «тиранией» и самодержавием.

Объективно говоря, в ходе восстания 1863 г. в роли революционеров выступили не паны и ксендзы, а Александр II и его сановники. Так, 1 марта 1863 г. Александр II объявил указ Сенату, которым в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и в четырех уездах губернии Витебской прекращались обязательные отношения крестьян к землевладельцам и начинался немедленный выкуп их угодий при содействии правительства. Вскоре это распространилось и на другие уезды Витебской губернии, а также на губернии Могилевскую, Киевскую, Волынскую и Подольскую. Таким образом, царь резко ускорил ход реформ в губерниях, охваченных восстанием.

Подавляющее большинство польских крестьян оставались в стороне от восстания, а многие помогали русским войскам. В отчетах об уничтожении польских отрядов в Люблинской и Гродненской губерниях говорится: «Местное население (малороссы) приняли самое деятельное участие в истреблении шаек».

По официальным русским данным к 1 мая 1864 г. восстание было окончательно подавлено. В ходе боев русские войска потеряли около 4500 человек, из них собственно в Польше 3343 человека (826 убиты, 2169 ранены, 348 пропали без вести). Потери польских повстанцев русские

генералы оценивали в 30 тыс. человек. Сотни поляков были приговорены военно-полевым судом к смерти, тысячи — сосланы в отдаленные губернии Российской империи. Среди последних был и мой прадед дворянин Сильвестр Антонович Домброва, сосланный на Кавказ.

Действия царских властей современные интеллигенты могут считать жестокими. Но Александр II не менее жестоко обращался и с русскими нигилистами. А сравнение его политики с карательными действиями британских властей в ходе подавления восстания сипаев в 1857 г. в Индии делает Александра II чуть ли не либералом.

А мог ли Александр II действовать иначе? Ведь повстанцам не нужны были какие-либо реформы, с ними нельзя было пойти на компромисс, даже предоставить независимость на территориях в пределах Царства Польского. Панам нужно было или все, или ничего! Создание же Польши в границах 1772 г. было бы катастрофой для России.

Стоит заметить, что поляки еще в XVII в. поняли, что драться с москалями один на один — себе дороже. Поэтому при Петре I они надеялись на Карла XII, при Екатерине — на Людовика XV, а потом — на Людовика XVI, а также на турецких султанов и крымских ханов. При Александре I они понадеялись на Наполеона. Увы, история ничему не научила панов, в 1920 г. они надеялись на Францию, в 1939 г. — на Францию, Англию и Лигу наций, а теперь надеются на США и НАТО.

Надо ли говорить, что и в 1863 г. паны делали ставку на военную интервенцию Европы. Увы, они не учли, что европейские державы, как и во времена Екатерины II, интересовались Польшей только тогда, когда этого требовали их национальные интересы.

Первой однозначную позицию в польском вопросе заняла Пруссия. В ее составе исконно польских земель было куда больше, чем в Российской империи, а целью повстанцев было присоединение и этих земель к Великой Польше в границах 1772 г. Отдавать их Пруссия, естественно, не собиралась. Мало того, немцы ни до 1863 г., ни после не собирались давать полякам какую-то автономию, пусть даже культурную. Считалось, что поляки — обычные подданные прусского короля, и принимались все меры к их добровольно-принудительной германизации. Таким образом, поляки в России имели куда больше прав и привилегий, чем в Пруссии.

По поводу польского восстания прусский министр-президент Бисмарк заявил в палате депутатов: «Во всем этом деле речь идет вовсе не о русской политике и не о наших отношениях к России, а единственно об отношениях Пруссии к польскому восстанию и о защите прусских подданных от вреда, который может произойти для них от этого восстания. Что Россия ведет не

прусскую политику, знаю я, знает всякий. Она к тому же и не призвана. Напротив, долг ее — вести русскую политику. Но будет ли независимая Польша в случае, если бы ей удалось утвердиться в Варшаве на месте России, вести прусскую политику? Будет ли она страстной союзницей Пруссии против иностранных держав? Озаботится ли о том, чтобы Познань и Данциг остались в прусских руках? Все это я предоставляю вам взвешивать и соображать самим» (56. Кн. первая. С. 527).

А вот в кулуарной беседе с вице-президентом палаты депутатов Бисмарк выразился более откровенно: «Польский вопрос может быть разрешен только двумя способами: или надо быстро подавить восстание в согласии с Россией и предупредить западные державы совершившимся фактом, или же дать положению развиваться и ухудшиться, ждать, пока русские будут выгнаны из Царства или вынуждены просить помощи, и тогда смело действовать и занять Царство за счет Пруссии. Через три года все там было бы германизировано». На что собеседник возразил: «Но ведь то, что вы говорите, не более, как бальный разговор». «Нисколько, — отвечал Бисмарк, — я говорю серьезно о серьезном деле. Русским Польша в тягость, сам император Александр признавался мне в этом в Петербурге» (56. Кн. первая. С. 527). В Берлине, очевидно, помнили, что с 1795 по 1807 г. Варшава была прусским городом, а Царство Польское — прусской областью, носившей даже название Южной Пруссии.

Немедленно к русской границе было направлено четыре прусских полка, получивших приказ не допускать в прусские пределы вооруженных шаек повстанцев. В воззвании прусских властей к познанскому населению выражалась надежда, что польские подданные воздержатся от участия в восстании, в случае же ослушания их предупреждали, что виновных постигнет кара, положенная за государственную измену. Наконец, генерал-адъютант Вильгельма I Альвенслебен и флигель-адъютант Раух были посланы в Варшаву, а оттуда в Петербург для сбора сведений о ходе восстания и для соглашения с русским правительством об общих мерах к его усмирению.

27 января 1863 г. генерал Альвенслебен подписал в Петербурге с князем Горчаковым конвенцию, что в случае требования военного начальства одной из держав войска другой державы могут перейти границу, а если окажется нужным, то и преследовать повстанцев на территории соседнего государства.

Русско-прусская конвенция стала немедленно приносить плоды. Так, 18 февраля 1863 г. отряд повстанцев Меленцкого и Гарчинского численностью более тысячи человек был прижат русскими войсками к

прусской границе, а там их взяли в плен королевские войска.

С точки зрения международного права борьба с шайками бандитов на своей территории является внутренним делом государства. Соответственно, и конвенция от 18 февраля 1863 г. касалась исключительно России и Пруссии. Тем не менее правительства Англии и Франции попытались использовать конвенцию как предлог для вмешательства в польские дела.

Британский кабинет приказал своему послу в Петербурге лорду Непиру предложить русскому правительству дать амнистию полякам и вернуть Польше гражданские и политические права, данные ей императором Александром I, во исполнение обязательств, якобы принятых им на Венском конгрессе перед Европой.

26 февраля 1863 г. лорд Непир вручил князю Горчакову ноту с требованиями английского кабинета. Прочитав ее, вице-канцлер объявил, что, действуя в духе примирительном, он не даст письменного ответа на замечания британского правительства, а ограничится лишь возражением на словах. Горчаков, согласившись с мнением английского министра о действительно печальном положении дел в Польше, заявил, что это мнение также разделяет император Александр и его правительство, что государь глубоко скорбит о кровопролитии, но что ответственность за это падает не на Россию. Рекрутский набор стал лишь предлогом, а не причиной восстания, уже давно подготовленного эмиграцией в иностранных столицах, не исключая и Лондона. Это было демократическое и антисоциальное движение, стремящееся совершенно к иным целям, чем те, на которые указывает правительство Англии. Цели эти — отделение Польши от России и полная ее национальная независимость в пределах 1772 г. В мятеже участвуют только городское население, сельское духовенство и мелкая шляхта. Крупные же землевладельцы из дворян ищут убежища под защитой пушек варшавской крепости. Крестьяне все на стороне русского правительства.

Переходя к касающимся Польши постановлениям, принятым на Венском конгрессе, Горчаков заметил, что введение упомянутых в них национальных учреждений предоставлено на усмотрение русского правительства. Император Александр I по собственному почину даровал Царству Польскому конституцию, о которой не сообщалось даже иностранным державам. Император Николай I имел полное право отменить ее, когда выяснилось, что она не отвечает потребностям ни Польши, ни России. Александр II проводит в Царстве Польском те же реформы, что и в России. Дарованным им Царству учреждения предоставят полякам полную

административную автономию и выборное представительство. Конечно, они не тождественны ни конституции Александра I, ни таким же учреждениям в Англии, но они соответствуют положению Польши и ее отношениям к России. Ведь правительство Великобритании не станет утверждать, что спасительны и полезны повсюду лишь те учреждения, что привились в Англии.

Я умышленно подробно излагаю ответ Горчакова, чтобы не быть голословным при оценке деятельности вице-канцлера. Горчаков по каждому вопросу говорил достаточно аргументированно. Но взглянем в целом на ситуацию — Англия шлет ноту, содержащую указания, как вести внутреннюю политику Российской империи. Как будто Александр I — вождь племени готтентотов или индийский раджа. А второе лицо в империи (после царя) боится даже дать письменный ответ, я уж не говорю о том, чтобы посла за подобную дерзость в 24 часа заставить покинуть Петербург. Вместо этого вице-канцлер начинает оправдываться перед послом. Представим себе на секунду, если бы русский посол заявился в Форин оффис с аналогичной нотой по поводу событий в Индии и Ирландии? Патологическую трусость перед Англией и франкофилию Горчакова отмечали многие современники. Так, тот же Бисмарк говорил в Рейхстаге: «Я пришел к убеждению, что в русском кабинете действуют два начала: одно — я мог бы назвать его антинемецким, — желавшее приобрести благоволение поляков и французов, главными представителями которого служили: вице-канцлер князь Горчаков, а в Варшаве — маркиз Велепольский; другое — носителями которого был преимущественно сам император и прочие его слуги, основанное на потребности твердо придерживаться во всем дружественных отношений с Пруссией. Можно сказать, что в среде русского кабинета вели борьбу за преобладание дружественно расположенная к Пруссии антипольская политика с политикой польской, дружественно расположенной к Франции» (56. Кн. первая. С. 526–527).

Позиция британского кабинета в польском вопросе нашла поддержку, правда, с некоторыми оговорками, в Париже и Вене. К примеру, Наполеон III не хотел даже слышать об английских ссылках на венские договоры 1815 г., которые узаконили низвержение Наполеона I и провозгласили его династию лишенной всех прав на наследование французского престола.

На особенности позиции Австрии наложило отпечаток ее участие в трех разделах Речи Посполитой. Но, в отличие от Пруссии, австрийский кабинет пытался разыгрывать славянскую карту и был не прочь дать любую автономию жителям Царства Польского, если бы они захотели

сменить русское подданство на австрийское.

С большим трудом три державы пришли к соглашению, сохранив, впрочем, каждая свой взгляд на мотивы обращения к России и условясь лишь в том, чтобы сообщения эти были переданы русскому двору в один и тот же день.

5 апреля 1863 г. представители Англии, Франции и Австрии в Петербурге вручили князю Горчакову ноты, полученные от своих министров иностранных дел.

В английской ноте обосновывалось право вмешательства в польские дела на основе 1-й статьи заключительного акта Венского конгресса, по которой Царство Польское присоединялось к Российской империи на условиях, перечисленных в той же статье, и которые, по мнению британского кабинета, не были исполнены Россией. Граф Руссель утверждал, что даже после восстания 1830–1831 гг. русское правительство не имело права обращаться с Польшей как с завоеванной страной, не нарушая обязательств, занесенных в договор, потому что самой Польшей оно владеет в силу трактата, заключенного с восемью европейскими державами, в том числе и с Англией. Но, независимо от упомянутых обязательств, на России, как на члене европейской семьи, лежит и другая обязанность: не увековечивать в Польше положения, служащего источником опасности не только для России, но и для мира Европы. Польский мятеж будоражит общественное мнение и в других европейских государствах, вызывает тревогу у правительств и грозит серьезными осложнениями, а потому британское правительство «ревностно надеется» (*fervently hopes*), что русское правительство уладит это дело так, чтобы мир на прочном основании был возвращен польскому народу.

Во французской ноте не упоминалось о Венском трактате. Французское правительство свое заступничество за поляков обуславливало исключительно тревогой, которую волнения в Польше вызывают в соседних странах, и воздействием их на спокойствие в Европе. Волнения эти должны быть прекращены в интересах европейских держав. Французское правительство надеется, что русский двор признает необходимость «поставить Польшу в условия прочного мира».

В ноте австрийского министра иностранных дел указывалось на возбуждение умов в Галиции как на последствие продолжительного вооруженного восстания в соседней Польше, и выражалась надежда, что русское правительство, осознав опасность этих столь часто повторяющихся потрясений, «не замедлит положить им конец умиротворением края».

На этот раз вице-канцлер не стал уклоняться от письменного ответа на

предъявленные ноты. В депеше к русскому послу в Лондоне он вступил в пространные рассуждения об обязательствах, наложенных на Россию по отношению к Царству Польскому статьями Венского договора 1815 г., и доказал, что постановления их не нарушены русским правительством, повторив все доводы первого своего устного возражения британскому послу. Переходя к заключению английской ноты, Горчаков снова заявил, что живейшее желание государя — начать практическое разрешение польского вопроса. Но решением этим станет вовсе не введение в Польше конституции, подобной той, что действует в Англии. Прежде чем достичь политической зрелости Великобритании, другим странам необходимо пройти несколько ступеней развития, и обязанность монарха — соразмерить даруемые им учреждения с истинными потребностями своих подданных. Александр II с самого своего восшествия на престол начал проводить в стране преобразования и реформы и за короткое время совершил общественный переворот, для которого в других странах Европы потребовалось много времени и усилий. Система постепенного развития приложена им ко всем отраслям управления и к существующим учреждениям. Император не уклонился от этого пути, шествуя которым он приобрел любовь и преданность своих подданных и право на сочувствие Европы. Те же намерения одушевляют его и относительно поляков. В Европе не поняли и не оценили по достоинству дарованных Царству Польскому учреждений, заключающих в себе задатки, развить которые зависело от времени и опыта. Они приведут к полной административной автономии Польши на основе областных и муниципальных учреждений, которые были исходной точкой величия и благосостояния самой Англии. Но в этом деле император встретился с препятствием, возбужденным «партией беспорядка». Она помешала введению новых учреждений. Несмотря на это, в манифесте об амнистии Александр II заявил, что не возьмет обратно дарованных Царству Польскому прав и преимуществ и желает дать им дальнейшего развития.

«Итак, — рассуждал Горчаков, — его величество может сослаться на прошлое, в прямодушии своей совести; что же касается до будущего, то оно, естественно, зависит от доверия, с коим отнесутся к его намерениям. Не покидая этой почвы, наш августейший государь уверен, что поступает как лучший друг Польши и один только стремится к ее благу практическим путем» (56. Кн. первая. С, 542).

Вице-канцлер не оставил без возражения напоминания графа Русселя об обязанностях России относительно прочих европейских государств. Обязанности эти Россия никогда не теряла из виду, но ей не всегда отвечали взаимностью. В доказательство Горчаков сослался на то, что заговор, приведший к восстанию в Польше, составилась без нее. С одной стороны, возбуждение извне влияло на восстание, с другой — восстание влияло на общественное мнение в Европе. Русский император искренне желал восстановления спокойствия в Царстве Польском. Он допускает, что державы, подписавшие акт Венского конгресса, остаются небезучастными к событиям, происходящим в этой стране, и что дружественные объяснения с ними могут привести к результату, отвечающему общим интересам. Император принимает к сведению доверие, выраженное ему британским правительством, которое полагается на него в деле умиротворения Царства Польского. Но на нем лежит долг обратить внимание лондонского двора на пагубное действие возбуждений Европы на поляков. Возбуждения эти исходят от партий всесветной революции, всюду стремящейся к ниспровержению порядка и ныне идущей к той же цели не только в одной Польше, но и в целом в Европе.

Если европейские державы действительно желают восстановить спокойствие в Польше, то для достижения этой цели они должны принять меры против нравственного и материального брожения, распространенного в Европе, так, чтобы прикрыть этот постоянный источник смут.

В ответ на французскую ноту Горчаков ограничился повторением заключения своей депеши к русскому послу в Лондоне и предложил императору Наполеону III оказать России нравственное содействие в исполнении задачи, возлагаемой на русского государя попечением о благе его польских подданных и сознанием долга перед Россией и великими державами.

В том же духе был составлен ответ и венскому двору, с прибавлением, что от Австрии зависит помочь России умиротворить Царство Польское принятием строгих мер против мятежников в пограничных с ней областях.

Между тем лондонский и парижский кабинеты, не довольствуясь собственными представлениями в пользу мятежных поляков, обратились ко всем европейским державам с приглашением принять участие в давлении на Россию с целью вынудить ее пойти на уступки. Французский министр иностранных дел писал по этому поводу: «Дипломатическое вмешательство всех кабинетов оправдывается само собой в деле общеевропейского интереса, и они не могут сомневаться в спасительном во всех отношениях влиянии единодушной манифестации Европы».

Однако не все державы откликнулись на этот призыв. Бельгия и Швейцария, ссылаясь на свою нейтральность, уклонились от участия в манифестации. Глава берлинского кабинета прямо заявил английскому посланнику, что согласие на его предложение поставило бы его в противоречие с самим собой. Нельзя же ему, в самом деле, после того, как он в течение двух лет настаивал перед русским двором на необходимости не отступать перед строгими мерами для подавления мятежа, вдруг обратиться к нему же с советом даровать полякам автономию. Следуя примеру Пруссии, воздержались от всякого вмешательства и другие германские дворы.

Зато с ходатайствами за Польшу выступили Испания, Швеция, Италия, Нидерланды, Дания, Португалия и даже Турция.

Папа Пий IX, с самого начала восстания в Польше проявлявший сочувствие к полякам, обратился с личным письмом к Александру II, где жаловался на притеснения Римско-католической церкви в Царстве Польском и требовал для себя права непосредственно сноситься, вне всякого правительственного контроля, с местными епископами, а для духовенства — восстановления участия в народном образовании.

В своем ответе Александр II противопоставил упрекам Папы в притеснении духовных лиц участие их в мятеже, в вызванных им беспорядках и даже в совершенных преступлениях. «Этот союз, — писал император, — пастырей церкви с виновниками беспорядков, угрожающих обществу — одно из возмутительнейших явлений нашего времени. Ваше святейшество должны не менее меня желать его прекращения. — И закончил письмо такими словами: — Я уверен, что прямое соглашение моего правительства с правительством вашего святейшества, на основании заключенного между нами конкордата, вызовет желаемый мной свет, при котором рассеются недоразумения, порожденные ошибочными или злонамеренными донесениями, и преуспеет дело политического порядка и религиозных интересов, нераздельных в такое время, когда и тому, и другим приходится обороняться от нападений революции. Все действия моего царствования и заботливость моя о духовных нуждах моих подданных всех исповеданий служат залогом чувств, одушевляющих меня в этом отношении» (56. Кн. первая. С. 536).

Приглашения присоединиться к дипломатическому походу на Россию получило и правительство Соединенных Штатов Северной Америки. Но, помня отказ русского правительства принять участие в подобной же демонстрации против Северных Штатов во время Гражданской войны, вашингтонский кабинет решительно отклонил англо-французское

предложение, ссылаясь на непреложное правило правительства Соединенных Штатов: ни под каким видом не вмешиваться в политические пререкания государств Старого Света.

Лондонский, парижский и венский дворы, получив русский ответ на свои ноты, начали разрабатывать общую программу дальнейшего вмешательства в польский вопрос. Французский министр иностранных дел наставлял своего посла в Лондоне: «Настала минута точно определить предложения, о которых предстоит условиться трем дворцам». Французское правительство требовало, чтобы новое обращение к русскому правительству произошло в форме торжественных нот и чтобы в нем было выражено требование о передаче польского вопроса на обсуждение всех европейских держав. Но парижский кабинет был вынужден уступить Англии, настаивавшей на одновременном предъявлении трех сообщений, а также на передаче дела в суд лишь восьми держав, подписавших заключительный акт Венского конгресса.

Прочтение и вручение трех нот послами союзных держав вице-канцлеру Горчакову состоялись в один день, в конце июня 1863 г. Горчаков выслушал их и сказал лишь, что содержание нот доведет до сведения государя и испросит высочайшего повеления.

Все три депеши были различны по форме, но во всех делался общий вывод. Они предлагали России принять за основание переговоров по польскому вопросу следующие шесть пунктов: 1) полная и всеобщая амнистия; 2) народное представительство с правами, подобными тем, что утверждены хартией 15 ноября 1815 г.; 3) назначение поляков на общественные должности с тем, чтобы образовалась администрация непосредственная, национальная и внушающая доверие стране; 4) полная и совершенная свобода совести и отмена стеснений, наложенных на католическое вероисповедание; 5) исключительное употребление польского языка как языка официального в администрации, в суде и в народном образовании; 6) установление правильной и законной системы рекрутского набора.

Все шесть статей были изложены в трех нотах одинаково, но все же в них проявлялись существенные оттенки. Англия и Франция настаивали на созыве конференции из восьми держав, т. е. привлечения, кроме трех дворов, также России, Пруссии, Швеции, Италии и Португалии как держав — участниц Венского конгресса. Австрия только объявляла, что не встретит препятствий к созыву такой конференции, если Россия признает ее своевременность. Далее Австрия прямо требовала перемирия с мятежниками. Франция довольствовалась временным замирием,

основанным на соблюдении военного status quo, а Австрия ограничивалась пожеланием: «чтобы мудрости русского правительства удалось прекратить сожаления достойное кровопролитие» (56. Кн. первая. С. 538).

Точное определение требований трех держав вызвало русское правительство на такой же точный и определенный ответ. Принятие предложений Англии, Франции и Австрии для России было равносильно признанию за ними права вмешательства в свои внутренние дела, отвержение же могло привести к разрыву отношений и даже к войне, как предупреждали о том русские дипломаты (питомцы школы Горчакова и Нессельроде) в своих донесениях.

Князь Горчаков направил отдельные ноты каждому из трех правительств. Но во всех нотах по указанию Александра II содержался категорический отказ от притязаний трех держав выступить посредниками между Россией и мятежными поляками — подданными русского царя.

В ноте британскому правительству говорилось: «Перед своею верною армиею, борущеюся для восстановления порядка, перед мирным большинством поляков, страдающих от этих прискорбных смут, перед Россией, на которую они налагают тяжелые пожертвования, государь император обязан принять энергичные меры, чтобы смуты эти прекратились. Как ни желательно немедленно остановить кровопролитие, но цель эта может быть достигнута в том только случае, если мятежники положат оружие, доверяясь милосердию государя. Всякая другая сделка была бы несовместна с достоинством нашего августейшего монарха и с чувствами русского народа» (56. Кн. первая. С. 542).

Нота к французскому правительству заключала прямой упрек Франции в потворстве и содействии мятежным полякам. В ней говорилось: «Один из главнейших центров агитации находится в Париже. Польские выходцы, пользуясь своим общественным положением, организовали там обширный заговор, поставивший себе задачей, с одной стороны, вводить в заблуждение общественное мнение Франции системой беспримерных поношений и клеветы, а с другой — питать беспорядок в Царстве Польском то материальными пособиями, то террором тайного комитета, то, главным образом, распространяя убеждение о деятельном вмешательстве в пользу самых бессмысленных стремлений восстания» (56. Кн. первая. С. 543–544).

Русские ноты были высочайше утверждены, подписаны и 1 июля 1863 г. отправлены русским послам в Лондоне, Париже и Вене. Несколько дней спустя князь Горчаков пригласил к себе в Царское Село послов Англии и Франции и австрийского поверенного в делах и сам прочитал им свои ответы на ноты их правительств. Твердый ответ вице-канцлера привел

в сильное смущение иностранных дипломатов, не ожидавших столь искусно мотивированного и решительно высказанного отказа. Послы Англии и Франции были буквально взбешены. Герцог Монтебелло заявил, что французское правительство не только не удовлетворится таким ответом, но и сочтет его за оскорбление, которое немедленно приведет к разрыву. А лорд Непир утверждал, что его правительство не примирится с русским ответом.

Ситуация была на грани объявления войны, но до вооруженного конфликта не дошло. 60-фунтовые пушки русских крейсеров оказались более весомым аргументом, нежели ноты Горчакова.

11 апреля 1863 г. царь утвердил предложения Комитета по обороне Черного и Балтийского морей «О приведении Кронштадта в надлежащее оборонительное состояние». В них предусматривалось в первую очередь вооружить морские батареи, открытые ярусы обороны казематированных фортов и сухопутные укрепления «Александр-шанец» и «Николай» 60-фунтовыми пушками, установив их на железные лафеты. Часть казематов в фортах вооружить 3-пудовыми бомбическими и 36-фунтовыми пушками. Срочно изготовить стальные ядра и призматический порох для орудий. «Для усиления прислуги при орудиях обучить действиям при артиллерии офицеров и нижних чинов Кронштадтского крепостного полка» (40. С. 245).

В устье Невы была возобновлена резервная линия обороны, состоявшая из батарей, вооруженных 60-фунтовыми и 3-пудовыми пушками.

В отличие от времен Крымской войны русские адмиралы наряду с оборонительными действиями предприняли и наступательные. Управляющий Морским министерством адмирал Н. К. Краббе предложил Александру II немедленно отправить русские крейсерские суда к берегам Соединенных Штатов.

Там уже несколько лет бушевала Гражданская война между Севером и Югом. Правительства Англии и Франции, стремясь ослабить мощь Соединенных Штатов, стали оказывать моральную и материальную помощь конфедерации. В частности, в Англии для южан было построено несколько крейсеров — «Флорида», «Шенандоах» («Shenandoah») и другие, которые нанесли серьезный ущерб судоходству северян. Так, крейсер «Алабама» был построен в Англии на верфи Лэрд в Биркенхэде, а большую часть его экипажа составляли моряки британского военного флота.

31 августа 1862 г. «Алабама» вышел из Биркенхэда и уже в море получил пушки и боеприпасы с английского транспорта «Агрипина»,

зафрахтованного южанами. За двадцать месяцев рейдерства крейсер «Алабама» захватил 68 североамериканских торговых судов и потопил артиллерией крейсер северян «Гаттерас».

Британская дипломатия оказалась в довольно комичной ситуации. С одной стороны, она поддерживала «борьбу поляков за свободу», а с другой — выступала против Северных Штатов, воевавших за отмену рабства в Америке. С одной стороны, Англия выступала против каперства, а с другой — сама строила корабли для каперов южан.

Поход русских кораблей к берегам Америки решая сразу две задачи — удерживал англичан от вмешательства как в американские, так и в польские дела. Выработанной адмиралом Краббе инструкцией предписывалось в случае открытия военных действий по прибытии наших эскадр в Америку распределить суда обеих эскадр на торговых путях Атлантического, Тихого, а по надобности и других океанов и морей для нанесения материального ущерба неприятельской торговле и, в случае возможности, для нападения на слабые места английских и французских колоний.

Для обеспечения продовольствием и снабжения обеих эскадр, уходивших в Америку в полной боевой готовности, туда был выслан капитан 2 ранга Кроун. Он по соглашению с начальниками обеих эскадр и с русским посланником в Вашингтоне должен был организовать быструю и непрерывную доставку на эскадры всех нужных припасов при помощи зафрахтованных судов на заранее условленных рандеву.

В состав снаряжавшейся в Кронштадте эскадры Атлантического океана, начальником которой был назначен контр-адмирал С. С. Лесовский, вошли фрегаты «Александр Невский», «Пересвет» и «Ослябя», корветы «Варяг» и «Витязь» и клипер «Алмаз».

В состав эскадры Тихого океана входили корветы «Богатырь», «Калевала», «Рында» и «Новик» и клипера «Абрек» и «Гайдамак». Начальником эскадры был назначен контр-адмирал АЛ. Попов.

Поход обеих эскадр происходил в обстановке строжайшей секретности. Корабли эскадры Лесовского шли в Америку порознь, причем фрегат «Ослябя» шел не с Балтики, а из Средиземного моря. Зато все суда почти одновременно, 24 сентября 1863 г., оказались в Нью-Йорке. А 27 сентября эскадра контр-адмирала Попова бросила якорь на рейде Сан-Франциско.

Когда через неделю пассажирский пароход привез в Лондон американские газеты, в Форин оффис заявили, что это обычные газетные утки. Позже наступил шок. Судоходные компании резко подняли стоимость фрахтов, страховые компании начали менять правила страховок. К

сожалению, никто из современников не посчитал убытки, нанесенные экономике Британии. Замечу, что и без этого английская промышленность находилась в кризисе, вызванном войной в Соединенных Штатах и рядом других причин.

Кстати, наши историки, говоря о походе русских эскадр в Америку, забыли, что часть русских крейсеров находилась на британских коммуникациях и в других районах мирового океана. Так, до конца 1863 г. на Средиземном море крейсировали фрегат «Олег» и корвет «Сокол».

Через три недели после прибытия русских эскадр в Америку Александр II в рескрипте на имя генерал-адмирала (от 19 октября) назвал Польшу страной, «находящейся под гнетом крамолы и пагубным влиянием иноземных возмутителей» (6. Т. II. С. 386). Упоминание в обнародованном рескрипте об «иноземных возмутителях», которое до прибытия русских эскадр в Америку могло бы послужить *casus belli*, теперь было встречено державами молчаливо, как заслуженный урок.

С самого прибытия в Америку русские эскадры сделались предметом непрерывных восторженных манифестаций со стороны американских властей и населения. О политическом значении этих манифестаций достаточно ясно говорят заголовки статей американских газет того времени: «Новый союз скреплен. Россия и Соединенные Штаты братствуют», «Восторженная народная демонстрация», «Русский крест сплетает свои складки с звездами и полосами», «Посещение эскадры», «Представление резолюции общинного комитета и речь адмирала Лесовского», «Военный и официальный прием», «Большой парад на Пятой улице» и др.

Истинный смысл всех этих манифестаций состоял в том, что появление русских эскадр, помимо решающего влияния на польские дела, вместе с тем сразу и по тем же самым причинам избавило Северный Союз от угрожавшего ему вмешательства Англии.

Сознание своего бессилия и проигранной сразу на двух материках игры вызвало повсюду в Англии злобное раздражение. Газета «Таймс» 2 октября 1863 г. с плохо скрываемым раздражением писала о нью-йоркских овациях русскому флоту: «Муниципалитет и высшая буржуазия решили осыпать всевозможными почестями русских офицеров. Процесии, обеды, балы, серенады, все средства пущены в ход, чтобы показать, до чего были бы рады американцы, если бы у них завелся друг в Европе, да еще такой, как Россия. Зато французских и английских моряков вовсе не видно на берегу, хотя их до 5000 жмет на тесном пространстве здешней морской стоянки. Журналы объясняют это доверчивым янки следующим образом:

Крымская война до того раздражила русских против французов и англичан, что они не могут встречаться с ними без того, чтобы не приходить в ярость. Но дело гораздо проще: французских и английских офицеров не видно потому, что они, вероятно, не желают играть второстепенную роль на празднествах, где львами являются русские, а матросов не пускают на берег потому, что американцы заманивают их к себе на службу» (6. Т. II. С. 387).

За время пребывания в Америке, с сентября 1863 г. по июнь 1864 г., отдельные корабли Атлантической эскадры, имея своей главной базой Нью-Йорк, посетили Балтимор, Анаполис, Хэмптон, Карибское море, Мексиканский залив, Кубу, Гондурас, Гавану, Ямайку, Кюрасао, Картахену, Бермудские острова и Аспинваль. Суда эскадры Тихого океана, базировавшиеся в Сан-Франциско, ходили в практическое плавание в Гонолулу, в Южное полушарие, Сихту и Ванкувер. Корвет «Новик», осенью 1863 г. севший на мель у Сан-Франциско, был там же на месте и продан американцам.

Во всех городах Северного Союза, где бы ни появлялись русские моряки, несмотря на самый разгар Гражданской войны, немедленно закрывались магазины, вывешивались русские и американские флаги, устраивались военные парады, торжественные банкеты, балы и т. д. Постоянно гремела музыка, произносились речи, все имело праздничный, радостный вид.

Политическое значение американской экспедиции было еще раз подчеркнуто на прощальном банкете, данном в Бостоне в честь русской эскадры. Мэр города произнес речь: «Русская эскадра не привезла к нам с собою ни оружия, ни боевых снарядов для подавления восстания. Мы в них не нуждаемся. Но она принесла с собой более этого: чувство международного братства, свое нравственное содействие» (6. Т. II. С. 387).

Сразу же после прибытия эскадр в Америку антирусская коалиция развалилась. Первой поспешила отойти Австрия, которая, сразу почуяв всю шаткость положения, предвидя близкую размолвку Англии и Франции, побоялась принять на себя совместный удар России и Пруссии. Австрия, круто изменив свою политику, не только пошла на соглашение с Россией, но даже стала содействовать усмирению мятежа в Царстве Польском.

Английским дипломатам с большим трудом удалось задержать на полпути, в Берлине, ноту с угрозами в адрес России, которую должен был вручить Горчакову лорд Непир. Теперь Форин оффис пошел на попятную.

Пытаясь «спасти лицо», император Наполеон III предложил, как последнее средство, созвать конгресс для обсуждения польского вопроса. Но и эта его попытка не была принята ни Англией, ни Австрией. Наполеон,

оставшись в одиночестве, вынужден был и сам отказаться от всякой мысли о вмешательстве.

Исход кризиса 1863 г. без единого выстрела решили наши храбрые моряки, готовые драться с англичанами на всех широтах. Не меньшую роль сыграли и наши солдаты, которые совместно с польскими и малороссийскими крестьянами укротили буйное панство.

Глава 6. Борьба князя Горчакова за пересмотр статей Парижского мира

Сразу после окончания Крымской войны князь Горчаков пообещал царю отменить унизительные для России статьи Парижского договора 1856 г., причем средствами дипломатии. Надо ли говорить, что Александру II импонировало такое развитие событий, и Горчаков становится вначале главой Министерства иностранных дел, затем вице-канцлером. 15 июня 1867 г., в день пятидесятилетия своей дипломатической службы, Александр Михайлович Горчаков был назначен государственным канцлером Российской империи.

Фраза Горчакова — «Россия не сердится, Россия сосредотачивается» — стала хрестоматийной. К месту и не к месту приводит ее каждый автор, пишущий о России 60-х гг. XIX в. Но, увы, никто не объясняет, по какому поводу была сказана эта фраза, вырванная нашими историками из контекста.

На самом деле 21 августа 1856 г. во все русские посольства за рубежом был разослан циркуляр Горчакова, где говорилось: «Россию упрекают в том, что она заключается в одиночестве и хранит молчание ввиду явлений, несогласных ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, Россия дуется. Нет, Россия не дуется, а сосредоточивает себя (*La Russie boude, dit-on. La Russie se recueille*). Что же касается до молчания, в котором нас обвиняют, то мы могли бы напомнить, что еще недавно искусственная коалиция была организована против нас, потому что голос наш возвышался каждый раз, когда мы считали это нужным для поддержания права. Деятельность эта, спасительная для многих правительств, но из которой Россия не извлекла для себя никакой выгоды, послужила лишь поводом к обвинению нас невесть в каких замыслах всемирного господства» (56. Кн. первая. С. 253–254).

Князь Горчаков писал циркуляры по-французски, и я привел здесь дореволюционный перевод, некоторые авторы дают другие переводы.

Дело в том, что после заключения Парижского мира ряд государств начал готовиться к перекройке границ в Европе, определенных Венским конгрессом 1815 г., и государства, которые боялись перекройки границ, стали обращаться к России за помощью.

Более ясно Горчаков сформулировал свою политику в беседе с русским

послом в Париже П. Д. Киселевым. Он заявил, что «ищет человека, который помог бы ему уничтожить параграфы Парижского трактата, касающиеся Черноморского флота и границы Бессарабии, что он его ищет и найдет» (З. С. 50).

Это была очередная ошибка князя. Искать следовало не человека, а ситуацию, при которой Россия могла сама аннулировать статьи Парижского мира. А Горчаков искал доброго дядю, которого можно было бы задобрить и уговорить, чтобы он сам предложил изменить статьи договора.

Таким человеком Горчаков считал французского императора. Наполеон III ни умом, ни полководческим дарованием не пошел в своего дядю, но ему постоянно удавалось надуть Горчакова. Я вовсе не хочу сказать, что Горчаков был глуп, он был достаточно умен, но чрезмерно верил в свои химерические проекты и отметал все аргументы, не согласующиеся с ними.

20 июля 1858 г. в городе Пломбьер Наполеон III и премьер-министр Сардинского королевства граф Кавур заключили тайное соглашение, в силу которого Франция обязалась содействовать отторжению Ломбардии от Австрии и присоединению ее к Сардинии, которая, в свою очередь, обещала вознаградить Францию уступкой ей Ниццы и Савойи.

В середине декабря 1858 г. Наполеон III воспользовался проездом через Париж генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, чтобы в доверительной беседе с ним подробно разработать программу своей политики. Император выставил Австрию заклятым, непримиримым врагом как Франции, так и России. Пока Франция будет вытеснять Австрию из Италии, Россия должна поднять против нее подвластных ей славян, а затем, при заключении мира, получить Галицию независимо от пересмотра в ее пользу Парижского трактата. Тогда, по мнению Наполеона III, всесильной стала бы в Европе коалиция, состоявшая из Франции и России — на окраинах, а Пруссии с германскими государствами — в центре. Англия потеряла бы всякое значение, при условии, конечно, что Франция, Россия и Пруссия действовали бы дружно и стремились бы к одной и той же цели.

Не дремала и английская дипломатия. Пользуясь родственными отношениями королевы к принцу прусскому (старшая дочь королевы была замужем за сыном последнего Фридриха-Вильгельма), сент-джеймский кабинет хлопотал о примирении Пруссии с Австрией и о заключении между ними союза, к которому приступила бы и Англия с целью противодействовать единению России и Франции.

С одной стороны, ждать поддержки Англии в деле отмены Парижского мира было нереально. Но с другой — Наполеон III тоже отделялся туманными фразами по этому поводу, зато предложил России Галицию.

Расчет Наполеона III был прост: даже вступив в переговоры с Францией по поводу этой провинции, Россия сделает Австрию своим вечным врагом.

Горчаков предпочел занять благожелательный нейтралитет по отношению к Франции. В результате в 1859 г. французские войска разгромили при Манженте и Сольферино австрийскую армию. При этом часть австрийских войск сдерживалась русскими корпусами, сосредоточенными на австрийской границе. Но, увы, потом Наполеон III обманул Горчакова и Россию и ни на йоту не согласился изменить условия Парижского договора.

Больше всех от войны 1859 г. получил сардинский король Виктор-Эммануил II. 7 марта 1861 г. он был провозглашен королем Италии. За услуги императору Наполеону III были переданы итальянские города Ницца и Савойя с окрестностями.

3 ноября 1868 г. умер датский король Фредерик VII. На престол с некоторым нарушением права наследования вступил «принц по протоколу» Христиан (Кристиан) Глюксбург.^[18]

Смерть Фредерика VII дала Бисмарку желанный повод возбудить шлезвиг-голштинский вопрос и приняться за осуществление своей политической программы, целями которой были: расширение пределов Пруссии, исключение Австрии из состава Германского Союза и образование из союза немецких государств германского союзного государства, т. е. объединение Германии под наследственной властью прусских королей.

20 января 1864 г. войска Пруссии и Австрии вступили в Шлезвиг, принадлежавший Дании. Оказав небольшое сопротивление, датские войска отступили. Князь Горчаков не только не протестовал против вступления австро-пруссских войск в Шлезвиг, но даже одобрил, а австрийскому посланнику объяснил, что Россия сочувствует Германии и что если Швеция окажет помощь Дании, то Россия двинет войска в Финляндию.

Англия попыталась передать решение конфликта на третейский суд, но ее отказались поддержать Франция и Россия.

По этому случаю поэт, дипломат и большой патриот Федор Иванович Тютчев писал: «Мы... до сих пор с какою-то благодушною глупостью все хлопотали и продолжаем хлопотать о мире, но чем для нас будет этот мир, того мы понять не в состоянии... Наполеонова диктатура... необходимо должна разразиться коалициею против России. Кто этого не понимает, тот уже ничего не понимает... Итак, вместо того, чтобы так глупо напирать на Пруссию, чтобы она пошла на мировую, мы должны от души желать, чтобы у Бисмарка стало довольно духу и решимости не подчиниться

Наполеону... Это для нас гораздо менее опасно, чем сделка Бисмарка с Наполеоном, которая непременно обратится против нас...» (25. С. 429). А 26 июня 1864 г. Тютчев предельно четко сформулировал внешнеполитическую задачу России: «Единственная естественная политика России по отношению к западным державам — это не союз с той или иной из этих держав, а разъединение, разделение их. Ибо они, только когда разъединены между собой, перестают быть нам враждебными — по бессилию... Эта суровая истина, быть может, покоробит чувствительные души, но в конце концов ведь это закон нашего бытия...» (25. С. 427).

Шлезвиг и Голштиния были присоединены к Пруссии. Россия ничего от этой войны не выиграла. А Горчаков по-прежнему писал депеши и циркуляры, дабы найти человека, который отменит статьи Парижского мира. Ему не было дано понять, что с 1854 г. ситуация изменилась, что Европа разобщена, и ни Франции, ни Пруссии, ни Австрии нет дела до тоннажа черноморских корветов и до наличия брони на пассажирских пароходах РОПиТа.

Новая война в Европе началась в июне 1866 г. 3 июля прусские войска разбили австрийцев у деревни Садовая. Мирным договором в Праге было установлено, что Шлезвиг, Голштиния, Люнебург, Ганновер, Кургессен, Нассау и Франкфурт присоединены к Пруссии. Кроме того, Бавария и Гессен-Дармштадт уступали Пруссии часть своих владений. Между всеми немецкими государствами был заключен наступательный и оборонительный союз, впоследствии преобразовавшийся в Германскую империю. Одним из пунктов договора было обязательство южногерманских монархов (Баварского, Баденского и Виртембергского) во время войны отдавать свои войска в распоряжение Пруссии.

В ходе войны и после нее Горчаков развил бешеную дипломатическую активность, досаждая Наполеона III планами отмены Парижского мира в обмен на одобрение Россией тех или иных территориальных переделов. Император по-прежнему водил князя за нос. Многочисленные послания Горчакова представляют интерес лишь для узкого круга историков. Но в одном из писем барону А. Ф. Буддергу князь проболтался. 9 августа 1866 г. Горчаков написал: «Мы протягиваем для него руку, но с условием, что если мы поддержим виды Наполеона, то он поддержит наши. Политика — это сделка, и не я придумал это» (33. С. 63). Далее Горчаков писал, что Наполеон III «желает территориальных компенсаций» за пределами «границ 1814 г.», но его планы могут встретить сопротивление, которое может иметь успех, «если мы будем в нем участвовать». Горчаков предлагал следующую сделку: «Россия может не чинить препятствий

планам Наполеона III, если он пойдет навстречу ее интересам в деле отмены условий Парижского мира». В намерения и интересы России, продолжал Горчаков, «не входит восстановление флота на Черном море в его прежних размерах. Мы не имеем в этом надобности. Это более вопрос чести, чем влияния» (33. С. 64).

Совершенно верно, отмена статей договора для князя в первую очередь была вопросом чести. А вот для жителей Одессы и Севастополя нужны были быстроходные корабли с дальнобойными пушками и мощные береговые батареи. И им было абсолютно наплевать, какой флаг развевается над этими кораблями — Андреевский или нынешний триколор^[19] и что строения с двух-трехметровыми стенами именуются не пушечными казематами, а складами купца 1-й гильдии Пупкина...

Бисмарк систематически издевательски высказывался о политике Горчакова: «Обыкновенно думают, что русская политика чрезвычайно хитра и искусна, полна разных тонкостей, хитросплетений и интриг. Это неправда... Если бы они, в Петербурге, были умнее, то воздержались бы от подобных заявлений, стали бы спокойно строить суда на Черном море и ждать, пока их о том запросят. Тогда они сказали бы, что им ничего не известно, что нужно осведомиться, и затянули бы дело. Оно могло бы продлиться, при русских порядках, и, в конце концов, с ним бы свыклись» (56. Кн. вторая. С. 75).

Война 1866 г. предельно обострила взаимоотношения Франции и Пруссии. Разрешить их дипломатическими способами было невозможно, рано или поздно в ход должен был быть пущен «последний довод королей».^[20]

Париж и Берлин были абсолютно уверены в своей победе и с нетерпением ждали начала войны. Единственной столицей Европы, где боялись франко-прусской войны, был... Санкт-Петербург. Наши генералы и дипломаты переоценивали мощь французской армии. Им мерещилось поражение Пруссии, вступление в войну Австрии на стороне Франции и, наконец, вторжение австрийских и французских войск в Польшу с целью создания независимого польского государства из территорий Пруссии и России. И действительно, польские эмигранты зашевелились в Вене и Париже. Как всегда, кичливые паны были абсолютно уверены в своем успехе и жарко спорили, кто же станет во главе нового государства — граф Альфред Потоцкий или князь Владислав Чарторыйский.

Россия начала готовиться к защите своих западных земель. В начале августа военный министр Д. А. Милютин представил царю записку, в которой были разработаны меры на случай войны с Австрией. Было

решено сосредоточить в Польше армию до 350 тыс. человек, а на Вольни — 117 тыс. человек.

Замечу, что численность армий мирного времени в 1869 г. составляла: в Австро-Венгрии — 190 тыс. человек, в Пруссии — 380 тыс., во Франции — 404 тыс., в Англии — 180 тыс. и в России — 837 тыс. человек.

Накануне войны русская дипломатия металась из стороны в сторону. В значительной степени это объяснялось тем, что царь сочувствовал Пруссии, а канцлер — Франции. За несколько дней до начала войны Горчаков довольно откровенно заявил французскому послу Флери, на какой основе возможно улучшение отношений между обеими державами: «Франция — должница России. Надо, чтобы она дала залог примирения на Востоке» (33. С. 168).

Но еще в июне 1870 г. Александр II еще раз подтвердил Бисмарку обещание: в случае вмешательства Австрии Россия выдвинет к ее границе трехсоттысячную армию и, если понадобится, даже «займет Галицию». В августе 1870 г. Бисмарк сообщил в Петербург, что Россия может рассчитывать на поддержку Пруссии в деле пересмотра Парижского мира: «Мы охотно сделаем для нее все возможное». Бисмарк, конечно же, постарался, чтобы в Вене узнали об обещании России выдвинуть трехсоттысячную армию, если Австрия пожелает вмешаться в войну, еще до ее начала. 16 июля 1870 г. сообщение об этом уже поступило в Вену от австрийского поверенного в делах в Берлине, и именно поэтому 18 июля Общий совет министров в Вене высказался против немедленного участия в войне.

Александр II порекомендовал малым германским государствам в случае войны полностью выполнять свои союзнические обязательства перед Пруссией.

19 июля 1870 г. Наполеон III объявил войну Пруссии. Начало августа застало императора Александра II на маневрах в Царском Селе. 6 августа был день Преображенского полкового праздника. Утром французский посол Флери принес царю депешу о блистательной победе французов при Марс-Латуре. Затем явился прусский посол принц Генрих VII Рейсе со своей депешей, где говорилось о полном разгроме французов там же, под Марс-Латуром. Александр II, выйдя к гвардейцам, провозгласил здравицу в честь непобедимой немецкой армии: «Французы с дороги на Верден отброшены к Мецу!»

Император Наполеон III вместе с армией маршала Мак-Магона был окружен в крепости Седан и 2 сентября капитулировал вместе с армией. Императрица Евгения вместе с сыном Наполеоном Эжен-Луи бежала в

Англию. 4 сентября Франция была провозглашена республикой.

27 октября 1870 г. в Царскосельском дворце Александр II созвал заседание совета министров для обсуждения вопроса о целесообразности отмены ограничительных статей Парижского договора. Против отмены статей, касающихся Черноморского флота, никто не возражал. Но ряд министров во главе с военным министром Д. А. Милютиным поставили вопрос о южной Бессарабии. В конце концов, Александр II согласился с Милютиным.

Таким образом, знаменитый циркуляр А. М. Горчакова от 31 октября 1870 г. был не плодом его гениальных дипломатических способностей, а простым изложением решения совета министров, принятого 27 октября. В циркуляре Горчаков объяснял причины утраты силы ряда статей Парижского договора: призванный сохранять «равновесие Европы» и устранять всякую возможность столкновений между государствами, а также ограждать Россию от опасного вторжения путем нейтрализации Черного моря, договор показал свою недолговечность. Державы, подписавшие Парижский мир и неоднократно нарушавшие его условия, доказали, что он существует чисто теоретически. В то время как Россия, государство черноморское, разоружалась в Черном море и не имела возможности защитить свои границы от вторжения неприятеля, Турция сохраняла право содержать морские силы в Архипелаге и проливах, а Англия и Франция — в Средиземном море. В нарушение договора 1856 г. иностранные державы могли в военное время с согласия Турции проводить свои военные суда через проливы в Черном море, что могло явиться «посягательством против присвоенного этим водам полного нейтралитета» и делало берега России открытыми для нападения.

Горчаков привел и другие примеры нарушения государствами, подписавшими договор 1856 г., его условий. В частности, объединение Дунайских княжеств в единое государство и приглашение иностранного князя в его правители с согласия европейских держав также были отступлением от договора. В этих условиях Россия не могла более считать себя связанной той частью обязательств трактата 1856 г., которая ограничивала ее права в Черном море.

«Государь император, в доверии к чувству справедливости, подписавших трактат 1856 года, и к их сознанию собственного достоинства, повелевает вам объявить: что его императорское величество не может более считать себя связанным обязательствами трактата 18-го/30-го марта 1856 года, насколько они ограничивают его верховные права в Черном море; что его императорское величество считает своим правом и

своей обязанностью заявить его величеству султану о прекращении силы отдельной и дополнительной к помянутому трактату конвенции, определяющей количество и размеры военных судов, которые обе прибрежные державы предоставили себе содержать в Черном море».^[21]

Циркуляр Горчакова вызвал крайне негативную реакцию в Австрии. Итальянский министр иностранных дел маркиз Висконти-Веноста заявил, что, как ни дорожит Италия дружественными отношениями с Россией, не от нее зависит освободить эту державу от обязательств, принятых относительно пяти других держав, и что результат этот может быть лишь следствием добровольного соглашения между всеми дворами, участвовавшими в заключение Парижского трактата. Опереточное французское правительство «народной обороны», заседавшее в городе Тур, предпочло отмолчаться.

Бисмарк по поводу циркуляра и русской дипломатии ядовито заметил: «Если бы она была смысленнее, то совершенно разорвала бы Парижский трактат. Тогда ей были бы благодарны за то, что она снова признала бы некоторые из его условий и удовольствовались бы восстановлением своих державных прав на Черном море» (56. Кн. вторая. С. 75–76).

Громче всех протестовал британский кабинет. Лорд Гренвиль назвал русскую ноту «бомбой, брошенной в тот момент, когда Англия ее менее всего ожидала» (7. С. 180). Однако воевать один на один с Россией Англия не хотела, а главное — не могла. Поэтому нужно было срочно искать союзников. Франция была вдребезги разбита, Австрия еще не оправилась от поражения под Садовой четыре года назад, плюс волнения славянского населения империи. Оставалась Пруссия.

Когда в главной ставке германских войск, расположенной в Версале, узнали, что туда едет английский уполномоченный Одо Руссель с целью потребовать от германского канцлера «категорических объяснений» по поводу русской декларации, король Вильгельм воскликнул: «Категорических? Для нас существует одно «категорическое» объяснение: капитуляция Парижа, и Бисмарк, конечно, скажет ему это!» (56. Кн. вторая. С. 75).

Англичанам пришлось пойти на компромисс, и они согласились с Бисмарком устроить международную конференцию по вопросу пересмотра статей Парижского мира. Поначалу Бисмарк предложил местом проведения конференции сделать Петербург, но из-за сопротивления англичан согласился на Лондон. В тот же день, 14 ноября, немецкий канцлер по телеграфу отправил приглашения великим державам собраться на конференцию в Петербург, Лондон, Вену, Флоренцию и Константинополь.

Все дворы ответили согласием на его предложение.

Конференция уполномоченных держав — участниц Парижского договора 1856 г. открыла свои заседания в Лондоне 5 января 1871 г., а 20 февраля ими была подписана конвенция, вносящая в Парижский трактат следующие изменения.

Отменялись три статьи этого трактата, ограничивавшие число военных судов, которые Россия и Турция имели право содержать в Черном море, а также их право возводить береговые укрепления.

Подтверждался принцип закрытия Дарданелл и Босфора с правом для султана открыть доступ в эти проливы военным судам дружественных и союзных держав каждый раз, когда Порты признает это нужным для поддержания прочих постановлений Парижского трактата.

Черное море объявлялось по-прежнему открытым для свободного плавания торговых судов всех наций.

Существование международной Дунайской комиссии продолжено на двенадцать лет, с 1871 по 1883 г.

В России отмена статей Парижского мира была приписана гениальности князя Горчакова. По сему поводу Александр II пожаловал ему титул «светлости» и написал в рескрипте к нему: «Даруя вам сие высшее отличие, я желаю, чтобы это доказательство моей признательности напоминало вашему потомству о том непосредственном участии, которое, с самого вашего поступления в управление министерством иностранных дел, принимаемо было вами в исполнение моих мыслей и предначертаний, клонящихся непрестанно к обеспечению самостоятельности и упрочению славы России» (56. Кн. вторая. С. 77).

Федор Иванович Тютчев, часто критиковавший Горчакова, на торжественном банкете в МИДе прочел:

Князь, вы сдержали ваше слово!
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.
И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Увы, все эти славословия не могли защитить берегов Черного моря. К

январю 1871 г. в Севастополе не было ни одной береговой батареи и ни одной пушки. А морские силы на Черном море по-прежнему состояли из шести устаревших и небоеспособных корветов. Забегая вперед, скажу, что первые боеспособные корабли были заложены на Черном море лишь летом 1883 г., т. е. почти через 13 лет после отмены статей Парижского договора.

Не стоит забывать, что юридическое право иметь военный флот на Черном море Россия получила лишь в конце XVIII в. А до этого Петр I, Екатерина II и даже недалекая Анна Иоанновна тихо строили корабли на Дону, Днепре и Буге и шокировали Турцию и Европу не бумажными циркулярами, а боевыми кораблями, внезапно появлявшимися в Черном и Азовском морях.

Заканчивая главу, стоит кратко остановиться на двух аспектах европейских войн 1859–1871 гг., которые, к сожалению, в России должным образом не оценили ни дипломаты, ни адмиралы.

Во-первых, могущественная Англия с ее огромным флотом играла в европейских конфликтах 1859–1871 гг. не большую роль, чем, скажем, Испания или Бельгия. Хотя британские дипломаты по привычке из кожи вон лезли, чтобы быть затычкой в каждом из конфликтов, но, увы, их никто не слушал. Британская империя не желала воевать в одиночку, да, впрочем, и вообще посылать своих солдат на континент. Чтобы диктовать свою волю Европе, Англии нужны были союзники, располагавшие большими сухопутными силами. Сам по себе ее великий флот (Grand Fleet) не представлял серьезной угрозы большому континентальному государству. Это хорошо поняли в Лондоне и не совсем уяснили в Петербурге. Канцлер Горчаков и последующие министры иностранных дел по-прежнему продолжали оглядываться на любой окрик из Лондона.

Во-вторых, что я хотел бы отметить, это война на море в 1870–1871 гг. «Какая еще война на море? — воскликнет военный историк. — Никакой войны на море между Францией и Германией не было!» Правильно, и вот это-то самое интересное!

Франция имела второй в мире после британского военно-морской флот. Германия существенно уступала ей, но тоже имела в строю мощные броненосцы. А войны не было? Дело в том, что англичане своими правилами морской войны заморочили головы не только нашим, но и французским, и германским адмиралам.

Французские эскадры крейсировали в Северном и Балтийском морях у германских берегов. Они могли вдребезги разнести десятки германских портовых городов. Но боялись нарушить навязанные англичанами морские права. Немцы, в свою очередь, имели несколько скоростных пароходов

компании Ллойда, которые можно было вооружить и использовать для каперской войны. Но и те побоялись нарушить морское право. Дело часто доходило до анекдотов. На открытом рейде Файяла (Азорские острова), т. е. вне территориальных вод, французский броненосец «Монкальм» мирно обошел стоявший на якоре германский корвет «Аркона» и пошел дальше.

Как метко выразился гросс-адмирал фон Тирпиц: «Ведь это была морская война, в которой не участвовали англичане!» (59. С. 52). Вот просвещенным мореплавателям все можно, а остальным державам по идее вообще не нужно иметь флота. Риторический вопрос — зачем Франция и Пруссия строили и содержали абсолютно бесполезные в случае юридических ограничений флоты?

Глава 7. Проникновение русских в Среднюю Азию

Постоянные набеги кочевых орд на юг Западной Сибири вынудили императора Николая I приказать оренбургскому генерал-губернатору графу В. А. Перовскому предпринять ответные меры.

В декабре 1839 г. Перовский с трехтысячным отрядом, имея шестнадцать орудий, выступил в поход Тургайскими степями. Лютые морозы, бураны, цинга и тиф остановили отряд, дошедший почти до Аральского моря. С большим трудом Перовскому удалось спасти остатки отряда, лишившегося почти половины своего состава.

Лишь в 1847 г. русские войска вновь достигли Аральского моря. В 1847–1848 гг. в местечке Раим (позже переименованном в Аральск) на Аральском море был построен порт и спущены на воду две парусные шхуны «Николай» и «Константин», на которых капитан Алексей Иванович Бутаков^[22] обследовал море.

Чтобы не возвращаться более к Аральской флотилии, замечу, что в 1853 г. в Раиме были собраны два парохода — «Перовский» и «Обручев». Первый был вооружен пятью 10-фунтовыми медными единорогами, а второй — двумя 6-фунтовыми медными карронадами. К 1867 г. личный состав флотилии состоял из 13 офицеров и 344 нижних чинов. В составе флотилии было пять колесных пароходов. Вооружение их составляли 22 орудия (4-фунтовые нарезные пушки, 10-фунтовые единороги и 6-фунтовые карронады). Флотилия базировалась в портах Аральск и Казалинск (на реке Сырдарья).

Но вернемся к наступлению русских войск. В апреле — мае 1853 г. граф Перовский выступил из Оренбурга в поход на самую крупную крепость Кокандского ханства Ак-Мечеть. В его отряде было около 5 тыс. человек, в том числе 500 конных башкир. В отряде имелось 36 орудий и ракетная команда. Перевозочные средства состояли из 2038 верблюдов, 228 волов и 494 подвод.

2 июля 1853 г. русские войска подошли к Ак-Мечети, а через три дня к крепости по Сырдарье пришел пароход «Перовский». С 5 июля начался обстрел крепости. Огонь вели одна 12-фунтовая и две 6-фунтовые пушки, два 1/2-пудовых и четыре 10-фунтовых единорога, пять 1/2-пудовых мортир и ракетная команда.

28 июля под стенами крепости были взорваны два фугаса, в образовавшийся пролом в 40 саженей (85 м) хлынула русская пехота. В ходе штурма русские потеряли убитыми и ранеными 11 офицеров и 164 нижних чина, а кокандский гарнизон был почти полностью уничтожен. В плен попали только 74 человека, 35 из которых были ранены.

5 августа основные силы графа Перовского ушли, а в Ак-Мечети (позже переименованной в форт Перовский) остались две роты пехоты и две с половиной сотни казаков при семнадцати орудиях и нескольких ракетных станках.

Форт Перовский стал главным опорным пунктом новоучрежденной оборонительной Сыр-Дарьинской линии, которая стала как бы авангардом Оренбургской линии и связывалась с ней кордоном укреплений от Аральского моря до нижнего течения Урала (защищавшим киргизскую степь от туркмен пустыни Усть-Урт).

В 1856 г. основной задачей русского правительства стало соединение Сыр-Дарьинской и Сибирской линий. На одном из этих направлений имелись одиннадцать оренбургских линейных батальонов, уральских и оренбургских казаков, а на другом — двенадцать западносибирских линейных батальонов и казаков Сибирского войска. Эти небольшие силы были разбросаны на двух громадных фронтах, общим протяжением свыше 3,5 тыс. верст.

В конце лета 1860 г. кокандский хан собрал 22-тысячное войско для того, чтобы уничтожить город Верный, поднять на русских киргизскую степь и разгромить все русские поселки Семиречья. Положение для русских сложилось угрожающее. Подполковник Колпаковский двинулся из Верного навстречу хану с тысячей человек, имея восемь орудий. В трехдневном сражении на реке Кара-Костек (Узун-Агач) кокандцы были наголову разбиты. Одновременно отряд полковника Циммермана разорил кокандские крепости Такмак и Пишпек. В 1862 г. Колпаковский взял крепость Мерке и утвердился в Пишпекке. Россия стала твердой ногой в Семиречье.

Александр II в 1863 г. приказал завершить соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской оборонительных линий. Весной 1864 г. навстречу друг другу выступили два отряда: от Верного — полковник Черняев с полуторатысячным отрядом и четырьмя орудиями, а от Перовска — полковник Вережкин с отрядом в 1200 человек и десятью орудиями.

Пройдя Пишпек, Черняев 4 июня взял штурмом крепость Аулие-Ата. В июле его отряд подошел к Чимкенту, где 22 июля вступил в бой с 25 тыс. кокандцев и разбил их. А Вережкин тем временем 12 июля занял крепость

Туркестан и выслал летучий отряд для связи с Черняевым, который считал свои силы недостаточными (7 рот, 6 сотен и 4 пушки) для штурма сильно укрепленного Чимкента. Черняев отступил в крепость Туркестан, где соединился с Веревкиным. Оба отряда поступили под общее командование только что произведенного в генералы Черняева и, отдохнув, в середине сентября направились к Чимкенту.

22 сентября 1864 г. русский отряд численностью в тысячу человек, имея девять орудий, штурмом овладел Чимкентом и обратил в бегство десятитысячную кокандскую армию. Черняев овладел крепостью, переведя свои роты через ров поодиночке по водопроводной трубе. В ходе штурма русские потеряли убитыми и ранеными 47 человек. В крепости русский отряд захватил трофеи: 4 знамени, 31 орудие, много другого оружия и разных военных принадлежностей.

Кокандское войско бежало в Ташкент. Генерал Черняев решил немедленно использовать свое моральное преимущество после чимкентской победы и двинуться на Ташкент. 27 сентября русский отряд подошел к сильно укрепленному Ташкенту и 1 октября штурмовал его, но был отбит и отступил в Туркестанский лагерь. Кокандцы решили взять реванш и, собрав около 12 тыс. «халатников», в декабре 1864 г. предприняли попытку напасть на крепость Туркестан. Но в трехдневном бою (с 4 по 6 декабря) у Икан кокандское воинство было остановлено сотней 2-го Уральского полка есаула Серова.

Весной 1865 г. по Высочайшему повелению была учреждена Туркестанская область, а генерал Черняев назначен ее военным губернатором. С отрядом в 1800 человек и двенадцатью орудиями он выступил под Ташкент и 9 мая под его стенами разбил кокандское войско. Жители Ташкента отдались под власть бухарского эмира, выславшего туда свои войска. Решив опередить бухарцев, Черняев поспешил со штурмом и на рассвете 17 июля овладел Ташкентом. В Ташкенте, защищаемом тридцатитысячным войском, русские взяли 16 знамен и 63 орудия, потеряв 123 человека. Занятие Ташкента окончательно упрочило положение России в Средней Азии.

Англия всегда крайне болезненно воспринимала любое продвижение русских на юг, в Среднюю Азию. Поэтому, чтобы успокоить европейские правительства, и в первую очередь британское, 21 ноября 1864 г. князь Горчаков разослал по европейским столицам специальный циркуляр, объясняющий среднеазиатскую политику России.

Горчаков писал: «Положение России в Средней Азии одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в

соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает прежде всего с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести соседние народцы к более или менее близкому подчинению. По достижении этого результата эти последние приобретают более спокойные привычки, но, в свою очередь, они подвергаются нападениям более отдаленных племен. Государство обязано защищать их от этих грабительств и наказывать тех, кто их совершает. Отсюда необходимость далеких, продолжительнейших, периодических экспедиций против врага, которого общественное устройство делает неуловимым. Если государство ограничится наказанием хищников и потом удалится, то урок скоро забудется; удаление будет приписано слабости: азиатские народы, по преимуществу, уважают только видимую и осязательную силу; нравственная сила ума и интересов образования еще нисколько не действует на них. Поэтому работа должна начинаться постоянно снова. Чтобы быстро прекратить эти беспрестанные беспорядки, устраивают среди враждебного населения несколько укрепленных пунктов; над ним проявляют власть, которая, мало-помалу приводит его к более или менее насильственному подчинению. Но за этою второю миссиею другие, еще более отдаленные народы скоро начинают представлять такие же опасности и вызывать те же меры обуздания. Таким образом, государство должно решиться на что-нибудь одно: или отказаться от этой непрерывной работы и обречь свои границы на постоянные неурядицы, делающие невозможным здесь благосостояние, безопасность и просвещение, или же все более и более подвигаться в глубь диких стран, где расстояния с каждым сделанным шагом увеличивают затруднения и тягости, которым оно подвергается. Такова была участь всех государств, поставленных в те же условия. Соединенные Штаты в Америке, Франция в Африке, Голландия в своих колониях, Англия в Ост-Индии — все неизбежно увлекались на путь движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости, и где величайшая трудность состоит в умении остановиться» (56. Кн. вторая. С. 109–110).

Далее в циркуляре говорилось, что решено устройство кордонной линии, связывающей Оренбургскую линию с Сибирской, и притом так, чтобы она была расположена в местности довольно плодородной, чтобы не только обеспечить ее продовольствием, но и обеспечить ее заселение и,

наконец, «определить эту линию окончательным образом, чтобы избежать опасных и почти неизбежных увлечений, которые могли бы, от возмездия к возмездию, привести к безграничному расширению» (56. Кн. вторая. С. 110).

Циркуляр заканчивался уверениями, что Россия не намерена переступить за Чимкент, которому надлежит стать военным и административным центром Зачуйского края.

Заметим, что Горчаков писал о Чимкенте, зная, что М. Г. Черняев уже в Ташкенте. Справедливости ради скажу, что русские власти пытались кое-как соблюсти «невинность». В сентябре 1865 г. в Ташкент прибыл оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский. Его встретила толпа жителей, просившая принять Ташкент в подданство русского царя. Однако Крыжановский объявил, что желание их не может быть исполнено, и что город должен образовать отдельное владение под покровительством России, для чего он предложил жителям избрать себе хана. Но предложение это осталось без последствий.

После отъезда Крыжановского бухарский эмир арестовал отправленное к нему Черняевым посольство и стал собирать войска на северной границе ханства. Черняев потребовал освободить своих посланников, и в поддержку этого требования в январе 1866 г. направил войска к бухарской крепости Джизаку, но поход не увенчался успехом, и русский отряд был вынужден отступить за Сырдарью.

Весной 1866 г. генерал Черняев был отозван, а на его место военным губернатором Туркестанской области царь назначил генерала Романовского. К этому времени война с Бухарой была уже неизбежна. Эмир собрал все свои силы вокруг Ура-Тюбе и стал лагерем посреди урочища Ирджар, на Сырдарье выше Чиназа. Там 7 мая русский трехтысячный отряд под командованием Романовского атаковал в десять раз сильнейшего противника и разбил его наголову. Эмир с остатками войска бежал в направлении Джизаку и Самарканда. Романовский их не преследовал, а пошел на занятую бухарцами кокандскую крепость Ходжент и взял ее приступом. Последствием этого стало поздравление генералу Романовскому, принесенное кокандским ханом Худояром, освобождение русских посланцев в Бухаре и отправление в Оренбург бухарского посольства с мольбой о мире.

Во второй половине августа 1866 г. генерал Крыжановский снова приехал в Ташкент и объявил о принятии этого города в подданство России. Генерал-губернатор хотел отклонить мирные намерения кокандского хана Худояра, который по своему положению должен быть

вассалом России. Но на переговорах в Оренбурге с бухарским послом не удалось договориться, и Крыжановский решил возобновить военные действия с эмиром, чтобы силой оружия принудить его к заключению мира и подчиниться всем предъявленным ему требованиям. Русский отряд под командованием Крыжановского вступил в бухарские владения и штурмом взял города Ура-Тюбе и Джизак. Однако в Петербурге эти действия оренбургского генерал-губернатора сочли нарушением полномочий и изъяли Туркестанский край из его подчинения. А из всех земель, занятых с 1847 г. в киргизских степях и кокандском ханстве, образовали Туркестанское генерал-губернаторство, во главе которого поставили генерал-адъютанта Константина Петровича фон Кауфмана, назначив его генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа.

Туркестанское генерал-губернаторство административно делилось на две области — Семиреченскую (город Верный) во главе с военным губернатором генералом Г. А. Колпаковским и Сырдарьинскую (город Ташкент) с генералом Д. И. Романовским. Войска на территории Туркестанского военного округа — 7-й Оренбургский и 3-й Сибирский линейные батальоны — развернуты в 1-ю стрелковую дивизию и 12 линейных туркестанских батальонов.

Весной 1867 г. в Петербург прибыла депутация из Туркестанского генерал-губернаторства для заявления Белому царю верноподданнических чувств. Александр II принял посланцев в Зимнем дворце 26 марта. Депутат от города Туркестана шейх Ислам, потомок султана Азрета, гробница которого, находящаяся в этом городе, считается мусульманской святыней, поднес адрес от жителей области с выражением преданности и признательности монарху, принявшему их в свое подданство. Александр II выслушал адрес и выразил удовольствие, что видит депутатов и что они, как новые подданные России, довольны нынешним своим положением, и он надеется, что со временем их положение еще более улучшится. В беседе с депутатами царь осведомился о состоянии торговли в крае, о народном образовании, о положении мусульманского духовенства и собственноручно роздал пожалованные им ордена, медали и перстни.

Между тем война с Бухарой продолжалась. Летом 1867 г. бухарцы атаковали русский отряд под командованием полковника Абрамова, выставленный у Яны-Кургана.

Генерал Кауфман, прибыв во вверенный ему край, 29 января 1868 г. заключил мир с правителем Коканда, признавшим за Россией все ее завоевания. Новый генерал-губернатор не утвердил мирного договора,

подписанного в Оренбурге Крыжановским с бухарским послом, а предъявил эмиру новые условия, но они были отвергнуты Бухарой.

В конце апреля 1868 г. Кауфман с четырехтысячным отрядом и десятью орудиями вышел из Ташкента к Самарканду, на подступах к которому эмир собрал шестидесятитысячное войско. 2 мая 1868 г. пехота генерала Головачева прямо на глазах у неприятеля по грудь в воде перешла реку Зеравшан и в штыковой атаке заняла высоту Чапан-Ата. Войско эмира обратилось в бегство, но самаркандцы закрыли ворота перед бегущими и сдались русским. Русские солдаты, перейдя реку, сразу же шли в бой. Сапоги солдат были полны воды, разуваться и выливать воду было некогда, и солдаты тогда становились на руки, а товарищи при этом трясли их за ноги. Видя это, бухарцы решили, что разгадали секрет русских. Месяц спустя, в бою при Зарабулаке, передние ряды «халатников», подойдя на ружейный выстрел, встали на руки, а задние стали добросовестно трясти их за ноги. По совершении этого обряда никто из них не сомневался в победе.

Оставив в Самарканде гарнизон, генерал Кауфман с войсками Головачева и Романовского двинулся на юг. 18 мая он разбил бухарцев при Катта-Кургане, а 2 июня добил армию эмира в жестоком бою на Зарабулакских высотах. В этой битве приняли первое боевое крещение игольчатые винтовки Карле. Винтовочный огонь косил плотные ряды бухарцев, как траву. Эмир потерял здесь около 10 тыс. своих воинов. Потери русских составили 63 человека. Всего же в этом бою против 2 тыс. русских эмир выставил 35 тыс. Потрясенный эмир запросил аман (мира). Бухара признала над собой протекторат России, уступила России Самарканд и все земли до Зарабулака.

В этот день решительной битвы, 2 июня, в русском тылу восстал Самарканд. К восставшим присоединились отряды воинственных горцев-шахрисябцев, и 50 тыс. повстанцев атаковали цитадель, где засел русский гарнизон майора Штемпеля. Шесть дней 700 защитников самаркандской крепости отбивали приступы повстанцев. Лишь 7 июня вернувшийся из-под Зарабулака Кауфман деблокировал гарнизон. Потери русских составили 150 человек убитыми и ранеными.

Поскольку жители Самарканда присягали русскому царю и, следовательно, были бунтовщиками, Кауфман решил их «примерно наказать» и, не мудрствуя лукаво, велел... сжечь Самарканд.

Солдаты ловили жителей, которые якобы участвовали в осаде цитадели, и вели на суд к генерал-губернатору. Как различали повстанца и мирного обывателя, можно только гадать, поскольку все самаркандцы для

русских солдат были на одно лицо и одеты одинаково. «Добрейший Константин Петрович, окруженный офицерами, сидел на походном стуле и, куря папиросу, совершенно бесстрастно произносил: расстрелять, расстрелять, расстрелять...» (5. С. 3).

2 июня 1868 г. бухарский эмир Музаффар прислал Кауфману послание. Эмир собирался отречься от престола и просил разрешить ему паломничество в Мекку. Генерал-губернатор успокоил Музаффера и заявил, что не собирается лишать его власти. Через десять дней был заключен русско-бухарский мирный договор на условиях Кауфмана. Бухара должна была выплатить России контрибуцию — 500 тыс. рублей. До полной выплаты контрибуции Самарканд и Катта-Курган с окрестностями включались в состав русских владений как новый Зеравшанский округ. Коканд и Бухара предоставляли русским подданным право свободной торговли в своих владениях и обязались обеспечивать их безопасность и не препятствовать сооружению торговых складов. Причем пошлина с русских товаров оставалась неизменной и определялась в 2,5 процента их стоимости.

Узнав о договоре с бухарским эмиром, князь Горчаков вновь запаниковал и стал стращать царя гневом Альбиона. В результате в августе 1868 г., когда Кауфман выехал из Ташкента в Петербург для личного доклада, на одной из почтовых станций в степи его встретил фельдкурьер с категорическим предписанием царя немедленно вернуть Самарканд и Катта-Курган бухарскому эмиру. Генерал-губернатор прочитал предписание и, не сделав никакого распоряжения, двинулся дальше.

Во время аудиенции у Александра II Кауфман прямо заявил, что отдать Самарканд и другие завоеванные города и кишлаки — значит резко уронить престиж России в глазах местных правителей и населения. Всерьез после этого ни к каким российским требованиям относиться не будут и всегда будут сравнивать Россию с Англией, которая никогда так себя не ведет. Александр II, выслушав, смягчился и приказал: «Пойди и скажи все это Горчакову». Канцлеру ничего не оставалось, как принять к сведению волю императора и скрыть свою досаду.

Вернувшись осенью в Ташкент, Кауфман еще менее стеснялся в выражениях: «Наша дипломатия да и все правительство поддались угрозам и беснованию Англии. Выяснилось же главное — полное непонимание положения России в Средней Азии... Да, это бюрократическое невежество наше поразительно... само беснование Англии должно было не пугать наше правительство, а радовать его.

Если наше движение в Азии приводит англичан в такое неистовство,

то, значит, оно верно попало в цель, для кого-то опасную, следовательно, непременно полезную нам. Ведь несомненно, что Англия — враг России и нигде не уязвима, кроме как в Азии... Эта узда, которой мы всегда можем сдерживать Англию, готовую нам всюду вредить, что уже и показала она в Крымскую кампанию». ^[23]

Разумеется, Средняя Азия была не только плацдармом для похода на Индию. Так, либеральный «Вестник Европы» (май 1869) по сему поводу писал: «Нам предоставляется новое обширное поле для деятельности... громадный рынок для сбыта изделий восточной России, несмотря на английскую конкуренцию». Журнал сетовал на недостаточную поддержку правительством русской торговли, которая «должна прокладывать себе путь сама», в то время как британское правительство активно поддерживает свою торговлю. В статье указывалось на необходимость активно приступить к разработке местных минеральных ресурсов, развивать промышленность и пути сообщения в крае, не увлекаться только административными мерами, а придать русской политике в крае «характер экономический, промышленный, торговый».

Весной 1872 г. в Бухару был послан специальный агент министерства финансов Н. Ф. Петровский, который в отчете Кауфману писал: «В настоящее время можно с уверенностью сказать, что торговля русским товаром имеет здесь первостепенное место и тяготение Бухары к Макарию ^[24] чувствуется на каждом шагу. Русскими хлопчатобумажными произведениями (кроме кисеи, но с прибавлением тика, которого из Афганистана не привозят) Бухара завалена буквально сверху донизу. На мой взгляд, русского бумажного товара, по крайней мере, раз в шесть более английского. Я видел на базаре этикетки фабрик Соколова, Богомазова, Сучкова, Истомина, Муравьева, Корнилова, Шереметьева, Манулилова, Сидорова, Морозова, Урусова, Баранова, Зубкова, Борисова, Миндовского, Фокина и Зизина. Затем идут сукно фабрик Осипова, Ремезова и Туляева, плис, парча и бархат, кожи кунгурская и уфимская, юфть, пряжа (ярославская и Лодера), прутовое, полосатое и листовое железо, чугунные котлы, медь, латунь, олово, свинец, меха, медные и железные изделия, фаянсовая посуда, сахар, леденец (преимущественно Кокина), сахарный песок, квасцы (идут больше Ушковские), купорос (синий), нашатырь, сандал (идет тертый), фуксин (первый сорт; второй и третий не идут), стеариновые свечи, писчая бумага, ртуть, мишура, бисер, краски, сундуки и всякая мелочь» (9. С. 63).

Прочитав доклад, генерал-губернатор констатировал: «В настоящее

время русские товары на бухарских рынках преобладают и смело могут конкурировать с немногочисленными английскими произведениями, встречающимися на рынках Бухары» (9. С. 63).

Россию облетела крылатая фраза Кауфмана о Туркестане: «Здесь русская земля, в которой не стыдно лежать русским костям».

Глава 8. Конфликт на стыке трех империй

В 250–300 верстах юго-восточнее озера Балхаш за русской границей 1871 г. начиналась Кашгария или, как ее называли в России, Восточный Туркестан. Примерно в 200 верстах от нее находилась граница британской Индии. Кашгария представляла собой неправильный четырехугольник площадью 751 600 квадратных верст, с наибольшим протяжением по длине 1500 верст и по ширине 700 верст. Область была заселена в основном мусульманами. Кашгария периодически то попадала, то выходила из-под власти Поднебесной империи.

В 1827 г. китайским войскам с большим трудом удалось подавить восстание местного населения под руководством Ходжи Джагингира. Сам Ходжа был схвачен и казнен. Но в начале 60-х гг. XIX в. началось новое мощное антикитайское восстание, во главе которого стал Бузрук-Ходжа — сын Джагингира. Китайцы были изгнаны из Кашгарии, но властвовать Бузрук-Ходже пришлось недолго. Власть захватил его сподвижник Якуб-бек. Он существенно расширил свои владения, овладел городами Кучи, Курли, Карашаром, Куня-Турфан и др.

Поначалу Якуб-бек ограничивался титулом бадаулета, что означало «счастливый». Но вскоре Якуб-бек начал получать помощь от англичан и турок. Первые везде старались насолить и русским, и китайцам, а вторые мечтали создать против России единый мусульманский фронт, благо турецкие султаны по-прежнему претендовали на роль духовной власти всех мусульман. Якуб-бек был признан Англией и Турцией эмиром Джитышаара. (Семиградия — так стала называться Кашгария после занятия Якуб-беком Карашара; до этого страна носила название Алты-шаара — Шестиградия.)

Летом 1873 г. в Кашгарию прибыло из Индии английское посольство, которое торжественно было принято Якуб-беком. Англичане вручили ему письмо от королевы Виктории и ценные подарки: батарею артиллерийских орудий, партию винтовок и крупную сумму денег. Формально оружие шло от турецкого султана Абдул Азиза. Якуб-бек заключил с англичанами кабальный договор, предоставив им право экстерриториальности. Английские посланники разъезжали по малоизвестной для них стране, все разведывали и разнюхивали, в особенности их интересовали дороги, ведущие к русской границе. Англичане построили для Якуб-бека несколько оружейных заводов, рассчитывая использовать Якуба и против России, и

против Китая — смотря по ситуации.

Туркестанский генерал-губернатор Кауфман неоднократно называл государство Якуб-бека «излюбленным детищем англичан».

Александр II повелел закрыть Якуб-беку и англичанам путь на север. Причем, как и во многих других операциях в Средней Азии, авторство ее было приписано местным властям, в данном случае — Кауфману. В 1870 г. войска генерала Г. А. Колпаковского заняли Музартский перевал на Тянь-Шане, а летом 1871 г. — город Кульджу и весь Илийский край. За эту операцию Колпаковский получил орден Святого Георгия 3-й степени.

Илийский край представлял собой гористую местность, изрезанную долинами реки Или, впадающей в озеро Балхаш. Иногда Илийский край называли Кульджинским по названию главного города Кульджа (Инин).^[25] По окончании операции Министерство иностранных дел России уведомило китайское правительство, что эта область будет возвращена Китаю, как только китайское правительство окажется в силах поддерживать в ней свою власть.

Целью оккупации Илийского края было стремление царского правительства подавить восстание и не допустить его распространения на русские владения в Средней Азии, восстановить выгодные торговые отношения с западными частями Китайской империи и предотвратить захват Кульджи Якуб-беком.

Якуб-бек не рискнул начать войну с Россией, и в 1872 г. вступил в переговоры с Кауфманом и даже заключил с ним взаимовыгодный торговый договор.

Оккупационные военные власти пытались придать русскому господству в крае постоянный характер, но получили указание из Петербурга «избегать всяких мер, клонящихся к упрочению нашего владычества в Илийском крае».

В начале 70-х гг. маньчжурские (китайские) войска начали наступление на владения Якуб-бека. Однако продвигались они очень медленно. Но в 1877 г. Якуб-бек умер, в войсках начался разброд, и уже в следующем, 1878 г., маньчжуры окончательно захватили Кашгарию. Во многих местностях маньчжурские войска поголовно истребляли восставших жителей, обращая страну в пустыню, что вызвало протесты туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, опасавшегося, что в результате такой резни пострадает в будущем русская торговля в Западном Китае. Свыше четырех тысяч дунган, спасаясь от истребления, в жестокие январские морозы 1878 г. бежали через горные проходы в русские пределы вместе со своим предводителем Биян-ху.

Теперь Россия должна была выполнить свое обещание и вернуть Китаю Илийский край. Для переговоров по этому вопросу в Петербург прибыл китайский посол — сановник Чун Хоу. Однако многие русские администраторы советовали правительству оставить Илийский край за Россией, тем более что тамошнее местное население, состоявшее из различных народностей, и в особенности уйгуров, в подавляющем большинстве с ужасом ожидали возвращения властей и войск маньчжурского правительства. Опасаясь всеобщей резни и полного физического истребления, население края умоляло русские войска не покидать его.

В сентябре 1879 г. Чун Хоу отправился в Ливадию, где отдыхал Александр II с княгиней Юрьевской. Там 20 сентября Чун Хоу и Н. К. Гирс подписали так называемый Ливадийский договор. Договор предусматривал передачу России небольшого западного участка Илийской долины, долины реки Текес и Музартского прохода через Тянь-Шань. Город Кульджа с окрестностями возвращался Китаю. За расходы по оккупации и управлению Илийским краем Китай должен был выплатить России 5 млн рублей. Договор предоставлял русским подданным право беспошлинной торговли в Монголии и застенном Западном Китае, разрешал отправку караванов не только через Калган на Тянь-цзинь, но, кроме того, через Цзяюй-Гуань^[26] (Сучжоу) на Ханькоу, а также давал право вести торговлю в нескольких городах Китая, указанных в договоре. В городах Западного Китая и в Монголии учреждалось семь новых русских консульств.

Однако Ливадийский договор не получил в Пекине одобрения. Недовольство китайского правительства было вызвано главным образом содержащимися в договоре постановлениями об изменении границы в долине реки Текес. Китайское правительство отказалось ратифицировать Ливадийский договор. Дипломат Чун Хоу был осужден к смертной казни посредством отсечения головы. Командующий войсками в Западном Китае Цзо Цзун-тан призывал к войне с Россией. Под началом у Цзун-тана было 70 тыс. солдат, он предлагал собрать еще 200 тыс. и начать вторжение в Россию.

В ответ русское правительство увеличило сухопутные силы у западных границ Китая, а в Печилийский залив была введена эскадра адмирала Лесовского.

Принятые меры несколько отрезвили горячие головы в Пекине. Чун Хоу был прощен, а в Петербург был отправлен новый посланник маркиз Цзен Цзи-цзе. 24 февраля 1881 г. между Россией и Китаем в Петербурге был подписан взамен Ливадийского новый договор. Русские власти

отказывались от приобретений в долине Текеса и Сузартского перевала. За Россией остался западный клочок Илийской долины «для поселения в оной тех жителей этого края, которые примут российское подданство», иначе говоря, не пожелают жить под владычеством Цинской династии. Кроме того, во изменение Ливадийского договора, для русских караванов по Петербургскому договору был сохранен лишь один путь, а именно через Калган и Тун-Чжоу в Тяньцзинь, а не два пути, как это предусматривалось Ливадийским договором. Русским подданным предоставлялось право отправляться для торговых дел в Сучжоу, но далее этого пункта русские караваны не могли проходить. В этом состояло одно из отличий Петербургского договора от постановлений Ливадийского договора, согласно которому русским купцам разрешалось направлять караваны вплоть до Ханькоу. По новому договору сохранялась выговоренная Россией по Ливадийскому договору амнистия для участников восстания. Тем не менее большая часть дунган и свыше 80 процентов уйгур при передаче Кульджи Китаю, опасаясь расправы, переселились в русское Семиречье, где русские власти наделили их землей.

В отличие от Ливадийского договора, по Петербургскому договору китайцам пришлось «за издержки» выплатить не пять, а девять миллионов рублей. Как видим, эскадра Лесовского не даром коптила небо.

На том конфликт в Восточном Туркестане был исчерпан.

Глава 9. Вторжение англичан в Афганистан

С конца 50-х гг. XIX в. англичане пытались расширить свои владения на север от Индии. В 1858 г. генерал Сидней Коттон вторгся в Афганистан, но вынужден был ограничиться лишь уничтожением нескольких поселений моджахедов.

8 апреля 1863 г. генерал Невиль Чемберлен с пятитысячным отрядом пехоты при одиннадцати орудиях направился к южному подножию Махабана, но на следующий день повернул к ущелью Амбелах, чтобы через него пройти в долину Чемла, расправиться там с моджахедами и вернуться обратно тем же путем, прежде чем горцы успеют собраться. Утром 20 октября отряд втянулся в ущелье, и его авангард в тот же день достиг выхода в долину Чемла, не встретив нигде сопротивления. Но 22 октября на передовой отряд напали горцы, а главные силы и обоз к этому времени еще не успели достичь долины. Чемберлен с авангардом не решился идти дальше, боясь быть отрезанным от основных сил, но и отступать он не желал. Тогда Чемберлен остался в ущелье и послал в тыл за подкреплением, которое прибыло только через два месяца. За это время англо-индийскому отряду пришлось выдержать несколько упорных боев с горцами. К счастью для англичан, плохо вооруженные и ослабленные раздорами горцы вскоре прекратили свои нападения. В середине декабря в ущелье прибыл генерал Гарвок с девятитысячным отрядом, сменил Чемберлена, вышел в долину Чемла, а затем вернулся в Пешавар.

Большие потери, понесенные англичанами в ходе Амбелахской экспедиции, заставили их вернуться к принципу «закрытой границы».

В 1869 г. в Афганистане закончился шестилетний период феодальных усобиц. Эмир Шер Али-хан одолел своих противников и приступил к политической централизации страны под своей властью. Вице-король Индии лорд Майо от лица английского правительства решил завербовать Шер Али-хана и сделать его агентом влияния. 27 марта 1869 г. в Амбале (Британская Индия) лорд Майо встретился с эмиром. На первом же заседании конференции Шер Али заявил: «В самом начале моего правления, когда в Афганистане вспыхнули восстания, я просил оказать мне помощь, однако Англия отклонила мою просьбу. Поэтому я возвращаю вам долги и оружие, которые вы только что послали. Я не могу пойти на

заклучение с вами договора» (21, Т. II. С. 63–64).

Как выяснилось в ходе последующих заседаний, эмир сделал это заявление только для того, чтобы подготовить себе лучшую позицию для дипломатических переговоров. После долгих споров Шер Али все же взял английское оружие и ежегодную денежную субсидию.

Шер Али-хан настаивал на заключении союзного договора. Он требовал от Англии признать в Афганистане власть за ним и его наследником, которым эмир назначил своего младшего сына Абдуллу-хана. Но лорд Майо был категорически против, поскольку Англия не желала лишиться себя возможности продолжать обычную игру, которую она вела во всех феодальных монархиях Востока — противопоставлять правителю, в случае недостаточной его покорности, его соперника-претендента. Все же вице-король дал обязательство не вмешиваться во внутренние дела Афганистана и не стал посылать туда резидентов-англичан, что было особенно важно для эмира, который считал, что английские резиденты станут средоточием направленных против него интриг. Взамен Шер Али обещал лорду Майо согласовывать свою внешнюю политику с правительством Британской Индии.

В начале 1869 г. английское правительство во главе с лидером либералов Гладстоном предложило Александру II создать в Средней Азии между английскими и русскими владениями нейтральную зону, неприкосновенную для обеих сторон и предотвращавшую их непосредственное соприкосновение. Следует заметить, что на Гладстона произвела большое впечатление записка, составленная известным специалистом по Индии сэром Генри Раулинсоном, утверждавшим, что если русские дойдут до Мерва, то в руках у них окажется ключ от Индии. Министр иностранных дел лорд Кларендон осведомился у русского посла барона Бруннова, нельзя ли, для успокоения общественного мнения в Англии и для предупреждения осложнений, договориться о создании между русскими и английскими владениями в Средней Азии нейтрального пояса, «который предохранил бы их от всякого случайного соприкосновения». Под этим «нейтральным поясом» лорд Кларендон подразумевал Афганистан.

Князь Горчаков принял предложение британского министра и поручил Бруннову объяснить в Лондоне, что создание нейтральной зоны как нельзя более отвечает намерениям русского правительства. 24 февраля 1869 г. Горчаков, приглашая Англию отказаться от закоренелых предубеждений против России, писал: «Оставим эти призраки прошлого, которые должны бы были исчезнуть при свете нашего времени!.. Со своей стороны, мы не

питаем никакого страха к честолюбивым видам Англии в центре Азии, и мы вправе ожидать такого же доверия к нашему здравому смыслу. Но что может смутить рассудок, так это взаимное недоверие!» В заключение канцлер поручал Бруннову повторить британскому правительству «положительное уверение, что его императорское величество считает Афганистан совершенно вне той сферы, в которой Россия могла бы быть призвана оказывать свое влияние, и что никакое вмешательство, противное независимости этого государства, не входит в его намерения» (56. Кн. вторая. С. 114).

Александр II изложил британскому послу свой собственный взгляд на среднеазиатские дела: «Я убежден, что правительство ее британского величества верит мне, если я говорю, что не имею честолюбивых замыслов в Средней Азии. Оно должно по собственному опыту знать, что положение наше в этих землях в высшей степени затруднительно. Наши действия не столько зависят там от наших намерений, сколько от образа действий, принятого в отношении нас окружающими нас туземными государствами» (56. Кн. вторая. С. 114) и добавил, что если, к несчастью, в Средней Азии произойдут новые столкновения, то не он будет их виновником.

Получив согласие русского правительства на им же сделанное предложение, лорд Кларендон вдруг объявил, что Англия не может считать Афганистан нейтральной зоной, поскольку эта страна не удовлетворяет требуемым условиям. Британский министр предложил считать «нейтральным поясом» реку Амударью к югу от Бухары. Россию данное предложение не устраивало, поскольку Хивинское ханство оказывалось бы тогда на нейтральной территории, и это позволило бы хивинцам безнаказанно продолжать свои грабительские набеги на русские земли.

В сентябре 1869 г. в Гейдельберге состоялась встреча князя Горчакова с лордом Кларендоном. Министры обменялись мнениями по среднеазиатскому вопросу. Кларендон настаивал на создании в Средней Азии «нейтральной полосы», ссылаясь на то, что Англия на собственном опыте убедилась, как трудно в отдаленных районах контролировать действия своих же военачальников, обуреваемых чрезмерным честолюбием. Горчаков был с ним вполне согласен и даже привел в пример действия генерала Черняева, но утверждал, что того же можно ожидать и от нового генерал-губернатора Туркестана Кауфмана. Однако «нейтральный пояс» вдоль Амударьи не устраивал русское правительство, так как владения Бухары находятся по обе стороны от этой реки, и все они должны остаться под влиянием России. Горчаков доказывал, что территория Афганистана как нельзя лучше подходит для создания там нейтральной

полосы.

Кларендон же, ссылаясь на то, что границы Афганистана недостаточно определены, отклонил это предложение. По его мнению, неопределенность границ может привести к конфликтам между среднеазиатскими ханствами и к еще более «прискорбным последствиям», имея в виду столкновение Англии с Россией.

Переговоры затянулись на три года, теперь главным вопросом стало четкое определение границ Афганистана. Русское правительство, опираясь на сведения, собранные туркестанским генерал-губернатором, доказывало, что северной границей Афганистана следует считать реку Амударью от слияния ее с рекой Кушкой до переправы Ходжа-Соля. Две области, расположенные к северо-востоку, — Вахан и Бадахшан — Россия не желала признавать территорией Афганистана, а Англия же, наоборот, настаивала на включении их во владения афганского эмира.

Россия готовилась к походу на Хиву, и, чтобы устранить противодействие Англии, русскому правительству пришлось уступить. 12 января 1873 г. Горчаков отправил Бруннову депешу с уведомлением британскому правительству о том, что Россия признает принадлежность Вахана и Бадахшана афганскому эмиру, а также самостоятельность Афганистана во внутренних и внешних делах.

В 1874 г. кабинет либерала Гладстона сменило консервативное правительство Дизраэли,^[27] которое решило перейти к наступательной политике («forward policy») в колониях по всему миру от Африки до Китая.

Дизраэли твердо решил сделать Афганистан британской колонией, но при этом попытался избежать конфликта с Россией. В мае 1875 г. Россия и Англия совместно выступили против Германии, так что отношения между ними на некоторое время улучшились. Но это не помешало британскому и русскому кабинетам продолжать свои интриги в Персии, Туркмении и Западном Китае. Министр иностранных дел в кабинете Дизраэли лорд Дерби 13 мая заявил русскому послу П. А. Шувалову: «Ничто не может помешать России и Англии договориться друг с другом в Азии... Там хватит места для обеих» (21. Т. II. С. 68).

Новый британский кабинет, пытаясь договориться с Россией, уже отказывался от «нейтральной полосы» в Афганистане, а предлагал встать на путь прямого раздела Средней Азии. Дизраэли, по существу, не хотел подтверждать русскому правительству признание независимости Афганистана и в октябре 1875 г. заявил, что сохранит по отношению к этому государству полную свободу действий.

Горчаков, сделав выводы, вытекавшие из новой позиции Англии,

ответил в феврале 1876 г., что он подтвердил достигнутое в 1873 г. соглашение о границе Афганистана и повторил, что страна эта остается «вне сферы действий» России. Канцлер заявил, что русское правительство считает переговоры о буферной зоне законченными. Оба правительства полностью сохраняют свободу действий в отношении стран «нейтрального пояса», но будут принимать во внимание взаимные интересы и по мере возможности избегать непосредственного соседства.

Александр II не упустил шанса воспользоваться «свободой действий» в отношении стран «нейтрального пояса» и издал 17 февраля 1876 г. указ о присоединении к Российской империи Кокандского ханства. Дизраэли понял, что поторопился. Англии, чтобы завоевать Афганистан, надо было преодолеть огромные природные трудности и принять в расчет готовность афганского народа любой ценой отстоять свою независимость.

До назначения Дизраэли премьером афганский эмир Шер Али вел политику, угодную Англии и враждебную России. Он пытался не только укрепиться на южных берегах Амударьи, но и распространить свое влияние на Туркмению. Английское правительство, чтобы влиять на эмира, поддерживало тесные связи с его соперниками среди афганских феодалов. Это был типичный прием колониальной политики для не вполне централизованных феодальных государств. К примеру, англо-индийское правительство скрыто помогало сыну эмира Якуб-хану, правителю Герата, все время строившему козни против своего отца.

Шер Али брал с англичан деньги и оружие, выполнял многие их требования, но все же не желал полного подчинения своей страны Англии. В июле 1873 г. в индийском городе Симл состоялась англо-афганская конференция. Эмира представлял Сеид Нур-Мухаммед-хан. Он требовал признания Англией династии эмира, большей помощи деньгами и оружием и пересмотра вынесенного англичанами арбитражного решения об афгано-персидской границе в Сеистане, крайне невыгодного Афганистану. Англичане же вновь выдвинули требование, в свое время отвергнутое Шер Али, о допуске английских резидентов в Герат и Кандагар.

В мае 1876 г. новый вице-король Индии лорд Эдуард Роберт Литтон, ставленник Дизраэли, потребовал от Шер Али приема в Кабуле английского посольства и получил категорический отказ. Эмир по-прежнему был убежден, что английские резиденты станут центром интриг и диверсий, опасных для независимости страны, но согласился вести переговоры на индийской территории. Переговоры должны были состояться в Пешаваре, эмира опять представлял Нур-Мухаммед-хан.

Переговоры начались в январе 1877 г. Нур-Мухаммед огласил длинный

список жалоб на вмешательство Англии в дела Афганистана. Английские представители выдвинули свои требования: отказ Афганистана от самостоятельных сношений с иностранными государствами, размещение английских офицеров-резидентов в важнейших центрах страны и на ее границах. Последнее требовалось англичанам не только для ведения интриг против эмира, но и для проникновения в Бухару и Туркмению. Требования эти еще раз подтвердили афганцам, что целью Англии является полное подчинение себе Афганистана.

Шер Али-хан через Нур-Мухаммеда передал англичанам, что скорее погибнет, чем уступит. Лорд Литтон ответил на это в оскорбительном тоне и признал дальнейшие переговоры бесполезными. Нур-Мухаммед умер в Пешаваре при странных обстоятельствах, наводящих на подозрения в его убийстве. Шах-Али был готов пойти на уступки и направил в Пешавар своего нового представителя, но Литтон прервал переговоры, хотя и знал о примирительных намерениях эмира. Новому представителю эмира сообщили на границе, что в его присутствии не нуждаются. Вопрос о начале войны с Афганистаном был решен английским правительством еще в 1876 г.

Англичане начали непосредственную подготовку к боевым действиям. В ноябре 1876 г. они получили от властителя Келатского ханства, граничащего с Афганистаном, договор о признании им протектората Англии. В Келате зрело большое недовольство против феодальной группировки, находящейся у власти. Англичане предложили помощь хану в усмирении его собственных подданных, а хан за это позволил англо-индийскому правительству содержать свои войска на территории Келата.

Сразу же после подписания договора Литтон направил в Келат отряд для занятия города Кветты — очень важного пункта на случай войны с Афганистаном. Кветта обеспечивала господство над Боланским перевалом, через который шла дорога на Кандагар. Также Кветта оказалась очень удобным местом и для ведения интриг среди феодалов Западного Афганистана против Шер Али. Англичане немедленно приступили к укреплению города, который должен был стать базой для наступления на Афганистан по Кандагарскому операционному направлению. Англичане отремонтировали дороги, ведущие к афганской границе, и соорудили мост через Инд.

В 1876 г. англичане заняли княжество Читрал, граничащее с Афганистаном с востока и открывающее путь в Бодахшан. Плацдармы для вторжения в Афганистан были подготовлены.

В начале 1877 г. англо-индийское правительство наложило эмбарго на

ввоз в Афганистан оружия. На горных проходах, ведущих в эту страну, началось сосредоточение англо-индийских войск. Отношения с Шер Али были порваны. В течение 1877 г. англичане захватили территории некоторых пограничных племен и проложили по ним дороги, облегчавшие вторжение в Афганистан. Литтон планировал расчленить страну, отделив Герат и Кандагар.

Продолжая активно готовиться к войне, английское правительство попросило турецкого султана Абдул Гамида II послать в Кабул посольство с целью попросить еще раз уговорить Шер Али подчиниться Англии и объединиться с ними «для общих действий против русских». В апреле 1877 г. началась Русско-турецкая война, и Дизраэли планировал нанесение России удара в Средней Азии. Турецкое посольство, снаряженное на английские деньги, благополучно прибыло в Кабул. Султан, готовясь к войне с Россией и подстрекаемый Англией, предлагал эмиру союз для борьбы за ислам против христианской России и шиитской Персии. Шер Али отказал, прекрасно понимая, что союз с Англией против России и появление английских войск в его стране положат конец независимости Афганистана.

Еще в июле 1876 г. эмир отправил письмо Кауфману, где выразил надежду на укрепление дружественных отношений между Афганистаном и Россией. 15 сентября, видя военные приготовления Англии, Шер Али вновь написал Кауфману о желательности установления непосредственных политических связей с Россией. Туркестанский генерал-губернатор отвечал ему в благожелательном духе.

Кауфман послал в Кабул специальную миссию во главе с генерал-майором Н. Г. Столетовым. В состав ее входили полковник генерального штаба А. К. Разгонов, топограф Бендерский, врач Яворский с фельдшером и три переводчика: с персидского — подпоручик Назиров, с западноевропейских языков — титулярный советник Малевинский, с тюркских — Замаан-бек Шихалибеков, а также 22 казака охраны. 27 мая 1878 г. генерал-губернатор вручил Столетову «Предписание № 4407». «С получением сего, — говорилось в документе, — вы имеете отправиться в г. Кабул, к эмиру афганскому, для скрепления с ним наших дружественных отношений, выяснения эмиру всех от того для него происходящих выгод и для заключения, если то окажется возможным, с ним союза на случай вооруженного столкновения нашего с Англией». Далее в предписании говорилось о захвате Англией приграничных с Афганистаном территорий и указывалось на то, что «образ действий англичан, стремящихся утвердиться в Афганистане, не может окончательно примирить с ними

эмира и устранить совершенно поводы к новым столкновениям» (60. С. 27).

Кауфман поручил Столетову разъяснить Шер Али, что российское правительство «всегда смотрело на Афганистан как на оплот против посягательств английской политики на независимость среднеазиатских владетелей и что оно расположено оказывать со своей стороны поддержку стремлениям эмира противодействовать таким посягательствам» (60. С. 28).

Столетов прибыл в Кабул, и 9 августа 1878 г. между Россией и Афганистаном была подписана дружественная конвенция. В ее первой статье говорилось: «Российское императорское правительство считает государство Шер Али-хана, эмира Афганистана, государством независимым и желает, как с другими независимыми государствами, иметь с ним дружественные отношения, по старой дружбе». А в последней статье содержалось: «Друг государства Шер Али-хана, эмира Афганистана, должен считаться другом императорского Российского правительства, и враг государства Шер Али-хана, эмира Афганистана, должен считаться врагом Российского правительства, равно и наоборот» (60. С. 59–60).

11 августа 1878 г. Столетов с половиной конвоя двинулся обратно в Ташкент. Другие члены миссии остались в Кабуле.

Замечу, что генерал Столетов был направлен в Кабул в разгар русско-английского кризиса 1878 г., вызванного Русско-турецкой войной.

В начале лета 1878 г. в Туркестане были сформированы три войсковые группировки (их официально именовали отрядами) общей численностью 20 тыс. человек для похода в Индию в случае дальнейшего обострения обстановки. Еще одна ударная группировка была сосредоточена на восточном побережье Каспийского моря. Последняя группировка была дальше от границ Индии, но зато благодаря Каспийской флотилии имела отличное снабжение. В такой ситуации помощь или, по крайней мере, благожелательный нейтралитет афганского эмира были крайне важны для русских войск.

Английская разведка своевременно сообщила вице-королю Индии Эдуарду Литтону о прибытии Н. Г. Столетова в Кабул. Литтон потребовал от эмира принять английское посольство генерала Невилля Чемберлена. В ответ эмир Шер Али заявил, что в Афганистане траур по случаю смерти наследного принца Абдулладжана, во время которого принять британское посольство невозможно. А затем эмир... продолжил переговоры с русской миссией.

29 октября (9 ноября) 1878 г. вице-король Индии особой декларацией объявил Афганистану войну. Англичане планировали быстрым маршем

дойти до Кабула, взять его штурмом и на этом войну закончить.

Для наступления на Кабул предназначались две колонны — Пешаварская и Курамская, сформировавшиеся в окрестностях Пешавара и Когата. Для захвата Кандагара и наблюдения за Южным Афганистаном была сформирована третья, Кандагарская, колонна. В состав ее вошли Мультианская дивизия (сформированная в Мультиане) и войска Кветского гарнизона, присоединившиеся к колонне уже в пути. В каждой из колонн пехота почти на четверть состояла из туземных частей, кавалерия была в размерах от полка до бригады.

Эмир Шер Али немедленно обратился за помощью к России. Но, увы, еще в августе русские отряды, предназначенные для действий против Индии, приказом из Петербурга были остановлены на Амударье. Через три дня после прибытия Столетова в Ташкент, 9 сентября, Кауфман отправляет его в Петербург с посланием к военному министру Д. А. Милютину. Кауфман просил «передвинуть в округ не менее двух пехотных дивизий и четыре казачьих полка, начать передвижение нынешней же зимой». Далее он обосновывал свою просьбу тем, что «уклониться от этого проекта — значит отдать Афганистан не только английскому влиянию, но, может быть, и полному подчинению... Все это покажет Афганистану и Индии английскую силу и могущество и наше сравнительное бессилие. Мы сами себе закроем в этом случае среднеазиатский театр действий при разрыве с Англией, а этот театр действий, по моему убеждению, для нанесения решительного удара Англии возможен только при условии союза с Афганистаном. Едва ли мы можем быть опасны для Англии, иначе как при условии мирного пути от реки Амударьи до границ Индии. При этом условии среднеазиатский театр действий приобретает важность первостепенную. Обеспечить себе возможность действовать на этом театре нам необходимо ввиду будущего окончательного решения восточного вопроса» (57. С. 459). Под «решением восточного вопроса» Кауфман подразумевал установление русского контроля над Черноморскими проливами.

Инициатива Кауфмана была отклонена Особым совещанием в Петербурге, на котором присутствовал сам Александр II. Горчаков традиционно паниковал, а военному министру Милютину военные реформы были важнее интересов государства, поскольку даже маленькая война путала его планы. В итоге Милютин отписал Кауфману: «Совещание пришло к заключению, что нам никак не следует прямо идти на войну с Англией из-за настоящего столкновения ее с Афганистаном... На основании всего вышеизложенного государем императором благоугодно

было повелеть дать туркестанскому генерал-губернатору приказание, чтобы он посоветовал эмиру во избежание несвоевременной войны идти на примирение» (57. С. 462).

Однако Кауфман упорно защищал свою линию и написал Милютину: «У Шер Али-хана есть свои шансы на успех... Мы могли бы отсюда рискнуть поддержать его с меньшими средствами, чем те, которые исчислены были мною в записке, представленной по этому вопросу с генералом Столетовым... Позволю себе думать, что все существующие и могущие еще быть затруднения в делах наших в Европе идут от Англии, и все они разрешались здесь. Будь мы вовремя сильны в Средней Азии, мы могли бы достигнуть и на Балканском полуострове, и в Малой Азии всего, что нам нужно...» (57. С. 465).

В ответе Кауфману военный министр заявил, что государь и его министры признают правоту суждений Кауфмана, «тем не менее государь император не изменил твердого своего намерения поддерживать европейский мир до последней крайности и не допустит, чтобы повод к решительному разрыву с Англией был поднят с нашей стороны. Столкновение с этой державой в Азии было бы сигналом общей и упорной войны при обстоятельствах и обстановке крайне для нас невыгодных» (57. С. 465). Здесь царь попросту пересказывает идеи князя Горчакова, который так и не смог излечиться от синдрома Крымской войны.

Между тем мир кардинально изменился. Англия могла сколь угодно угрожать России, но это был только блеф. Англия не имела армии, способной сражаться с Россией. Крымская война ослабила Россию, которая была ведущей военной державой Европы, и установила примерное равновесие между французской, австрийской и русской армиями. Предположим, что в 1880 г. Англии удалось бы сколотить коалицию из Германии и Австрии и разгромить Россию. После этого Бисмарк стал бы в Европе тем, кем был Наполеон в 1810 г., т. е. случилось бы то, чего англичане боялись во все века. И это из-за какого-то Афганистана?

Кроме того, Россия могла сделать то, что сделали США в 70-х (80-х) гг. XX в. в ходе оккупации Афганистана советскими войсками. То есть давать афганцам современные винтовки и пушки, готовить афганских офицеров, посылать советников из числа уволившихся из армии офицеров. В этом случае англичане могли увязнуть в Афганистане на многие десятилетия, да и война могла перекинуться в Индию. При этом Россия оказалась бы в стороне и громко сетовала бы на британские зверства в Афганистане. Увы, узость мышления Александра II, Милютина, Кауфмана и высшего русского офицерства в целом не допускала даже мысли о поддержке партизанской

войны.

В итоге русские власти предали Шер Али-хана и фактически выдали его англичанам. В ночь на 1 декабря 1878 г. русская миссия бежала из Кабула.

9 ноября 1878 г. англо-индийская действующая армия численностью около 36 тыс. человек тремя колоннами вступила в пределы Афганистана. Пешаварская колонна под командованием генерал-лейтенанта Самуила Броуна (16 тыс. человек и 48 орудий) направилась через Хайберский проход к Дакке и Джелалабаду. В Хайберском проходе 9 и 10 ноября афганцы попытались задержать продвижение англо-индийских войск, но из-за своей слабости были вынуждены отступить к Дакке.

Курамская колонна под началом генерал-майора Робертса (6600 человек и 18 орудий) двинулась по долине Курама и 18 ноября неудачно штурмовала Пейвар-Котальский перевал. Через два дня англо-индийские войска возобновили штурм и заняли перевал.

Кандагарская колонна под командованием генерал-лейтенанта Стюарта (13 тыс. человек) долго сосредоточивалась у Боланского прохода, а затем, не встречая сопротивления со стороны афганцев, 20 декабря прошла перевалами Гваджа и Коджак. 26 декабря колонна имела стычку у Тахт-и-Пуля и на следующий день вступила в Кандагар.

Афганские войска первоначально вели себя пассивно. Шер Али, покинув Кабул и передав правление своему старшему сыну Якуб-хану, выехал в Мазар-и-Шериф. В Афганистане начались беспорядки, вместо того чтобы объединиться против напавшего на них врага, афганцы принялись за свои обычные распри. Однако за первыми успехами англичан последовал ряд неудач, совершенно расстроивших их планы.

Разрозненные афганские отряды, не имея ни единого плана, ни элементарной координации своих действий, тем не менее наносили весьма ощутимые удары по коммуникациям противника. Не имея возможности держать верблюдов на подножном корму, англичане были вынуждены доставлять им фураж, который требовался в огромном количестве. Начался страшный падеж вьючного скота, что сильно осложнило подвоз к войскам продовольствия. Вместе с тем неудачная экспедиция генерала Робертса в долину Хоста (к югу от долины Курама) поставила Курамскую колонну в критическое положение. Между тем генералу Стюарту было предписано двинуться из Кандагара на Герат, колонну его было решено усилить подкреплениями из Индии. Но так как вместо 10 тыс. верблюдов, необходимых для этого, удалось собрать лишь чуть больше полутора тысяч, все операции на южном театре военных действий были приостановлены.

Колонну Стюарта надо было спасать от голодной смерти. Когда был занят Кандагар, в Кветте не оказалось ни зерна провианта. Собранный в Суккуре четырехмесячный запас продовольствия не мог быть доставлен в отряд за неимением перевозочных средств.

К этому времени Кандагарская колонна потеряла более 20 тыс. верблюдов. При таких условиях Стюарт разделил свой отряд на три части и направил одну часть за продовольствием в Гиришк, а другую — за тем же в Келат-и-Гильзай.

В Пешаварской колонне, большая часть которой была распределена по этапам, охранявшим коммуникации с Индией, погибло к этому времени более 14 тыс. верблюдов, в войсках начались болезни, что вынудило английское командование наиболее расстроенные части отправить обратно в Индию.

Вообще эта зимняя кампания дорого обошлась англичанам. Положение с каждым днем ухудшалось. Горные пограничные племена все время находились в состоянии опасного возбуждения. Ввиду чрезвычайных продовольственных трудностей, постигших колонну Стюарта, решено было уменьшить ее численность. Свыше 7 тыс. человек из ее состава вернулись в Индию, в отряде осталось всего около 4 тыс.

Между тем 9 февраля 1879 г. в Мазар-и-Шерифе внезапно скончался Шер Али, и власть перешла в руки его сына Якуб-хана. Новый эмир первое время находился в нерешительности, не зная, что ему предпринять. С целью воздействия на него англичане произвели со стороны Пешавара небольшое движение в долину Лагмана, как бы намереваясь двигаться на Кабул. И действительно, сразу после этого и неожиданно для самих англичан Якуб-хан явился в Гандамак и изъявил желание приступить к мирным переговорам.

26 мая 1879 г. в Гандамаке между Якуб-ханом и английским представителем майором Каваньяри был заключен договор, по которому эмир подчинил свои внешние сношения контролю Англии, допустил постоянное пребывание в Кабуле британского резидента, передал англичанам Хайберский проход и, наконец, уступил им на неопределенное время долину Курама и округа Сиби и Пишин, с правом контроля над соседними горными племенами. Англия в свою очередь обязалась выплачивать эмиру ежегодную субсидию в 600 тыс. рупий.

После заключения Гандамакского мира английские войска начали покидать Афганистан. Уже в июне 1879 г. большая часть войск экспедиционного отряда была отправлена на постоянные квартиры. Пешаварская колонна, больше всех пострадавшая от болезней, была почти

вся отправлена в Индию. Курамскую колонну расформировали, но значительную ее часть оставили в Курамской долине. Из Кандагарской колонны лишь небольшой отряд в 2 тыс. человек оставался с генералом Стюартом в Кандагаре.

По одному из условий договора в Кабул прибыл британский резидент майор Каваньяри. При нем был конвой из 25 кавалеристов и 50 пехотинцев под командованием лейтенанта Гамильтона. Миссию сопровождали сотни слуг, камердинеров, грумов и носильщиков.

Цель посольства была хорошо сформулирована вице-королем Индии в письме в Лондон виконту Крэнбруку, отправленном 23 июня 1879 г. из Симлы. «Мой дорогой лорд Крэнбурк, — писал Литтон, — я бесконечно признателен за ваше письмо от 27 мая. Майор Каваньяри теперь у меня, и, судя по тому, что сообщают он и другие, я думаю, вам нечего беспокоиться об осуществлении и результатах договора с Кабулом или о возможных волнениях в Афганистане после вывода наших войск. Полагаю, что договор с Кабулом надо рассматривать не как итог, а как начало... Новый договор — скорее начало, чем результат, венчающий разумную и рациональную политику. Соблюдение этой политики должно среди прочих плодов снять с Индии проклятие постоянной русской угрозы и дать нам на всей нашей границе определенные покой и безопасность, доселе неведомые... Афганцы будут тем больше любить и уважать нас за победу, одержанную над Шер Али, и за урок, который мы преподали России. Во всей этой части света... великодушного врага предпочитают ненадежному и неверному другу» (60. С. 175–176).

Миссия Каваньяри поселилась в Бала-Гисаре (цитадели Кабула). Там англичане находились как в осажденной крепости. Брожение среди афганских войск и кабульского населения постоянно росло. И нужен был только малейший повод, чтобы искра упала на заготовленный в изобилии горючий материал и пожар вспыхнул. Таким поводом стало недовольство трех афганских пехотных полков недополучкой жалованья. Солдаты возмутились и, подстрекаемые муллами, 21 августа (4 сентября) 1879 г. бросились на штурм цитадели. Англичане ответили метким винтовочным огнем.

Но афганцы подкатили пушки и взяли цитадель приступом. Все англичане были перебиты.

Вице-король Литтон приказал генерал-майору Робертсу двинуться на Кабул. Робертсу были подчинены три полка британской и четыре полка туземной пехоты, саперная рота, эскадрон британской кавалерии, два с половиной полка туземной кавалерии и три батареи артиллерии, всего до

6,5 тыс. человек. Отряд был разделен на три бригады: две пеших под командованием генерал-майоров Макферсона и Бекера и одну конную под командованием генерал-майора Масси. Целью отряда ставилось занятие Кабула и местности между ним и Шутаргардским перевалом. Для занятия местности между этим перевалом и Талем был сформирован особый отряд под началом генерал-майора Гордона. В него вошел один британский пехотный полк, пять полков туземной пехоты, два полка туземной кавалерии и две артиллерийские батареи, всего 4 тыс. человек.

Пешаварская колонна генерал-майора Брайта была пополнена двумя полками британской пехоты, пятью полками британской кавалерии, четырьмя полками туземной кавалерии и пятью артиллерийскими батареями, всего около 6 тыс. человек, не считая гарнизона Пешавара и войск, занимавших Хайберский проход. Этот отряд предназначался для обеспечения сообщений между Пешаваром и Гандамаком, для образования гарнизонов на промежуточных пунктах и для различных мелких предприятий между Пешаваром и Кабулом.

Для усиления индийской армии англичанам пришлось взять из Европы и из других колоний десять батальонов пехоты, четыре кавалерийских полка и восемь артиллерийских батарей.

7 сентября 1879 г. афганцы напали на Шутаргардский перевал, занятый бригадой генерала Бекера, но были отбиты. 10 сентября афганцы снова напали на Бекера и снова были отбиты. 11 сентября бригада Бекера покинула перевал и заняла селение Куши, расположенное в 75 верстах к югу от Кабула. К 19 сентября там сосредоточилась вся колонна Робертса. 22 сентября Робертс продвинулся до Загидабада (в 23 верстах от Кабула), где английские войска встретились с передовыми отрядами афганцев.

Предстояло сражение за обладание Кабулом. Оно состоялось 24 сентября в 12 верстах от Кабула близ селения Чар-Азиаб. Афганский отряд состоял из одиннадцати батальонов с артиллерией и занимал высоты к северу от Чар-Азиаба. План афганцев состоял в том, чтобы одновременно с фронтальной атакой бросить в тыл англичанам свою конницу. Рано утром 24 сентября Робертс произвел рекогносцировку и решил, демонстрируя с фронта, обойти оба неприятельских фланга, правый — отрядом майора Уайта (600 человек), левый — отрядом генерала Бекера (1600 человек). В резерве Робертс оставил 2800 человек.

Обе обходные колонны англичан последовательно и без труда овладели высотами противника, не встречая серьезного сопротивления. Афганцы дрались вяло, а конница племени гильзаев, которая должна была атаковать тыл англичан, оставалась в бездействии, ограничиваясь

бесполезными демонстрациями. Бой длился с 11 часов утра до 5 часов вечера. Афганцы, обойденные с флангов, отступили, понеся значительные потери. Английская кавалерия не преследовала их.

30 сентября 1879 г. генерал Робертс направился к Бала-Гиссару, занял его и затем торжественно вступил в Кабул. Эмир Мухаммед Якуб-хан отрекся от престола и в ноябре того же года под конвоем англичан был вывезен в Индию. В Кабуле же англичане начали расправу над участниками нападения на миссию Каваньяри. При этом не была соблюдена даже видимость законности. Хватали тех, кто просто подвернулся под руку.

Поначалу афганцев попросту вешали. Но со временем настоящим джентльменам это наскучило. Кто-то вспомнил, как двадцать лет назад индусов привязывали к жерлам английских пушек и разрывали на части порохowymi газами при холостом выстреле. Но полковник Мак-Грегор предложил сжигать афганцев. Генералу Робертсу идея пришлась по душе. На одной из площадей Бала-Хиссара в Кабуле закипела работа. Британские саперы строили огромную виселицу: по кругу было расставлено попарно сорок столбов, соединенных общей перекладиной. От обычных сооружений подобного рода это изобретение отличалось не только размерами и формой, здесь вместо веревок на каждом столбе крепились цепи. Палачам пришлось потрудиться, изготавливая быстро воспламеняющуюся горючую смесь. Помог какой-то интендант, вовремя вспомнивший о находившихся в обозе нескольких бочках колесной мази. Туда что-то добавили, перемешали, и получился вполне подходящий для данного случая состав.

Как писал известный востоковед профессор Н. А. Халфин: «Трещали барабаны. У чанов действовали ачхуты — индийцы из касты «неприкасаемых». Они обмазывали воспламеняющейся смесью одежду приговоренного. Затем палачи вешали его на цепь и разжигали под ним костер. Пламя быстро охватывало сухие дрова. Его языки, набирая силу, сливались, превращаясь в мощные огненные руки, которые рвались вверх, к жертве... Еще секунда — и человек превращался в пылающий факел...

Зверская расправа, напоминавшая времена инквизиции и унесшая более двухсот жизней, растянулась на несколько дней. Над Бала-Хиссаром поднялось облако густого зловонного дыма. Оно разрасталось, превращаясь в мрачную тучу. И долго висела эта туча над Кабулом, напоминая жителям о страшной участи, постигшей их родных, близких, друзей, сограждан.

По завершении казни Робертс распорядился разобрать на топливо деревянные части строений Бала-Хиссара и перевезти их вместе с

остатками пороха в Шерпур, а все остальное, и прежде всего цитадель, взорвать и сровнять с землей. Вскоре великолепные памятники афганской архитектуры, слава и гордость Кабула, взлетели на воздух» (60. С. 249).

Расправа над населением Кабула привела к диаметрально противоположным результатам. Афганцы не только не испугались, а, наоборот, повсеместно взялись за оружие. Газни стал центром сосредоточения племен среднего Афганистана. Во главе этого союза был престарелый Мушк-и-Алим, один из наиболее почитаемых мулл, а командование войсками принял генерал покойного эмира Мухаммед-Джан. По всей стране начали формироваться ополчения, постепенно стягивающиеся к Кабулу. Чтобы парализовать это движение, генерал Робертс выслал по расходящимся направлениям отряды, чтобы разогнать афганские скопища раньше, чем они успеют сосредоточиться.

28 ноября отряд генерала Макферсона, направленный в Кугистан (к северу от Кабула) для разъединения кугистанских отрядов, встретил значительные силы противника и в бою 29 ноября потерпел неудачу, потеряв несколько орудий. Отряд генерала Бекера, посланный в тыл газийскому ополчению, был окружен афганцами, но 1 декабря с боем пробился к своим.

К концу ноября в крепости Кабула собралось значительное число афганских отрядов, одно присутствие которых должно было внушить англичанам большие опасения. Однако генерал Робертс не придавал этому обстоятельству серьезного значения. Но события вскоре вынудили Робертса посмотреть на проблему гораздо серьезнее. Кох-и-Асмайское сражение открыло ему глаза.

Рано утром 2 декабря густые массы афганцев заняли удлинённый горный хребт Асмай, отходящий к северо-западу от Кабула, и приготовились атаковать английский лагерь. Робертс, не дожидаясь нападения афганцев, решил немедленно атаковать неприятеля. Для атаки был назначен отряд генерала Бекера (750 человек с десятью горными пушками). После артподготовки отряд обошел левый фланг афганцев и атаковал их, стараясь отбросить неприятеля в сторону Кабула. Афганцы начали отступать. Робертс приказал кавалерии перехватить афганцев на равнине, а бригаде генерала Макферсона атаковать их с Бада-Гисарских высот, т. е. с юго-запада. В это же время шесть горных орудий были поставлены на командующей высоте у северо-западной оконечности горного хребта Асмай для обстрела отступавшего противника. Но в это время афганцы внезапно перешли в наступление и направили свои главные силы на овладение командующей высотой, на которой находилась

английская артиллерия. Они овладели этой высотой и захватили два английских орудия.

В это время появились свежие отряды афганцев, начавших энергичное наступление, а вслед за этим и преследование отступавших английских войск. Генерал Робертс отступил в Шир-Пурский лагерь, туда же подтянулась и бригада генерала Макферсона. Англичане, укрывшись за стенами укрепленного лагеря, не показывались из него в течение девяти дней, пока их не выручил отряд, направленный из Пешаварской колонны.

Поражение Робертса под Кабулом произвело большое впечатление в Индии. Из метрополии были потребованы подкрепления, а войскам из Пешаварской колонны было приказано идти на выручку Робертса. С большим трудом удалось собрать в Джигделике отряд силой 3700 человек и двенадцать орудий под командованием генерал-майора Гофа и отправить его к Кабулу, куда он прибыл 12 декабря и освободил гарнизон Шир-Пурского лагеря.

Мухаммед-Джан, убедившись в невозможности овладеть английским лагерем, отвел свои войска от Кабула.

Не лучше шли дела и в Кандагарской колонне генерала Стюарта. В день убийства Каваньяри последние 2 тыс. человек этой колонны начали покидать Кандагар, но их вернули обратно. Из-за дальности расстояния и небезопасности сообщений с Индией Кандагарскую колонну долго не удавалось усилить. После сражения при Чар-Азиабе (24 сентября) было решено поторопиться с усилением действующих отрядов для ведения более энергичных наступательных действий. Пока же положению англичан в Кандагаре и окрестностях серьезная опасность не угрожала.

В сентябре 1879 г. Стюарту было приказано выслать к Газни отряд для связи с Кабулом. Командированный для этого небольшой отряд генерала Пока не смог пройти далее Келат-и-Гильзая, где и остановился на зимовку. С наступлением нового года войска Стюарта были усилены дивизией генерала Примроза. Весь Кандагарский отряд было решено направить через Газни к Кабулу с целью по дороге отряда уничтожать скопища афганских племен, а затем усилить войска в Восточном Афганистане, где предполагалось закончить кампанию.

19 марта 1880 г. шеститысячный отряд Стюарта выступил из Кандагара. Отряд был обременен огромным количеством нестроевых (6300 человек) и большим обозом (3500 лошадей и мулов, 6300 верблюдов и 11 слонов). Как только войска тронулись, воины из племени патанов напали на форт Дубрай (между Кандагаром и Кветтой), вырезали его гарнизон и прервали сообщение Стюарта с Индией. Войскам Стюарта в пути

пришлось выдержать несколько столкновений с афганцами. В 15 верстах к югу от Газни у селения Ахмет-хейля произошла наиболее серьезная стычка между английским отрядом и афганцами.

20 апреля Стюарт подошел к Кабулу, соединился с Робертсом и принял командование над всеми английскими войсками, действовавшими в Афганистане. Между тем за зимние месяцы в отряде Робертса не произошло никаких изменений. Гильзаи по-прежнему нападали на английские коммуникации, так, Джигделик, Джадзаильх (возле Джелалабада), форт Мични и другие пункты не раз подвергались атакам афганских племен. Англичане фактически владели лишь узкой полосой местности, по которой пролегла дорога, связывавшая Пешавар с Кабулом.

Таково было положение дел на театре военных действий, когда на горизонте политических событий появился сардар^[28] Абдуррахман-хан, племянник покойного эмира Шер Али-хана. В 1869 г. в ходе афганских междоусобиц Абдуррахман-хан бежал за Амударью. Какое-то время он провел у Хивинского хана, а затем — у Бухарского эмира, но в конце концов решил, что ему безопаснее будет в русском Туркестане.

Генерал-губернатор Кауфман разрешил поселиться Абдуррахман-хану в Самарканде. Там он с большой свитой неплохо проводил время за счет русской казны. Но Кауфман получил весть о свержении англичанами Мухаммеда Якуб-хана, и Абдуррахман-хан был срочно вызван в резиденцию генерал-губернатора. Там ему тактично напомнили о его династических правах.

Долго уговаривать Абдуррахман-хана не пришлось, он сразу же попросил денег, оружие и офицеров Белого царя. Кауфман был не прочь дать сардару и то и другое, но боялся петербургской клики Горчакова и К°. И, думаю, направь он в Афганистан дюжину или две смелых офицеров да тысяч пять винтовок Бердана, колесо истории могло покатиться совсем в другом направлении.

Но, увы, генерал-губернатор был вынужден строжайше скрывать свою поддержку Абдуррахман-хана. Ни один русский человек не должен был появиться в Афганистане. Свите Абдуррахман-хана лишь передали 25 винтовок Бердана. А вот деньги не имеют национальности, и хотя 11 ноября 1879 г. пришлось на воскресенье, дело не терпело отлагательств. Из канцелярии Туркестанского генерал-губернатора в Ливадию, где в это время находился царь с семьей, была отправлена шифрованная депеша с запросом об отпуске 25 тыс. рублей для претендента на афганский престол. Через пять дней Кауфман запросил еще 12 тыс. для ближайших родственников Абдуррахман-хана — двоюродных братьев Мухаммеда

Исхак-хана и Мухаммеда Сарвар-хана. Александр II дал согласие, и деньги были высланы, понятно, не рублями, хотя тогда был не советский «деревянный» и не «демократический» постоянно падающий рубль.

И декабря 1879 г. Абдуррахман-хан «бежал» из Самарканда и обходными путями через Бухарский эмират в январе 1880 г. с 250 всадниками переправился через бурную реку Пяндж.

Население и власти города Рустока радостно встретили Абдуррахман-хана. Из Рустока сардар направил послание в соседний город Файзабад: «Бек Хасан, начальники и подданные Файзабада! Извещаю вас, что я прибыл в страну, чтобы освободить ее из рук англизи. Если мне удастся сделать это мирным путем, хорошо. Если нет, нам придется сражаться. Все вы правоверные, и вам нельзя допускать, чтобы страна оказалась под властью англизи» (60. С. 261).

К тому времени и премьер Дизраэли в Лондоне, и вице-король Литгон в Индии, и генерал Робертс в Кабуле поняли, что войну в Афганистане надо выиграть любой ценой. И вице-король предложил договориться с Абдуррахман-ханом. Англичане могли предложить ему титул эмира и большие деньги. Не меньшую роль играла и разобщенность афганской знати. Никаких правил престолонаследия в Афганистане не существовало, и правитель Герата молодой сардар Аюб-хан тоже рвался к власти.

По приказу вице-короля в Кабул для переговоров с Абдуррахманом отправился в качестве политического комиссара Леппель Гриффин. 1 апреля 1880 г. генерал Робертс объявил в Кабуле афганцам, что английские войска будут отведены в Индию, как только афганские начальники согласятся между собой на счет выбора эмира, расположенного дружески к англичанам. На вопрос афганцев об Якуб-хане Гриффин заявил, что о возвращении его в Кабул не может быть и речи. Начались очень долгие переговоры. Абдуррахман держался уклончиво, пока не выяснил, что англичане хотят выделить Кандагар в отдельную область под протекторатом Англии. Против этого он возражал очень упорно. Одновременно Абдуррахман вел в Афганистане бурную пропаганду против англичан и стал в лице афганцев поборником единства и независимости своего отечества. Вскоре влияние Абдуррахмана стало сказываться. В Кабуле на генерала Робертса было совершено покушение, вблизи Кабула стали собираться афганские отряды, на дорогах между Кабулом и Джелалабадом происходили постоянные нападения. Было очевидно, что страна перешла на сторону Абдуррахман-хана.

2 июня 1880 г. англичане послали Абдуррахману ультиматум, а через два дня в Кабуле узнали, что сардар двинулся на столицу с двухтысячным

отрядом и двенадцатью орудиями. 14 июня англичане получили ответ Абдуррахмана, где он твердо заявлял, что должен владеть той же территорией, что и его дед Дост-Мухаммед. Англичане были в замешательстве. На сторону Абдуррахмана перешел Мушк-и-Алим, а также союз афганских племен, выставивший в окрестностях Газни двадцатитысячное ополчение. Сам Абдуррахман-хан шел к Кабулу, нападения афганских отрядов участились. Со стороны Кандагара шли тревожные вести о наступлении Аюб-хана. И англичане решили примириться с создавшимся положением.

10 июля в Кабуле был собран дюрбар (народное собрание), где афганцам объявили, что английская королева Виктория признает Абдуррахман-хана эмиром Афганистана и что английские войска скоро покинут страну.

А тем временем сардар Аюб-хан двинулся из Герата на Кандагар. У него было около 5 тыс. человек при 37 орудиях. Следует заметить, что большинство афганских пушек были старинными гладкоствольными орудиями, а их прислуга была плохо обучена.

23 июня из Кандагара навстречу Аюб-хану вышла англо-индийская бригада генерала Бурроуза (2800 человек с шестью орудиями), впереди которой с туземным отрядом шел кандагарский вали Шир-Али — ставленник англичан. В его отряде имелось три тысячи пехоты, полторы тысячи кавалерии и шесть орудий. Как только отряд Шир-Али в окрестностях Гиришка встретился с войском Аюб-хана, в его рядах началось брожение, враждебное англичанам.

2 июля бригада Бурроуза встала биваком у реки Гельменда в двух верстах от Гиришка, а за рекой расположился отряд Шир-Али. В этот день весь отряд, за исключением кавалерии, которой командовал лично Шир-Али, перешел на сторону Аюб-хана, и англичанам пришлось усмирять вчерашних своих союзников.

15 июля 1880 г. у городка Майванд (Мейвенд) произошло кровопролитное сражение. Англичане были разбиты. Из 2446 английских солдат были убиты и ранены 1109 человек, а 338 попали в плен. Потери союзника англичан вали Шир-Али не установлены. Афганцы захватили две английские пушки.

Остатки английских войск бежали в Кандагар, где находился британский генерал Примроз с 3230 солдатами и шестнадцатью пушками. Аюб-хан осадил Кандагар. 30 июля артиллерия афганцев открыла огонь по укреплениям города. 4 августа 1100 англичан под командованием генерала Брука пошли на вылазку, но, потеряв 223 человека, включая самого Брука,

англичане были вынуждены ретироваться.

Разгром у Майванда вызвал шок в Индии и Англии. Британское командование стянуло все силы против Аюбхана. Решено было направить в Кандагар дивизию Файра, усилить Кандагарский отряд дивизией из Бомбейской армии и послать генерала Робертса с особым отрядом из Кабула через Газни в Кандагар. Одновременно с выступлением последнего по требованию Абдуррахман-хана англичане начали эвакуировать свои войска из Кабула. 27 июля выступил Робертс, а 30 июля Кабул покинули остальные английские части во главе с генерал-лейтенантом Стюартом.

Отряд генерала Робертса состоял из 12 бригад, 13 эскадронов и 18 орудий, всего около 10 тыс. человек. Число нестроевых и обозных было ограничено и не превышало 7 тыс. человек. Вьючных животных имелось около 6 тыс. На каждое орудие было взято по 236 снарядов, на ружье — по сто патронов сверх комплекта. Отряд двигался, не встречая сопротивления, фуража и провианта было достаточно, поскольку Абдуррахман-хан оказывал англичанам содействие в доставке всего необходимого. Весь путь до Кандагара (474 версты) был пройден за 24 дня.

19 августа генерал Робертс подошел к Кандагару и на следующий день, не дожидаясь генерала Файра, атаковал Аюб-хана, отошедшего еще 12 августа от Кандагара на 12 верст к северу к реке Аргенд-абу. Зная, что на него идут соединенные войска Робертса, Примроза и Файра, значительно превышавшие его силы (10 тыс. человек с 37 орудиями), Аюб-хан 19 августа решил отступить.

На следующий день англичане атаковали отступавшие афганские войска. Лагерь афганцев отделялся от Кандагарской равнины длинным и узким хребтом с перевалом Баба-вали. Робертс задействовал свой план сражения: войска генерала Примроза (3000 человек и 14 орудий), только что освободившиеся от осады, имитировали наступление на фронте, от Кандагара на перевал Баба-вали, а все остальные английские войска (8000 человек и 18 орудий) направлялись в обход горного кряжа с юга и атаковали афганцев в обход их правого фланга. Афганцы оказывали упорное сопротивление, но после четырехчасового боя начали отход. Англичане захватили пустой лагерь Аюб-хана и 32 пушки. Однако конница англичан не сумела или не захотела догнать отступавшего противника. По английским данным они потеряли 43 человека убитыми и 239 ранеными, а афганцы — тысячу человек.

В Англии стычку под Кандагаром раздули до грандиозного сражения. Востоковед Н. А. Халфин писал: «Успех Робертса вызвал невиданную со времени борьбы с Наполеоном бурю восторга на Британских островах. За

один день сэр Фредерик превратился в национального героя, чье имя упоминалось наравне с именами адмирала Нельсона и герцога Веллингтона. Его благодарили королева и обе палаты парламента. Робертс стал баронетом, кавалером Большого креста рыцарской степени ордена Бари, был награжден двумя шпагами «за храбрость», получил кучу почетных званий и степеней, а также увесистое материальное добавление в виде двенадцати с половиной тысяч фунтов стерлингов.

Вдобавок к уже имевшейся медали за афганские кампании 1879–1880 годов была учреждена особая медаль «От Кабула до Кандагара. 1880 г.»; ее окрестили «Звездой Робертса». Королева Виктория была столь любезна, что наградила обеими медалями даже лошадь сэра Фредерика — Вонолея, а одной из них — его дога Бобби...» (60. С. 344).

Между тем британские войска покидали Афганистан. 27 августа 1880 г. одна бригада из войск Робертса была направлена в Индию, с ней отправился и сам Робертс. 3 сентября туда же вышла другая бригада, а 18 сентября ушли в Индию последние части Кабульского отряда.

В самом Кандагаре оставался десяти тысячный английский отряд, но и он был выведен в начале 1881 г. В Кандагар вступили войска Абдуррахман-хана. Новому хану англичане передали большое количество вооружения и крупную сумму денег. Это позволило Абдуррахману в ряде сражений разбить Аюб-хана и овладеть Гератом. Аюб-хан бежал в Иран и умер там после тридцати трех лет изгнания. А вот Абдуррахман-хан правил Афганистаном 20 лет и спокойно умер в своей постели, что было редчайшим случаем для афганских эмиров.

После 1880 г. англичане надолго отказались от планов захвата Афганистана, удовольствовавшись контролем над Хайберским проходом, который открывал дорогу к Кабулу.

Британская авантюра в Афганистане стоила огромных денег и тысяч убитых солдат британской армии. Но для Англии это был булавочный укол. Большую часть убитых солдат составляли индийцы, а вся кампания велась за счет бюджета Индии, не затронув финансов Великобритании ни на один пенс.

Надо ли говорить, что дела в Афганистане, да и в самой Индии, могли пойти по-другому, если бы Александр II послушался бы не трусливого старца Горчакова, а боевых генералов Столетова и Кауфмана.

Глава 10. Окончательное присоединение Средней Азии к России

К 1869 г. наиболее враждебным России государственным образованием в Средней Азии стало Хивинское ханство. Хивинский хан помогал оружием и деньгами бандитским шайкам туркмен и киргизов, действовавших на русской территории. В итоге в 1869 г. русское правительство приняло решение унять агрессивного хана.

Действовать против хана было решено с двух сторон: из Туркестана и с восточного побережья Каспийского моря. Последнее направление было стратегически более удобным.

С 5 по 7 ноября 1869 г. в Красноводском заливе с кораблей Каспийской флотилии высадился русский десант в составе одного батальона пехоты и полусотни казаков при шести пушках. Командовал десантом полковник Н. Г. Столетов. Там было основано военное укрепление, а позже — город Красноводск.

Одновременно генерал-губернатор Кауфман отправил хивинскому хану грозное послание, в котором требовал способствовать русско-хивинской торговле и допустить в ханство русских купцов. Кауфман обвинял хана в подстрекательстве казахских племен к неповиновению русским властям и требовал отказаться от вмешательства во внутренние дела казахских жузов.^[29]

Но хивинский хан не пожелал ответить на это послание русского генерал-губернатора, и на то у него был повод: волнения среди казахов усиливались, они просили у хана помощи и даже прислали богатые подарки — 50 соколов, 100 иноходцев, 100 верблюдов и 50 белых войлоков.

Хан начал готовиться к войне с «неверными». В цитадели Хивы возвели башню с двадцатью пушками. Хивинцы перегородили фарватер Амударьи — Талдык и развели воду по арыкам, чтобы русские суда не смогли из Аральского моря войти в реку. Близ мыса Урге на Аральском море была построена новая крепость Джан-Кала, еще одно укрепление хивинцы начали строить в урочище Кара-Тамак.

Проезжий турецкий купец был объявлен послом турецкого султана, прибывшим с предложением союза и военной помощи от блистательной Порты.

Однако Кауфман медлил и не начинал войну. Это было связано прежде

всего с вредительской деятельностью министерства иностранных дел, руководимого пресловутым Горчаковым. Определенную роль в задержке операции сыграл и ввод в 1871 г. войск в Кульджи и Восточный Туркестан.

Лишь в конце зимы 1873 г. было решено начать поход на Хиву. Русские войска выступали четырьмя отрядами с трех направлений: из Туркестана — Кауфман с шеститысячным отрядом при 18 орудиях; со стороны Оренбурга — генерал Веревкин с 3500 человек при 8 орудиях и со стороны Каспийского моря два отряда из войск Кавказского округа — Мангышлакский полковника Ломакина с тремя тысячами человек при 8 орудиях и Красноводский полковника Маркозова с двумя тысячами человек при 10 орудиях. Всего должно было участвовать в операции около 15 тыс. человек при 44 орудиях,^[30] 20 ракетных станков, 4600 лошадей и 20 тыс. верблюдов.

Замечу, что в операции участвовали войска двух военных округов — Туркестанского и Кавказского. Командующий Кавказским военным округом и он же наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич попросил брата поручить ему руководство захватом Хивы. При этом великий князь не собирался покидать Тифлис. Это и стало главным аргументом Кауфмана, и именно ему Александр II поручил общее командование операцией.

Кауфман основательно готовился к походу. По им лично сделанным чертежам с 1871 г. на Волге на верфи Аральской флотилии изготовили железные понтоны, предназначавшиеся для переправы через Амударью. Один понтон состоял из четырех ящиков, свинчивающихся винтами. Каждый ящик весил 80–100 кг. Так что восемь человек могли без особого труда поднять свинченный понтон и спустить его на воду. На сборку понтона требовалось около двух часов. Паром, собранный из понтонов, мог выдержать 2 орудия и 16 человек. Понтоны эти прозвали «кауфманками». В походе же «кауфманки» перевозились на верблюдах, но не пустые, их использовали как емкости для запасов воды для верблюдов, лошадей и предназначенного на мясо скота.

Отряд Веревкина тронулся в поход в середине февраля 1873 г., он двигался северокаспийскими путями небольшими переходами с Эмбы на Амударью. Туркестанский отряд (колонны Кауфмана и Головачева) выступил 13 марта, Закаспийский и Красноводский — в середине марта, а Мангышлакский — в середине апреля.

Самый трудный переход выдержал Туркестанский отряд: континентальный климат показал себя полностью — резкие морозы в марте сменились ужасным зноем в апреле. С середины апреля отряд шел

безводной пустыней, вода кончилась, люди стали умирать, а когда 21 апреля отряд пришел в урочище Адам-Крылган (в переводе «гибель человека»), никто уже не надеялся выжить. К счастью, удалось отыскать колодцы, и это спасло войско, и Кауфман упорно шел вперед. 12 мая отряд вышел к Амударье и после несколько дней отдыха отправился к Хиве.

Два закаспийских отряда должны были преодолеть 700 верст по сыпучим песчаным барханам пустыни Усть-Урт. Красноводский отряд, не выдержав трудностей перехода, вернулся с полдороги, но зато своим движением задержал наиболее воинственное из туркменских племен — текинцев. Мангышлакский же отряд, где начальником штаба был подполковник Михаил Дмитриевич Скобелев, преодолел пустыню Усть-Урт в пятидесяти градусный зной, неоднократно отбиваясь от нападавших отрядов хивинцев и туркмен, и 18 мая близ Мангыта соединился с Оренбургским отрядом Веревкина. 20 мая здесь войска Веревкина и Ломакина вступили в жестокий бой с хивинцами, потери хивинцев достигали трех тысяч. А 26 мая оба отряда подошли к Хиве, куда затем прибыл и Туркестанский отряд Кауфмана.

Командиры русских отрядов рвались первыми войти в Хиву. Рано утром 28 мая на штурм двинулся генерал Веревкин. Но атака его отряда была отбита, а сам Веревкин был ранен в лицо и сдал командование своему начальнику штаба полковнику Саранчеву.

На следующий день, 29 мая, Кауфман вступил в переговоры с парламентаром хана с целью оговорить условия капитуляции. Веревкин получил от Кауфмана записку: «Я полагаю с частью отряда и с войсками от вас войти в город и занять цитадель и ворота. Грабежа не должно быть. Нужна большая осторожность, теперь даже больше, чем прежде. Я беру ваши роты, орудия и кавалерию, чтобы они были представителями кавказского и оренбургского округов. Поздравляю Вас с победой и с раной, дай Бог скорее выздороветь» (57. С. 258).

Веревкин проглотил злую шутку Кауфмана. Но в его отряде нашелся лихой подполковник М. Д. Скобелев, который, никого не спросив, повел две роты солдат на штурм Хивы. Веревкин отправил к послушнику ординарца с приказом остановиться, пригрозив расстрелом за неповиновение. Скобелев послал ответ начальнику: «Идти назад страшно, стоять на месте — опасно, остается взять ханский дворец» (9. С. 102).

Скобелевские молодцы лихо взяли дворец, и только тогда в город с музыкой вступили войска Кауфмана. Но победа была неполной, поскольку хан Мохаммед Рахим II ухитрился удрать из Хивы накануне штурма. Кауфману с большим трудом удалось уговорить хана вернуться.

Встреча Мохаммеда Рахима II с туркестанским генерал-губернатором состоялась 2 июня 1873 г. недалеко от Хивы в тенистом Гандемианском саду — загородной резиденции хана.

Стороны подписали мирный договор, в котором говорилось: «Хан признает себя покорным слугой императора всероссийского, отказывается от всяких непосредственных дружеских сношений с соседними владетелями и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии не предпримет никаких военных действий против них. Весь правый берег Аму-Дарьи и прилегающие к нему хивинские земли уступаются России, причем хан обязуется не противиться переуступке части этих земель эмиру бухарскому, если последует на то воля государя императора. Русским пароходам и другим судам как правительственным, так и частным, предоставляется свободное и исключительное плавание по Аму-Дарье, а суда хивинские и бухарские пользуются этим правом не иначе, как с разрешения русской высшей власти в Средней Азии...

Ханское правительство не принимает к себе разных выходцев из России, являющихся без дозволительного вида от русской власти, к какой бы национальности они не принадлежали, а укрывающихся в ханстве русских преступников задерживает и выдает русскому начальству. Все невольники освобождаются на вечные времена. На Хиву налагается для покрытия расходов русской казны по ведению войны, вызванной ханом и его подданными, пеня (контрибуция. — А. III.) в размере 2 200 000 рублей, уплата которых рассрочена на двадцать лет.

Одна часть земель, уступленных Хивой на правом берегу Аму-Дарьи, отошла непосредственно к России и на ней возведено Петро-Александровское укрепление, занятое русским гарнизоном. Другая часть переуступлена эмиру бухарскому» (56. Кн. вторая. С. 117–118).

Хану пришлось освободить множество рабов, из которых только персов было не менее 40 тыс.

Большие проблемы для русских создавало 175-тысячное племя йомутов, которое лишь номинально подчинялось хивинскому хану. Йомуты продолжали вести партизанскую войну, они отказывались освободить рабов, предоставлять продовольствие русским войскам и, само собой, не собирались платить контрибуцию.

Кауфман вспылil и 6 июля 1873 г. отдал предписание № 1167 генерал-майору Головачеву. Поскольку предписание послужило поводом к кампании в российской либеральной и западной прессе против Кауфмана, то стоит его привести полностью: «Дабы ближе следить за ходом сборов с

иомудов, прошу Ваше превосходительство отправиться 7-го сего июля с отрядом в Хазават, где и расположить его на удобном месте. Если Ваше превосходительство усмотрите, что иомуды не занимаются сбором денег, а собираются дать войскам отпор, а может быть, откочевать, то я предлагаю Вам тотчас же двинуться в кочевья иомудов, расположенные по хазаватскому арыку и его разветвлениям, и предать эти кочевья иомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению, а имущества их, стада и прочее — конфискации» (57. С. 269).

Получив это предписание, Головачев назначил в состав карательного отряда 8 рот пехоты, 8 казачьих сотен, 10 орудий и 8 ракетных станков, всего около 3 тыс. солдат и казаков.

С 9 июля в течение 10 дней русские войска перебили несколько тысяч туркмен-йомутов. Английские газетчики не упустили случая по сему поводу заклеить русских «гуннами» и «варварами». И в советское время ряд историков резко отрицательно высказывался о действиях Кауфмана. Так, Н. А. Халфин писал: «Зверское истребление туркмен и разграбление их кочевий, по мнению царских властей, должно было оказать моральное воздействие на хивинское население, подорвав в нем какое-либо стремление к сопротивлению, но фактически это был акт неоправданной жестокости, не находящей никакого объяснения» (61. С. 268).

Эмигрантский же историк А. А. Керсновский писал: «Кауфман предпринял карательную экспедицию на туркмен-йомудов и покорил их, положив в делах 14 и 15 июня свыше 2000 человек. В этом деле было уничтожено как раз то племя, что вырезало отряд Бековича» (21. Т. II. С. 292). (Нечего, мол, было проказничать во времена Петра Великого.)

Объективно говоря, следует признать, что жестокие репрессии русского правительства касались только отдельных племен, промышлявших разбоем и до прихода русских. Всем же среднеазиатским ханствам Россия оставляла полную внутреннюю самостоятельность, требуя лишь признания своего протектората, уступки некоторых важных в стратегическом отношении областей и пунктов и прекращения работоторговли.

Так, кокандский хан Худояр не имел оснований быть недовольным русским правительством. Наоборот, он благоприствовал русской торговле и соответственно имел хорошие «барыши». Русские власти такая ситуация вполне устраивала. Но в июле 1875 г. в Коканде начались волнения. Возглавил мятежников кипчак Абдуррахман-Автобачи — сын казненного ханом Худояром регента ханства Мусульман-Кула, фанатика, поклявшегося на гробе Магомета вести войну с «неверными». К Автобачи примкнули все

недовольные русским присутствием в крае, все лишенные выгодных мест и влияния, а также все духовенство. Худоярхан бежал на русскую территорию, и восставшие провозгласили ханом старшего сына Худояра Наср-Эддина.

В начале августа 1875 г. пятнадцатитысячное кокандское войско перешло русскую границу, вторглось в долину Ангрена и осадило город Ходжент.

Карта Кокандского ханства

Генерал-губернатор Кауфман среагировал немедленно. Он собрал отряд из 16 рот пехоты, 8 сотен казаков, 20 орудий и 8 ракетных станков, который сосредоточился 19 августа близ Ходжента. Десятитысячное войско Автобачи к тому времени заняло кокандскую крепость Махрам.

20 августа русский отряд выступил из Ходжента и к вечеру стал лагерем у селения Кастакоз. На следующий день отряд двинулся дальше, все время отражая стычки кокандской конницы. К вечеру отряд был уже в четырех верстах от Махрама и заночевал близ селения Каракикум.

Утром 22 августа русский отряд начал наступление и в тот же день овладел крепостью Махрам. Кокандцы бросились к Сырдарье, надеясь спастись вплавь, и сотнями гибли от винтовочного огня наших стрелков. Русские потеряли всего 5 человек убитыми и 8 ранеными.

Оставив в Махrame небольшой гарнизон, Кауфман 26 августа выступил к столице ханства Коканду. 29 августа русские войска без единого выстрела заняли Коканд, а 5 сентября двинулись дальше и 8

сентября прибыли в Маргелан. Здесь для дальнейшего преследования отрядов Автобачи был сформирован летучий отряд под командованием генерал-майора Скобелева в составе шести казачьих сотен, двух рот пехоты, посаженных на арбы, конной восьмиорудийной батареи и ракетной команды. Отряд занял без боя Ош — самый восточный город ханства и рассеял скопища Автобачи, бежавшего в Узгент. 13 сентября летучий отряд возвратился в Маргелан. Таким образом, в течение трех недель Кауфман овладел всем ханством.

22 сентября 1875 г. генерал-губернатор Кауфман заключил с ханом Наср-Эддином договор, по которому последний признавал себя покорным слугой русского царя, обязывался выплачивать в виде дани ежегодно 500 тыс. рублей и уступал России все земли к северу от реки Нарын. Из этих земель, согласно приказу по Туркестанскому генерал-губернаторству от 16 октября 1875 г., был образован Наманганский отдел, начальником которого назначался отличившийся во время Кокандского похода генерал-майор Скобелев.

После заключения мирного договора русский отряд выступил из Маргелана и 26 сентября прибыл в Наманган.

Но вновь приобретенные земли еще не были окончательно покорены. Наср-Эддин, заключивший договор с Россией, не в состоянии был поддерживать спокойствие в крае. Абдуррахман-Автобачи, все еще находившийся на свободе, пользовался большим авторитетом у кокандцев. Он вновь поднял восстание, центром которого стал город Андижан. Автобачи удалось свергнуть Наср-Эддина и провозгласить ханом родственника Худояра Пулат-бека (Фулаш-бека).

Для подавления восстания 28 сентября из Намангана был выслан отряд генерал-майора Троцкого в составе 5,5 рот, конной батареи, 3,5 казачьих сотен, всего 1400 человек, а также 4 ракетных станков. В Андижане скопилось около 70 тыс. восставших, не считая 15 тыс. каракиргизов Пулат-бека, расположившихся вокруг города. Несмотря на такое численное превосходство противника, русскому отряду удалось 1 октября занять Андижан. Но недостаток сил не позволил Троцкому развить успех до полного разгрома восставших, как это было под Махрамом. Разрушив наполовину город, русский отряд в тот же день направился обратно в Наманган, куда прибыл 8 октября.

В конце концов 15 января 1876 г. последовало Высочайшее разрешение «занять остальную часть Кокандского ханства, когда Кауфман признает это необходимым» (6. Т. XIII. С. 25).

Тем временем Скобелев взял Андижан. У Скобелева было 9 рот

пехоты, 7,5 сотен казаков, 12 орудий и ракетная батарея, всего 2800 человек. 8 января 1876 г. русский отряд штурмом овладел центральной частью города и высотой Гультюбе, где немедленно была установлена батарея. Потери русских ограничились двумя убитыми и семью ранеными (среди них один офицер). Потери же кокандцев были огромны, а сам Абдуррахман-Автобачи с большей частью своего воинства бежал в Ассаке.

Затем произошло нечто странное. Чтобы не быть обвиненным в предвзятости, я процитирую «Военную энциклопедию»: «9 января войска не встречали уже сопротивления, но так как жители не являлись еще с изъявлением покорности, то вечером был возобновлен артиллерийский огонь, продолжавшийся до утра, а 10-го войска отряда были размещены в городе, который с этого времени уже нами не покидался» (6. Т. П. С. 544).

Получается, что защитники города ушли, а мирные жители были расстреляны из орудий только за то, что тихо сидели по домам.

Жители Ассаке, куда бежал Автобачи со своими сторонниками, быстро перешли на его сторону. Генерал Скобелев 18 января двинулся на Ассаке и, лично руководя артиллерийским огнем, уничтожил остатки кокандского войска. Это поражение наконец-то убедило Автобачи в бесполезности дальнейшего сопротивления, и 24 января он добровольно сдался русским. А 28 января русский летучий отряд захватил в горном кишлаке Учъ-Курган и другого виновника волнений в крае — Пулат-бека. Абдуррахман-Автобачи сослали в Екатеринослав, а Пулат-бека повесили в Маргелане.

Хан Наср-Эддин вернулся из России в успокоившийся Коканд и начал было уже принимать меры для утверждения своей власти, но тут Скобелев получил приказание от Кауфмана о присоединении Кокандского ханства к России. Во исполнение этого Скобелев быстро сосредоточил войска у Коканда и 7 февраля 1876 г. арестовал хана. Наср-Эддина сослали в Оренбург.

19 февраля 1876 г. Александр II издал указ о том, чтобы вновь занятую область, составлявшую до 1875 г. Кокандское ханство, включить в границы Российской империи и образовать из нее Ферганскую область.

Теперь только племя кара-киргизов оставалось непокоренным. В апреле 1876 г. генерал Скобелев занял Гульчу и разбил банды кара-киргизов у Янги-Арыка, а летом того же года предпринял экспедицию в долину Большого и Малого Алая. В результате этих действий кара-киргизы были вынуждены «изъявить покорность», и в их племени было учреждено принятое для кочевников управление.

С присоединением Ферганской области территория Российской империи увеличилась на 1596 кв. миль с населением до 675 тыс. человек.

К 1877 г. туркменские степи огромным клином вдавались в русские среднеазиатские владения, разделяя Закаспийский край и Туркестан и пересекая все русские караванные пути, поэтому сообщение между Красноводском и Ташкентом приходилось поддерживать через Оренбург.

Среди многочисленных туркменских племен самым воинственным были текинцы. Племя занимало оазис Ахал-Теке, представлявший собой небольшую полосу плодородной земли длиной 240 верст и шириной не более 20 верст от подножия хребта Копет-дага, от селения Кизыл-арвата до селения Гяурса. Число оседлых текинцев (чомур) до разгрома их в 1881 г. определялось в 18 тыс. кибиток. Разгром Хивы произвел на текинцев сильное впечатление, и уже в 1876 г. они заговорили о своем подчинении персидскому шаху. Обстоятельство это вынудило русское правительство в 1877 г. послать экспедицию генерала Ломакина (9 рот пехоты, 2 казачьи сотни, 8 орудий, всего 1820 человек) для временного занятия Кизыл-арвата впредь до выяснения вопроса о дальнейших мерах к удержанию в спокойствии и покорности текинского племени.

Наступление было произведено успешно, но текинцы отступили в глубь страны. Русский же отряд за недостатком продовольствия вынужден был вернуться.

В следующем 1878 г. для упрочнения спокойствия в крае русские войска под командованием генерала Ломакина выступили из Чикишляра и заняли селение Чат, расположенное при слиянии рек Атрека и Сумбара. Тут русские выстроили крепость и оставили в ней небольшой гарнизон.

Однако текинцы не смирились, а, наоборот, участили свои нападения. Их отряды стали появляться не только под Красноводском и вокруг Чата, но и на полуострове Мангышлак, а затем даже напали на Чикишляр. Поэтому весной 1879 г. было решено организовать в Чате отряд, достаточный для подчинения текинцев русской власти. По занятии оазиса Ахал-Теке планировалось приступить к занятию по Узбою (старому руслу Амударьи), устроив здесь укрепления в селении Игды или в другом пункте, для обеспечения красноводско-хивинской караванной дороги.

В экспедиционный отряд назначалось 16 с четвертью батальонов, имевших штаты мирного времени по 450 человек, всего 7310 человек, 18 казачьих сотен и два эскадрона кавалерии (2900 человек) и 34 орудия (400 человек). Из этих войск собственно действующий отряд составлял 4 тыс. пехоты, 2 тыс. кавалерии и 16 орудий, остальные предназначались для обеспечения сообщений действующего отряда с базой. Начальником экспедиции был назначен генерал-адъютант И. Д. Лазарев.

Предварительные расчеты по сбору перевозочных средств не

оправдались, и поэтому отряд был сокращен в соответствии с грузом, который могли поднять 6700 верблюдов, т. е. до восьми с четвертью батальонов пехоты, десяти эскадронов и сотен и 16 орудий с артиллерийским парком (по 80 патронов на винтовку и половина комплекта снарядов на орудие).

17 июня 1879 г. русский авангард занял Дуз-омул, а затем Каракала, чтобы воспрепятствовать текинцам отвести воду из реки Сумбара.

В 1878 г. текинцы приступили к строительству мощной крепости на холме Денгиль-тепе, который русские называли Геок-тепе. К ней и двинулись русские войска. По дороге 14 августа генерал И. Д. Лазарев умер от жары, и командование принял генерал Ломакин. Любопытный факт: при погребении Лазарева у пушки, производившей салют, вдруг рассыпались колеса, что было растолковано как дурное предзнаменование, хотя ничего сверхъестественного в этом не было — в такую жару и сухость подобные аварии с деревянными лафетами и колесами случались часто.

21 августа русские войска, назначенные для движения к Геок-тепе (6 с четвертью батальонов, 6 сотен, 2 эскадрона, 6 ракетных станков и 12 орудий), сосредоточились в Бендесене и отсюда двинулись к Бами по дороге через Бендесенский перевал, лишь частично разведанный авангардным отрядом. Остальные войска (10 рот, 2 сотни, 4 орудия и 2 ракетных станка) остались у Ходжа-кала и Бендесена для обеспечения коммуникаций между Дуз-олумом и Бендесеном.

28 августа 1879 г. русские войска подошли к недостроенной текинской крепости Геок-тепе. В тот же день после короткой артподготовки, произведенной из восьми полевых пушек, русские войска пошли на штурм крепости. Однако текинцы не только отбили штурм, но и контратаковали русских. Из 3024 человек, участвовавших в бою, потери русских составили 453 человека, а текинцев, согласно донесению Ломакина, 2000 человек, но на самом деле эта цифра сильно преувеличена генералом.

Утром 29 августа русские войска начали отход. После поражения Ломакина престиж России в Средней Азии сильно пошатнулся. Британская пресса ликовала. Ей представился хороший повод сгладить у англичан чувство горечи за разгром под Майвандом.

Новый поход на Геок-тепе был запланирован на 1880 г. Командовать войсками Александр II назначил 37-летнего генерал-лейтенанта Михаила Дмитриевича Скобелева — героя Плевны и Шейнова.

Скобелев решил воевать так же, как воевали генерал Суворов и генерал Бонапарт, успехи которых в значительной мере были обусловлены полной независимостью командующего от вмешательства начальников, а в

особенности — от политиканов и дипломатов. Даже деспотичный Павел I был вынужден сказать Суворову: «Воюй, как умеешь!» А Директория несколько раз пыталась отстранить генерала Бонапарта от командования в Италии за полное игнорирование ее распоряжений.

Генерал-лейтенант Скобелев фактически поставил ультиматум начальнику Генштаба^[31] Н. Н. Обручеву: «Успех может быть лишь результатом полного фактического доверия к избранному лицу. Нельзя ставить начальника в положение, затрудняющее развитие в нем всех его энергий, всех его способностей» (6. Т. III. С. 285).

Военному ведомству пришлось уступить. Чисто формально Скобелев был подчинен командующему Кавказской армией, но никаких указаний из Тифлиса (из-за моря, из-за гор) к нему не поступало.

Первым делом Скобелев взялся за организацию коммуникаций. Все снабжение русских войск велось только через Каспий, и Скобелев заставил Морское ведомство назначить на Каспий «начальником морской части» капитана 2 ранга Степана Осиповича Макарова. Чин был слишком мал для такой должности, но это был тот самый Макаров, минные катера которого наводили ужас на турок в 1877–1878 гг.

1 мая 1880 г. Макаров прибыл на Каспий, а 23 мая Скобелев издал приказ: «Начальнику морской части вменяется в обязанность наблюдать за всеми морскими средствами, как назначенными в мое распоряжение от Морского министерства, так и наемными. Все распоряжения о работах и посылке судов делаются через флигель-адъютанта Макарова» (50. С. 86).

Макаров привлек к военным перевозкам не только все суда Каспийской флотилии, но и мобилизовал все пароходы формально частного, но дотированного и управляемого Морским ведомством общества «Кавказ и Меркурий». Кроме того, было зафрахтовано свыше 100 частных парусных шхун.

Для движения по пустыне по приказу Скобелева со всей Средней Азии согнали до 20 тыс. верблюдов. Одновременно была начата подготовка к строительству Закаспийской железной дороги, т. е. сразу за войсками должны были идти железнодорожные строители.

По приказу Скобелева войска должны были широко использовать как электрический телеграф, так и солнечный телеграф-гелиограф. Туземцы были оповещены, что попытка вывода из строя телеграфных линий «не будет наказываться иначе, как смертью». Точно так же наказывались кражи патронов, которыми начали было заниматься туркмены-верблюдовожатые.

При подготовке похода генерал Скобелев не забывал ни о спорте, ни о проститутках. На полях доклада санитарного врача он написал: «Прошу

сделать распоряжение теперь же, в счет экстраординарной суммы, выписать скорее игры для солдат по числу укреплений на обеих коммуникационных линиях и в оазисе. Полезными играми я признаю игру в мяч, причем необходимы мячи различных размеров, прочные и красивые. Кегли можно устроить почти везде на месте, и надо выписать лишь несколько деревянных или костяных шаров... У нас солдат молодой...

Вопрос о публичных женщинах является очень важным. Необходимо иметь прачек и вообще практиканток в тыловых укреплениях для солдат. А для этого нужно их достаточное количество. Буду ожидать доклада начальника штаба» (12. С. 120). На вербовку «практиканток» было затрачено 3 тыс. рублей.

Для участия в экспедиции было выделено по три батальона от полков 1-й бригады 19-й пехотной дивизии и по одному батальону от Ширванского, Дагестанского и Апшеронского полков. Конница состояла из двух эскадронов 15-го Тверского драгунского полка и двух сотен Таманского конного полка. Общая численность пехоты и конницы не превышала 8 тыс. человек.

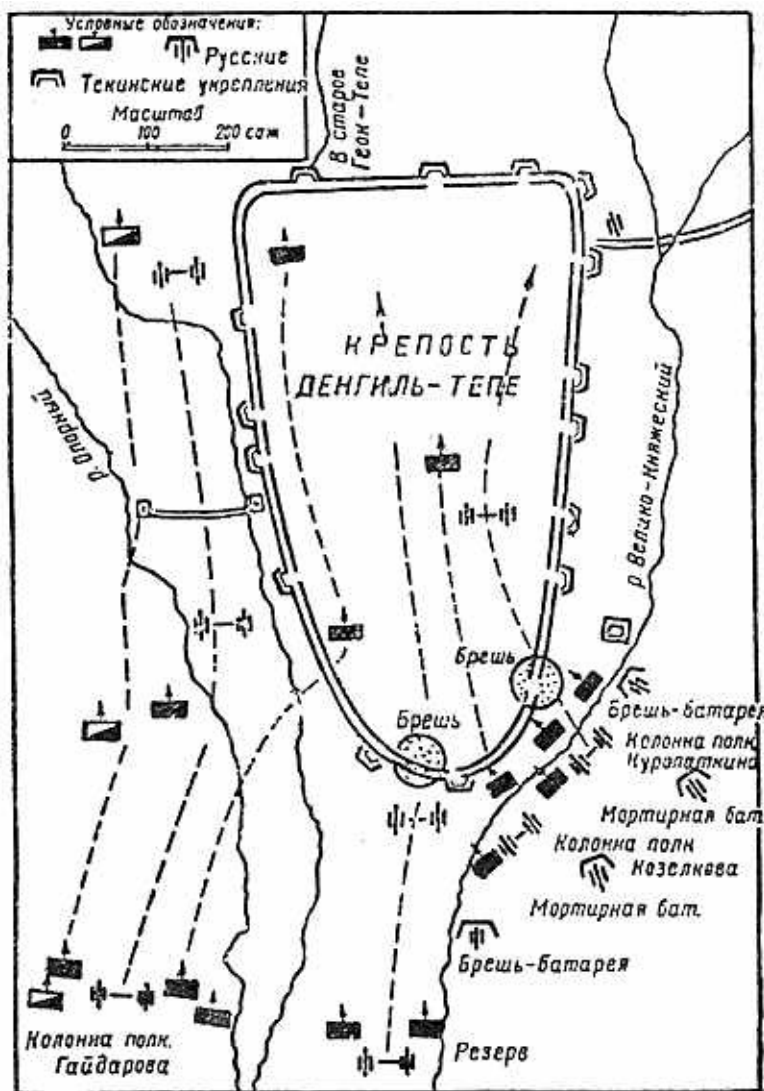
Из артиллерийских подразделений в походе участвовали 3-я и 4-я батареи 19-й артиллерийской бригады, 4-я батарея 20-й артиллерийской бригады, 1-я и 6-я батареи 21-й артиллерийской бригады. Все они были вооружены стальными легкими полевыми пушками обр. 1877 г.^[32] (по 8 пушек в батарее). Кроме того, из имущества Закаспийских укреплений Скобелеву было выделено 16 (а по другим данным 10) 1/2-пудовых (152-мм) гладких мортир обр. 1838 г. и двадцать медных 4- и 9-фунтовых пушек обр. 1867 г. Сверх этого, капитан 2 ранга Макаров из запасов Каспийской флотилии выделил 5 картечниц и прислугу к ним (28 матросов). Картечницы представляли собой установки из 6 или 10 стволов, стрелявших винтовочными патронами. Эти установки имели большой пушечный лафет. Достоинством картечниц была высокая скорострельность — до 300 выстрелов в минуту, недостатком — большие весогабаритные характеристики и малая дальность стрельбы (до 1200 м). Прислуга картечниц становилась хорошей мишенью для пехоты противника, вооруженной современными винтовками. Поэтому в 1876 г. картечницы были сняты с вооружения русской армии, но в Азии они оставались вполне современным оружием и наводили ужас на «халатников».

24 ноября 1880 г. в поход на Геок-тепе выступил авангард русских войск. 21 декабря наши войска подошли к крепости.

Крепость Геок-тепе представляла собой неправильный четырехугольник, обнесенный стеной со сторонами: северная — 870 м,

южная — 512 м, восточная — 1536 м и западная — 1440 м. Стена состояла из земляной насыпи высотой более 4 м, шириной в основании более 10 м, а наверху 6,5–8,5 м.

В крепости засело 30 тыс. воинов-текинцев, из них около 10 тыс. конницы. Но ружей у них было всего 5 тыс., из них всего около 600 винтовок. Артиллерия крепости состояла из одной 6-фунтовой пушки на колесном лафете и двух древних чугунных пушек на крепостных стенах.

Штурм крепости Денгиль-тепе (Геок-тепе)

Блокировать крепость Скобелеву не удалось. Дореволюционные и некоторые современные историки утверждают, что с небольшими силами (до 7 тыс. человек) блокировать крепость было невозможно. Это утверждение явно не выдерживает критики: для блокады неправильного

четырехугольника максимальным размером 1500–900 м хватило бы и половины. Просто русские боялись внезапного нападения туземцев и занимали компактные позиции, без плотного обложения всей крепости. Поэтому в Геок-тепе чуть ли не ежедневно приходили подкрепления и подвозилось продовольствие.

Поздно вечером 28 декабря около 4 тыс. текинцев, вооруженных только холодным оружием, внезапно пошли на вылазку и захватили в траншеях 8 русских орудий. Русские подтянули свежие силы и под командованием полковника Куропаткина (будущего «маньчжурского героя») выбили «халатников» их траншей. Однако текинцам удалось увезти в крепость орудия с двумя зарядными ящиками и знамя Апшеронского полка. Русские потеряли убитыми 5 офицеров и 91 нижний чин, а ранеными одного офицера и 30 нижних чинов.

30 декабря текинцы вновь напали на русских, но на сей раз не на правый, а на левый фланг. Они убили и ранили 150 русских и увезли еще одну пушку. Текинцы взяли в плен бомбардира Агафона Никитина и потребовали, чтобы он научил их обращаться с орудиями. Несмотря на пытки, он отказался и был убит. Текинцам так и не удалось научиться пользоваться дистанционной трубкой, и стрельба из трофейных орудий была малоэффективна.

Между тем русская артиллерия постепенно разрушала крепость. Причем 1/2-пудовые гладкие мортиры обр. 1838 г. действовали куда эффективнее, чем нарезные пушки обр. 1867 г. и 1877 г.

6 января 1881 г. саперы начали рыть подземный ход в крепость («минную галерею»). В 11 ч 20 мин 12 января под стеной крепости был взорван мощный фугас. В пролом кинулась пехота. Вскоре текинцы начали уходить за крепость, поскольку крепость была обложена только с двух сторон. Вслед за отступавшими генерал Скобелев послал казаков и драгун, которые преследовали текинцев верст пятнадцать, на ходу расстреливая их из винтовок и рубя шашками. Часть женщин и детей были пойманы и возвращены в Геок-тепе.

В ходе штурма русские потеряли убитыми 4 офицеров и 55 нижних чинов, ранеными и контужеными 30 офицеров и 309 нижних чинов. Оценочные потери текинцев — 6–8 тыс. человек. В ходе боя 12 января русские артиллеристы выпустили 5864 снаряда и 224 ракеты.

Через три дня после взятия Геок-тепе Скобелев разослал воззвание к туркменам: «Объявляю всему ахалтекинскому населению, что силою войск великого моего государя крепость ваша Геок-тепе взята и защитники ее перебиты... Войска могущественного Белого царя пришли сюда не

разорять жителей Ахалтекинского оазиса, а, напротив, усмирить и водворить в них полное спокойствие с пожеланием добра и богатства» (29. С. 178–179).

И население Ахалтекинского оазиса смирилось. Сердар Тыкма и старейшины присягнули на верность Белому царю и приняли подданство России. К Александру II отправилась депутация текинцев, милостиво принятая им. «Текинцы такие молодцы, — отзывался о текинцах генерал Скобелев, — что свести несколько сотен такой кавалерии под Вену — не последнее дело» (23. Т. II. С. 301).

В феврале 1881 г. русские войска заняли Ашхабадский округ, на том кампания и закончилась. Российская империя увеличилась на 28 тыс. кв. верст.

В 1882 г. начальником Закаспийской области был назначен генерал-лейтенант А. В. Комаров. Он обратил особое внимание на город Мерв — «гнездо разбоя и разрушения, тормозившее развитие чуть ли не всей Средней Азии» (6. Т. XIII. С. 64), и в конце 1883 г. отправил туда штабс-ротмистра Алиханова и текинца майора Махмут-Кули-хана с предложением мервцам принять русское подданство. Поручение это было выполнено блестяще, и уже 25 января 1884 г. депутация мервцев прибыла в Ашхабад и поднесла Комарову прошение на имя императора о принятии города Мерва в русское подданство. Высочайшее согласие вскоре было получено, и мервцы присягнули на верность русскому царю.

Любое продвижение русских войск в Среднюю Азию вызывало истерику в Лондоне и взрыв эмоций в продажной прессе — «русские идут в Индию!» Понятно, что эта пропаганда была рассчитана на британского обывателя, дабы он охотнее поддерживал военные расходы и авантюры своего правительства. Но побочным эффектом этих кампаний стало то, что индусы действительно поверили, что русские могут прийти и освободить их от англичан. В 80-х гг. XIX в. в Индии побывал известный востоковед, исследователь буддизма И. П. Минаев. В своем путевом дневнике, опубликованном только через 75 лет, он не без иронии писал: «Англичане так много и давно толковали о возможности русского нашествия, что индийцы поверили им» (52. С. 265).

В итоге в Ташкент потянулись «просители». Так, в начале 1860-х гг. прибыло посольство магараджи Кашмира Рамбир Синга. Его принял военный губернатор Черняев. Посланцы Синга заявили, что народ «ждет русских». Черняев был вынужден ответить, что «русское правительство не ищет завоеваний, а только распространения и утверждения торговли, выгодной для всех народов, с которыми оно желает жить в мире и

согласии» (52. С. 275).

Затем в Ташкент явился посланец от магараджи княжества Индур. Он представил чистый лист бумаги русским офицерам. Когда листок подогрели на огне, на нем проступили буквы. Магараджа Индура Мухамед-Галихан обращался к русскому императору: «Услыхав о геройских подвигах ваших, я очень обрадовался, радость моя так велика, что если бы я желал всю выразить ее, то не достало бы и бумаги». Послание это было составлено от имени союза княжеств Индур, Хайдарабад, Биканер, Джодхпур и Джайпур. Заканчивалось оно словами: «Когда начнутся у вас с англичанами военные действия, то я им буду сильно вредить и в течение одного месяца всех их выгоню из Индии» (52. С. 276).

За этим посольством последовал целый ряд других. Вскоре в Ташкент прибыла новая миссия от магараджи Кашмира во главе с Баба Карам Паркаасом. А в 1879 г. начальник Зеравшанского округа принял семидесятилетнего гуру Чаран Сингха. В переплете книги ведийских гимнов старец пронес тонкий листок голубой бумаги. Это было письмо, написанное на пенджаби, без подписи и без даты, адресованное туркестанскому генерал-губернатору. К нему обращался с призывом о помощи «верховный жрец и главный начальник племени сикхов в Индии» Баба Рам Сингх.

Антибританские настроения в Индии были нераздельно связаны с надеждами на приход русских и на помощь России. В 1887 г. магараджи Пенджаба, лишенный англичанами престола и сосланный в Лондон, писал в Петербург, что он «уполномочен от большей части государей Индии прибыть в Россию и просить императорское правительство взять их дело в свои руки. Эти государи в совокупности располагают войском в триста тысяч человек и готовы к восстанию, как только императорское правительство приняло бы решение двинуться на Британскую империю в Индостане» (52. С. 277).

Чтобы создать проблемы русским в Средней Азии британское правительство с начала 80-х гг. XIX в. предпринимало попытки втянуть в конфликт с Россией афганского эмира.

В 1883 г. эмир Абдуррахман-хан, подстрекаемый англичанами, занял Пендинский оазис на реке Муртабе. Хан уже забыл о гостеприимстве русских в бытность его в Самарканде, русские берданки и русские деньги.

Британский генерал Лемсден с отрядом из 1500 солдат проследовал из Индии в Герат, а затем часть англичан прошла через Гератские горы и заняла городок Гульен (Гульран) в 60 верстах от нынешнего города Кушка.

Одновременно афганские войска захватили стратегически важный

пункт Акрабат — узел горных дорог. Акрабат был населен туркменами, и сейчас он находится на территории Туркменистана.

Афганские войска заняли пост Таш-Кепри на реке Кушке, там, где сейчас находится город Кушка. Терпению генерала Комарова наступил предел, и он сформировал специальный Мургабский отряд для оказания отпора захватчикам. В отряде было 8 рот пехоты, 3 сотни казаков, сотня конных туркмен, саперная команда — всего около 1800 человек и 4 горные пушки.

К 8 марта 1885 г. Мургабский отряд перешел в Аймак-Джаар, 12 марта подошел к урочищу Круш-Душан, а на следующий день подошел к Каш-Кепри и остановился у русского передового поста из 30 милиционеров на бугре Кизиль-тепе. В двух — четырех верстах от русского отряда находились позиции афганцев под командованием Наиб-Салара, у которого были 2,5 тыс. конников и полторы тысячи пехоты при восьми пушках.

Комаров попытался договориться с афганцами и британским офицером капитаном Иетта. Как доносил Комаров, афганцы становились все более и более дерзкими, считая, очевидно, начатые с ними переговоры за проявление слабости. Они не только укрепили свои позиции, но и охватили постами расположение русского отряда и даже подъезжали близко к биваку. Чтобы покончить с этим, Комаров послал Наиб-Салару ультиматум и частное письмо, советуя не доводить дело до вооруженного столкновения.

18 марта 1885 г. в 5 часов утра русские части двинулись на афганцев. Они подошли на пятьсот шагов к неприятелю и остановились. Первыми открыли огонь афганцы. С воплями «Алла» в атаку пошла конница. Русские встретили их интенсивным ружейным и артиллерийским огнем, а затем перешли в контратаку. Как позже написал в своей автобиографии Абдуррахман-хан, едва начался бой «английские офицеры сейчас же бежали в Герат, совместно со всеми своими войсками и свитой» (1. Т. I. С. 326–327). За ними кинулись бежать и афганцы. Генерал Комаров не желал ссориться с эмиром и запретил коннице преследовать бегущих афганцев. Поэтому те отделались сравнительно легко — около 500 человек были убиты и 24 взяты в плен. Число раненых неизвестно, но, во всяком случае, их было много. Ранен был и сам Наиб-Салар.

Среди трофеев русских были все 8 афганских пушек и 70 верблюдов. Потери русских составили убитыми 9 человек (1 офицер и 8 нижних чинов) и 35 человек ранеными и контужеными (5 офицеров и 30 нижних чинов). Генерал Комаров за победу на Кушке был награжден Александром III золотой шпагой с бриллиантами. Кстати, этот бой официально считался

единственным сражением в царствование «царя-мироотворца».

На следующий день после победы, 19 марта 1885 г., к Комарову явилась депутация от независимых пендинских сарыков и эрсаринцев с просьбой принять их в подданство России. В результате из земель, очищенных от афганцев, был учрежден Пендинский округ.

После сражения на Кушке Россия и Англия вновь оказались на грани войны.

Английское правительство требовало, чтобы при предстоявшем разграничении Россия предоставила Афганистану Пендже и некоторые другие туркменские территории. Русское правительство отказалось выполнить эти требования, ссылаясь на то, что земли эти населены туркменами и никогда не принадлежали Афганистану.

В конце концов в Лондоне 29 августа (10 сентября) 1885 г. русский посол Георг фон Стааль и британский статс-секретарь по иностранным делам Роберт Сесил лорд Солсбери подписали соглашение о разграничении афганских владений от Ходжа-Салеха до Герируда. По условиям этого соглашения Афганистан безоговорочно включался в зону интересов Англии. В состав Афганистана Россия соглашалась включить и ранее независимый Бадахшан, а также связанный с Бадахшаном округ Вахан. Граница русской и английской сфер интересов устанавливалась по реке Амударье так, что к северо-западу от Амударьи располагалась русская зона, а к востоку, юго-востоку и югу — английская зона.

Более подробное разграничение земель вошло в русско-английский протокол от 10 (22) июля 1887 г., подписанный в Петербурге директором Азиатского департамента И. А. Зиновьевым и полковником Уэстом Риджуэем.

В этих соглашениях Россия сделала большую уступку Англии: был зафиксирован ее протекторат над Афганистаном. Напомню, что в январе 1873 г. князь Горчаков и английский премьер Уильям Гладстон договорились считать Афганистан «нейтральной зоной». Мало того, спорные земли в районе Амударьи, населенные туркменами, отходили к Афганистану. К 1970 г. этих туркмен насчитывалось около трехсот тысяч человек, и они составляли 2 % от населения Афганистана.

Соглашения 1885 и 1887 гг. лишь временно и ненадолго сгладили конфликт между Англией и Россией в Средней Азии. Англичане тянули железные дороги на север Индии. Несколько раз они собирались их строить даже на территории Афганистана, но так до сих пор (на 2002 г.) и не построили.

В свою очередь Россия также начала интенсивно строить железные

дороги в Средней Азии. Так, строительство Закаспийской железной дороги было начато с прибытием в Красноводск Скобелева. К 4 октября 1880 г. железнодорожный путь был уложен от Красноводска до Мулла-кары, на протяжении 22,5 верст, а к началу января 1881 г. — уже до 115-й версты. В 1885 г. железная дорога достигла Ашхабада, в 1886 г. — Чарджоу, а в 1888 г. — Самарканда.

Российские железные дороги были протянуты и к главным портам Каспийского моря. В 1883 г. вошла в строй линия Поти — Баку, а в мае 1894 г. Ростов-на-Дону был соединен с Петровском.

В 1885 г. принято решение о создании Амударьинской флотилии, просуществовавшей до 1917 г. Первые два больших парохода — «Царь» и «Царица» — водоизмещением 165 т были построены в 1887 г. в Петербурге и в разобранном виде доставлены на Амударью. Навигацию они начали в 1888 г. В 1895–1901 гг. были введены в строй еще 4 парохода, 2 паровых катера и 9 барж. Любопытно, что с самого начала все пароходы флотилии работали на нефти. Это была первая русская флотилия, переведенная на жидкое топливо. К примеру, на Черноморском флоте к 1905 г. на нефть, да и то частично, был переведен только один корабль (броненосец «Ростислав»).

Кушка — самая южная точка Российской империи — стала важным опорным пунктом для борьбы с Англией. Кушка была превращена в крепость. 30 мая 1893 г. там сформировали отдельную крепостную артиллерийскую роту, а к 1 февраля 1902 г. там было уже три крепостных артиллерийских роты. К этому времени вооружение крепости состояло из двадцати шести легких полевых пушек обр. 1877 г., десяти 6-дюймовых (152-мм) полевых мортир и шестнадцати 1/2-пудовых (152-мм) гладких мортир обр. 1838 г. Вооружение это не шло ни в какое сравнение с западными крепостями России, такими как Ивангород или Брест, но крепостной артиллерии Кушки хватало против всей артиллерии Афганистана.

В Кушке было сосредоточено и отделение осадного артиллерийского парка в составе шестнадцати 6-дюймовых (152-мм) осадных пушек в 120 пудов, шестнадцати легких полевых пушек обр. 1877 г., четырех 8-дюймовых (203-мм) полевых легких мортир и шестнадцати 1/2-пудовых гладких мортир. На случай войны с Афганистаном нужды в тяжелых 6-дюймовых пушках и 8-дюймовых мортирах не было. Эти орудия предназначались для индийских крепостей.

В 1900 г. Кушка через Мерв была соединена с Закаспийской железной дорогой, а в 1906 г. вступила в строй стратегическая железная дорога

Оренбург — Ташкент (1852 км). До Оренбурга железная дорога была доведена еще в 1877 г. Таким образом, Россия гораздо проще и быстрее могла перебросить в Афганистан и Северную Индию личный состав и артиллерию, нежели Англия из своей метрополии.

Глава 11. Спор о «крыше Мира»

Демаркация западного участка северной границы Афганистана была закончена русско-английским соглашением, подписанным 10 (22) июля 1887 г. в Петербурге. Но восточный участок северной границы Афганистана был по-прежнему не определен. Тут Афганистан граничил с Памиром, который окружавшие его племена именовали «крышей Мира». Разумеется, граница была условной, и никто никогда не занимался ее демаркацией.

Высокогорный район Памира с его суровым климатом сам по себе никогда не интересовал завоевателей. В долинах Памира проживало около 2,5 тыс. таджиков и около 18 тыс. кара-киргизов. И те и другие были мусульманами, но таджики относились к шиитам, а киргизы — к суннитам.

К концу XIX в. Памир приобретает важное стратегическое значение, поскольку через его перевалы можно было попасть в Кашгарию, Афганистан и Индию.

Впервые русские генералы подняли вопрос о присоединении Памира в 1876 г. после окончательного покорения Кокандского ханства, в число владений которого формально входил и Памир. Однако в связи с началом русско-турецкой войны решение этой проблемы было отложено.

С начала 80-х гг. XIX в. англичане под видом научных экспедиций стали посылать на Памир своих эмиссаров и разведчиков. В свою очередь Военное ведомство в 1888 г. отправило туда экспедицию под командованием капитана Громбчевского. Примеру англичан последовали и китайцы, выставив свои посты в долинах озер Рангкуль и Яшилькуль. Но вскоре туда прибыли войска афганского эмира, оттеснившие китайцев к Рангкулю. В 1890 г. в Кашгар из Индии прибыла английская миссия, официально для учреждения в этом городе консульства, а неофициально для переговоров с китайскими властями о разделе Памира.

Русское правительство не могло допустить, чтобы этот стратегический район был поделен между Англией и Китаем, и приняло решение немедленно занять Памир. Для этого в Маргилане был сформирован специальный отряд, состоявший из охотников (добровольцев) из 2-го, 7-го, 15-го, 16-го и 18-го Туркменских линейных батальонов и 24 казаков из 6-го Оренбургского полка. Всего в отряде было 8 офицеров и 114 рядовых под командованием полковника Ионова.

Ионову было приказано прекратить «хозяйничанье» китайцев и

афганцев на Памире, указать на его принадлежность России, по возможности избегать столкновений и производить геодезические съемки. Преодолев с огромными трудностями перевал Тенгиз-Бай (в Алайском хребте), отряд двинулся правым берегом реки Кызыл-Суу и перешел ее вброд напротив урочища Бордаба. Отсюда 10 июля 1890 г. отряд выступил через перевал Кызыл-Арт и 12 июля был на реке Музкол. Здесь отряд разделился: казаки с полковником Ионовым пошли на перевал Уз-Бель и озеро Рангкуль, а пехота с вьюками пошла на перевал Акбайтал. Затем пехота по реке Акбайтал вышла в долину реки Оксу, а оттуда в долину реки Аличур, где и остановилась, охотясь и производя рекогносцировки, пока Ионов с казаками объезжал районы, принадлежавшие к Гиндукушу.

От озера Рангкуль Ионов отправился по реке Оксу (Мургаб) к Ак-Ташу, затем 21 июля через перевал Беик вышел в долину реки Карачукура, поднялся по реке на перевал Вахджир и к 25 июля достиг Базаи-Гумбеца. У перевала Беик русские арестовали английского лейтенанта Девинсона и отправили его под конвоем в Маргелан. А у Базаи-Гумбеца был арестован английский капитан Юнгхесбенд, с него Ионов взял письменное обязательство покинуть Памир и более здесь не появляться.

После этого Ионов с казаками через перевал, названный его именем, перешел на южную сторону Гиндукуша и через перевал Болрогиль вернулся обратно в долину реки Вахандарьи к селению Сархад. Отсюда Ионов направился в долину реки Памир и 11 августа, выйдя через перевал Хзаргош в долину реки Аличур, соединился с пехотой у озера Яшилькуль, откуда и двинулся в обратный путь, в город Ош.

Отряд во время своего движения убедился, что население колеблется относительно своего подданства, и поэтому действовал тут как на территории, бесспорно принадлежавшей России, — расставлял пограничные знаки, утверждал беков и т. д. Но после ухода русского отряда китайцы и афганцы опять начали хозяйничать в долинах рек Оксу и Аличур, что вынудило туркестанскую администрацию опять отправить в 1892 г. на Памир отряд под началом полковника Ионова.

Отряд был значительно увеличен. В его составе имелись четыре пехотные роты добровольцев, три сотни казаков из 6-го Оренбургского полка, двухорудийный взвод Туркестанской конно-горной батареи и команда саперов.

2 июня 1892 г. отряд Ионова выступил из Маргилана и 17 июня прибыл к озеру Рангкуль, где находился китайский отряд, бежавший при приближении русских войск. 27 июня отряд встал биваком на берегу реки Оксу (Мургаб) около слияния ее с рекой Акбайтал вблизи урочища

Шаджан. Здесь Ионов получил сведения о нахождении афганского поста у впадения реки Аличур в озеро Яшилкуль и о готовящемся нападении китайской конницы на русский отряд в случае его продвижения к озеру.

Ионов решил действовать, он сам выступил против афганцев, а капитана Скерского выслал против китайцев.

Скерский выбил китайцев из укрепления Ак-Таш в верховьях реки Оксу, а Ионов, после рукопашной схватки 12 июля, уничтожил афганский пост у Сума-Таша около озера Яшилкуль в долине реки Аличур.

25 июля Ионов двинулся в обратный путь на Оксу (Мургаб). Здесь, на месте прежнего бивака, он заложил укрепление и выслал капитана Скерского с полусотней казаков для рекогносцировки отдаленных районов Памира, где снова появились китайцы.

25 августа Ионов отправился обратно в Фергану, оставив в новом укреплении Шаджанский отряд (160 человек пехоты и 40 казаков) капитана Кузнецова. Кузнецов успокоил китайцев относительно неприкосновенности их территории и наладил с ними дружеские отношения.

Зима 1892 г. прошла спокойно. Весной 1893 г. афганцы начали стягивать войска к границам Бухары и производить рекогносцировки в Шигнани и Рушани, собирая с местного населения незаконную подать. Для прекращения произвола афганцев в этот район был послан штабс-капитан Ванновский с двумя офицерами и десятью нижними чинами, при появлении которых афганцы бежали.

В начале 1894 г. на Памир были отправлены подкрепления снова под командой полковника Иопова. В мае 1894 г. Ионов получил сведения о появлении вооруженных афганцев в Шигнани и Рушани и немедленно отправил туда два отряда: подполковника Юденича — по реке Гунт и капитана Скерского — по реке Шахдаре, до впадения обеих рек в Пяндж. В ту же сторону был выслан казачий разъезд капитана Александровича.

Шахдаринский отряд (12 человек пехоты, 20 казаков, 2 орудия) 22 июля прибыл к границе Шигнана, где был радостно принят местным населением во главе с сыном правителя, присоединившимся к отряду. Однако, подойдя к крепости Рош-Кала 28 июля, отряд был встречен огнем. 31 июля Скерский направил к крепости два отряда, и афганцы покинули Рош-Кала и отошли на 12 верст от бивака русских.

К афганцам подошло подкрепление, но и к отряду Скерского прибыла команда капитана Эттингена, у которого было 60 пехотинцев, 12 казаков и пара пусковых станков с 32 осколочно-фугасными ракетами.

С 4 по 8 августа 1892 г. афганцы несколько раз пытались атаковать русских, но каждый раз, попадая под их огонь, они отступали. 9 августа

афганцы скрытно ушли и через десять дней уже были в пределах владений своего эмира.

Наряду со смелыми действиями русских пехотинцев и казаков следует отметить и блестящую работу расчетов горных орудий и ракетных команд. Чего стоит только переход конно-горной батареи через перевал Акбайтал на высоте 4593 м над уровнем моря. Сейчас далеко не каждый альпинист может похвастаться покорением таких высот, а тут простые солдаты без всякого снаряжения тащили на себе и коней, и пушки.

К концу 1892 г. Памир был окончательно очищен от китайцев и афганцев. Успешные операции русских войск заставили британское правительство вступить в переговоры с Россией.

27 февраля (11 марта) 1895 г. в Лондоне посол России Георг фон Стааль и министр иностранных дел Великобритании лорд Кимберли обменялись нотами по вопросу ограничения подвластных им территорий в Средней Азии. В историю дипломатии этот обмен нотами вошел как «Третье русско-английское соглашение по Средней Азии». (Первое состоялось в 1872–1873 гг., а второе в 1885–1887 гг.)

Условия «третьего» соглашения включали:

1. Соглашение определяло восточный (бухарский) участок северной границы Афганистана.

2. Сферы влияния России и Англии на восток от озера Зоркуль разделялись пограничной чертой, которая шла от точки на восточной оконечности озера Зоркуль по гребню горной цепи до перевала Орта-Бель, а оттуда далее на восток, примерно чуть южнее параллели озера Зоркуль, затем пограничная черта поворачивала к пункту Кызыл-Рабат, лежащему на реке Оксу, а оттуда далее на восток до смыкания с китайской границей.

3. Река Пяндж становилась пограничной рекой между Афганистаном и Бухарой, между сферой английских и российских интересов. Афганистану отошли бухарские владения к югу от Амударьи, на левом берегу реки Пяндж (округ Дарваз), а к Бухаре присоединились таджикские округа Рушан и Шигнан, а также часть Вахана, лежащая на правом берегу Пянджа.

4. Остальная часть Вахана, лежавшая выше впадения реки Памир в реку Пяндж, так называемая Вахандарья, осталась за Афганистаном. Тем самым Россия отделилась узкой полоской афганских владений от Гиндукуша, сохранявшегося, безусловно, в сфере владений Великобритании.

5. Эта территория между Гиндукушем и русско-афганской границей, хотя и входила в сферу влияния английских интересов, не была присоединена к владениям Британии, а осталась афганской, и на ней не

разрешалось возводить ни военных постов, ни укреплений.

6. Установленная соглашением пограничная черта должна быть демаркирована Смешанной русско-английской комиссией погранично-технического характера с участием представителя эмира Афганистана.

7. Обе стороны обязались не вмешиваться в политические дела сферы другой стороны: т. е. Россия — к югу от разграничительной линии, а Англия — к северу от разграничительной линии.

Демаркация границы на местности была проведена в июле 1895 г. Пограничный столб № 1 установили на восточном берегу озера Зоркуль.

Таким образом, часть Памира отошла к Афганистану, часть — к России, а часть — к Бухарскому эмирату. Однако власть бухарского эмира в своей части владений была фиктивной. Фактически и русский, и бухарский Памир находились в ведении начальника памирского отряда, пользовавшегося по отношению к населению правами начальника уезда и подчиненного по исполнению своих административных обязанностей военному губернатору Ферганской области.

Русский отряд на Памире состоял до 1917 г. из нескольких сотен пехотинцев и нескольких десятков казаков, взятых из состава частей Туркестанского военного округа. Из-за суровых климатических условий личный состав отряда ежегодно менялся. Первоначально штаб-квартирой отряда служил Памирский пост на реке Мургаб, а затем — урочище Хорог, расположенное при впадении реки Гунта в Пяндж.

Таким образом, в 1895 г. была окончательно установлена южная граница России, которая позже стала границей СССР и просуществовала до 1991 г.

Глава 12. Милые родственники

Это самая маленькая глава в монографии как бы противостоит всем остальным главам. Дело в том, что враждовавшие монархи приходились друг другу близкими родственниками.

В Англии с начала XVIII в. и до нашего времени царствует Ганноверская династия.^[33] Как писал У. М. Теккерей: «Династией ганноверских монархов на нашем престоле мы, британцы, обязаны удачному браку, заключенному первым ганноверским курфюрстом Эрнстом Августом. Спустя девять лет после того, как Карл Стюарт лишился головы, его племянница София, из многочисленного рода другого свергнутого монарха — злосчастного курфюрста Пфальцского, стала супругой Эрнста Августа и принесла ему по бедности в приданое наследственное право на все три британские короны».^[34]

Племянница короля Карла I София, о которой пишет Теккерей, родилась в 1630 г. Ее родителями были сестра Карла I Елизавета и курфюрст Пфальцкий Фридрих V. Увы, ни София, ни ее муж Эрнст не стали британскими монархами. На престоле до самой своей смерти в 1714 г. была королева Анна, внучка Карла I (1600–1649) и дочь короля Якова II (1633–1701). (Нашему читателю Анна хорошо знакома по спектаклю «Стакан воды».)

Эрнст Август умер в 1698 г., София не дожила двух месяцев до кончины королевы Анны. Трон занял их 54-летний сын Георг Людвиг (1660–1727) ставший Георгом I. Он женился на немке Софии Доротее Брауншвейг-Люнебургской.

Их сын Георг стал английским королем Георгом II (годы правления 1727–1760), а дочь Елизавета вышла замуж за короля Фридриха Вильгельма I и стала матерью Фридриха II Великого.

Британский король Георг II по традиции женился на немке Каролине Бранденбург-Ансбахской. Замечу, что Георг II не знал... английского языка и вообще предпочитал жить не в Лондоне, а в милом его сердцу Ганновере.

Георг II стал прапрадедом британской королевы Виктории. Чтобы не утомлять читателя, скажу, что сын Георга II принц Уэльский Фредерик Льюис, внук — король Георг III и правнук — герцог Кентский Эдвард были также женаты на немках.^[35]

24 мая 1819 г. у герцога Кентского родилась дочь Александрина-Виктория. Замечу, что первое имя она получила в честь русского

императора Александра I. Эдуард, герцог Кентский (1767–1820), был четвертым сыном короля Георга III, и шансов взойти на престол у Александрины-Виктории практически не было. Но после смерти в 1817 г. дочери принца Уэльского Шарлотты у шестерых сыновей больного короля Генриха III либо вовсе не было детей, либо они были холосты. А из его дочерей четверо остались старыми девами, а две замужние были бездетными.

В результате в 1837 г. Александрина-Виктория стала королевой Викторией. Она процарствовала 64 года и скончалась в 1901 г., пережив трех русских императоров — Николая I, Александра II и Александра III.

10 февраля 1840 г. королева Виктория вступила в брак с Альбертом Саксен-Кобург-Готским. Как видим, британская королева была практически на 100 % немкой и имела мужа-немца. Но, увы, и русские императоры в этом ей не уступали. Так, Александр II был на 1/32 русским, Александр III — на 1/64, а Николай II — на 1/128. Замечу, что в Готском альманахе — самом престижном династическом справочнике — русская династия именовалась Гольштейн-Готторпской Романовых. Николай II и его жена даже собирались запретить в России распространение альманаха, но сотрудники МИДа уговорили их отказаться от этого намерения во избежание падения престижа России за рубежом.

Но вернемся в Лондон. Специально для Альберта был придуман официальный титул — «принц-консорт» («принц-супруг»). Королева Виктория сама сделала предложение Альберту. Свадьба состоялась 10 февраля 1840 г. После свадьбы в кабинете Виктории был поставлен второй письменный стол — для Альберта, но, что касалось государственных дел, его обязанности первоначально были ограниченными. Королева писала в дневнике: «Я читаю и подписываю бумаги, а Альберт их промокает...» (31. С. 82).

За двадцать один год супружества (Альберт умер в 1861 г.) королева родила девяти детей.

Старшая дочь Виктория Адельгейда была выдана замуж за прусского короля, а впоследствии — германского императора Фридриха III и стала матерью германского императора Вильгельма.

Сын Эдуард после смерти королевы Виктории в 1901 г. взошел на престол под именем Эдуарда VII. Его сын стал королем Георгом V, а внуки — королями Эдуардом VIII и Георгом VI. В 1887 г. королева Виктория и император Александр III договорились о бракосочетании дочери Эдуарда принцессы Уэльской Виктории и великого князя Михаила Михайловича. Великий князь приехал в Лондон, но в ходе первой же встречи с невестой

откровенно заявил, что ее «не любит и любить не будет», однако «если это нужно», он готов на ней жениться. С принцессой, естественно, случилась истерика, родители были в шоке, а королеву Викторию эта история возмутила до глубины души.^[36]

Более удачно прошло сватовство сына Виктории Альфреда герцога Эдинбургского и заодно герцога Саксен-Кобург-Готского к великой княгине Марии Александровне, дочери императора Александра II. Жених приехал в Петербург, где 11 (22) января 1874 г. и состоялось бракосочетание. 26 января Александр II в честь Альфреда приказал переименовать строившийся на Балтийском заводе броненосный крейсер «Александр Невский» в «Герцог Эдинбургский». Советские историки 50-х гг. XX в. рассматривали это как низкопоклонство перед Англией. Я же, скорее, вижу в этом издевательство над «владычицей морей». Ведь сей крейсер строился исключительно для действий на океанских коммуникациях Англии. Что, разве нельзя было переименовать какой-либо башенный фрегат, строившийся для обороны Финского залива? Видимо, кто-то в Морведе решил пошутить, а Александр II подмахнул приказ не глядя.

В апреле того же 1874 г. император Александр II решил навестить дочь Марию, а заодно поучаствовать еще в паре брачных церемоний. 19 апреля царь отправился из Петербурга в Берлин, где состоялось обручение его второго сына великого князя Владимира Александровича с принцессой Марией Мекленбург-Шверинской. А в Штутгарте Александр II присутствовал на бракосочетании своей племянницы великой княжны Веры Константиновны с герцогом Вильгельмом Виртембергским. Посетив в Амстердаме короля Нидерландского по случаю двадцатипятилетия со дня его свадьбы, «государь поспешил в Англию, дабы быть свидетелем супружеского счастья любимой дочери» (56. Кн. вторая. С. 100).

Александр II провел девять дней в Букингемском дворце в обществе королевы Виктории. Тесть и свекровь клялись друг другу в любви и дружбе. При приеме дипломатического корпуса Александр II заявил, что политика России заключается в сохранении мира в материковой Европе и что он надеется, что европейские правительства соединятся между собой для этой общей цели. А на завтраке, данном в честь русского императора лондонским лорд-мэром в Гильдголе, Александр II благодарил за гостеприимный сердечный прием, оказанный как его августейшей дочери, так и ему самому, и выразил надежду, что эти заявления любви со стороны британского народа еще теснее скрепят узы дружбы, соединяющие Россию и Англию, ко взаимной пользе обоих государств.

А теперь из Лондона мы перенесемся в Копенгаген. С 1863 по 1906 г. в

Дании царствовал король Кристиан IX. Его царствование лучше всего характеризуют стихи А. С. Пушкина:

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.
Царь трудился понемногу,
Кушал, пил, молился богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей... (39. Т. II. С. 138).

Разница лишь в том, что жена у него была одна — Луиза Вильгельмина Гессен-Кассельская, а дочери чередовались с сыновьями. Кристиана в шутку называли «общеевропейским зятем». Только сухой перечень родственных связей Кристиана занял бы как минимум страницу, но нам интересны лишь две его дочери — Александра и Дагмара.

В 1863 г. Александра вышла замуж за принца Уэльского, который в 1901 г. стал королем Эдуардом VII. А Дагмара в 1866 г. вышла за цесаревича Александра, ставшего в 1881 г. императором Александром III. Таким образом, английский король и русский царь были женаты на родных сестрах. Другой вопрос, что из-за долголетия королевы Виктории и убийства в 1881 г. императора Александра II годы их царствования не совпали.

Последняя и наиболее прочная родственная связь между британской Ганноверской династией и российской Гольштейн-Готторпской Романовых династией появилась в результате брака Алисы — дочери королевы Виктории — с герцогом Гессенским — Людвигом. Свадьба Алисы и Людвига состоялась 1 июля 1862 г. в летней резиденции королевы Виктории на острове Уайт.

Людвиг был ничем не выдающейся серой личностью, а великое герцогство Гессен по площади не превышало хорошего уезда в Рязанской губернии. Тем не менее Виктория собиралась церемонию бракосочетания провести с большой помпой, но смерть принца-консорта Альберта наложила отпечаток грусти на эту церемонию. Бракосочетание проводилось не в церкви, а в банкетном зале, наскоро превращенном в часовню, мать же невесты — королева Виктория — появилась на свадьбе в траурном платье. Братья и сестры невесты плакали в продолжение всей

церемонии бракосочетания. После свадьбы родители жениха выразили Виктории свои соболезнования, а архиепископ не скрывал своих слез. Фактически свадьбы не было. Брачная церемония более походила на траурную — безутешно рыдающие родственники невесты, королева-вдова в траурном платье. Сама Виктория потом вспоминала: «Свадьба Алисы больше походила на похороны».

Предзнаменования эти оказались вещими. Брак Алисы и Людвига был неудачным. Тем не менее Алиса за первые десять лет замужества родила шестерых детей: Викторию (1863), Елизавету (1864), Ирену (1866), Эрнеста Людвига (1868), Фридриха Вильгельма (1870) и Алису (6 июня 1872).

В трехлетнем возрасте от незначительного ушиба умер Фритти (Фридрих Вильгельм). Причиной смерти стала страшная и неизлечимая болезнь — гемофилия (несвертываемость крови). Увы, это было новостью лишь для гессенских придворных, сама же мать знала, что ее родной брат Леопольд в 1884 г. стал жертвой этого недуга.

В 1877 г. Людвиг получил титул великого герцога Людвига IV Гессенского. Но, увы, власть его была номинальной — с 1871 г. герцогство входило в состав Германской империи. Что же касается великой герцогини, то она после смерти сына Фритти в основном проводила время в постели. С детьми, особенно с младшей Алисой, она говорила о Боге, о смерти и о встрече с умершими близкими в загробном мире.

Большую часть 1878 г. юная Алиса прогостила у бабушки в Лондоне, а вскоре после возвращения в Дармштадт она потеряла мать. 13 декабря 1878 г. великая княгиня Гессенская Алиса в возрасте 35 лет скончалась от дифтерита.

Бабушка Виктория забрала к себе на несколько лет маленькую Алису. Летом Алиса по несколько недель жила в Осборн-хаусе — резиденции на берегу залива Солент напротив острова Уайт, зимой — в Виндзорском замке недалеко от Лондона. Самым же любимым местом пребывания Алисы был королевский дворец Балморал, построенный в 1855 г. Дворец был построен с учетом пожеланий принца Альберта и имел милый его сердцу вид старинного немецкого замка.

Весной 1884 г. старшая сестра Алисы принцесса Виктория вышла замуж за своего кузена принца Луи Баттенбергского. Вскоре и принцесса Елизавета (Элла) обручилась с великим князем Сергеем Александровичем. Помолвка должна была состояться в Петербурге, и туда ожидалось прибытие всей семьи невесты. Вместе со всеми в Россию поехала и двенадцатилетняя Алиса. Красота города на Неве и пышность свадьбы

поразили девочку. Уже тогда она обратила внимание на шестнадцатилетнего наследника престола. В свою очередь цесаревич Николай 8 июня 1884 г. записал в своем дневнике: «Встретили красавицу невесту дяди Сережи, ее сестру и брата. Все семейство обедало в половине восьмого. Я сидел рядом с маленькой двенадцатилетней Алике, и она мне страшно понравилась» (24. С. 45). Через две недели он пишет в дневнике: «Мне очень и очень грустно, что Дармштадтские уезжают завтра, а еще больше, что милая Алике покинет меня» (4. С. 99).

Зимой 1889 г. Алике вновь приехала в Россию и провела несколько недель в гостях у сестры. Собственно, ничего необычного в этом не было — обычная поездка к родственникам. На самом же деле сводничеством занялись самые высокопоставленные особы в Лондоне, Дармштадте и Петербурге. А вообще-то кем была Алике — нищей принцессой из герцогства, давно ставшего захолустьем Германской империи. Мать ее страдала нервным расстройством, но, самое страшное, она была носителем наследственной болезни — гемофилии, которая передается по женской линии сыновьям, но сами носительницы при этом не болеют. Естественно, что ни Александр III, ни императрица Мария Федоровна поначалу и слышать не хотели об этом браке.

Почему же все-таки состоялся брак Алике и Николая? С начала 1890-х гг. наши историки дают этому самые различные объяснения. Дошло до утверждений, что-де Вильгельм II умышленно подсунул Николаю принцессу — носительницу гемофилии с гнусной целью лишить Россию наследника. Прекрасной же половине общества куда более импонирует версия о великой любви Николая и Алике, преодолевшей все преграды.

Увы, ни одна ни другая версия не выдерживают элементарной критики. Цесаревич действительно был увлечен Алике, однако и других увлечений у него было предостаточно. Рассказ о похождениях Николая выходит за рамки нашего повествования, поэтому я ограничусь констатацией факта, что в Петербурге Матильда Кшесинская и княжна Ольга Долгорукова были далеко не единственными его увлечениями, а во время путешествия в Японию в 1890–1891 гг. он в сопровождении компании титулованных повес не пропускал ни одного города без посещения борделя, начиная от Луксора и до самого Нагасаки.

В молодые годы Николай не отличался твердостью характера. В 1894 г. его мать откровенно сказала, что «Ники сущий младенец». А вот запись в дневнике цесаревича за 27 сентября 1894 г., сделанная в Ливадии: «Утром после кофе, вместо прогулки, дрались с Ники (Николай Георгиевич, греческий королевич. — А. III.) каштанами, сначала перед

домом, а кончили на крыше» (13. С. 38). А 29 сентября: «Утро было ясное, но к полудню небо затянуло тучами, хотя было совершенно тепло. Опять дрался с Ники шишками на крыше» (13. С. 38).

Итак, на первом этаже Ливадийского дворца корчился в страшных муках император Александр III (ему оставалось жить менее трех недель), а на крыше постоянно «дерется шишками» его двадцатилетний сын — гвардейский полковник и наследник престола! Причем для цесаревича занятие это столь важно, что обязательно заносится в дневник. Все три недели до смерти отца — гулянки, пьянки, купания и т. д. И почти на каждой странице дневника — Ксения и Сандро, запомним эти имена, позже они нам пригодятся. Ксения — родная сестра Николая, а Сандро — великий князь Александр Михайлович.

Разумеется, такой «ребенок» не мог в одиночку бороться за Алике с отцом, матерью и всей родней. Но ему буквально подсовывали гессенскую принцессу. Однако император Вильгельм II тут был абсолютно ни при чем. Он предпочел бы видеть на русском престоле любую другую германскую принцессу, более преданную Рейху и менее связанную с британским королевским домом.

Дармштадская родня Алике старалась вовсю, но, увы, ее возможности были невелики. Первую же скрипку в борьбе за императорскую корону для Алике играла бабушка королева Виктория. А на нее работали все службы королевства — от дипломатов до кадровых разведчиков.

Нашлась «пятая колонна» и в Петербурге. Во главе нее были великий князь Сергей Александрович (брат царя) и его жена Елизавета (сестра Алике), а также великая княжна Ксения и великий князь Александр Михайлович. Причем за последним стояли еще три брата Михайловича — внуки Николая I.

Надо ли говорить, что сводничеством великие князья и княжны занялись совсем не из альтруизма и желания помочь влюбленной паре. К концу XIX в. вокруг престола вертелось несколько десятков великих князей и княжон, которые непрерывно соперничали и интриговали друг с другом — шла борьба за чины, деньги, дворцы и даже за личную свободу. Ведь дать разрешение на брак всем членам императорской фамилии мог только царь, и, как показывает практика, три последних царя были не всегда объективны к своей родне. К одним они относились весьма строго, а на других смотрели сквозь пальцы.

Среди великих князей не было ни толковых военачальников, ни политиков, ни ученых, и соответственно никаких шансов выдвинуться за личные заслуги они не имели. Так можно ли упустить шанс подарить

императору семейное счастье, а императрице — корону? Могли ли Сергей Александрович и Елизавета не желать иметь родственницу на троне?

Что же касается Александра Михайловича, то это был весьма честолюбивый предприимчивый человек, эдакий титулованный Остап Бендер. Для начала он решил жениться на дочери Александра III Ксении. Но царь и в основном царица были против этого брака. Сводничая Николая, Сандро хотел сделать и свой марьяж. Однако этим честолюбивые планы Сандро не ограничивались. С XVII в. в России самыми «хлебными» местами считались две должности — генерал-адмирала и генерал-фельдцейхмейстера. Первый распоряжался флотом, а второй — вооружением армии. Поэтому со времен Павла I обе эти должности обязательно занимали члены августейшей фамилии.

С 1856 г. генерал-фельдцейхмейстером был великий князь Михаил Николаевич. Причем до 1881 г. вооружением русской армии он руководил с высоты Кавказских гор — из Тифлиса, поскольку с 1862 г. Михаил Николаевич был по совместительству начальником Кавказской армии и наместником на Кавказе. В дальнейшем большую часть времени Михаил Николаевич проводил в Париже и на Лазурном берегу Средиземного моря. Братья Михайловичи решили, что должность генерал-фельдцейхмейстера должна стать наследственной, и ее отдали великому князю Сергею Михайловичу.

А Александр Михайлович стал претендовать на должность генерал-адмирала. Но на его пути оказалось «семь пудов августейшего мяса». Так называли великого князя Алексея Александровича, который с 1880 г. исполнял обязанности генерал-адмирала. Алексей не отставая от других великих князей и каждый год по несколько месяцев проводил в Париже, в морских делах был не силен, но имел крутой характер и частенько покрикивал на племянника Ники. Забегая вперед, скажу, что чин генерал-адмирала для великого князя Александра Михайловича оказался не по зубам. Мало того, Алексей грубо потребовал у венценосного племянника выкинуть Сандро из русского флота к... Тому действительно пришлось на время покинуть флот и отправиться в Париж. Но неугомонный Сандро не унывал. Если не удалось положить в свой карман военный флот, то почему бы это не сделать с торговым?

Торговый флот империи находился в ведении Министерства финансов, т. е. под началом С. Ю. Витте. Александр Михайлович уговорил Николая II учредить в Министерстве финансов отдел торгового мореплавания. Александр Михайлович стал начальником этого отдела. А в 1903 г. отдел был выведен из министерства финансов и преобразован в Главное

управление торговым мореплаванием и портами, а главноуправляющим был назначен, естественно, сам великий князь. По сему поводу в Петербурге сановники остряли: «Александр Михайлович снял с Витте порты».

Но это было потом, а в начале 1890-х гг. Сандро, которому было двадцать с небольшим лет, резвился и играл в детские игры с Ники (шишечками кидались капитан 2 ранга и полковник), надеялся стать императорским зятем и получить в приданное Морское ведомство.

Если бы цесаревич Николай сам попросил отца принять в Петербурге гессенскую принцессу, то последовал бы резкий отказ, но запретить делать это брату Сергею и его жене Элле (Елизавете) царь не мог. А по прибытии Алике в Россию эта парочка и дюжие ребята Михайловичи обеспечили возможность свиданий Николаю и Алике. Сергей и Элла тайно вступили в переговоры о браке с отцом Алике, а после его смерти в 1892 г. — с ее братом Эрнестом Людвигом, ставшим владетельным герцогом Гессенским. Дядя Сергей убеждал племянника в необходимости лично поехать в Германию и самому обо всем договориться.

Ни Александр III, ни Мария Федоровна не разрешили Николаю ехать в Дармштадт. Но вскоре представился случай: весной 1894 г. в Кобурге должно было состояться бракосочетание гессенского герцога Эрнеста Людвига с дочерью Марии и Альфреда Эдинбургских принцессой Викторией Мелитой. Королева Виктория тоже решила осчастливить внучку своим присутствием на свадьбе.

Русскую делегацию возглавил цесаревич Николай, с ним поехали великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Владимир Александрович, великая княгиня Мария Павловна и великий князь Павел Александрович. Цесаревич и Алике оказались в кругу титулованной английской, немецкой и русской родни, усиленно подталкивающих их друг к другу. Другой вопрос, что королева Виктория умело вела игру, изображая полную незаинтересованность. Это дало повод историку А. Боханову утверждать, что она-де была против брака Николая и Алике (4. С. 109). Понятно, что подобные пассы всерьез принимать невозможно. Да стоило британской королеве мигнуть, как ее родня, британские дипломаты, разведка и пресса мгновенно развеяли бы все марьяжные планы.

Самое забавное, что двумя абзацами ниже Боханов цитирует письмо Эллы королеве Виктории: «Теперь об Алике. Я коснулась этого вопроса, но все как и прежде. И если когда-нибудь будет принято то или иное решение, которое совершенно закончит это дело, я, конечно, напишу сразу. Да, все в

руках Божьих... Увы, мир такой злобный. Не понимая, какая это продолжительная и глубокая любовь с обеих сторон, злые языки называют это честолюбием. Какие глупцы! Как будто трон заслуживает зависти! Только любовь чистая и сильная может дать мужество принять это серьезное решение. Будет ли это когда-нибудь?» (4. С. 110). Обратим внимание, письмо датировано ноябрем 1893 г. Риторический вопрос на бытовом уровне, станет ли старшая сестра подробно сообщать планы младшей бабушке Виктории, которая так мечтает их разрушить?

А теперь риторический вопрос на уровне большой политики: могла ли «императрица Индии» (один из титулов Виктории) не желать, чтобы ее любимая внучка стала супругой слабовольного русского царя, империя которого как раз и угрожала «жемчужине британской короны»?

Что же касается фразы «Как будто трон заслуживает зависти», то ее мог написать или глупец, или крайне циничный человек. Почему же тогда Элла и Сергей не посоветовали Николаю не тянуть несколько лет, а вопреки воле императора жениться на Алике и тихо жить за границей, как сделал это великий князь Михаил Михайлович, женившись на внучке Пушкина, а позже также поступали и другие великие князья. На престоле оказался бы куда более умный Михаил, и есть все основания полагать, что Россия избежала бы ужасов Гражданской войны.

Бабушка Виктория четко и уверенно вела свою игру в интересах Британской империи. Так, в Кобурге, она периодически по-родственному беседовала *tete-a-tete* то с Алике, то с Ники. И 8 апреля 1894 г. Николай официально сделал предложение Алике.

Замечу, что кайзер Вильгельм II практически не имел отношения к этому решению, он вообще прибыл в Кобург за день до предложения цесаревича.

Тот же Боханов писал, что Николай и Алике «сразу же пошли к королеве Виктории, которая обняла и поцеловала обоих, пожелала счастья» (4. С. 111).

Родители жениха были поставлены перед свершившимся фактом. Теперь им оставалось лишь делать хорошую мину при плохой игре. Ситуация усугублялась тяжелой почечной болезнью Александра III. После простуды в январе 1894 г. он уже не мог оправиться. Жить после помолвки сына ему оставалось лишь шесть месяцев. И Александр, и Мария понимали это и скрепя сердце дали согласие. Замечу, что до самого 1917 г. императрица-мать и молодая императрица были в крайне неприязненных отношениях. Дошло до того, что Марии Федоровне пришлось покинуть Петербург и переселиться в Киев — факт беспрецедентный в истории

жизни русских вдовствующих императриц.

Итак, желание королевы Виктории сбылось, внучка Алике стала русской императрицей Александрой Федоровной. Наши читатели знают, что ее в России звали немкой. Но это относилось к годам Первой мировой войны, когда либеральная оппозиция пыталась дискредитировать императрицу Александру Федоровну. Повлияло на это и назначение ее родного брата Эрнста на руководящую должность в германском Генеральном штабе. Наконец, важную роль сыграло и стремление Распутина (точнее, его кукловодов) заключить сепаратный мир с кайзером.

Однако период Первой мировой войны выходит за рамки нашего повествования, а вот в 1894–1907 гг. Александру Федоровну в России именовали не «немкой», а «англичанкой». Конечно, не следует это принимать буквально. Алике даже пыталась стать проводником британской политики при русском дворе. Но надо ли говорить, что она была противницей всех конфликтов с туманным Альбионом, с ее бабушкой, двоюродными братьями, со столь дорогими ей британскими образом жизни и культурой.

Все русские монархи, начиная с Павла I и кончая Александром III, категорически были против участия своих жен в решении любых внутриполитических и тем более внешнеполитических проблем. Законы Российской империи допускали лишь представительские функции императрицы. В крайнем случае ей разрешалось заведовать богоугодными заведениями.

Николай II не был подготовлен к управлению империей. Правда, тот же Боханов во всех своих «исторических трудах» с пафосом восклицает: «А кто был готов к этому!»

Не помнит наш маститый историк о бомбардире Петре Михайлове, об Александре Македонском, ставшем к 27 годам повелителем мира, забыл, бедный, про хрестоматийный пример с князем Александром Ярославичем, в 19 лет побившим шведов на Неве, а в 21 год — псов-рыцарей на Чудском озере. Да, кстати, исход той битвы решил удар кованой Владимирской рати, которой командовал четырнадцатилетний князь Андрей Ярославич. Да и двадцатичетырехлетний капитан Буона-Парте не орехами кидался под Тулоном.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что Николай II состоял из противоречий. Так, он, в отличие от Наполеона, Петра I и Екатерины II, не любил властвовать, процесс управления страной вызывал у него скуку и отвращение, но расставаться с властью он не хотел ни при каких обстоятельствах. Николай с легкостью менял свои решения, иногда по

несколько раз в день, но в то же время был крайне упрям и не желал попадать под чье-либо влияние.

Это был не господин бомбардир, служащий России, и не рачительная хозяйка, принесшая в приданное империи десяток новых губерний, каковой себя считала Екатерина Великая. Николай II сам написал о себе в анкете переписи: «Хозяин земли русской».

Современники писали, что уровень мышления государя остался на уровне гусарского поручика. Справедливости ради скажем, что из него получился бы хороший командир полка, но исключительно при действии в составе дивизии с умным генералом, или начальник небольшой железнодорожной станции, но на уровень императора он не тянул.

Так что же делать монарху с ограниченными умственными способностями? На этот случай еще Пушкин дал отменный совет: «Так если невозможно тебе скорей домой убраться осторожно... хоть умного себе возьми секретаря».

Ведь в конце концов при весьма недалекой Елизавете русские войска разбили Фридриха Великого и взяли Берлин. А Франция стала лидером в европейской политике при слабовольном и неумном Людовике XIII, которому и Елизавета, и Николай II могли дать сто очков вперед. Ведь короля делает свита, а иногда всего один человек из свиты, особенно когда он кардинал Ришелье.

Свита знаменитых монархов сама становится знаменитой в истории, вспомним «Екатерининских орлов», «птенцов гнезда Петрова», «когорту Бонапарта».

Увы, Николай II больше всего боялся своей свиты. Да, да, больше, чем немцев, японцев, большевиков, эсеров и Льва Толстого, вместе взятых.

В такой ситуации Николай все чаще обращался за советом к Алике, которую считал верным и единственным другом. Замечу, что с самого начала Николай старался предельно минимизировать участие своих родственников — матери, дядей, двоюродных братьев и прочих — в делах управления государством. Пусть как хотят хозяйничают в своих уделах: Алексей — во флоте, Сергей Михайлович — в артиллерии, но не лезут с советами по принципиальным вопросам. В итоге влияние Алике на Николая постоянно возрастало, и к 1914 г. она стала фактически его соправительницей. Другой вопрос, что если в 1914–1917 гг. царица давала конкретные указания мужу, а то и прямо министрам, то в 1894–1905 гг. она оказывала очень сильное эмоциональное воздействие на царя в семейном кругу.

Николай с детства был воспитан в антибританском духе. «Однажды

Индия станет нашей», — написал отцу Николай во время своего путешествия на Дальний Восток. Александр III сделал на письме следующую приписку: «Думать об этом всегда, но никогда не говорить вслух» (58. С. 67).

Как же повлияло на молодого Ники, имевшего «легкость в мыслях необыкновенную», общение с Алике и бабушкой Викторией? Осенью 1899 г. в ходе Англо-бурской войны царь писал бабушке Виктории: «Не могу высказать Вам, как много я думаю о Вас, как Вас должна расстраивать война в Трансваале и ужасные потери, которые уже понесли Ваши войска. Дай Бог, чтобы это скорее кончилось» (4. С. 131). А чуть ли не на следующий день написал сестре Ксении: «Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне приятно сознание, что только в моих руках находятся средства в конец изменить ход войны в Африке. Средство это — отдать приказ по телеграфу всем Туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для нее месте» (4. С. 131).

Автору не хотелось бы, чтобы читатель воспринял эти пассажи как свидетельство двуличия и лицемерия Николая. Это, скорее всего, смена настроения, столь характерная для него. Царь мог под влиянием одного сановника объявить мобилизацию, затем, приняв и выслушав другого, отменить ее, а через несколько часов отдать приказ продолжить мобилизацию и т. п.

Сановники и генералы приходили и уходили, а затем император возвращался к любимой Алике. И нежный взгляд, и пустые, но ласковые слова становились куда более весомым аргументом, чем таблицы в докладе военного министра или содержание дипломатических нот.

Глава 13. Непобедимая армада королевы Виктории

К середине XIX в. основу морской британской мощи составляли парусные линейные корабли. Как писал английский историк Оскар Паркс: «В 1850 г. линейный корабль оставался, по существу, таким же, каким он был на протяжении предыдущих столетий — немного больший по размерам и сильнее вооруженный, но аналогичный по конструкции, точно так же влекомый вперед парусами и несущий несколько ярусов гладкоствольных орудий на прежнего типа станках. Во времена, уже давно минувшие, британский линейный корабль бороздил моря как равный или даже превосходящий любое иностранное судно. Его скорость могла отличаться самое большее на один узел от хода любого его возможного оппонента. В открытом море он не опасался ничего. Не было ни тени чувства незащитности от возможных атак миноносцев, подводных лодок или авиации, ни трепетных мыслей о вражеских минах или авиаторпедах, не было, по сути дела, ничего, за исключением разве жестокого шторма, сноса на подветренный берег или сосредоточенной атаки нескольких равноценных противников, что могло бы поколебать гордую уверенность парусного линейного корабля в собственной несокрушимости, принятую им на себя с полным на то правом» (36. С. 7).

Ситуация изменилась в 1850 г., когда во Франции был построен первый в мире паровой линейный корабль «Наполеон». Это был обычный трехдечный линейный корабль, внутрь которого была встроена паровая машина с винтовым двигателем. Водоизмещение 90-пушечного «Наполеона» составляло 5000 т.

Британское Адмиралтейство среагировало быстро, и уже в 1851 г. парусный линейный корабль «Сакс Парель» был обращен в паровой. А в следующем году был построен двухдечный винтовой линейный корабль «Агамемнон».

С 1846 по 1860 г. в состав британского Королевского флота вошло 66 паровых деревянных линейных кораблей. У Франции к 1860 г. было 37 винтовых линейных кораблей.

Британские премьеры любили повторять, что у Англии нет ни постоянных противников, ни постоянных союзников, а есть только постоянные интересы. На деле это означало постоянное стравливание

европейских государств между собой, чтобы они не могли препятствовать планам английского мирового господства.

Если в 1814 г., разбив Наполеона I руками русских, Англия немедленно вступила в союз с Францией против России, то в 1856 г., разбив русских в Крыму руками французов, Англия немедленно начала военные приготовления против Франции. Франция приняла вызов и в марте 1858 г. заложила мореходные броненосцы^[37] «Глуар», «Инвинсибль», «Нормандия» и «Куронь». Первые три имели деревянный корпус, а «Куронь» — железный. Толщина броневого пояса составляла 110–120 мм. За ними последовали броненосцы «Маджента», «Сольферино» и др.

Историк Паркс характеризует ситуацию в британском Адмиралтействе как «морскую панику 1858 года». Действительно, вся армада британских линейных кораблей ничего не смогла бы сделать с четырьмя французскими броненосцами. Британское Адмиралтейство начинает лихорадочно строить свои броненосцы.

В мае и октябре 1861 г. закладываются два огромных по тем временам броненосца — «Уорриор» и «Блэк Принс» — водоизмещением по 9210 т. Средняя часть борта их железных корпусов имела пояс из 114-мм брони на 460-мм тиковой подкладке. Машина мощностью 1250 номинальных л.с. позволяла развить на первом испытании 14 узлов, а на втором — 13,6 узлов. «Уорриор» был введен в строй 24 октября 1861 г., а «Блэк Принс» — 12 сентября 1862 г.

Почти одновременно (в декабре 1859 г.) были заложены броненосцы меньшего размера водоизмещением 6150 т — «Дифенс» и «Резистенс», которые первоначально именовались фрегатами. На них, как и на «Уорриоре», оконечности не защищались, а броня покрывала борт на протяжении всего 47 м в средней части корпуса, простираясь от уровня верхней палубы до отметки 1,8 м ниже ватерлинии. Скорость хода их под парами на испытаниях составила 11,5 узлов, а под парусами — до 10,5 узлов. «Дифенс» был введен в строй 4 декабря 1861 г., а «Резистенс» — 2 июля 1862 г.

Адмиралтейство решило и в строительстве броненосцев придерживаться «two power standard», т. е. иметь двукратное превосходство над самым сильным флотом в мире. Поэтому в мае 1861 г. было принято решение о переделке в броненосцы строившихся на стапелях деревянных линейных кораблей.

Деревянные линейные корабли «Принс Консорт» (до смерти мужа королевы Виктории назывался «Трайомф»), «Каледония» и «Оумен» были переделаны в броненосцы. Корпус от уровня верхней палубы до отметки

2 м ниже ватерлинии полностью покрывался железом толщиной 75–114 мм, водоизмещение было доведено до 6830 т. Машина мощностью 1000 номинальных л.с. допускала ход до 12,5 узлов. «Принс Консорт» был введен в строй в апреле 1864 г., «Каледония» — в июле 1865 г., а «Оумен» — в июле 1866 г.

Время показало, что постройка деревянных броненосцев была действительно следствием «паники» британских лордов. Эти три корабля прослужили совсем недолго из-за быстрого износа деревянного корпуса. В 1871–1872 гг. их поставили на отстой в Плимуте, и более в море они не выходили.

Внимательный читатель уже заметил, что, говоря об английских броненосцах, я не привожу данных об их артиллерии. А дело в том, что ведущая морская держава имела если не самую худшую в мире корабельную артиллерию, то, по крайней мере, серьезно отставала от Германии, России и Франции.

В 60-х гг. XIX в. на вооружении британского флота состояли три гладкоствольные пушки большого калибра — 68-фунтовые, 9,2-дюймовые и 10,5-дюймовые. Все они, естественно, заряжались с дульной части.

68-фунтовая чугунная пушка, спроектированная инспектором морской артиллерии Дундасом в 1864 г., имела калибр 8,1 дюйма (т. е. 206 мм). Вес ствола пушки составлял 4826 кг (далее, говоря о весе пушки, я буду иметь в виду ее ствол). Длина ствола 14,8 калибра. При заряде 7,3 кг сплошное ядро весом 30,8 кг имело начальную скорость 431 м/с.

В 1863 г. было испытано гладкоствольное 9,2-дюймовое (234-мм) орудие «сомерсет», названное так в честь первого лорда Адмиралтейства герцога Сомерсета. Вес орудия 6,5 т. При штатном заряде в 11 кг 45-килограммовое стальное ядро пробilo на испытаниях 140-мм броневую плиту при стрельбе по нормали на дальность 200 м.

Наиболее мощным гладкоствольным орудием, устанавливаемым на кораблях, было 10,5-дюймовое (267-мм) весом 12 т, изготовленное в Вуличском арсенале. Вообще говоря, эти пушки хотели делать нарезными и действительно нарезали два первых орудия, но одно из них разорвалось при стрельбе, и серию из тринадцати последующих орудий оставили гладкими.

10,5-дюймовое орудие стреляло железным ядром весом 71 кг при заряде 16 кг. Пять таких орудий были установлены в четырех башнях броненосца «Ройял Соверен». Это был первый английский башенный корабль и единственный в британском флоте башенный корабль с деревянным корпусом.

В 1865 г. завод Армстронга изготовил четыре 13-дюймовых (330-мм) дульнозарядных пушки весом по 22,5 т. Пушки стреляли железными ядрами весом 272 кг. Однако Адмиралтейство отказалось ставить их на корабли. 13-дюймовые пушки стали последними гладкоствольными британскими орудиями.

Первые нарезные орудия были спроектированы сардинским артиллеристом Кавалли и изготовлены в 1846 г. в Швеции на заводе барона Варендорфа.^[38] В 1849–1850 гг. орудия Кавалли были одновременно испытаны в России и в Англии; Результат был одинаков. 203-мм пушка Кавалли разорвалась на Волковом поле на седьмом выстреле, а в Англии из трех пушек две разорвались на первых же выстрелах.

В 1851 г. инженер Ланкастер предложил свою систему нарезных орудий, заряжаемых с дула. Продолговатый снаряд системы Ланкастера имел сзади свинцовый поддон, который при выстреле расширялся под действием пороховых газов и врезался в нарезы. Из-за большой удельной нагрузки поддон разрушался, снаряд заклинивало, ствол разрывался. Пушки Ланкастера были приняты на вооружение в английской армии и флоте. Несколько 8-дюймовых (203-мм) пушек Ланкастера было доставлено в начале 1855 г. под Севастополь. Были они и на кораблях, обстрелявших Свеаборг. Большинство этих пушек разорвало при первых же выстрелах. После этого пушки Ланкастера были сняты с вооружения, и флот вернулся к гладкоствольным орудиям.

В 1853 г. инженер Армстронг изготовил нарезное орудие нового типа, заряжаемое с казенной части. Канал орудия имел несколько десятков мелких нарезов угловатой формы. Снаряд длиной 2,5 калибра имел тонкую свинцовую оболочку. Замок представлял собой сложную комбинацию винтового и клинового затвора.

Адмиралтейство приняло на вооружение 7-дюймовые (178-мм) орудия Армстронга, но по старинке их называли 110-фунтовыми. Увы, качество этих орудий оставляло желать лучшего. Начальник артиллерии линейного корабля «Кембридж» доносил: «Ни одно из орудий Армстронга, которые я видел, не было свободно от изъянов. До того как они разорвутся, проходит довольно много времени, но, с точки зрения артиллериста, весьма неприятно стоять рядом с пушкой, имеющей несколько трещин в стволе. Я полагаю, что производителям этих орудий следовало бы самим испытывать свои изделия до того, как подпускать к ним нас» (36. С. 47).

В 1862 г. в Японии началась гражданская война. Надо ли говорить, что Лондон решил вмешаться, поскольку японцы, как, скажем, французы в 1792 г. или русские в 1918 г., никак без просвещенных мореплавателей не

могли сами решить свои дела. 3–4 августа 1863 г. английская эскадра подвергла бомбардировке столицу княжества Кагосима и уничтожила большую часть города и стоявшие на рейде три парохода князя Симадзу. В ходе бомбардировки пятью кораблями из 21 казнозарядного орудия Армстронга выпущено 365 снарядов. При этом имели место 28 случаев заклинивания снаряда при зарядании и разрывов снарядов в канале ствола. К тому же стрельба из казнозарядных орудий была неравномерной, с частыми задержками. Снаряды летели «куда угодно, но только не прямо, а отклонялись влево до 600 ярдов (550 м), многие из них не взрывались» (36. С. 48).

Вскоре после этой бомбардировки британское Адмиралтейство распорядилось о снятии с вооружения 110-фунтовых орудий Армстронга. Так в 1864 г. закончилась первая фаза казнозарядных орудий в британском флоте.

Армстронг с горя, что называется, «вместе с грязной водой выплеснул и ребенка». В 1859–1860 гг. он разработал новую систему нарезных орудий. Они заряжались с дула и имели разветвляющуюся систему нарезов, в которой было две ветви — входная и боевая. Снаряд имел цинковые выступы по числу нарезов (от 6 до 12). При зарядании выстрелы входили во входную ветвь нареза, а после выстрела выступы снаряда двигались по менее глубокой боевой ветви нареза. Представляете себе, каково прислуге, да еще в бою, засовывать 50–120-килограммовые снаряды в дуло, да еще так, чтобы цинковые выступы входили в нарезы с ювелирной точностью. Цинк — мягкий металл, на миллиметр ошибешься — помнешь выступ — снаряд при выстреле заклинит — пушку разнесет.

Англичане изготовили большое число орудий Армстронга, заряжаемых с дула. И опять повторилась история с орудиями Ланкастера. Срочно пришлось искать новую систему орудий. И тогда Адмиралтейство стало заготавливать для флота сразу две кардинально отличающиеся друг от друга системы — Вуличскую и Витворта.

Орудия Вуличской системы заряжались с дула. У них было от 3 до 9 нарезов симметричного дугообразного сечения. Снаряды имели медные выступы. Орудия Вуличской системы в основном сохранили свои принципиальные пороки второй системы Армстронга, разве что заклиниваться снаряды стали реже.

Таблица 2. Данные дульнозарядных нарезных пушек Армстронга и Вуличской системы^[39]

Год принятия на вооружение	Калибр		Длина орудия, клб {39}	Вес орудия, т	Вес снаряда, кг	Вес заряда, кг	Начальная скорость, м/с
	дюйм	мм					
1865	7	178	17,8/15,8	6,6	52,2	10,0	436
1866	8	203	14,7/...	9	78,9	15,9	422
1865	9,2	234	16,3/13,9	12,2	112	19,5	408
1868	10	254	16,9/14,5	18,3	181	27,2	393
1867	11	280	.../12,1	25	246	38,6	415
1870	12	305	14,3/12,2	25,4	280	34,5	369
1871	12	305	.../13,5	35	320	63,5	424
1875	12,5	317	15,84/...	38	367	95,3	480
1878	16	406	18	80	764	204	485

Сведения о небоеспособности британской корабельной артиллерии периодически просачивались и в английскую печать. В конце 1869 г. в Атлантику вышел только что вступивший в строй броненосец «Геркулес». Его водоизмещение было около 9000 т, главный калибр состоял из восьми Вуличских 10-дюймовых орудий, заряжаемых с дула, помещенных в каземате. У берегов Португалии в ходе первой же практической стрельбы шесть из восьми орудий вышли из строя. Добавлю от себя, что на практических стрельбах обычно стреляют практическими (половинными) зарядами.

Лондонская «Army and Navy gazette» от 15 января 1870 г. писала: «Орудия самого сильного нашего броненосца приведены в негодность собственными снарядами». Вот оно, действие цинковых выступов!

Инженер Витворт еще в 1858 г. предложил так называемые полигональные орудия. В сечении канал орудия и снаряд имели форму правильного многоугольника (большинство его орудий — шестиугольники). Таким образом, отпала надобность в нарезках, медных поясках, поддонах и т. п. Появилась возможность стрелять более длинными снарядами, до 5–6 калибров длиной. Для сравнения, длина крупновских снарядов 2,3–2,8 калибра. Снаряды Витворта имели лучшую в мире бронепробиваемость.

Стоит отметить, что идея полигонального ствола не принадлежит Витворту. Кто первый изобрел полигональный ствол — неизвестно. Но в 1753 г. русский оружейник Цыгаев изготовил полигональную винтовку, в сечении канала которой был треугольник.

Витвортом были созданы опытные пушки калибром от 38 до 280 мм. Первое орудие, испытанное в 1858 г., было сделано из чугуна, но в дальнейшем Витворт изготавливал орудия из стали.

В 1868 г. 230-мм пушки Витворта показали рекордную для того времени дальность стрельбы 10 300 м при угле возвышения 33° и весе снаряда 133 кг.

Однако самой крупной пушкой, принятой на вооружение британского флота, стала 7-дюймовая (178-мм) пушка Витворта. Ствол ее имел длину 17,1 калибра. Снаряд весом 40,7 кг при заряде 5,4 кг пороха имел начальную скорость 343 м/с.

Полигональные орудия могут быть только казнозарядные, и Витворт создал для них затвор, который представлял собой крышку с прочным дном, навинчивающуюся на задний конец ствола. Крышку охватывала рамка, шарнирно соединенная с телом орудия. Заряды помещались в оловянные картузы (прообраз гильз). Винтовые затворы действовали очень медленно, прочность их была низка, а конструкция оловянных гильз неудачна. А главное, полигональные снаряды имели ряд неустранимых недостатков — сложность изготовления снаряда, трудность заряжания, заклинивание снарядов в канале при стрельбе и др. Все это заставило Адмиралтейство отказаться от полигональных орудий.

Несмотря на то что о покойниках принято говорить только хорошее, по случаю смерти Витворта в 1877 г. английский журнал «Engineering» писал: «Летопись всех артиллерийских опытов с орудиями Витворта представляет собой источник стыда для английской нации и позора для ее администрации».

Однако следует отметить, что опыты с полигональными снарядами велись также во Франции в 1917–1922 гг., а с 30-х гг. — и в СССР. Увы, все опыты подтвердили выводы 60–70-х гг. XIX в.

В итоге во время очередного противостояния с Россией в 1878 г. британский флот имел на вооружении лишь дульнозарядные пушки. Часть из них была нарезными с неудачной системой нарезков, а часть — гладкоствольными, полигональные же орудия с вооружения были сняты. По мнению британских историков, взрыв в 1879 г. на броненосце «Тандерер» («Thunderer») 12,5-дюймового 38-тонного орудия, заряженного по ошибке прислуги двойным зарядом, что физически невозможно при заряжании с казны, стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Адмиралтейства. Было принято решение на переход к казнозарядным орудиям. По моему же мнению, куда большее воздействие на лордов Адмиралтейства произвел отчет о визите в августе 1879 г. группы британских морских артиллеристов на завод Круппа, где им были показаны 28– и 30,5-см германские корабельные пушки с клиновыми затворами.

В 1880 г. тот же Армстронг спроектировал систему корабельных

орудий от 4-дюймовых (101-мм) до 16,25-дюймовых (402-мм), заряжаемых с казенной части. Орудия были стальными и дополнительно скреплялись стальной проволокой и кольцами. Не мудрствуя лукаво, Армстронг принял поршневой затвор французской системы с обтюратором де Банжа.

Таблица 3. Орудия Армстронга, заряжавшиеся с казенной части. 1880–1885 гг.

Калибр		Длина орудия, клб	Вес орудия с замком, т	Вес заряда, кг	Вес снаряда, кг	Начальная скорость, м/с
дюйм	мм					
16,25	412,8	30	111	393,1	737,1	641
13,5	342,9	30	67	258	511,9	617
12	304,8	25,13	45	120,8	292,4	577
10	254	32	29	102,4	204,8	640
9,2	233,7	28,4	24	69,6	155,6	629
8	203,2	29,6	14	51,2	86	671

Таким образом, с 1856 по 1880 г. английский флот был малобоеспособен, чем, однако, не сумели воспользоваться другие европейские державы. Больше такое уже не повторялось, и с 1885 г. по 1945 г. корабельная артиллерия главного калибра ведущих морских держав имела относительно одинаковые баллистические качества и надежность.

В 60–70-х гг. XIX в. английские броненосцы постоянно переоборудовались. Так, тот же «Уорриор» и «Блэк Принс» первоначально были вооружены двадцатью шестью 68-фунтовыми гладкими дульнозарядными пушками и десятью 7-дюймовыми (110-фунтовыми) казнозарядными пушками Виккерса. В 1867 г. оба корабля были перевооружены на нарезные дульнозарядные пушки: двадцать восемь 7-дюймовых 6,5-тонных пушек (24 на «Блэк Принс»); четыре 8-дюймовые 9-тонные и четыре 20-фунтовые пушки.

Глава 14. Русский флот одевается в броню

Быстрый рост числа британских броненосцев создал реальную опасность для русских прибрежных городов, и в первую очередь для столицы империи. Для обороны Петербурга, а также своих резиденций цари не жалели никаких средств. Финский залив должны были защищать броненосные корабли береговой обороны и крепости Кронштадт, Выборг и Свеаборг. Наши броненосные корабли должны были дать бой британскому флоту на минно-артиллерийских позициях Финского залива.

Рассказ о строительстве броненосного флота я, как и в случае с английским флотом, начну с артиллерии. Как уже говорилось, 60-фунтовые чугунные пушки русских кораблей не были в состоянии пробить 114-мм броню английских броненосцев, поэтому было решено принять на вооружение более мощные 8– и 9-дюймовые гладкоствольные пушки. Изготовление стальных пушек в России в 1860–1863 гг. шло с трудом, а вмешательство Англии в польские дела грозило войной. Все это заставило Морское и Военное ведомства России заказать стальные пушки у фирмы Круппа.

Забегая вперед, скажу, что сотрудничество фирмы Круппа с Россией продолжалось с 1863 по 1914 г. И это было честное и взаимовыгодное партнерство. Автором в архивах были изучены десятки дел о поставках крупновских орудий, и я ни разу не нашел срыва сроков, обманов или мошенничества со стороны Круппа, не в пример заводам Шнейдера, Путиловскому и мелким заводам Привисленского края. Без преувеличения можно сказать, что Крупп создал современную русскую артиллерию, а русские деньги создали империю Круппа.

Именно русские заказы позволили увеличить число рабочих на заводах Круппа между 1862 и 1865 гг. с 2 до 8 тыс. человек.

С середины 60-х гг. возникла кооперация между Круппом и Обуховским сталелитейным заводом (ОСЗ).^[40] Создание большинства орудий шло по типовой схеме. Проектирование орудий выполнялось русскими офицерами Артиллерийского комитета Главного Артиллерийского управления (АК ГАУ) или Морского Технического комитета (МТК) Морского ведомства. Затем чертежи передавались Круппу, где его инженеры разрабатывали рабочие чертежи и изготавливали опытный образец орудия. Далее инженеры Круппа и русские офицеры производили заводские испытания, и по их результатам вносились в проект

изменения. После этого Крупп очень быстро выпускал заказанную партию орудий. Причем параллельно германская документация, а зачастую и полуфабрикаты поступали на ОСЗ, и там еще до сдачи последней крупновской пушки начиналось производство этих орудий.

Замечу, что в большинстве случаев ОСЗ делал пушки лучшего качества, чем заводы Круппа. При необходимости к производству орудий, освоенных фирмой Круппа, подключался и второй русский завод, способный производить тяжелые орудия — Мотовилихинский чугунолитейный завод Горного ведомства. Мотовилиха — это деревня вблизи Перми (ныне в черте города), поэтому завод этот чаще всего называли Пермским. Пермский завод производил орудия не хуже, чем Крупп или Обуховский завод, единственное, что ему не удавалось в течение первых пяти лет, это освоить клиновые крупновские замки, и там ставили поршневые замки французского типа Трель-де-Болье, а позже стали ставить и клиновые замки.

Итак, в 1863 г. Морское ведомство выдало Круппу заказ на 68 гладкоствольных стальных заряжаемых с дула орудий для бортовых броненосцев. Впоследствии заказ был уменьшен до 48. (Одновременно Военное ведомство заказало 60 таких же пушек Круппу.)

Первые 8-дюймовые пушки были получены от Круппа в конце 1863 г., к концу 1864-го было поставлено двадцать восемь 8-дюймовых гладкоствольных пушек, но на суда их не ставили.

В том же 1863 г. для вооружения башенных лодок Морское министерство заказало Круппу двадцать четыре 9-дюймовые пушки. Так как Крупп в то время не брался отливать сплошных стальных орудий такого калибра, было решено изготовить стальной ствол весом 7142 кг и надеть на его казенную часть чугунную оболочку весом 5307 кг. Дно пушки полушарное, камора отсутствовала.

В 1864 г. было поставлено двадцать две 9-дюймовые гладкоствольные пушки Круппа. Девять башенных лодок (кроме «Единорога» и «Смерча») были вооружены 9-дюймовыми гладкоствольными пушками. Остальные 9-дюймовые пушки использовались для опытов, в том числе две были неудачно нарезаны на Ижорском заводе и затем рассверлены до калибра 10,75 дюйма и установлены на лодке «Единорог».

На испытаниях в России 9-дюймовые гладкоствольные пушки при заряде 15,25 кг артиллерийского пороха пробивали стальным ядром 114-мм броню, но застревали в деревянной обшивке, пробив только 6-дюймовый (152,4 мм) слой дерева. Чтобы поджечь обшивку, пробовали стрелять калеными ядрами, но они сплющивались при ударе о броню.

Был вариант переделки 9-дюймовых гладкоствольных пушек в нарезные заряжаемые с дула орудия, нарезав их по разветвляющейся системе. Одно из орудий, предназначавшихся для нарезки по разветвляющейся системе, было решено переделать в заряжающееся с казенной части. Переделка этого 9-дюймового орудия с чугунной оболочкой была произведена на заводе Круппа, где из него после переделки сделали 25 выстрелов и отправили в Россию. В России из него стреляли зарядами 14,33 кг призматического пороха. Вес снаряда составил 122,8 кг. Дальность стрельбы была 2785 м при угле возвышения 6°. 22 ноября 1866 г. на 410-м выстреле, сделанном в России, пушка разорвалась.

Замечу, что русские Морское и Военное ведомства испытывали и орудия других заводов, в том числе Армстронга, Витворта, Верендорфа и другие, но заказы с 1863 г. делались только Круппу, поскольку его орудия существенно превосходили конкурентов.

Сделав ставку на нарезные орудия, Морское ведомство решило подстраховаться и дало заказ Горному ведомству изготовить на Олонецких заводах двадцать 15-дюймовых чугунных гладкостенных пушек. Пушки отливались с готовым каналом и охлаждались изнутри. Первая пушка отлита 2 января 1864 г., вторая — 17 января 1864 г.

Первый монитор был вооружен 15-дюймовыми орудиями в кампанию 1866 г. В 1867-м началось перевооружение 15-дюймовыми орудиями остальных мониторов, кроме «Единорога», вооруженного 10,75-дюймовыми пушками. 15-дюймовые пушки также получили башенные лодки «Чародейка» и «Русалка». На вооружении мониторов 15-дюймовые пушки состояли до 1873 г.

15-дюймовая (381-мм) пушка длиной в 11,3 калибра весила 19 656 кг (1200 пудов). Пушка стреляла стальным ядром весом 205 кг и чугунной бомбой весом 165 кг, содержащей 5 кг черного пороха. В военное время разрешалось стрелять зарядом в 30,7 кг, и ядро при этом имело начальную скорость 361 м/с. При стрельбе стальными ядрами по броневым плитам с дистанции 1800 м 114-мм плита пробивалась насквозь, а в 152-мм плитах делалась выбоина глубиной 127 мм.

Для вооружения башенных судов, в том числе фрегатов «Крейсер» и «Минин», была спроектирована 20-дюймовая (508-мм) пушка весом 45 т. Длина ствола ее составляла 9,6 калибра. Пушка испытывалась чугунными полыми бомбами весом 459 кг (вес заряда 53,2 кг, начальная скорость 345 м/с). Баллистические данные у стального ядра должны были быть лучше, но до испытаний его дело не дошло в связи с принятием на вооружение системы нарезных орудий образца 1867 г. Единственный

образец 20-дюймовой пушки, изготовленный и испытанный в 1868 г. на Мотовилихинском заводе, так и остался в Перми.

В середине 60-х гг. фирмой Круппа была разработана система нарезных орудий, которая у нас получила название прусской, а с 1878 г. ее стали именовать системой обр. 1867 г. Тела орудий делались из стали, затворы клиновые системы Круппа. Стрельба велась снарядами длиной в 2–2,8 калибра со свинцовой оболочкой.

В 1864 г. было решено нарезать по прусской системе 8-дюймовые гладкоствольные пушки как уже отделанные, длиной 21 калибр, так и болванки длиной 21,9 калибра. Первые четыре 8-дюймовые нарезные пушки были поставлены Круппом в 1865 г. и 26 таких пушек — в 1866 г. В кампанию 1866 г. их поставили на фрегате «Севастополь» (9 пушек), плавбатарее «Не тронь меня» (17), мониторе «Смерч» (2) и фрегате «Ослябя» (1).

В 1868–1869 гг. ОСЗ нарезал 27 гладкоствольных 8-дюймовых пушек Круппа, поставленных в 1864 г. В 1865-м сухопутная артиллерия передала Морскому ведомству три 8-дюймовые нескрепленные пушки Круппа.

Итого к 1870 г. Морское ведомство имело пятьдесят одну 8-дюймовую пушку Круппа.

Первые стальные нарезные с казны заряжаемые отечественные пушки были получены Морским ведомством в 1868 г. Это были четыре 6,03-дюймовые пушки. Их в том же году установили на клипер «Всадник», уходивший на Тихий океан.

В марте 1865 г. Крупп предложил переделать 9-дюймовые гладкоствольные пушки, снять чугунную оболочку и заменить ее двумя рядами стальных колец. В конце 1868 г. 19 орудий было отправлено на переделку к Круппу, в следующем году они были возвращены в Россию.

На двадцать две 9-дюймовые скрепленные пушки нового чертежа для флота заказ Круппу был выдан в июле 1868 г.

В 1870 г. Морское ведомство имело 9-дюймовых пушек (кроме пробных): Круппа, переделанных из гладкоствольных — 19; Круппа нового чертежа — 22. Первые находились на фрегате «Князь Пожарский», двухбашенных лодках «Русалка» и «Чародейка» и на одном мониторе, а вторые — на башенных фрегатах.

В ноябре 1876 г. Морское ведомство уступило Военному ведомству двенадцать 9-дюймовых пушек Круппа. Пушки были явно негодные. Так, № 20 была снята с монитора «Стрелец» из-за появившихся трещин.

В начале 1870-х гг. по чертежам Круппа началось валовое производство 9-дюймовых пушек обр. 1867 г. на ОСЗ. К 1879 г. в Морском

ведомстве было тридцать 9-дюймовых пушек Круппа и одиннадцать 9-дюймовых пушек ОСЗ.

В 1869 г. Морское ведомство для фрегата «Минин» заказало Круппу четыре 11-дюймовые пушки обр. 1867 г. Все четыре пушки были доставлены в Россию в августе 1871 г. Поскольку «Минин» было решено переделать из башенного фрегата в казематный, то две 11-дюймовые пушки были установлены на «поповке» «Новгород».

Первую обуховскую 11-дюймовую пушку Морское ведомство получило в 1873 г., она была установлена на канонерской лодке «Ерш». Последующие 11-дюймовые пушки Обуховского завода устанавливались на башенных фрегатах.

В 1872 г. на ОСЗ было отлито первое 12-дюймовое орудие обр. 1867 г. Четыре такие пушки установили на броненосце «Петр Великий», а две — на «поповке» «Вице-адмирал Попов».

Таблица 4. **Корабельные орудия обр. 1867 г.**

Время поступления первого образца	Калибр		Длина, клб	Вес стволы, т	Вес снаряда, кг	Вес заряда, кг	Начальная скорость, м/с
	дюйм	мм					
1865	8	203	21,9	9	84,8	12,9	421
1870	9	229	20	15	124	30,7	447
1871	11	280	20	28,7	225	41	404
1872	12	305	20	35,6–39	302	53	447

Как видно из сравнительных таблиц русских и британских корабельных орудий, русские орудия обр. 1867 г. превосходили английские аналоги по баллистическим данным. Но главное их преимущество состояло в меткости стрельбы, удобстве и скорости заряжания.

Первым броненосным судном в России стала канонерская лодка «Опыт» водоизмещением всего в 270 т. Канонерка была заложена 8 августа 1861 г. и введена в строй 11 мая 1865 г. На ее носу был установлен броневой бруствер толщиной 114 мм для прикрытия носовой и единственной 60-фунтовой пушки № 1.

В том же 1861 г. была заказана бронированная плавучая батарея «Первенец». Фактически это был малый и тихоходный казематный броненосец. Водоизмещение его составляло 3622 т, машина мощностью 1067 номинальных л.с. обеспечивала ход 8 узлов. По всей длине борта батарея была прикрыта броневым поясом 114 мм в середине и 102 мм в оконечностях, за броней имелась тиковая подкладка толщиной 254 мм.

6 мая 1863 г. «Первенец» был спущен в Лондоне на Темзенском судостроительном заводе. В связи с обострением отношений с Англией из-за беспорядков в Привисленском крае генерал-адмирал приказал срочно увести недостроенный корабль в Россию. В июле 1863 г. недостроенный «Первенец», не имевший вооружения, был переведен в Кронштадт. Для защиты его от возможного нападения английских или французских кораблей батарея шла под конвоем фрегатов «Генерал-Адмирал» и «Олег».

Еще две близкие по тактико-техническим характеристикам батареи были построены в Петербурге.^[41]

«Первенец» 5 августа 1863 г. прибыл в Кронштадт и к концу года был введен в строй. Плавбатарея «Не тронь меня» была введена в строй 6 июля 1865 г., а «Кремль» — в начале кампании 1867 г.

На «Первенец» установили двадцать шесть 60-фунтовых пушек № 1; на «Не тронь меня» — двадцать четыре такие же пушки. В кампанию 1866 г. «Не тронь меня» вооружили семнадцатью 8-дюймовыми нарезными заряжаемыми с казны пушками, оставив только одну 60-фунтовую пушку. А «Первенец» получил две 8-дюймовые нарезные пушки лишь в 1872 г. «Кремль» с самого начала был вооружен шестью 8-дюймовыми нарезными пушками и десятью 60-фунтовыми пушками № 1.

В дальнейшем вооружение этих плавбатарей неоднократно менялось, и разоружены они были лишь 2 сентября 1905 г. Корпус плавбатарей оказался исключительно прочным. Так, к примеру, «Первенец» использовался как несамоходная баржа вплоть до конца 50-х гг. XX в.

В 1862 г. Морское ведомство решило на английский манер переделать в броненосцы линейные корабли «Император Николай I», «Синоп», «Цесаревич» и фрегаты «Генерал-Адмирал», «Петропавловск», «Севастополь», а также корвет «Аскольд». Однако из-за нехватки средств эта дурацкая затея была осуществлена лишь на строившихся фрегатах «Петропавловск» и «Севастополь».

Эти фрегаты водоизмещением 6135 и 6040 т получили 114-мм пояс брони, уменьшавшийся к оконечностям до 102 мм. Машины мощностью 800 номинальных л.с. обеспечивали обоим 12-узловой ход.

«Севастополь» был введен в строй в конце 1864 г. и первоначально имел на вооружении двадцать шесть 60-фунтовых пушек № 1. К 1867 г. «Севастополь» имел три 8-дюймовые нарезные пушки обр. 1867 г. и двадцать семь 60-фунтовых пушек № 1, а «Петропавловск» — двадцать 8-дюймовых пушек обр. 1867 г. и две 60-фунтовые пушки № 1.

В марте 1863 г. генерал-адмирал утвердил постройку десяти

однобашенных мониторов и одного двухбашенного.^[42] Все одиннадцать мониторов были заложены в 1863 г. Все строились в Петербурге, за исключением «Вещуна» и «Колдуна», которые были частями изготовлены на заводе Коккериль, а собраны в Петербурге.

Проектное водоизмещение однобашенных мониторов составляло 1560 т. Борт по всей длине был бронированным, за 127-мм броней находилась тиковая подкладка толщиной около метра. Башня имела толщину брони 280 мм. Крыша башни покрыта тонкой броней (12,7 мм) с отверстиями для вентиляции. Башня была системы Эрисона, и для поворота ее приходилось предварительно поднимать на центральном штыре. Скорость хода мониторов была невелика — от 5,75 узла на «Единороге» до 7,75 узла на «Броненосце».

Все десять мониторов были введены в строй летом 1865 г. Вооружение мониторов постоянно менялось. Первоначально все они получили по две 9-дюймовые гладкоствольные пушки Круппа. Исключение представлял «Единорог», получивший две 10,75-мм гладкоствольные пушки (жертвы неудачной нарезки 9-дюймовых пушек Круппа). В кампанию 1867 г. все мониторы, кроме «Единорога», получили по две 15-дюймовые гладкие пушки. А в 1872–1874 гг. все мониторы были перевооружены 9-дюймовыми пушками обр. 1867 г.

Единственный двухбашенный монитор «Смерч» был спущен на воду в Петербурге 11 июня 1864 г. и в кампанию 1865 г. вступил в строй. Водоизмещение «Смерча» составляло 1500 т, бортовая броня 114 мм, а на оконечностях 102 мм. Вертикальная броня башни 114 мм. Башни были системы Кольза и вращались на катках на специальном погоне. Первоначально «Смерч» был вооружен двумя 60-фунтовыми пушками № 1, в кампанию 1867 г. он уже имел две 8-дюймовые пушки обр. 1867 г., а в кампанию 1871 г. — две 9-фунтовые пушки обр. 1867 г.

Десять однотипных мониторов были разоружены 24 июня 1900 г., а «Смерч» — 20 декабря 1903-го.

В 1869 г. были введены в строй две двухбашенные броненосные лодки — «Русалка» и «Чародейка» — водоизмещением 1181 т. Скорость хода их составляла 8,5–9 узлов, бронирование борта и башни — 114 мм. Первоначально лодки решили вооружить в одной башне двумя 9-дюймовыми пушками обр. 1867 г., а в другой — двумя 15-дюймовыми гладкоствольными чугунными пушками. С 1871 по 1873 г. 15-дюймовые пушки заменили 9-дюймовыми пушками обр. 1867 г.

Низкобортные мониторы и двухбашенные лодки имели очень плохую мореходность. Правда, в рекламных целях две броненосные плавбатарей и

десять мониторов в 1865 г. послали к берегам Швеции. Но обычно они до конца службы не выходили за пределы Финского залива. Да для них и там плавать было опасно. Так, 7 сентября 1893 г. «Русалка» утонула в шторм во время перехода из Ревеля в Гельсингфорс (менее 90 верст).

Основным назначением мониторов и башенных лодок был бой на минно-артиллерийской позиции с британским флотом. Каждый монитор даже имел предписание, между какими фортами Кронштадтской крепости он должен находиться для ведения огня.

В 1869 г. в строй было введено четыре башенных фрегата. Из них «Адмирал Грейг» и «Адмирал Лазарев» имели по три башни системы Кольза, а «Адмирал Спиридов» и «Адмирал Чикагов» — по две. Водоизмещение трехбашенных фрегатов составляло 3505 т, броня борта 114–76 мм, а башен — 165 мм. Водоизмещение двухбашенных фрегатов было 3450 т, броня борта от 178 до 114 мм, а башен — 152 мм. На все четыре фрегата первоначально планировалось установить по две 15-дюймовые гладкостенные пушки в каждую башню, но в строй они вступили с 9-дюймовыми новыми пушками Круппа (по две в башне). В 1874 г. 9-дюймовые пушки были заменены на 11-дюймовые пушки обр. 1867 г. (по две в одной башне).

Наконец, в 1877 г. вошел в строй монитор «Петр Великий».^[43] Нормальное водоизмещение его составляло 9790 т, скорость хода 14,3 узла. Цитадель и башни корабля имели 356-мм броню, а броневой пояс на оконечностях — 203 мм. «Петр Великий» был вооружен четырьмя 305-мм пушками обр. 1867 г., установленными в двух башнях.

29 апреля 1877 г. на Дунае одним выстрелом из 6-дюймовой мортиры обр. 1867 г. был взорван турецкий броненосец (корвет) «Люфти Джелиль». После этого было приказано вооружить мортирами большинство броненосных кораблей Балтийского флота. Мортиры предназначались для пробития палуб вражеских кораблей. К этому времени тяжелые корабельные пушки России, Англии и других держав имели максимальный угол возвышения 10–15° и не могли вести навесного огня. Поэтому-то англичане первоначально вообще не бронировали палубы своих броненосцев, а затем ограничивались тонкой палубной броней. В морском бою при стрельбе вероятность попадания мортирной бомбой в маневрирующий корабль — менее одного процента. Но, учитывая консерватизм британских адмиралов, которые любили вставать на якорь в одной-двух верстах от береговых батарей, как мы увидим на примере бомбардировки Александрии в 1882 г., мортиры были тогда страшным оружием. Для гарантированного поражения палубы вражеского корабля

мортирой обр. 1867 г. требовалось восемь снарядов.

В кампанию 1878 г. две 9-дюймовые мортиры были установлены на броненосце «Петр Великий», по одной — на броненосцах «Адмирал Лазарев» и «Кремль» (с последнего при установке мортиры сняли две кормовые 8-дюймовые пушки, в 1879 г. мортиру сняли, а пушки так и не вернули). В 1879 г. 9-дюймовую мортиру установили на «Первенце», а 21-см мортиру — на крейсере «Европа». На «Не тронь меня», «Адмирал Грейг», «Адмирал Спиридов» и «Африку» мортиры были назначены, но не устанавливались, а хранились в порту. На суда они должны были поступить в военное время.

В итоге к концу 1877 г., т. е. ко времени возможного нападения англичан, казематные броненосные суда «Петропавловск», «Севастополь» и три плавбатареи имели семьдесят девять 8-дюймовых пушек обр. 1867 г.; мониторы и лодки «Русалка» и «Чародейка» — тридцать 9-дюймовых пушек обр. 1867 г.; башенные фрегаты — десять 11-дюймовых пушек обр. 1867 г.; и «Петр Великий» — четыре 12-дюймовые пушки обр. 1867 г. Всего 123 тяжелых орудия (без мортир).

Наряду со строительством броненосного флота прибрежного действия было начато и строительство броненосных крейсерских судов. Первым таким кораблем стал фрегат «Князь Пожарский». Он был спущен в Петербурге 31 августа 1867 г. и вошел в строй в кампанию 1869 г. Стандартное водоизмещение его составило 4506 т. Каземат был прикрыт 114-мм броней, а остальная часть корпуса — 102-мм броневым поясом. Фрегат развивал скорость хода 12 узлов. «Князь Пожарский» хорошо ходил и под парусами. Так, с мая 1878 г. за 51 месяц он прошел 40 900 миль, из них 8163 мили под парусами.

Первоначально на «Пожарском» было установлено восемь 9-дюймовых пушек обр. 1867 г. (переделанные пушки Круппа). Однако для мореходного крейсера 9-дюймовые пушки были тяжеловаты, и в 1872 г. их сняли, а взамен установили десять 8-дюймовых пушек обр. 1867 г. и четыре 4-фунтовые нарезные пушки.

8 ноября 1866 г. в Петербурге был заложен двухбашенный фрегат «Минин». Первоначально его хотели вооружить четырьмя 20-дюймовыми чугунными гладкими пушками, затем четырьмя 11-дюймовыми пушками обр. 1867 г. Но в 1870 г. после гибели английского броненосца «Кэптэн» МТК решил переделать его в казематный фрегат. Многострадальный корабль вступил в строй лишь через 12 лет, в феврале 1878 г. Его водоизмещение составило 6000 т, скорость хода 14,5 узлов. Толщина броневых пояса по ватерлинии 140 мм, толщина брони палубы 38–19 мм.

Вооружение фрегата состояло из четырех 8-дюймовых, двенадцати 6-дюймовых и четырех 4-фунтовых пушек обр. 1867 г. Замечу, что в 1884–1885 гг. число этих орудий не изменилось, но 8-дюймовые пушки обр. 1867 г. были заменены 8/30 дм/клб пушками обр. 1877 г., а 6-дюймовые пушки обр. 1867 г. — на 6/28 дм/клб пушки обр. 1877 г.

В 1875 г. в строй вступил броненосный фрегат «Генерал-Адмирал» водоизмещением 4750 т. Фрегат имел броневой пояс по ватерлинии в 152 мм, а на оконечностях до 127–102 мм. Броня верхней палубы составляла 13 мм. Вооружение состояло из четырех 8-дюймовых, трех 6-дюймовых, четырех 4-фунтовых и двух 3-фунтовых пушек обр. 1867 г. В середине 80-х гг. их заменили на 8/30-дм/клб и 6/28-дм/клб пушки обр. 1877 г.

В 1877 г. в строй вступил броненосный фрегат «Герцог Эдинбургский» водоизмещением 4813 т. Фрегат был казематного типа, близкий по конструкции к «Генерал-Адмиралу». Первоначально он был вооружен десятью 6-дюймовыми и четырьмя 4-фунтовыми пушками обр. 1867 г. В середине 80-х гг. его перевооружили десятью 6/28-дм/клб пушками обр. 1877 г. и шестью 9-фунтовыми пушками.

В 1868–1871 гг. произошло перевооружение нарезными пушками обр. 1867 г. парусно-паровых деревянных крейсерских судов. Так, корветы «Варяг» и «Витязь» получили по пять 6-дюймовых пушек обр. 1867 г. и по четыре 4-фунтовые нарезные пушки; «Аскольд» и «Богатырь» — по восемь 6-дюймовых пушек обр. 1867 г.; «Боярин» — три 6-дюймовые пушки обр. 1867 г.; «Баян» — четыре 6-дюймовые пушки обр. 1867 г. и четыре 9-фунтовые нарезные пушки.

Клипера получили по три 6-дюймовые пушки обр. 1867 г. и от двух до четырех 9-фунтовых и 4-фунтовых пушек.

Таким образом, крейсерские силы России к 1877 г. были хоть и невелики, но имели новые мореходные суда и были полностью переведены на артиллерию обр. 1867 г., существенно превосходившую английские дульнозарядные гладкие и нарезные системы.

Глава 15. Балканский кризис 1875–1877 годов

Летом 1875 г. в южной Герцеговине вспыхнуло антитурецкое восстание. Крестьяне, подавляющее большинство которых было христианами, платили огромные налоги Турецкому государству. В 1874 г. натуральный налог официально считался 12,5 % со сбора урожая, а с учетом злоупотреблений (с отступными и т. д.) — до 40 %.

Поводом к восстанию послужили притеснения христианского населения турецкими сборщиками податей, вызвавшие кровавые схватки между христианами и мусульманами. В дело вмешались оттоманские войска и встретили неожиданное сопротивление. Все мужское население Невесинского, Билекского и Гачковского округов ополчилось, оставило свои дома и ушло в горы. Старики, женщины и дети, чтобы избежать поголовной резни, искали убежища в соседних Черногории и Далмации. Усилия турецких властей подавить восстание в зародыше оказались безуспешными. Из южной Герцеговины оно скоро перешло в северную, а оттуда в Боснию, часть христианских жителей которой бежала в пограничные австрийские области, а те, что остались дома, также вступили в отчаянную борьбу с мусульманами. Кровь лилась рекой в ежедневных столкновениях восставших с турецкими войсками и местными мусульманскими жителями. С обеих сторон появилось необычайное ожесточение. Не было пощады никому. Борьба велась не на жизнь, а на смерть.

Повстанцы имели поддержку в сопредельных с восставшими областями странах — в Черногории и Сербии. Черногорцы давали приют семьям инсургентов, снабжали их продовольствием, оружием, порохом и другими припасами и даже сами нередко участвовали в боевых стычках с турками. Сербия начала поспешно вооружаться. Из всех славянских земель, не исключая и Россию, посылались герцеговинцам и боснякам щедрые денежные пособия от обществ и частных лиц, сочувствовавших делу их освобождения.

В Болгарии положение христиан было еще более тяжелым, чем в Боснии и Герцеговине. В середине 60-х гг. XIX в. турецкое правительство поселило в Болгарии 100 тыс. «черкесов» — горцев-мусульман, эмигрировавших с Кавказа. Подавляющее большинство этих «джигитов»

не хотело заниматься физическим трудом, а предпочитало грабить болгарское население. Естественно, что болгары вслед за жителями Герцеговины тоже подняли восстание. Однако туркам удалось подавить его. Причем «черкесы» и башибузуки^[44] вырезали в Болгарии свыше 30 тыс. мирных жителей.

Таким образом, просвещенная Европа получила традиционный повод вмешательства в балканские дела — защита мирного населения. Разумеется, демагогическая болтовня была лишь дымовой завесой для прикрытия корыстных целей. Англия стремилась установить свое господство в Египте и Константинополе, но при этом не допустить усиления России.

Несколько упрощая проблему, можно сказать, что политика Австро-Венгрии на Балканах имела программу минимум и программу максимум. Программа минимум состояла в том, чтобы в ходе конфликта на Балканах не допустить территориального расширения Сербии и Черногории.

В Вене считали, что само по себе существование этих государств несет угрозу «лоскутной империи», поработившей миллионы славян. Надо ли говорить, что Австро-Венгрия была категорически настроена против любого продвижения России к Проливам.

Программа максимум предусматривала присоединение к Австро-Венгерской империи Боснии и Герцеговины. И, конечно, в Вене не отказывались от традиционной мечты — контроля над устьем Дуная. Императору Францу-Иосифу очень хотелось хоть чем-нибудь компенсировать свои потери, понесенные в Италии и Германии. Поэтому он с большим вниманием прислушивался к голосам сторонников захвата Боснии и Герцеговины. Тем не менее в Вене хорошо помнили 1859 и 1866 гг. и не торопились лезть в драку, прекрасно понимая, чем может кончиться война один на один с Россией.

Франция и Германия были практически лишены возможности участвовать в силовом разрешении Балканского кризиса. Франция лихорадочно перевооружалась и готовилась к реваншу. Националистическая пропаганда сделала возвращение Эльзаса и Лотарингии целью всей нации. В начале 1875 г. Германия решила прекратить рост вооружений Франции и пригрозила войной. В историю эта ситуация вошла как «военная тревога 1875 года». Против намерений Германии резко выступили Россия и Англия. Британский премьер Дизраэли был чрезвычайно обеспокоен возможностью захвата Бельгии, появления Германии у берегов Па-де-Кале и перспективой нового разгрома Франции, поскольку английская дипломатия основывалась на наличии в Западной

Европе нескольких соперничающих великих держав. Поэтому английская политика всегда стремилась к поддержанию «европейского равновесия» и предотвращению гегемонии той или иной державы на Европейском континенте.

Подобно тому, как Англия в свое время боролась вместе с Россией против Наполеона, так и теперь Дизраэли выступил против Бисмарка рука об руку с русским правительством. «Бисмарк — это поистине новый Бонапарт, он должен быть обуздан», — заявил Дизраэли. «Возможен союз между Россией и нами для данной конкретной цели», — писал он.

В 1875 г. Германия вынуждена была отступить. Но целью германской внешней политики по-прежнему было уничтожение или существенное ограничение французской военной мощи, чтобы гарантировать неприкосновенность Эльзаса и Лотарингии. Не будем забывать, что в 1877 г. Германия напоминала питона, заглотившего гораздо больше, чем он мог переварить. Германии нужно было провести интеграцию Пруссии и многочисленных земель, присоединенных к ней в 1859, 1866 и 1870 гг. В таких условиях для нее было безумием затевать войну на два фронта — с Россией и Францией. И канцлер Бисмарк, прекрасно это понимая, всеми силами пытался удержать Австрию от конфликта с Россией, а Горчакову заявил, что в случае военного разгрома Австрии Германия будет вынуждена вмешаться. Через германского посла в Петербурге Швейница Бисмарк посоветовал Горчакову на случай войны с Турцией купить нейтралитет Австро-Венгрии, предоставив ей захватить Боснию.

Только в одном случае Бисмарк готов был пожертвовать Австро-Венгрией. В инструктивном разговоре со Швейницем перед его отъездом в Петербург канцлер заявил, что согласен активно поддержать Россию только в том случае, если она гарантирует Германии обладание Эльзасом и Лотарингией. В интимной беседе с одним из приближенных Бисмарк еще откровеннее формулировал свои замыслы: «При нынешних восточных осложнениях единственной выгодой для нас могла бы быть русская гарантия Эльзаса. Эту комбинацию мы могли бы использовать, чтобы еще раз совершенно разгромить Францию».

Как видим, к 1877 г. в мире сложилась чрезвычайно благоприятная обстановка для активных действий России на Балканах, включая захват Константинополя. Перед русской дипломатией стояла сложная, но вполне достижимая задача, состоявшая из двух частей.

Первая часть — найти достойные компенсации Австро-Венгрии и Германии в качестве платы за нейтралитет при захвате Россией Проливов. Австрии можно было предложить Боснию, Герцеговину, ну и в крайнем

случае свободный выход к Эгейскому морю через Салоники. Кстати, Австро-Венгрия и так захватила Боснию и Герцеговину, а Россия получила кукиш с маслом. Маленькая Греция была настроена крайне агрессивно по отношению к своему большому, но больному соседу. Достаточно было пообещать ей Крит и ряд островов Эгейского моря, чтобы Турция получила второй фронт на юге, а русские корабли — базы в Эгейском море.

Германии же на определенных условиях можно было гарантировать неприкосновенность Эльзаса и Лотарингии. Уже в 1877 г. было очевидно, что Франция никогда не смирится с потерей Эльзаса и Лотарингии и рано или поздно нападет на Германию, втянув в войну Россию. Русская гарантия на Эльзас и Лотарингию уничтожала бочку с порохом в центре Европы. Усиление же в этом случае Германии и охлаждение отношений с Францией были ничтожным фактором по сравнению с решением вековой задачи России. Захват Проливов существенно увеличивал военный потенциал России, который бы с лихвой компенсировал потерю столь опасного и сомнительного союзника, как Франция.

Вторая часть задачи была жесткая политика в отношениях с Англией, вплоть до разрыва дипломатических отношений и начала войны. Но такая позиция не исключала и компенсации Англии, например, передачу ей Кипра и Египта, которые также были захвачены ею в конце концов.

Выживший из ума канцлер Горчаков и не дюже разбиравшийся в политике Александр II поступили с точностью до наоборот. Они оба трепетали перед Англией и по-детски надеялись, что если они будут действовать осторожно и с оглядкой на лондонскую воспитательницу, то им удастся дорваться до сладкого. Что касается компенсаций Австро-Венгрии и Германии, то Горчаков был категорически против. Старая «собака на сене» хотела обмануть Вену и Берлин, а на самом деле привела страну к поражению.

В начале 1876 г. князь Горчаков предложил главам правительств Австрии и Германии графу Андраши и князю Бисмарку обсудить сложившуюся на Балканах ситуацию при встрече трех министров, приурочив ее к предстоявшему визиту Александра II в немецкую столицу. Предложение Горчакова было принято.

29 апреля (10 мая) 1876 г. император Александр II прибыл в Берлин и провел там три дня. Все эти дни проходили непрерывные консультации между Горчаковым, Андраши и Бисмарком.

1 (12 мая) 1876 г. был опубликован знаменитый меморандум трех императоров — Александра II, Франца-Иосифа I и Вильгельма I. Суть меморандума формально заключалась в сохранении целостности

Османской империи при «облегчении участия христиан». Однако там были пункты, серьезно ограничивавшие власть султана на славянских землях. Так, в пункте 3 говорилось: «для устранения всяких столкновений турецкие войска будут сосредоточены в нескольких определенных пунктах, по крайней мере, до тех пор, пока умы не успокоятся». Пункт 4 гласил: «Христиане сохраняют оружие, так же как и мусульмане». Пункт 5: «Консулы или делегаты держав будут наблюдать за введением реформ вообще...» (56. Кн. вторая. С. 285).

Разумеется, меморандум в лучшем случае закреплял нестабильную ситуацию на Балканах.

Правительства Франции и Италии незамедлительно ответили, что они согласны с программой трех императоров. Но Англия в лице кабинета Дизраэли высказалась против нового вмешательства в пользу балканских славян. Англия, подобно Австро-Венгрии, не желала допустить ни их освобождения, ни усиления русского влияния на Балканах. Руководители британской внешней политики считали Балканы плацдармом, откуда Россия могла угрожать турецкой столице, а следовательно, выступать в роли соперника Англии, оспаривая у нее первенствующее влияние в Турции и на всем Востоке.

Премьер Дизраэли был очень озабочен продвижением русских в Средней Азии и желал остановить их руками турок и австрийцев, начав войну на Балканах. Либеральная оппозиция в лице Гладстона возражала, что Англия сейчас не имеет никакого интереса бороться с Россией и что для цивилизованного государства позорно оказывать поддержку столь варварскому правительству, как турецкое. Корреспондент либеральной газеты «Daily News» обрисовал картину болгарских погромов, когда турецкое правительство вместо того, чтобы предупредить возмущение, дало волю башибузукам безнаказанно жечь, убивать и насиловать. Гладстон издал брошюру под заглавием «Болгарские зверства», направленную против туркофильской политики британского кабинета. Оппозицией были организованы во многих больших городах митинги для выражения негодования политикой султана.

В свою очередь Дизраэли начал играть на шовинизме британских лавочников. В лондонских кафешантанах пелись патриотические и воинственные куплеты. Сильно распространенная уличная песня «Мы не хотим войны, но, черт возьми! (by jingo), если нельзя иначе...» внесла в английский политический жаргон два новых слова — «джинго» и «джингоизм» — для обозначения шовинистов и шовинизма.

Британская эскадра покинула Мальту и стала на якорь в Безикской

бухте недалеко от входа в Дарданеллы.

30 мая 1876 г. в Константинополе был свергнут своими новыми министрами, а затем убит султан Абдул Азиз, которого подозревали в намерении уступить Европе. На престол был возведен Мурад V. Это событие совершилось в обстановке бурного подъема турецкого национализма и мусульманского фанатизма.

27 июня (8 июля) 1876 г. в Рейхштадском замке в Чехии состоялась встреча Александра II с Францем-Иосифом и Горчакова с Андраши. В результате состоявшихся переговоров не было подписано ни формальной конвенции, ни даже протокола. Итоги достигнутого сговора были изложены каждой из сторон в отдельности в двух записях. Одна была продиктована Андраши, другая — Горчаковым. Эти две записи, никем не заверенные и в ряде пунктов расходившиеся друг с другом, были единственными документами, в которых закреплены результаты Рейхштадтских переговоров. Согласно обеим записям, в Рейхштадте было условлено «в настоящий момент» придерживаться «принципа невмешательства». Если же обстановка потребует активных выступлений, решено было действовать по взаимной договоренности.

В случае успеха турок обе державы «потребуют восстановления довоенного status quo в Сербии». Что касается Боснии, Герцеговины, а также Болгарии, державы будут настаивать в Константинополе на том, чтобы они получили устройство, основанное на программе, изложенной в ноте Андраши и в Берлинском меморандуме.

В случае победы сербов «державы не окажут содействия образованию большого славянского государства». Впрочем, под давлением России Андраши все-таки согласился на территориальное приращение для Сербии и Черногории. Сербия, согласно горчаковской записи, получала «некоторые части старой Сербии и Боснии», Черногория — Герцеговину и порт на Адриатическом море. По записи Андраши Черногория получала лишь часть Герцеговины. «Остальная часть Боснии и Герцеговины должна быть аннексирована Австро-Венгрией». По русской же записи Австрия имела право аннексировать только «турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней (то есть с Австрией) части Боснии, согласно плану, который будет установлен впоследствии». О правах Австрии на Герцеговину в русской записи вообще не упоминалось. Ясно, что Рейхштадское соглашение таило в себе источник недоразумений и конфликтов: Австро-Венгрия претендовала на всю Боснию и Герцеговину, а Россия не соглашалась на их передачу сопернице.

Далее, по Рейхштадскому соглашению Россия получала согласие

Австрии на возвращение Юго-Западной Бессарабии, отторгнутой у России в 1856 г., и на присоединение Батума.

В случае полного развала Европейской Турции Болгария и Румелия должны были, по русской версии, образовать независимые княжества, по австрийской записи — автономные провинции Османской империи. По австрийской версии такой провинцией могла стать и Албания. Русская записка не упоминала об этом. Эпир, Фессалию (по австрийской записи также и Крит) предполагалось передать Греции. Наконец, «Константинополь мог бы стать вольным городом».

20 июня 1876 г. Сербия и Черногория, стремясь поддержать повстанцев в Боснии и Герцеговине, объявили Турции войну. Большая часть русского общества поддержала это решение. В Сербию отправилось около семи тысяч русских добровольцев. Во главе сербской армии стал герой туркестанской войны генерал Черняев. Тем не менее в Петербурге все понимали, что одним сербам и черногорцам с турками не сладить. И действительно, 17 октября 1876 г. под Дьюнишем сербская армия была наголову разбита.

3 октября в Ливадии Александр II провел секретное совещание, на котором присутствовали цесаревич Александр, великий князь Николай Николаевич и ряд министров. На совещании наряду с продолжением дипломатических усилий с целью прекращения конфликта на Балканах было решено начать подготовку к войне с Турцией. Основной целью военных действий должен был стать Константинополь. Для движения к нему будут мобилизованы четыре корпуса, которые перейдут Дунай у Зимницы, двинутся к Адрианополю, а оттуда — к Константинополю по одной из двух линий: Систово — Шипка, или Руцук — Сливно. По последней в том случае, если удастся в самом начале овладеть Руцуком. Командующими над действующими войсками назначены: на Дунае — великий князь Николай Николаевич, а за Кавказом — великий князь Михаил Николаевич. Решение вопроса — быть или не быть войне — поставлено в зависимость от исхода дипломатических переговоров.

4 сентября 1876 г. в письме к министру иностранных дел Дерби Дизраэли изложил свои взгляды на дальнейшее развитие восточного кризиса. Он выразил сомнение в возможности скорого соглашения и полагал, что дело затянется до весны, когда «Россия и Австрия начнут продвигать свои армии на Балканы» и за этим последует «решение восточного вопроса». «А если это так, — продолжал Дизраэли, — то благоразумно, чтобы мы взяли руководство в свои руки». Дизраэли наметил «раздел балканской добычи между Россией и Австрией при дружеских

услугах Англии». Наиболее интересной была заключительная часть его плана: «Константинополь с соответствующим районом должен быть нейтрализован и превращен в свободный порт под защитой и опекой Англии по примеру Ионических островов». Это был план фактического раздела Турции, мало напоминающий распространенную легенду, будто бы Дизраэли был последовательным хранителем ее целостности. «Нет разницы между нашим планом и разделом» (21. Т. II. С. 98) Турции, пояснил он в письме к Дерби 23 сентября 1876 г. Дизраэли стремился к одному — к установлению господства Англии на Востоке. Он обдумывал вопрос о приобретении военной базы на Черном море.

Для публики же Дерби выдвинул следующую программу мирного урегулирования: мир с Сербией на основе статус-кво, местная автономия для Боснии, Герцеговины и Болгарии.

15 октября 1876 г. в Ялту прибыл английский посол в России лорд Август Лофтус, через два дня он был принят в Орианде князем Горчаковым. А 21 октября в Ливадии состоялась откровенная беседа Александра II с лордом Лофтусом. Царь выразил сожаление, что в Англии питают застарелую подозрительность по отношению к русской политике и постоянный страх перед приписываемыми России наступательными и завоевательными замыслами. Сколько раз он торжественно заявлял, что не хочет завоеваний, что не стремится к увеличению своих владений, что не имеет ни малейшего желания или намерения овладеть Константинополем. Все, что говорилось или писалось о видах Петра Великого или помыслах Екатерины II, — иллюзии и призраки, никогда не существовавшие в действительности, и сам он, император, считал бы приобретение Константинополя несчастьем для России.

Александр II «торжественно и серьезно» дал «священное честное слово», что не имеет намерения приобрести Константинополь, и прибавил, что если обстоятельства вынудят его занять часть Болгарии, то только на время, пока не будут обеспечены мир и безопасность христианского населения.

Упомянув о предложении занять Боснию австрийскими войсками, а Болгарию — русскими и одновременно произвести морскую демонстрацию перед Константинополем, в которой главная роль досталась бы английскому флоту, царь указал на это как на лучшее доказательство того, что он далек от намерения занять Константинополь. Ему непонятно, почему, коль скоро две страны преследуют общую цель, а именно поддержание мира и улучшение участи христиан, коль скоро сам он дал несомненные доказательства того, что он не хочет ни завоеваний, ни

земельного приращения, — почему бы не состояться между Англией и Россией соглашению, основанному на политике мира, одинаково выгодной их обоюдным интересам и вообще интересам всей Европы. «России приписывают намерение, — сказал Александр II, — покорить в будущем Индию и завладеть Константинополем. Есть ли что нелепее этих предложений? Первое из них — совершенно неосуществимо, а что касается до второго, то я снова подтверждаю самым торжественным образом, что не имею ни этого желания, ни намерения» (56. Кн. вторая. С. 309).

26 октября Александр II с семьей выехал из Ливадии и 28 прибыл в Москву. В этот день на банкете лондонского лорда-мэра граф Дизраэли произнес вызывающую речь, в которой упомянул об усилиях Англии поддержать мир в Европе и выразил мнение, что твердым основанием этого мира должно служить уважение к договорам и соблюдение независимости и территориальной целостности Турции. Последнее начало было бы нарушено, если бы было допущено занятие турецких областей войсками какой-либо иностранной державы. Дизраэли подчеркнул, что мир составляет сущность политики Англии, «но если Англия хочет мира, то ни одна держава лучше ее не приготовлена к войне, и если Англия решится на войну, то только за правое дело и, конечно, не прекратит ее, пока право не восторжествует» (56. Кн. вторая. С. 313).

В конце сентября — начале октября 1876 г. в России началась частичная мобилизация. Численность русской армии, составлявшая по штатам мирного времени 272 тыс. человек, возросла до 546 тыс. человек.

3 (15) января 1877 г. в Будапеште была подписана секретная конвенция, которая обеспечивала России нейтралитет Австро-Венгрии в войне против Турции. В обмен Австро-Венгрии предоставлялось право оккупировать Боснию и Герцеговину. При этом она обязывалась не распространять военных операций на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию, а Россия — на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. Австро-Венгрия давала согласие на участие Сербии и Черногории в войне на стороне России.

18 марта 1877 г. была подписана дополнительная конвенция, но датирована она была 15 января — днем подписания первой конвенции, и предусматривала ожидаемые результаты предстоящей войны. Территориальные приобретения в Европе ограничивались: для Австро-Венгрии — Боснией и Герцеговиной, исключая Ново-Базарский санджак, т. е. территорию, отделяющую Сербию от Черногории, о которой должно было последовать особое соглашение; для России — возвращением Юго-

Западной Бессарабии. Таким образом, Россия уступила в вопросе о Боснии и Герцеговине.

Этот договор, заключенный в Будапеште между Россией и Австро-Венгрией, можно рассматривать как договор о разделе Турции.

В договоре подтверждались условия Рейхштадского договора о недопущении создания большого славянского государства на Балканах. Болгария, Албания и «оставшаяся часть Румелии могли бы стать независимыми государствами». Подтверждалось Рейхштадское соглашение о судьбах Фессалии, Эпира и Крита, равно как и Константинополя. О нем снова было постановлено, что он «мог бы стать вольным городом».

Обе конвенции — основная и дополнительная — были подписаны Андраши и русским послом в Вене Новиковым. Теперь Россия могла воевать, но результаты ее возможной победы были заранее урезаны до минимума. За нейтралитет Австро-Венгрии Россия дорого ей заплатила.

В специальных соглашениях было сказано, что ввиду необходимости для русских военных целей временного заграждения Дуная, Австро-Венгрия не будет протестовать против ограничения судоходства по этой реке, Россия же обязуется восстановить по ней свободу плавания, как только это окажется возможным. Русские военные лазареты могут устраиваться с соблюдением постановлений Женевской конвенции вдоль австро-венгерских железных дорог, прилегающих к границам России и Румынии, а русские больные и раненые солдаты и офицеры будут приниматься в военные и гражданские госпитали в Галиции и Буковине по тарифу, установленному для чинов австро-венгерской армии.

Обе стороны обязались не распространять своих военных операций: австрийский император — на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию, а русский император — на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. Оба славянских княжества и территория между ними должны были служить нейтральной полосой. Предполагалось, что она будет недоступной для армий обеих империй и предотвратит непосредственное соприкосновение между их войсками.

В предвоенной ситуации попытался «половить рыбку в мутной воде» и Бисмарк. Он неоднократно говорил с английским послом лордом Одо Росселем о выгоде, которую представляет для Англии овладение Египтом. Бисмарк надеялся, что эта акция Англии надолго поссорит ее с Францией.

В конце января 1877 г. Бисмарк обратился к Росселю с еще более рискованным предложением, нежели захват Египта. Канцлер уверял посла, будто бы Франция готовится к вторжению в Германию. И для предотвращения этого Германии необходимо принять меры

предосторожности. Меры эти, по словам Бисмарка, несомненно, будут истолкованы Францией как провокация. Возможно, последует война. И канцлер просил у Англии дать обязательство соблюдать «благожелательный нейтралитет», а в обмен предлагал свое сотрудничество в турецких делах.

В феврале Бисмарк уже предложил Англии заключить оборонительный и наступательный союз. Видимо, он хотел втянуть Россию в войну с Турцией, чтобы тем временем окончательно сокрушить Францию. Британский кабинет рассмотрел германское предложение и отказался его принять. В беседе с русским послом в Англии графом Шуваловым Дизраэли заявил, что интересы как Англии, так и России требуют, чтобы Франция не была низведена до положения второстепенной державы, что, несомненно, стало бы результатом новой войны между Германией и Францией.

В британском кабинете возникла настоящая паника. Многие министры советовали Дизраэли заключить компромиссное соглашение с Россией. Ведь в случае вторичного разгрома Франции германские войска выйдут на побережье Канала и тут туманному Альбиону будет не до Константинополя. Однако новоиспеченный лорд Биконсфильд^[45] продолжал хладнокровно блефовать в отношениях с Россией.

24 апреля 1877 г. император Александр II в Кишиневе подписал манифест об объявлении войны Турции.

Глава 16. Британский фактор в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов

Боевые действия в ходе Русско-турецкой войны подробно изложены в монографии автора «Русско-турецкие войны».^[46] Здесь же мы остановимся лишь на влиянии Англии на ход военных действий.

19 апреля 1877 г. министр иностранных дел Англии лорд Дерби отправил ноту канцлеру Горчакову. Там говорилось: «Начав действовать против Турции за свой собственный счет и прибегнув к оружию без предварительного совета со своими союзниками, русский император отделился от европейского соглашения, которое поддерживалось доселе, и в то же время отступил от правила, на которое сам торжественно изъявил согласие. Невозможно предвидеть все последствия такого поступка» (56. Кн. вторая. С. 357).

Выслушав эти резкие замечания от британского посла, Горчаков ответил, что, желая избежать раздражающей полемики, которая ни в коем случае не может привести к добру, он оставит английскую депешу без ответа.

Но это не удовлетворило Лондон. Узнав о предстоящем отъезде в Петербург русского посла графа Шувалова, лорд Дерби вручил ему ноту, в которой «во избежание недоразумений» перечислил те пункты, распространение на которые военных действий затронуло бы интересы Англии и повлекло бы за собой прекращение ее нейтралитета и вооруженное вмешательство в войну России с Турцией. Это были Суэцкий канал, Египет, Константинополь, Босфор, Дарданеллы и Персидский залив. Для успокоения общественного мнения Англии лорд Дерби требовал положительного ответа на свою ноту.

Горчаков был страшно напуган английским блефом. Как уже говорилось, в случае начала русско-английской войны Германия немедленно напала бы на Францию, и Бисмарк бы стал властелином Европы, чего в Англии боялись больше всего на свете. И вот не на шутку перетрусивший старец поручил графу Шувалову передать лорду Дерби, что Россия не намерена ни блокировать, ни заграждать Суэцкий канал, ни угрожать ему каким бы то ни было образом, признавая его международным сооружением, важным для всемирной торговли. И хотя Египет является частью Османской империи, а египетские войска воюют против России, но

ввиду того, что в Египте замешаны европейские интересы и в особенности интересы Англии, Россия не включит эту страну в сферу своих военных операций. Не предрешая исход войны, Россия признает, во всяком случае, что участь Константинополя составляет вопрос, представляющий общий интерес, который может быть разрешен только общим соглашением, и что если встанет вопрос о принадлежности этого города, то он не может принадлежать ни одной из европейских держав. Проливы, хотя оба их берега и принадлежат одному государству, являются истоком двух обширных морей, в которых заинтересованы все державы, а потому следует при заключении мира разрешить этот вопрос с общего согласия на основаниях справедливых и действительно обеспеченных. Русское правительство не посягнет ни на Персидский залив, ни на какой-либо иной путь в Индию.

Росчерк пера русского канцлера на много месяцев затянул войну и стоил жизни многим десяткам тысяч русских солдат.

Морское ведомство тщательно готовилось к войне с Турцией. Непосредственно перед войной в Атлантическом океане и частично в Средиземном море находилась крейсерская эскадра контр-адмирала Бутакова-второго. В ее состав входили броненосный фрегат «Петропавловск» (20–8-дюймовых и 1–6-дюймовая пушка), фрегат «Светлана» (6–8-дюймовых и 6–6-дюймовых пушек), корветы «Богатырь» и «Аскольд» (по 8–6-дюймовых и по 4–4-фунтовых пушки на каждом) и клипер «Крейсер» (3–6-дюймовых и 4–4-дюймовых пушки).

На Тихом океане находился отряд контр-адмирала Пузина в составе корвета «Баян», клиперов «Всадник», «Гайдамак», «Абрек» и четырех транспортов. Всего 38 орудий — 6-дюймовых, 9- и 4-фунтовых. На всех кораблях, находившихся в плавании, были установлены новые пушки обр. 1867 г.

На Балтике находились два броненосных фрегата «Князь Пожарский» и «Севастополь», один фрегат, семь корветов и семь клиперов. В высокой степени готовности были достраивающиеся на плаву броненосные фрегаты «Минин» и «Генерал-Адмирал».

Этих сил вполне бы хватило для крейсерской войны как в Атлантике, так и в Средиземном море. Хотя «Петропавловск» и «Светлана» были в состоянии потягаться с любым турецким броненосцем, за исключением, возможно, «Мессудие», но нужды искать встречи с боевыми кораблями султана не было. Достаточно было крейсерскими действиями парализовать как внешнюю, так и внутреннюю торговлю Турции. Бомбардировка с моря турецких городов на Средиземном море вызвала бы панику в Турции и

восстания угнетенных народов, например греков на Кипре, арабов в Аравии и т. п. В этом случае русские крейсера могли бы доставлять оружие повстанцам и при необходимости поддерживать их огнем.

Надо ли говорить, что Тихоокеанский отряд контр-адмирала Пузина мог наделать много шума на берегах Красного моря и Персидского залива.

Офицеры и матросы эскадр рвались в бой. 6 апреля 1877 г. из порта Антверпен в Турцию вышел бельгийский пароход «Fanny David» с грузом крупновских орудий. Фрегат «Петропавловск» был готов перехватить пароход с военной контрабандой, но Морское ведомство прислало срочную телеграмму «о неудобстве подобного образа действий».

А 29 апреля последовал приказ всем кораблям из Атлантики и Средиземного моря возвращаться в Кронштадт.

Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, уже не заикаясь о Средиземном море, попросил разрешение у Александра II послать пару крейсеров в Атлантику в район Бреста. Ему ответил Управляющий Морским министерством: «Государь не согласен на Ваше предложение, он опасается, чтобы оно не создало неприятностей и столкновений с англичанами по близкому соседству с Брестом».

Повторяю, это все происходило в момент, когда Англия была изолирована дипломатически, она оказалась бессильной повлиять на войны 1858–1870 гг. в Европе. Все же государства континентальной Европы не хотели или не могли вести войну с Россией.

Поначалу Турция очень боялась русской Атлантической эскадры. Турки готовились начать минные постановки в районе Дарданелл. Переброска войск из Египта в Стамбул шла лишь под конвоем броненосцев. Но вскоре страх сменился удивлением и смехом. Конвои были отменены. Наконец к июлю 1877 г. турецкая эскадра Гуссейн-паши в составе двух броненосцев и шести паровых судов, базировавшихся в порту Суда на Крите, начала охоту за русскими торговыми судами в Средиземном море. Турки не боялись «неудобства» и «неприятностей». Россия ответила на захваты своих судов... энергичными нотами и протестами. Но Гуссейн-паша чихать хотел на словоблудие «железного» канцлера Горчакова.

Здесь стоит отметить слабость турецкого флота. В его составе имелось лишь четырнадцать мореходных броненосцев, из которых половина была построена в Англии, семь броненосных судов на реке Дунай, а также большое число паровых деревянных судов: шесть двухдечных кораблей, шесть фрегатов и тринадцать корветов (все винтовые). Четыре винтовые деревянные шхуны патрулировали Дунай. Вооружение шхун составляло четыре гладкоствольных (12– и 19-фунтовых) орудия. Экипаж 70 человек.

Транспортный паровой флот состоял из 57 судов, часть из которых была вооружена. Всего на транспортных судах имелось 162 орудия, в основном гладкоствольных. На турецких кораблях служили десятки британских офицеров.

У русских в Черном море было лишь два броненосных судна, так называемые «поповки». Они имели мощные и эффективные орудия: «Новгород» — две 11-дюймовые пушки обр. 1867 г., а «Адмирал Попов» — две 12-дюймовые пушки обр. 1867 г. Однако скорость «Новгорода» не превышала 6 узлов, «Попова» — 8 узлов. В свежую погоду она падала до 5 узлов. Поворотливость была в 10 раз хуже, чем у обычных судов. «Поповки» не слушались руля, а управлялись только машинами.

В итоге к 1877 г. наш Черноморский флот фактически не имел боевых кораблей. За неимением лучшего Морское ведомство решило вооружить несколько судов РОПиТа и создать флотилию катеров с шестовыми минами.

Суда РОПиТа стали называться «пароходами активной обороны». Среди них к началу войны были:

«Владимир», вооруженный одной 6,03-дюймовой пушкой, двумя 4-фунтовыми пушками и одной 6-дюймовой мортирой;^[47]

«Великий князь Константин», вооруженный одной 9-фунтовой, двумя 4-фунтовыми пушками, двумя 6-фунтовыми гладкоствольными пушками и одной 6-дюймовой мортирой;

«Эреклик», вооруженный двумя 9-фунтовыми пушками и двумя 4-фунтовыми пушками;

«Аргонавт», вооруженный одной 6-дюймовой мортирой.

В мае 1877 г. была вооружена яхта «Ливадия» двумя 6,03-дюймовым, двумя 9-фунтовыми, двумя 4-фунтовыми пушками и одной 6-дюймовой мортирой.

В июне 1877 г. пароход «Веста» был вооружен пятью 6-дюймовыми мортирами, двумя 9-фунтовыми и одной 4-фунтовой пушками.

В ноябре 1877 г. пароход «Россия» был вооружен шестью 8-дюймовыми, тремя 6,03-дюймовыми, двумя 9-фунтовыми пушками и двумя 6-дюймовыми мортирами.

Все пароходы имели скорость от 11,5 до 13 узлов. Вооружение составляли орудия обр. 1867 г. Заметим, что на вооружении всех пароходов активной обороны были 6-дюймовые крепостные мортиры обр. 1867 г. Вероятность попадания из такой мортиры в движущийся корабль была равна нулю. Прок от мортир мог быть только при стрельбе по наземным целям и, в крайнем случае, при стрельбе по близко (до 2 км) и неподвижно

стоящему кораблю. Вместо них можно было бы поставить 6– и 8-дюймовые корабельные или береговые пушки, благо их на Балтике было в избытке.

Тем не менее русские моряки на тихоходных мобилизованных судах господствовали на Черном море. Это было связано, во-первых, со смелостью среднего офицерского состава и, во-вторых, с качеством турецких пушек. Бедствием для турецкого флота стало принятие на вооружение в 60-х годах английских пушек системы Армстронга. Опомнились турки слишком поздно, лишь в 1876 г. они стали получать пушки Круппа. Поэтому к 1877 г. все тяжелые пушки (9– и 7-дюймовые) на турецких броненосцах были системы Армстронга.

Несколько раз происходили дуэли русских слабовооруженных пароходов с турецкими броненосцами. Май 1877 г. — дуэль парохода «Аргонавт» с турецким броненосцем; август 1877 г. — дуэль парохода «Ливадия» с броненосным корветом «Ассари Тевфик»; в июле — дуэль парохода «Веста» с броненосным корветом «Фехти Буленд», которым командовал англичанин Монтроп (Монтроп-бей).

Во всех перечисленных случаях русские суда теоретически должны были быть уничтожены, но турецкие корабли ни разу не сунулись в Днепро-Бугский лиман или в район Одессы, где находились «поповки». Турки даже не пытались подходить к береговым батареям Севастополя и Керчи. Лишь однажды, увлекшись погоней за русским пароходом, «Ассари Тевфик» вошел в зону действия береговых 9-дюймовых пушек Севастополя. К сожалению, наши артиллеристы поторопились и открыли огонь с предельной дистанции. Турецкий корабль немедленно развернулся и стал удирать полным ходом.

Лишь в конце войны турецкие корабли попытались проявить активность, по-видимому, чтобы избежать обвинений в бездеятельности и трусости. 30 декабря 1877 г. корвет «Ассари Тевфик» и фрегат «Османие» под командованием англичанина Монтроп-бея подошли к Евпатории и выпустили по городу 135 снарядов. В городе было разрушено несколько домов. Часть турецких снарядов не разорвалась, один такой снаряд и по сей день находится в Евпаторийском музее. Затем турки решили захватить на рейде Евпатории два коммерческих парохода, но попали под огонь полевой батареи. Монтроп-бей трусил и увел корабли, отказавшись от ценных призов.

1 января тяжелые броненосцы Монтроп-бея подошли к Феодосии и в течение 2 ч 15 мин выпустили 152 снаряда. В городе было разрушено десять домов и убит один солдат. 2 января турецкий броненосец в течение

двух часов обстреливал Анапу.

Я не случайно упомянул о действиях турецкого флота. Кто-то написал: «История не терпит сослагательного наклонения». Если следовать этой фразе и не рассматривать альтернативные варианты хода исторических событий, то историк из ученого превращается просто в регистратора событий. Грамотная оценка событий возможна только при условии тщательного анализа альтернативных вариантов развития событий. Другой вопрос, что ими не стоит увлекаться и на основе альтернативного события строить цепь последующих событий. Тут резко убывает вероятность, и историк становится писателем-фантастом.

Рассмотрим альтернативный вариант — войну России с Англией. Так чем боевые действия на Черном море с турками должны были отличаться от войны на Балтике с англичанами? У турков те же броненосцы, построенные в Англии, те же пушки Армстронга, командовали турецкими броненосцами лучшие офицеры британского флота. А на Балтике британские броненосцы ждали не пароходы «активной обороны», а броненосцы и 11-дюймовые пушки кронштадтских фортов.

Тем не менее Горчаков отчаянно трусил и постоянно оглядывался на Лондон. Трусость начальства зачастую передавалась и старшим офицерам.

Вот, к примеру, в ноябре 1877 г. заведующий минной частью контр-адмирал К. П. Пилкин предложил пароходам «активной обороны» «разбросать несколько мин... перед входом в порты, занятые или посещаемые неприятельскими судами», т. е. впервые в мире начать активные минные постановки. Предложение Пилкина было отвергнуто из-за отсутствия ответа на вопрос «как выловить... мины при заключении мира». Именно по этой причине генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич «не счел возможным решиться на предлагаемую меру». И опять боязнь — а что-де скажут в просвещенной Европе.

А вот еще пример. К концу 1877 г. в нижнем течении Дуная русские располагали разнородной, но в целом довольно мощной флотилией. На конец сентября русское командование запланировало совместное нападение на Сулин сухопутными силами и Дунайской флотилией. Силы турок были невелики, как в пехоте, так и в кораблях. Выше Сулина, ближе к Черному морю, стояли корветы «Хивзи Рахман» и «Микадем Хаир», а ниже города — корветы «Неджили-Шевкет» и «Муини Зафр». Шансы русских на успех были близки к 100 %. Но в самом Сулине стоял английский стационар «Кокатрик» («Cockatrice»). Серьезного боевого значения сия посуда не имела. Но русских генералов вновь охватил панический страх перед просвещенными мореплавателями — как бы чего

не вышло. И генерал-лейтенант В. Н. Веревкин не придумал ничего более умного, чем за несколько дней сообщить командиру английского стационара не только сроки, но и детали атаки Сулина. Тот не замедлил поделиться информацией с турками, и к моменту атаки в Сулин пришла эскадра Гоббарта-паши, в составе которой было 9 броненосцев. В итоге захват Сулина был отменен.

Глава 17. Великое стояние у Царьграда

К концу 1877 г. разгром турецкой армии стал свершившимся фактом. Переход русскими Балкан произвел на турок ошеломляющее впечатление. Турецкий военный министр Сулейман предложил оттянуть от Шипки к Адрианополю войска Весселя, пока не поздно, но его не послушали — погубив уже армию Османа, сераскириат губил армию Весселя. Султан назначил главнокомандующим военного министра Реуфа, а Сулейману повелел вступить в непосредственное командование Западной турецкой армией. Сулейман успел сосредоточить между Софией и Филиппополем^[48] до 50 тыс. человек со 122 орудиями, а у Ени-Загры находилось еще 25 тыс. человек Мехмеда-Али. Однако, получив 29 декабря известие о капитуляции у Шипки армии Весселя, Реуф пал духом, испугавшись за Константинополь. Сулейману и Мехмеду-Али было предписано немедленно отступить к Адрианополю, а командовавшему Восточной армией Неджибу оставить в Добрудже и «четырёхугольнике» лишь войска, необходимые для удержания крепостей, а остальные погрузить в Варне на корабли для отправки в Константинополь.

Порта рассчитывала успеть сосредоточить 120 тыс. человек у сильной Адрианопольской крепости (чем надеялась задержать наступление русских). Одновременно она просила Англию о мирном посредничестве, но Россия отвергла представление Лондонского кабинета, предложив Порте самой обратиться за аманом, т. е. просить пощады.

Отойти к Адрианополю удалось лишь одному Мехмеду-Али. Сулейман спешно отступил 30 и 31 декабря на Татар-Базарджик. Гурко намеревался здесь его окружить, но в ночь на 2 января турецкая армия ускользнула от охвата, перешла реку Марицу, уничтожив за собой мост, и вечером 2 января сосредоточилась у Филиппополя.

Сулейман решил дать отдохнуть войскам у Филиппополя, а в случае если русские его атакуют, принять бой. Это решение привело в ужас подчиненных паши, просивших его не рисковать последней турецкой армией, но переубедить «сердарь-экрема» им не удалось.

2 января вечером авангард генерала Гурко (граф Шувалов с павловцами и гвардейскими стрелками) перешел в темноте, по грудь в воде и в 8-градусный мороз, широкую и быструю реку Марицу, по которой уже шел лед. 3 января тем же путем перешла остальная часть 2-й гвардейской дивизии. Переправившиеся войска весь день вели затяжной бой, ожидая

развертывания главных сил. Сулейман, заметив опасность, приказал немедленно отступить, но было уже поздно. Утром 4 января русские овладели Филиппополем, форсируя ледяную Марицу везде, где были броды, а вечером Лейб-Гвардии Литовский полк, ворвавшись в самую середину отступавшей турецкой армии у Карагача, внезапной ночной атакой уничтожил пехотную бригаду и захватил 23 орудия. 5 января турецкая армия свернула прямо на юг, причем две дивизии, потерявшие связь с главными силами, были уничтожены. Главным силам удалось оторваться от русских. Наша конница под начальством генерала Д. И. Скобелева 1-го (отца) выясняла весь день 6 января направление отступления неприятеля, и утром 7 января турки были настигнуты у Караджалара лихим 30-м Донским полком Грекова, атаковавшим полторы турецкие дивизии и захватившим всю оставшуюся у турок артиллерию — 53 орудия. Этой блистательной победой и закончилось преследование разбитой под Филиппополем армии Сулеймана, потерявшей 20 тыс. человек (двух пятых состава) и всю артиллерию (114 орудий). В Константинополе долго не знали, где находятся ее остатки. К 15 января они собрались у Карагача и оттуда морем были перевезены частью в Константинополь, частью на Галлиполи. Русские потеряли у Филиппополя 41 офицера и 1209 нижних чинов.

Пока Гурко громил турок у Филиппополя, центр нашей армии, не теряя времени, пожинал плоды шейновской победы. В авангарде Скобелева шли 1-я кавалерийская дивизия и герои Шипки — орловцы и «железные стрелки». Сразу оценив обстановку, сложившуюся на театре войны, Скобелев, немедленно по занятии 1 января Эски-Загры, двинул в глубокий рейд на Адрианополь имевшуюся у него конницу — три полка 1-й кавалерийской дивизии под командованием генерала Струкова.

Этот блистательный рейд решил кампанию. 2 января московские драгуны заняли важнейший железнодорожный узел театра войны — Семенли, отрезав армию Сулеймана от Адрианополя и предрешив ее разгром. Девять русских эскадронов нарушили все стратегические расчеты Турции. Неутомимый Струков громил тылы противника, захватывал обозы, огромные склады продовольствия и снаряжения и 6 января был уже в Мустава-Паше, в кавалерийском полупереходе от Адрианополя.

8 января была без боя захвачена мощная крепость Адрианополь. В крепости было 70 исправных орудий.

Естественно, что перед русским командованием встал вопрос — брать или не брать Константинополь и (или) Проливы, и как, и на каких условиях заключать с турками мир или перемирие?

27 декабря 1877 г. командующий русской армией на Балканах великий князь Николай Николаевич получил от турецкого военного министра Реуф-паши телеграмму с просьбой известить его, куда следует отправить мушира Мегмет-Али, уполномоченного для заключения перемирия, и на каких условиях оно может быть заключено. Николай Николаевич 28 декабря отправил ответную телеграмму: «Содержание вашей депеши доведено до сведения императора. Переговоры могут быть ведены только непосредственно со мною, но о перемирии не может быть речи без принятия предварительных оснований мира» (56. Кн. вторая. С. 399–400).

Александр II одобрил все распоряжения брата и сообщил, что все ожидаемые великим князем инструкции и полномочия уже высланы 21 декабря. Император предупреждал, что не следует торопиться сообщать туркам условия заключения перемирия, а следует затянуть это дело, при этом не ослабляя военных действий.

2 января 1878 г. Александр II получил телеграмму от султана Абдул Гамида II, в которой говорилось, что, глубоко скорбя об обстоятельствах, вызвавших злополучную войну между двумя государствами, призванными жить в добром согласии, и желая как можно скорее прекратить бесцельное кровопролитие, султан в силу соглашения, состоявшегося между его правительством и великим князем Николаем Николаевичем, назначил своими уполномоченными министра иностранных дел Сервер-пашу и министра двора Намык-пашу, которые через три дня отправятся в русскую главную квартиру для установления условий перемирия. Абдул Гамид II выразил надежду, что русский император прикажет незамедлительно прекратить военные действия на всех театрах войны.

Александр II ответил, что не менее султана желает мира и восстановления дружбы между Россией и Турцией, но он не может остановить военных действий до тех пор, пока Порта не примет предварительных условий мира, которые будут сообщены ей главнокомандующим русскими армиями.

Об отправлении турецких уполномоченных в русский лагерь известила Александра II и королева Виктория. А британский посол потребовал от Горчакова очередного обещания не занимать русскими войсками Галлипольского полуострова (т. е. Дарданелл) и заявил от имени своего правительства, что договор, заключенный между Россией и Турцией и касающийся трактатов 1856 и 1871 гг., должен быть договором «европейским» и не будет действителен, если состоится без согласия всех стран — участниц перечисленных выше трактатов.

Что касается Дарданелл, то князь Горчаков уверил британского посла,

что военные операции русских армий не будут распространяться на Галлиполи, если турки не сосредоточат там свои регулярные войска, тем более что и Англия не высадит там свои войска. Приняв заявление к сведению, британский кабинет заявил, что «при нынешних обстоятельствах» и не думает о занятии Галлиполи.

Александр II известил великого князя Николая Николаевича об обращении султана и «назойливых требованиях» британских дипломатов. Подтвердив телеграммой, что все эти обстоятельства никак не должны влиять на действия главнокомандующего, предписанные ему инструкцией, высланной 21 декабря, он написал в письме брату: «Пока уполномоченные турецкие не примут безусловно наших предварительных кондиций для мира, о перемирии и речи быть не может и военные действия должны продолжаться со всевозможною энергиею. Да поможет нам Бог довершить начатое святое дело, как мы того желаем для пользы и достоинства России» (56. Кн. вторая. С. 401).

8 января 1878 г. великий князь Николай Николаевич принял представителей султана — Сервера и Намыка. Русский главнокомандующий начал переговоры с вопроса, какие мирные условия предлагает России Порты. Турки ответили, что побежденный не может предъявлять победителю никаких требований и что султан вверяет судьбу своей страны великодушию русского царя. Тогда Николай Николаевич вручил представителям султана текст полученных из Петербурга условий мира и потребовал от них конкретного ответа, добавив, что от этого ответа зависит столь желаемая Портой приостановка военных действий.

Русские условия мира, состоявшие из тринадцати статей, содержали решение всех проблем, возникших на Балканах за последние пять лет. Условия были следующие:

Болгария в пределах болгарской национальности и никак не меньших против тех, что были намечены константинопольской конференцией, составит автономное княжество, платящее дань султану, но пользующееся христианским народным правлением, народной милицией, с выводом из ее пределов турецких войск.

Черногория, Румыния и Сербия признаются не зависимыми от Турции и получают за счет нее земельное приращение.

Боснии и Герцеговине даруется автономное управление с достаточными гарантиями, при ближайшем участии в определении их соседней с ними Австро-Венгрии.

Такие же преобразования вводятся во всех прочих подвластных Турции областях с христианским населением.

Порта вознаграждает Россию за военные издержки. Земельным вознаграждением служат: в Европе — прилегающий к Дунаю участок Бессарабии, отошедший к Молдавии по Парижскому договору 1856 г., и в Азии — крепости Ардаган, Карс, Баязет и Батум с их округами. Добруджу получает Румыния в обмен за участок Бессарабии, Помимо земельного вознаграждения Порты уплачивает России денежную контрибуцию.

Ознакомившись с русскими условиями, послы воскликнули в ужасе: «Это конец Турции!» Дать ответ они пообещали на следующий день.

9 января 1878 г. посланники султана вручили великому князю Николаю Николаевичу ноту, в которой большая часть русских условий отвергалась, а остальные принимались с существенными оговорками и ограничениями. Русский главнокомандующий, ознакомившись с нотой, заявил, что и слушать не желает ни о каких изменениях условий и что турки должны ответить «да» или «нет». На что Намык-паша возразил: «Но самостоятельная Болгария знаменует собой гибель Турции, прекращение ее владычества в Европе, и после этого туркам ничего не остается, как уйти обратно в Азию» (56. Кн. вторая. С. 404).

Николай Николаевич разрешил послам связаться по телеграфу с султаном и получить инструкции, при этом заявив, что Россия будет продолжать активные военные действия и что даже в случае получения из Порту удовлетворительного ответа, он примет его только после предварительного разрешения на то Александра II.

В телеграмме к царю главнокомандующий спрашивал, может ли он в случае принятия султаном русских условий мира, заключить перемирие или должен ожидать новых инструкций из Петербурга. В этой же телеграмме великий князь докладывал: «Кроме того, ввиду быстро совершающихся событий, неожиданно скорого движения наших войск, возможного в эту же минуту занятия нами Адрианополя и неоднократно высказанного тобою желания о безостановочном движении вперед наших войск, испрашиваю, как мне поступить в случае подхода моего к Царьграду, что легко может случиться при панике, которою объято турецкое население от Адрианополя до Стамбула включительно, а также что делать в следующих случаях: 1) Если английский или другие флоты вступят в Босфор? 2) Если будет иностранный десант в Константинополе? 3) Если там будут беспорядки, резня христиан и просьба о помощи к нам? 4) Как отнестись к Галлиполи, с англичанами и без англичан?» (56. Кн. вторая. С. 404).

Нерешительность турецких посланников, видимо, повлияла на настроение главнокомандующего и изменила его взгляды на исход войны.

После занятия русскими войсками Адрианополя он телеграфировал Александру II: «События так быстро совершаются и опережают все возможные предложения, что если так Бог благословит далее, то мы скоро можем быть невольны под стенами Царьграда». Указав на «страшную, неописуемую панику, овладевшую турками», он выражал свое убеждение, «что при настоящих обстоятельствах нам нельзя остановиться и, ввиду непринятия турками условий мира, необходимо идти до центра, то есть до Царырада», и там «покончить святое дело». «Сами уполномоченные Порты, — говорилось далее в телеграмме, — говорят, что их дело и существование кончены, и нам не остается ничего другого, как занять Константинополь. При этом, однако, неизбежно занятие Галлиполи, где находится турецкий отряд, чтобы предупредить, если возможно, приход туда англичан и при окончательном расчете иметь в своих руках самые существенные пункты для разрешения вопроса в наших интересах». «Вследствие этого не буду порешать с уполномоченными до получения ответа на депешу, и с Богом иду вперед» (56. Кн. вторая. С. 405), — заканчивал великий князь свое послание.

Отправив Александру II подробный отчет о переговорах с Сервером и Намыком, Николай Николаевич в собственноручном письме к императору из Казанлыка писал: «Надеюсь, что ты усмотришь, что я употребил все усилия, чтобы действовать по твоим указаниям и предупредить разрушение Турецкой монархии, и если это мне удалось, то положительно виноваты оба паши, которые не имели достаточно гражданского мужества взять на себя и подписать наши условия мира. Войска мои движутся безостановочно вперед. Ужасы, делаемые уходящими, бегущими в панике турками, — страшные, уничтожая все за собою и предавая многое пламени. Войска следят по пятам за бегущими и, по возможности, тушат горящее и помогают бедствующим. Я лично завтра выхожу отсюда и 14-го или 15-го буду в Адрианополе, где, полагаю, останусь недолго и, перекрестясь, пойду дальше, и кто знает, если не получу твоего приказания остановиться, с благословением Божиим, может быть буду скоро с виду Царырада! Все в воле Божией! Но мое убеждение то, что настало время, что необходимо идти до конца, т. е. до сердца Турции. Жду с нетерпением от тебя уведомления: доволен или нет моими действиями?» (56. Кн. вторая. С. 405).

14 января 1878 г. главнокомандующий перевел свою главную квартиру в Адрианополь, туда же последовали и оба турецких паши. Русские войска продолжали наступление. Передовые отряды были высланы на востоке к Каракилиссе, а на юге — к Демотике. Авангард генерала Струкова,

направляясь вдоль железной дороги к Константинополю, занял Люле-Бургас и 17 января с боем взял город Чорлу, находящийся всего в трех милях от Константинополя.

Как записал 9 января 1878 г. в своем дневнике военный министр Д. А. Милютин, весть о перерыве переговоров в Казанлыке и об общем наступлении наших войск к Константинополю нисколько не смутила царя, а, наоборот, вызвала в нем «живейшую радость». Александр II воскликнул: «Если суждено, то пусть водружают крест на св. Софии!» «В этом настроении его поддерживал великий князь Константин Николаевич, выступивший на одном из совещаний, проходивших под председательством императора, со смелым предложением идти прямо на Константинополь, занять его и оттуда возвестить России и Европе об окончании многовековой борьбы христианства с исламом и о прекращении турецкого владычества над христианами, после чего Россия, довольная совершенными ею подвигами и ничего не требуя для себя, созывает в Царьград представителей европейских держав, дабы сообща с ними воздвигнуть на очищенной ею от обломков прошлого почве здание, достойное XIX века» (56. Кн. вторая. С. 406).

Однако идеи генерал-адмирала не были поддержаны большинством участников совещания. Как всегда, Горчаков оглядывался на Англию, на сей раз его поддержал и Милютин. Уступая им, Александр II решил предпринять наступление на Константинополь только в случае окончательного отказа Порты принять все предложенные Россией условия мира.

12 января император отправил главнокомандующему следующую телеграмму: «Изложенные в трех твоих зашифрованных телеграммах от 10-го января соображения относительно дальнейшего наступления к Константинополю я одобряю. Движение войск отнюдь не должно быть останавливаемо до формального соглашения об основаниях мира и условиях перемирия. При этом объяви турецким уполномоченным, что если в течение 3-х дней со времени отправления ими запросной телеграммы в Константинополь не последует безусловного согласия Порты на заявленные нами условия, то мы уже не признаем их для себя обязательными. В случае, если условия наши не приняты — вопрос должен решиться под стенами Константинополя.

В разрешение поставленных тобою на этот случай четырех вопросов предлагаю тебе руководствоваться следующими указаниями:

По 1-му. В случае вступления иностранных флотов в Босфор войти в дружественные соглашения с начальниками эскадр относительно

водворения общими силами порядка в городе.

По 2-му. В случае иностранного десанта в Константинополе избегать всякого столкновения с ним, оставив войска наши под стенами города.

По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители других держав будут просить о водворении в городе порядка и охранения личности, то констатировать этот факт особым актом и ввести наши войска.

Наконец, по 4-му. Ни в каком случае не отступать от сделанного нами Англии заявления, что мы не намерены действовать на Галлиполи. Англия, со своей стороны, обещала нам ничего не предпринимать для занятия Галлипольского полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлога к вмешательству, даже если бы какой-нибудь турецкий отряд находился на полуострове. Достаточно выдвинуть наблюдательный отряд на перешеек, отнюдь не подходя к самому Галлиполи.

Ввиду твоего приближения к Царьграду, я признал нужным отметить прежнее распоряжение о съезде уполномоченных в Одессе, а вместо того приказал генерал-адъютанту графу Н. П. Игнатьеву немедленно отправиться в Адрианополь для ведения совместно с Нелидовым предварительных переговоров о мире в главной квартире» (56. Кн. вторая. С. 406–407).

В тот же день граф Игнатьев отбыл из Петербурга. Горчаков дал ему инструкции, где предписывалось не придавать трактату, который он должен был заключить с турецкими посланниками, вида окончательного договора, а только как бы «прелиминарного» протокола, не вдаваясь в подробности, поскольку все вопросы, касавшиеся других европейских держав, предполагалось решить потом, на общеевропейской конференции.

Граф Игнатьев должен был заехать в Бухарест и там договориться с князем Карлом и его министрами об обмене принадлежащего Румынии придунайского участка Бессарабии на Добруджу.

Тем временем, видя русские войска под стенами своей столицы, султан и его советники пребывали в панике. Они велели своим посланникам немедленно принять все русские условия заключения мира. Телеграмма об этом была направлена в Казанлык, но Сервер и Намык к этому времени были уже вместе с русским главнокомандующим в Адрианополе. Не зная этого и удивляясь возникшему промедлению, Абдул Гамид отправил телеграмму лично Александру II, где говорилось, что уже шесть дней, как Порты приняла все требования России, а наступление русских войск до сих пор не остановлено.

«Я не имею еще известия, — отвечал царь 18 января, — о получении уполномоченными вашего величества в главной квартире вашего принятия

оснований, предложенных для заключения перемирия. После того, как они это предъявят, я разрешу моему брату даровать перемирие. Ваше величество можете быть уверены, что он искренно разделяет ваше желание о мире, но мне нужен, — я даже скажу, обоим нам нужен, — мир долговечный и прочный» (56. Кн. вторая. С. 408).

Александр II 20 января телеграфировал Николаю Николаевичу: «Желательно ускорить заключение перемирия, дабы отвратить нарекания. Приближение к Константинополю не должно отнюдь входить в наши виды, коль скоро Порты приняла наши условия» (56. Кн. вторая. С. 408).

Телеграмму императора, отправленную 12 января, Николай Николаевич получил только на пятый день, 17-го. В тот же день посланники султана заявили великому князю, что Порты принимает все условия в надежде, что Россия немедленно прекратит военные действия. Тогда великий князь решился подписать предварительные условия мира и заключить перемирие. Полученные им из Петербурга приказания были несколько сбивчивы. С одной стороны, он должен был требовать от Порты решительный ответ на все условия России, а с другой — сообщалось о скором прибытии в Адрианополь для ведения переговоров о мире графа Игнатьева.

Разрешение идти на Константинополь зависело от отказа Порты ответить на запрос русского правительства, и в то же время строго запрещалось занятие Проливов, которое одно могло обеспечить доминирующее положение русской армии под стенами турецкой столицы. Горчаков хотя и выразил свое мнение, что лучше бы было дожидаться установления окончательного соглашения с Австро-Венгрией об основаниях мира, но не уведомлял, есть ли надежна на такое соглашение и в какой срок оно может последовать. В то же время он извещал о грозящем разрыве с Англией и о ее намерении вести свою эскадру в Босфор.

Это последнее известие положило конец колебаниям великого князя. Он приказал немедленно приступить к составлению конвенции о перемирии, и 19 января сам подписал с турецкими уполномоченными предварительные условия мира. Намык-паша долго не мог решиться подписать протокол, заключающий, по его мнению, смертный приговор Турции. Великий князь протянул ему руку и выразил надежду, что, напротив, мир упрочит существование Оттоманской империи, так как отныне Россия и Турция будут жить в согласии и дружбе.

Между тем британский кабинет чуть ли не круглосуточно обсуждал ситуацию на Балканах. Королева Виктория писала премьеру истеричные письма, уверяя, что «будь она мужчиной, она немедленно отправилась бы

бить русских» (21. Т. II. С. 122). Султан не решался проявлять инициативу и просить о посылке английских кораблей, как это ему все время подсказывал Дизраэли через посла Лайарда. Абдул Гамид ссылался на то, что боится русских, но англичан он боялся не меньше, и перспектива оказаться зажатым между русскими войсками и британским флотом совсем ему не улыбалась.

По поручению премьера британский кабинет снова запросил Вену, не собираются ли там объявить мобилизацию? Андраши был готов на это, но по требованию военного командования был вынужден повторить англичанам отказ, ссылаясь в том числе и на то, что мобилизация стоит больших денег, и только крайняя необходимость может побудить Австро-Венгрию на это.

11 (23) января 1878 г. британский кабинет наконец-то принял решение об отправке флота в Проливы. У парламента было испрашено 6 млн фунтов стерлингов на военные издержки. Британский кабинет рассчитывал, что этот шаг побудит и Австро-Венгрию к активным действиям.

В знак протеста против принятого решения министр иностранных дел лорд Дерби и статс-секретарь по делам колоний лорд Карнарвон подали в отставку.

Вскоре была получена телеграмма от посла Лайарда о том, что турки приняли русские условия. В следующей телеграмме Абдул Гамид просил британский кабинет либо отказаться от посылки эскадры, либо публично заявить, что эскадра послана против его, султана, воли. Тут же отменив свое решение, кабинет послал адмиралу Хорнби приказ немедленно вернуться в Безикскую бухту. После этого лорд Дерби вернулся на свой пост.

Одновременно с подписанием мира генералы Непокойчицкий и Левицкий подписали с турецкими военными уполномоченными конвенцию о перемирии, заключенную на все время переговоров о мире, вплоть до их окончания. Этим актом устанавливалась демаркационная линия между русской и турецкой армиями на всем Балканском полуострове. Турки обязывались немедленно очистить дунайские крепости Виддин, Силистрию и Руцук, а также Эрзерум в Малой Азии. Русская армия занимала всю Болгарию, за исключением четырехугольника вокруг Варны и Шумлы, ограниченного берегом Черного моря между Бальчиком и Мисиври. Далее разграничительная линия шла от Деркоса на Черном море до впадения реки Карасу в Мраморное море. Между русской и турецкой демаркационными линиями находилась нейтральная полоса, на которой не позволялось ни воздвигать, ни усиливать, ни исправлять укрепления в

течение всего перемирия. Русские войска занимали Родосто на Мраморном море и Дадсагач в Архипелаге, не переступая, однако, за перешеек от Таркиой до Урши, отделяющий от материка полуостров Галлиполи. Той же конвенцией снималась турецкая блокада с русских черноморских портов и русские заграждения на Дунае.

Приказы о приостановке военных действий тотчас же были отправлены во все отряды Дунайской армии, в Румынию, Сербию и Черногорию, в Малую Азию и на Кавказ.

Тем временем в большую политику решили вмешаться... греки. Сразу же после падения Плевны (28 ноября 1877 г.) афинское правительство под сильным давлением населения объявило мобилизацию. 21 января 1878 г., через два дня после подписания в Адрианополе перемирия, греческое правительство под предлогом притеснений башибузуками христианского населения Фессалии и Эпира ввело свои войска в эти области, не объявляя Турции войны. Британское правительство немедленно начало уговаривать греков, угрожая применить силу.

Император Александр II тоже был серьезно озабочен этим «нечаянным осложнением», считая вмешательство Греции крайне несвоевременным, и приказал русскому послу в Афинах дать королю Георгу I настоятельный совет остановить военные действия и отозвать свои войска, тем более что Порты, заключив перемирие с Россией, видимо, не прочь была принять вызов и тотчас же отправила к Пирею турецкую броненосную эскадру. Сообщив об этом великому князю Николаю Николаевичу, царь заметил, что как ни неразумно поведение Греции, «но оставлять ее на жертву туркам нам тоже нельзя и придется, может быть, угрожать им перерывом перемирия в случае новых насилий» (56. Кн. вторая. С. 413).

Оставшись без поддержки России, Георг I, кстати, женатый на Ольге Константиновне, племяннице Александра II, решил отступить, и греческие войска оставили Фессалию и Эпир.

Когда в Лондоне узнали о состоявшемся 19 января перемирии, в кабинете министров снова подняли вопрос о посылке эскадры в Проливы. Тщетно русский посол пытался убедить лорда Дерби, что появление британской эскадры под стенами Константинополя освободит Россию от всех ее прежних обещаний Англии и неминуемо повлечет за собой занятие русскими Босфора и Дарданелл.

Дерби не устоял против давления своих коллег-министров. Известие о занятии русскими войсками Чаталжи — местечка, расположенного всего в переходе от Константинополя, — в Англии сочли за первый шаг к занятию русскими турецкой столицы, которое, как заявил лорд Август Лофтус

князю Горчакову, уже не могло быть вызвано военными соображениями и, следовательно, противоречило положительному обещанию императора Александра II.

Не успел еще дойти до Лондона примирительный ответ князя Горчакова, как адмиралу Хорнби был послан новый приказ: немедленно с шестью броненосцами^[49] войти в Дарданеллы и идти прямо к Константинополю.

Извещая русского посла графа П. А. Шувалова о решении послать эскадру в Проливы, лорд Дерби пытался его уверить, что это связано исключительно для обеспечения безопасности проживающих в Константинополе англичан и их собственности от проявлений мусульманского фанатизма и отнюдь не является враждебной России демонстрацией. В том же смысле высказался и британский премьер перед обеими палатами парламента и в сообщении великим державам, в котором приглашал их последовать примеру Англии и также послать свои эскадры в Босфор.

Граф Шувалов наотрез отказался передавать в Петербург трактовку британского министра, чтобы не ввести свое правительство в заблуждение. Ведь было ясно, что истинной причиной посылки эскадры в Проливы было желание Англии опередить там русских, а потом явиться на конференцию, приглашение участвовать в которой, сделанное графом Андраши, британский кабинет поспешил принять.

Граф Шувалов длительное время был настроен проанглийски, но сейчас его возмущению не было предела. В письме Горчакову 28 января 1878 г. он призывал канцлера действовать решительно и объявить, что посылка британских броненосцев в Мраморное море освобождает Россию от прежних обещаний Англии и что если англичане высадят на берег хоть одного матроса, то русские войска будут вынуждены, «подобно им», вступить в Константинополь. «Я думаю, — писал далее Шувалов, — что такая решимость не только не вызовет разрыва, но предупредит его, остановив англичан на наклонной плоскости опасных вызовов, которые без нее, конечно, продолжались бы» (56. Кн. вторая. С. 417).

Как записал в своем дневнике Д. А. Милютин, посылка британской эскадры в Черноморские проливы сразу же после заключения перемирия между Россией и Турцией была наглым и вопиющим нарушением Англией не только целого ряда европейских договоров, запрещающих иностранным судам доступ в Проливы, но и обязательств, принятых Англией перед Россией во время войны, которыми были обусловлены все уступки России. Александр II воспринял действия Англии как оскорбление, требующее

немедленного возмездия. Заявив своим министрам, что принимает на себя всю ответственность «перед Богом и народом», он 29 января лично продиктовал телеграмму главнокомандующему: «Из Лондона получено официальное извещение, что Англия на основании сведений, отправленных Лайярдом, об опасном будто бы положении христиан в Константинополе, дала приказание части своего флота идти в Царьград для защиты своих подданных. Нахожу необходимым войти в соглашение с турецкими уполномоченными о вступлении и наших войск в Константинополь с тою же целью. Весьма желательно, чтобы вступление это могло исполниться дружественным образом. Если же уполномоченные воспротивятся, то нам надобно быть готовыми занять Царьград даже силою. О назначении числа войск предоставляю твоему усмотрению, равно как и выбор времени, когда приступить к исполнению, приняв в соображение действительное очищение турками дунайских крепостей» (56. Кн. вторая. С. 418).

Однако опять Горчаков и Милютин стали умолять царя не отправлять этой телеграммы и в конце концов добились своего. На следующий день, 30 января, Александр II отправил брату другую телеграмму, в которой занятие Константинополя русскими войсками ставилось в зависимость от появления английской эскадры в Босфоре и от высадки английского десанта на берег. «Вступление английской эскадры в Босфор слагает с нас прежние обязательства, принятые относительно Галлиполи и Дарданелл. В случае, если бы англичане сделали где-либо вылазку, следует немедленно привести в исполнение предположенное вступление наших войск в Константинополь. Предоставляю тебе в таком случае полную свободу действий на берегах Босфора и Дарданелл, с тем, однако же, чтобы избежать непосредственного столкновения с англичанами, пока они сами не будут действовать враждебно» (56. Кн. вторая. С. 418), — говорилось в телеграмме.

Александр II был в полнейшем смятении. 31 января он втайне от Милютина и Горчакова все-таки отправил великому князю Николаю Николаевичу свою первую телеграмму, составленную 29 января.

Историограф Александра II Татищев пытался оправдать противоречивые действия царя: «Поступая так, Александр Николаевич, очевидно, хотел посвятить главнокомандующего во все свои намерения, причем одна депеша должна была служить как бы пояснением и дополнением другой. Между ними, в сущности, не было ни малейшего разноречия. Первая телеграмма выражала решимость государя ввести наши войска в Константинополь, как прямое последствие прорыва английской эскадры через Дарданеллы, предоставляя усмотрению великого князя

определение времени и способа исполнения этого приказанья; вторая же предписывала тотчас же принять эту меру возмездия в случае появления британских броненосцев в Босфоре или высадки англичан на берегах его...» (56. Кн. вторая. С. 418–419).

На самом же деле отправка обеих телеграмм была не чем иным, как классическим русским «казнить нельзя помиловать».

Александр II подумал-подумал и решил сообщить о планах захвата Константинополя... турецкому султану и 30 января 1878 г. отправил ему телеграмму: «Ваше величество, отдадите мне справедливость, признав, что я продолжаю искренно желать устойчивого и прочного мира и восстановления дружественных сношений между обеими нашими странами. В то самое время, когда наши обоюдные уполномоченные стремятся к этому результату, великобританское правительство решилось, на основании донесений своего посла в Константинополе, воспользоваться ранее полученным фирманом, чтобы ввести часть своего флота в Босфор для охраны жизни и безопасности своих подданных, а другие державы приняли ту же меру, с тою же целью. Это решение обязывает меня, со своей стороны, сообразить меры ко вступлению части моих войск в Константинополь для ограждения жизни и собственности христиан, которым могла бы угрожать опасность. Но если я буду вынужден принять эту меру, она будет направлена лишь к одной миролюбивой цели: поддержанию порядка, а потому она и не может быть в противоречии с намерениями вашего величества» (56. Кн. вторая. С. 419).

Об этом решении императора Горчаков оповестил все правительства великих держав, в том числе и британское. В своей циркулярной телеграмме от 29 января он повторил выражения императорской депеши к султану об отправлении английской эскадры «к Константинополю», а не в Босфор, как выразился царь, и о предлоге, которым сент-джемский кабинет прикрыл эту меру, а также о принятии подобных же мер другими державами, и заключил ее так: «Совокупность этих обстоятельств обязывает нас позаботиться и с нашей стороны о средствах оказать покровительство христианам, жизни и имуществу коих будет угрожать опасность, и для достижения этой цели иметь в виду вступление части наших войск в Константинополь» (56. Кн. вторая. С. 419).

Решение Александра II занять Константинополь вызвало панику в британском кабинете. В тот же день, 30 января, лорд Дерби через посла лорда Лофтуса срочно запросил русское правительство, чем вызвана эта мера: заботой о безопасности христианского населения или военными причинами, чтобы в то время, когда Англия и другие государства поднимут

свои флаги в Константинополе, там появилось и русское знамя? Горчаков ответил, что русское правительство руководствуется теми же побуждениями, что и британское, с той лишь разницей, что считает своим долгом покровительствовать не только своим подданным в Царьграде, но и всем христианам вообще, что оба правительства таким образом исполняют долг человеколюбия и что общее их миролюбивое дело не должно поэтому иметь вид взаимной враждебности.

Лорд Дерби не согласился с Горчаковым. Он утверждал, что положение Англии и России неодинаково, поскольку Англия находится в дружбе с Турцией, а Россия ведет с ней войну, поэтому появление британского флота в Дарданеллах не может быть приравнено к занятию Константинополя русскими войсками, в нарушение заключенного перемирия.

Русский посол граф П. А. Шувалов в своих объяснениях с лордом Дерби решительно настаивал на том, что Россия теперь свободна от всяких обязательств перед Англией. И это произвело нужное действие. При обсуждении вопроса на совете министров британский министр иностранных дел уже не настаивал на отказе России от предполагаемого занятия Константинополя, а ограничился лишь замечанием, что если одновременно с занятием Константинополя русский войска займут и Галлиполи, то Англия воспримет это как *casus belli*, поскольку британская эскадра, находившаяся в Мраморном море, в случае заграждения Дарданелл минами оказалась бы в западне. В этом случае Англия была бы вынуждена объявить России войну.

Из этого сообщения лорда Дерби граф Шувалов заключил, что занятие Царьграда грозит России войной с Англией, и потому советовал русскому кабинету не занимать Галлиполи и линии Булаира с тем условием, что и Англия не высадит ни одного человека ни на европейском, ни на азиатском берегу.

Горчаков поручил Шувалову заверить в этом лорда Дерби и заметить ему, что, поскольку британская эскадра вошла в Дарданеллы против желания Турции, то временное занятие Константинополя русскими войсками теперь неизбежно.

Через несколько дней британский кабинет возобновил свой протест против введения русских войск в турецкую столицу без предварительного согласия султана, пригрозив пусть не войной, но отзывом своего посла из Петербурга и отказом принять участие в конгрессе. Горчаков, в очередной раз напомнив, что английские корабли вошли в Дарданеллы без согласия Порты, ответил: «Пусть британское правительство поступает, как ему

угодно. История, а быть может, и современники изрекут свой приговор этому полному отсутствию логики и этому презрению ко всеобщему миру» (56. Кн. вторая. С. 421).

Султана привело в ужас известие о неизбежности вторжения русских войск в его столицу, что было ответом России на вход британской эскадры в Дарданеллы. Теперь Абдул Гамид оказался между двух огней, но все-таки России он боялся больше, чем Англии, и поэтому отказал адмиралу Хорнби в проходе через Дарданеллы, в чем лично уведомил Александра II 31 января: «Депеша, посланная мне вашим императорским величеством 11 февраля (новый стиль), крайне встревожила меня. Я принял перед вашими уполномоченными обязательства с целью восстановления мира. Все народности, подчиненные моему скипетру, имеют равное право на покровительство и живут в совершенной безопасности. Права моей империи соблюдены, как о том ваше императорское величество, конечно, уже знает и по поводу самого последнего случая в Дарданеллах, так как английский флот удалился тотчас после того, как правительство мое напомнило, что вход его был бы противен трактатам. Поэтому я не могу предположить ни одной минуты, чтобы ваше императорское величество, узнав уже об истинных подробностях этого случая, могли дать ход мерам, указанным в вашей депеше» (56. Кн. вторая. С. 421).

Но Англия не отступала, в Петербурге и Константинополе британские послы уведомили правительства, что английская эскадра войдет в Проливы, даже если для этого придется применить силу.

Поэтому Александр II 31 января 1878 г. телеграфировал султану: «Я только что получил телеграмму вашего величества от сегодня в поддень. Я остаюсь в прежнем дружественном и миролюбивом расположении, но мне трудно согласовать то, о чем вы меня просите, с сообщением, полученным от английского правительства. Оно дает мне знать, что, несмотря на отказ в фирмане, часть английского флота войдет в Босфор для ограждения жизни и имущества британских подданных. Если английская эскадра вступит в Босфор, мне нельзя будет не ввести временно в Константинополь часть моих войск. Ваше величество обладаете в слишком высокой степени чувством собственного достоинства, чтобы не сказать себе, что если произойдет вышеозначенный случай, то я не могу поступить иначе» (56. Кн. вторая. С. 421–422).

Испуганный Абдул Гамид срочно отослал две телеграммы. В первой он убеждал королеву Викторию срочно вывести эскадру из проливной зоны. Во второй телеграмме султан умолял Александра II отложить ввод войск в Стамбул, по крайней мере, до получения ответа из Лондона. Царь,

по его словам, «всегда готовый оказать содействие с целью избавить человечество от бедствий», согласился уважить просьбу султана. А когда Александру II доложили, что британский флот уже вошел в Дарданеллы и стоит у Принцевых островов, он срочно телеграфировал султану, что тот сам по справедливости должен признать, что теперь временное занятие Константинополя русскими войсками неизбежно.

Абдул Гамиду удалось добиться лишь, чтобы британское правительство отозвало свою эскадру от Принцевых островов к заливу Мандания в Мраморном море, который, как уверял султан Александра II, расположен далеко от Босфора. Еще Абдул Гамид просил императора не вводить войска в Стамбул, поскольку он еще не получил ответа от королевы Виктории. На это Александр II 4 февраля ответил: «Теоретический протест не воспрепятствовал английской эскадре ворваться в Дарданеллы. Прямое обращение вашего величества к королеве не приведет к ее отзыванию. Поэтому я предоставляю вашей справедливости решить: возможно ли мне остановить временное введение моих войск в Константинополь? Они будут там лишь для облегчения вашему величеству поддержания общественного порядка» (56. Кн. вторая. С. 422–423).

Абдул Гамид отправил в Петербург еще три телеграммы, умоляя императора изменить свое решение, выражая намерение отправить в Петербург своего посла, который лично изложит царю все опасности, грозящие султану, и уведомляя о приказании, данном им своему уполномоченному в Адрианополе ускорить заключение предварительного мира, о котором там уже велись переговоры с графом Игнатьевым. Но император был непоколебим. 7 февраля он телеграфировал в Константинополь: «Как только Савфет-паша окончит переговоры с графом Игнатьевым на основаниях, принятых вашим величеством перед заключением перемирия, и результат этих переговоров будет утвержден вашим величеством, от вас будет зависеть отправить чрезвычайного посла через Одессу. До тех же пор такая посылка была бы бесцельна. Что же касается до временного вступления части моих войск в Константинополь, то таковое не может быть ни отменено, ни отложено, коль скоро английская эскадра остается в Мраморном море вместо того, чтобы уйти обратно за Дарданеллы. Я одобряю предложения, сделанные моим братом по этому предмету» (56. Кн. вторая. С. 423).

Все телеграммы Абдул Гамида и ответы на них Александра II немедленно сообщались главнокомандующему русской армией великому князю Николаю Николаевичу с тем, чтобы он руководствовался ими в своих распоряжениях. Сообщая брату, что, невзирая на протесты Порты,

британская эскадра идет к Константинополю, не дожидаясь разрешительного фирмана, император 2 февраля наставлял главнокомандующего: «Мы должны действовать соответственно действиям англичан, как мною приказано на этот случай» (56. Кн. вторая. С. 423).

Александр II уведомил брата о данном графу Шувалову приказании объявить британскому правительству, что появление их эскадры в Мраморном море делает неизбежным занятие русскими войсками Константинополя «с тою же мирною целью». Царь сообщал главнокомандующему, что подтверждение обещания не занимать Галлиполи — это последняя уступка Англии, да и то с условием, что англичане не высадят ни одного матроса на берег, и велел Николаю Николаевичу проконтролировать это. В случае же попытки высадки английского десанта русские войска с согласия Порты должны были занять несколько укрепленных пунктов на европейском берегу Босфора.

Получив от брата телеграмму о предложенном им султаном занятии «ближайших к Константинополю предместий», Александр II одобрил этот акт и настаивал на скорейшем его исполнении. «Для сего, — телеграфировал он 6 февраля, — нужно назначить кратчайший по возможности срок для получения согласия султана и на случай отказа его приготовить достаточные силы. По твоему сообщению, вообще предоставляю тебе действовать, не ожидая особых моих разрешений» (56. Кн. вторая. С. 424).

Вскоре главная квартира русской армии была перенесена из Адрианополя в предместье Константинополя Сан-Стефано, но и тут Александр II напоминал брату о необходимости не терять из виду Босфор и применить все силы, чтобы закрыть английским кораблям проход в Черное море.

27 января 1878 г., через неделю после заключения перемирия, в Адрианополь прибыл граф Н. П. Игнатьев, назначенный русским уполномоченным для переговоров о «предварительном» мире с Турцией. А на следующий день прибыл турецкий уполномоченный. Им был сменивший Сервера на должности министра иностранных дел Савфет-паша.

Едва начались переговоры, как Савфет-паша сообщил Николаю Николаевичу, что английский адмирал намеревается ввести свою эскадру в Дарданеллы, несмотря на отказ Порты пропустить его. Великий князь одобрил это действие Турции и предложил ей вступить в союз с Россией, чтобы действовать против насилия англичан сообща. «Войдемте вместе друзьями в Царьград, — сказал он Савфет-паше, — и, если англичане

станут противиться, выступим против них, рука в руку. Я поставлю около моего орудия ваше в надежде, что вы, наконец, поняли, что англичане вас эксплуатируют» (56. Кн. вторая. С. 426).

Савфет-паша тут же телеграфировал в Стамбул об этом предложении русского главнокомандующего.

Со своей стороны Николай Николаевич отправил в Константинополь первого драгомана (переводчика) русского посольства Ону, чтобы тот разведал, насколько турецкое правительство склонно допустить временное занятие столицы русскими войсками. Ону доложил, что турецкие министры противились вводу русских войск больше для виду и на словах, а Абдул Гамид собирался послать в Адрианополь Намык-пашу, чтобы тот попытался убедить русского главнокомандующего отказаться от намерения занять Константинополь. Но, по мнению Ону, все должно было кончиться тем, что Порта поторгуется-поторгуется и в конце концов уступит. Турки даже называли драгоману казармы, где должны были разместиться русские солдаты: Дауд-паша, Ильдиз-Чифтлик, на высотах Эюба.

29 и 30 января великий князь Николай Николаевич получил две телеграммы от Александра II с повелением занять Константинополь. Поскольку телеграммы эти содержали некоторые разногласия, советники великого князя посоветовали ему обратиться к императору за разъяснениями, но Николай Николаевич не последовал этому совету и 4 февраля телеграфировал царю: «Все будет исполнено, как тобою приказано» (56. Кн. вторая. С. 426).

Однако занять Царьград не удалось. Султан так и не дал разрешения на ввод войск. Наши войска стояли всего в двух переходах от Царьграда, но перемирие изменило положение далеко не в нашу пользу. Турки увеличили численность войск, стоявших перед столицей, и теперь взять Константинополь было не так просто. Британская эскадра, хотя и находилась в пятидесяти милях от Царьграда в заливе Мраморного моря, но в Босфор не проходила и высадок не производила.

Великого князя Николая Николаевича одолели сомнения, а тут еще начались сбои полевого русского телеграфа, и телеграммы пришлось давать через Константинополь. Турки и англичане их, видимо, задерживали, и они доходили до Петербурга на третий, четвертый или пятый день. Ввиду этих «недоразумений», а также «переполнения Царьграда бежавшими переселенцами и крайней болезненности в столице», Николай Николаевич решил предложить туркам занять отрядом численностью 10 тыс. человек не саму столицу, а ее предместье на берегу Мраморного моря — Сан-Стефано, откуда он бы смог следить за британской эскадрой. На сей раз

султан дал согласие, и русские войска перешли через установленную перемирием демаркационную черту и заняли Сан-Стефано, оказавшись на расстоянии двенадцати верст от Царьграда. Причем Николай Николаевич не догадался занять ни господствующих над Константинополем высот около Сан-Стефано, ни выйти на берег Босфора.

Турки же разместили свои оставшиеся в их распоряжении силы между русской армией и Константинополем.

Неудачное расположение русской армии под Константинополем стало не только следствием строительства турками укреплений, но и косности «сухопутного мышления» Николая Николаевича. В начале января 1878 г. русские войска могли без проблем занять берег Босфора севернее Стамбула. Тогда же можно было потребовать от ошеломленных турок прохода русских судов из Черного моря в тот же Сан-Стефано. Повод мог быть вполне человеколюбивый — эвакуация больных и раненых из русской армии, в чем, кстати, русские весьма нуждались. Пароходы могли привезти в армию не только продовольствие и медикаменты, но и боеприпасы, а главное, морские мины. Несколько десятков мин, поставленных в узком Дарданелльском проливе или даже просто брошенных в него, могли надолго закупорить пролив.

Надо сказать, что Морское ведомство подготовило в январе — марте 1878 г. несколько пароходов для постановки мин, правда, не в Дарданеллах, а в Босфоре. Но ни великий князь, ни дипломаты, видимо, вообще не представляли себе, что такое морские мины.

Была и другая важная причина ввода войск в Константинополь или хотя бы занятия пары бухт в Босфоре или Мраморном море. В ходе боевых действий в 1877 г. у русских генералов и политиков постоянно вызывала сильную головную боль угроза Австрии нанести удар по Румынии и Бессарабии и полностью прервать растянутые коммуникации нашей действующей армии. Это было по силам австрийской армии. Другой вопрос, что две трети русской армии не было задействовано в турецкой кампании, и этих сил было достаточно, чтобы раздавить лоскутную империю.

Взятие Константинополя могло полностью исключить угрозу австрийцев нашим коммуникациям. В этом случае боевая мощь русской армии резко возрастала. Вместо тысячи километров ужасных дорог от Бессарабии до Адрианополя любой груз мог быть оперативно доставлен по железной дороге до Одессы, Севастополя или портов Азовского моря, а затем за сутки на пароходе или за двое-трое суток на паруснике переброшен в Константинополь. Таким образом, 8-дюймовые мортиры из

Брестской или Ивангородской крепостной артиллерии, снаряды, изготовленные петербургскими заводами, и мобилизованные резервисты из Нижегородской губернии могли быть доставлены в Проливы за неделю.

Русская береговая артиллерия из Севастополя, Одессы, Керчи и Очакова могла быть за одну-две недели переброшена к Дарданеллам. Половины ее было бы достаточно, чтобы отразить атаку всего британского флота. В принципе, в узких проливах английские броненосцы могли быть расстреляны даже 6-дюймовыми мортирами обр. 1867 г. Тонкие броневые палубы английских броненосцев (25–75 мм) не могли выдержать попадания бронебойных мортирных бомб. Броненосцы же ранней постройки вообще не имели брони на палубах.

В конце концов русское командование отдало приказ о переброске тяжелой артиллерии в Босфор. Но сделало это на четыре месяца позже, чем следовало, и очень бестолково. 31 марта 1878 г. в Керченской крепости начали погрузку на корабли пяти 11-дюймовых пушек, пяти 9-дюймовых пушек, шести 9-дюймовых мортир и девяти 6-дюймовых мортир, как говорилось в приказе: «...для отправления их по назначению». Куда же береговые орудия назначались, в приказе было дипломатично опущено. Однако вскоре было получено распоряжение о выгрузке орудий и возвращении их на батареи Керченской крепости.

По приказу главнокомандующего в Галаце начали погрузку на суда орудий береговой и осадной артиллерии, оставшейся после захвата крепостей на Дунае. К 16 апреля 1878 г. на пароход «Одесса» и шхуны «Ингул» и «Салгир» было погружено восемь 8,5-дюймовых пушек, одна 8-дюймовая свинтная пушка, одна 9-дюймовая свинтная мортира, десять 6-дюймовых пушек дальнего боя (в 190 пудов) и двадцать 9-фунтовых пушек. Суда готовы были двинуться к Босфору, но 17 апреля поступил приказ об отмене похода.

Метания Александра II из стороны в сторону, длившиеся много недель, ослабили русскую армию, стоявшую у ворот Константинополя. Этим не замедлила воспользоваться и Австрия. 23 января 1878 г. австрийский министр иностранных дел Андраши предложил Горчакову собрать в Вене общеевропейскую конференцию по Балканам и, не дожидаясь ответа из Петербурга, разослал приглашения правительствам всех великих держав.

Русский канцлер согласился на конференцию и на обсуждение на ней всех постановлений о мире, носящих общеевропейский характер, но был категорически против созыва ее в Вене, ссылаясь на то, что это воскресит неприятные воспоминания о совещаниях, происходивших в Вене во время

Крымской войны, и возмутит русское народное чувство. В депеше от 24 января он писал: «Россия несла одна всю тяжесть войны, и дорого обошлись ей победы, которые сломили упорство турок и вынудили их подчиниться воле Европы. Она имела бы преимущественное право пригласить уполномоченных прочих держав собраться в Петербурге, но русский двор не руководится в данном случае побуждениями честолюбия или тщеславия. Он предпочитает созвать конференцию в каком-либо городе, не принадлежащем ни одной из великих держав, с тем, чтобы приняли в ней участие сами первенствующие министры, руководящие политикою своих государств» (56. Кн. вторая. С. 428–429). Городом этим Горчаков предлагал назначить Баден-Баден или Дрезден.

В Петербурге рассчитывали на посредничество Бисмарка в преодолении разногласий с Австрией, и с этой просьбой Александр II лично обратился в письме к императору Вильгельму. А русскому послу в Берлине было поручено сообщить Бисмарку возражения русского двора на австрийские замечания. Считая соглашение трех императорских дворов «осью политического положения» и «венцом свода европейского мира», германский канцлер выразил надежду, что Германии удастся удержать венский двор в составе этого трио, согласовать противоположные взгляды России и Австрии и не допустить сближения последней с Англией.

5 февраля 1878 г. рейхсканцлер Бисмарк выступил с речью в германском парламенте. Он в общем одобрил русские условия мира и перешел к обсуждению вопроса об отношении Германии к происшедшим на Балканах переменам. По мнению Бисмарка, те из них, которые изменяют постановления Парижского трактата, могут происходить только с общего согласия Европы. В этом и заключается задача предстоящей конференции, и в интересах всех держав, в том числе и России, избежать войны и решить все проблемы мирным путем. «Германия никому не станет навязывать своих взглядов, не будет разыгрывать из себя третейского судью, а ограничится ролью честного маклера, желающего, чтобы между спорящими сторонами действительно состоялось соглашение» (56. Кн. вторая. С. 431).

Вслед за этой речью между Петербургом, Веной и Берлином началась оживленная переписка по организации этой конференции.

А тем временем в Сан-Стефано граф Н. П. Игнатьев и А. И. Нелидов вели переговоры о заключении «предварительного» мира с турецкими представителями Савфет-пашой и Саадулах-беем. Представители Порты пытались тянуть время, но Игнатьев и Нелидов объявили, что пока мир с ними не будет подписан, Россия не согласится на созыв конференции.

Кроме того, русские пытались прельстить турок некоторыми уступками. В частности, значительную часть контрибуции Россия соглашалась взять турецкими броненосцами.^[50] Предлагалось также заключить тайное русско-турецкое соглашение о Проливах.

Игнатьев и Нелидов хотели закончить переговоры и подписать трактат к знаменательной дате — дню восшествия Александра II на престол. Поэтому они не стали настаивать на статьях, на которые турки не желали соглашаться: о совместных действиях России и Турции на предстоящем конгрессе и о позволении в Буюк-Дере на берегу Босфора сажать на суда русские войска, предназначенные к возвращению на родину.

19 февраля 1878 г. состоялось подписание «предварительного» мира между Россией и Турцией. Сан-Стефанский мирный договор совершенно менял политическую картину Балканского полуострова. В Европе за Турцией оставались Константинополь, Адрианополь, Солунь, Эпир, Фессалия, Албания, Босния и Герцеговина. Вся Болгария от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера становилась княжеством, хоть и вассальным по отношению к Турции, но все же достаточно самостоятельным, с христианским управлением и народной милицией, с правом избрания князя. Турецкие войска выводились из Болгарии, дунайские крепости должны были быть срыты, а русские войска должны были занять княжество сроком на два года, пока там не организуется собственная милиция. Также по договору Турция признавала независимость Черногории, получающей значительные земельные приращения за счет Албании и Герцеговины, а также по Адриатическому побережью. Румыния и Сербия тоже становились независимыми. От Румынии к России отходила часть Бессарабии, отторгнутая по Парижскому договору 1856 г., а взамен Румыния получала Добруджу. Земли Сербии увеличивались к югу в направлении Старой Сербии.

Контрибуция России определялась в 1410 млн рублей. Большую часть этой суммы — 1100 млн рублей — Россия получала в виде уступки ей земель: Ардагана, Карса, Батума и Баязета с окрестностями, вплоть до Саганлугского хребта. Остальная часть контрибуции, 310 млн рублей, должна быть выплачена деньгами. Порта также обязывалась удовлетворить все предъявленные к ней или к ее подданным иски русских подданных.

Россия обязывалась вывести свои войска из Европейской Турции в трехмесячный срок, а из Азиатской — в шестимесячный. Турция объявляла всеобщую амнистию. Обмен военнопленными должен был состояться немедленно по ратификации договора Александром II и Абдул Гамидом II,

которая должна была состояться в Петербурге в пятнадцатидневный срок.

Великий князь Николай Николаевич 19 февраля телеграфировал брату в Петербург: «Имею счастье поздравить ваше величество с подписанием мира. Господь сподобил нас, государь, окончить предпринятое вами великое, святое дело. В день освобождения крестьян вы освободили христиан из-под ига мусульманского» (56. Кн. вторая. С. 436).

Князь Бисмарк предложил собрать общеевропейский конгресс в Берлине, на что быстро согласились все ведущие державы. Лишь британский кабинет 25 февраля 1878 г. заявил, что согласится участвовать в конгрессе при условии, если на нем будут рассмотрены все вопросы, затронутые в мирном договоре между Россией и Турцией, и что никакие изменения порядка, утвержденные прежними трактатами, не будут признаны действительными иначе, как с общего согласия великих держав.

Требование это, высказанное к тому же в вызывающем тоне, князь Горчаков признал оскорбительным для России. Удовлетворение этого условия означало для России присутствовать на конгрессе не в качестве равноправной участницы, а в качестве подсудимой, и потому канцлер отклонил притязания британского кабинета, заявив, что русский двор уже выразил согласие на обсуждение конгрессом вопросов, касающихся европейских интересов, и что дальше этого он пойти не может.

Британское словоблудие ставило своей целью пошантажировать Россию. 20 марта (31 апреля) 1878 г. лорд Биконсфильд издал королевский указ о призыве резервистов. Несогласный с этим указом лорд Дерби вышел из кабинета министров, а на его место министра иностранных дел был назначен лорд Салисбюри. Новый министр немедленно обнародовал циркуляр к дипломатическим представителям Англии, ставший грозным обвинительным актом в адрес России.

Австро-Венгрия также выступила против Сан-Стефанского договора. Граф Андраши упрекал Россию в нарушении соглашения, заключенного между Россией и Австро-Венгрией до войны. Александр II посчитал, что недовольство венского кабинета вызвано простым недоразумением и отправил в Вену графа Игнатьева, вручив ему собственноручное письмо Францу-Иосифу. Но Игнатьеву не удалось убедить австрийского императора в полном соответствии статей Сан-Стефанского договора с австро-русским соглашением 1877 г. Русскому дипломату удалось лишь вынудить Андраши предъявить конкретные замечания, которые он считал противоречащими интересам Австро-Венгрии, и высказать предложения, которые он желал бы внести.

Предложения эти сводились к следующим пунктам: 1) занятие Австро-

Венгрией не только Боснии и Герцеговины с южными округами, присужденными Сан-Стефанским договором Черногории, но и Ново-Базарского пашалыка, т. е. местности, расположенной к югу от Герцеговины между границами Сербии и Черногории, а также крепости Ада-Кале в дельте Дуная; 2) отказ от согласия на дарование Черногории какого-либо порта на Адриатическом море; 3) изменение западной границы Сербского княжества, установленной Сан-Стефанским договором со стороны Боснии и Старой Сербии; 4) исключение из состава Болгарии всей Македонии, т. е. округов, расположенных к западу от водораздела между Черным и Адриатическим морями, а также проведение южной границы княжества на менее близком расстоянии от Адрианополя; 5) сокращение срока занятия Болгарии русскими войсками с двух лет до шести месяцев.

В случае согласия России принять эти предложения Австро-Венгрия обязывалась остаться верной своему с ней соглашению, не вступать в сделки с Англией, поддержать требование России о возвращении ей Дунайского участка Бессарабии и вообще на будущем общеевропейском конгрессе во всем поддерживать Россию. Если же Россия откажется изменить Сан-Стефанский договор по сценарию Австро-Венгрии, венский двор перестанет считать себя связанным прежними обязательствами и предоставит себе полную свободу действий.

Русский двор и не думал удовлетворять требования графа Андраши, тем более что те из них, которые касались занятия Австро-Венгрией южной Герцеговины и Ново-Базарского пашалыка и лишения Черногории порта на Адриатическом море уже являлись нарушением русско-австрийского соглашения 1877 г. Поэтому, не прерывая доверительных переговоров с Веной, в России стали интенсивно готовиться к войне не только с Англией, но и с Австро-Венгрией.

В русском Главном штабе были составлены планы военных действий на случай объявления войны России Англией и Австро-Венгрией. На австрийской границе решено было собрать армию из войск, не участвовавших в балканском походе 1877 г., и усилить их частями, переброшенными с Кавказа и из-за Дуная. Но возможно было это только в случае занятия берегов Босфора и минирования этого пролива, что закрыло бы доступ британскому флоту в Черное море и воспрепятствовало действиям англичан как на коммуникациях Дунайской и Кавказской русских армий, так и на Черноморском побережье.

Генерал-адъютант Обручев в пространной записке высказал необходимость занятия Босфора, указывая не только на стратегическое, но и политическое значение этой меры. «Нужно прежде всего, — писал он, —

выяснить вопрос о нейтралитете Турции. Из трех решений, которые может принять Порта: быть за нас, быть против нас или объявить себя нейтральною, самое невыгодное для нас — последнее. Присутствие нейтральных вооруженных сил даже в соседстве с театром войны составляет нечто фальшивое; в районе же самих военных операций оно положительно немыслимо. Тут положение должно быть совершенно чистое. Доколе Турция имеет вооруженные силы, она должна быть или за нас, или против нас. Признать же ее нейтралитет мы можем лишь в том случае, если она безусловно сложит свое оружие, т. е. откажется от всякой возможности пользоваться во вред нам своею армиею, своим флотом и своими укрепленными пунктами. Пока под Константинополем перевес сил еще на нашей стороне. Им и следует безотлагательно воспользоваться, чтобы произвести решительное давление на Порту, потребовав от нее, чтобы она восстановила в проливах порядок, определенный международными договорами для мирного времени, т. е. удалила бы из них английскую броненосную эскадру и заявила нам: готова ли и может ли она это исполнить собственными средствами, — а если не может, то согласна ли достигнуть этой цели совместно с нами? В случае же отказа ее под тем или другим предлогом нужно требовать от нее немедленной сдачи нам всех укреплений в Босфоре и в Дарданеллах, распускания армии и разоружения флота. Но если и на это не последует согласия султана, то необходимо тотчас же прибегнуть к открытой силе для занятия обоих берегов этих проливов и для заграждения минами водного пути из Средиземного в Черное море» (56. Кн. вторая. С. 444–445).

Александр II в целом согласился с мнением Обручева и в соответствии с ним 5–7 марта отправил несколько телеграмм Николаю Николаевичу. В одной из них, отправленной 5 марта, говорилось: «Теперь главною нашею заботою должно быть сосредоточение больших сил к Константинополю и Галлипольскому району на случай войны с Англиею» (56. Кн. вторая. С. 445).

6 марта царь отправил телеграмму следующего содержания: «Ввиду явно враждебного расположения Англии, которая ищет предлогов к разрыву, необходимо приостановить отправку гвардии и гренадер и принять решительные меры к воспрепятствованию прорыва англичан через Босфор. Прошу тебя, не теряя времени, обдумать во всей подробности и сообщить мне твой план действий. Можно ли надеяться на содействие турок или исполнить помимо их?» (56. Кн. вторая, с. 445).

В третьей телеграмме, отправленной 7 марта, Александр II сообщал брату: «Касательно отношений Австрии тебе известно из телеграммы

канцлера настоящее положение дел. Стратегические соображения наши остаются прежние. В моих телеграммах не упоминалось об Австрии, потому что в них заключались лишь указания на ближайший предмет наших забот и распоряжений, именно на Босфор. Судя по твоей последней телеграмме, надеюсь вполне, что все меры будут приготовлены к быстрому захвату проливов, когда окажется нужным. Прошу сообщить, к какому именно сроку считаешь возможным это исполнить. Образ действия турок в этом деле не согласуется с заверениями здесь от Реуфа, как увидишь из посылаемой сегодня записки Игнатьева» (56. Кн. вторая. С. 445).

6 марта 1878 г. Александр II отправил великому князю собственноручное письмо, где делился своими соображениями относительно занятия Босфора: «Опасения мои, о коих я тебе уже не раз заявлял, начинают все более и более оправдываться и, как ты увидишь из сообщаемых тебе депеш, Англия ищет только предлога, чтобы объявить нам войну, и поэтому вымышляет всякий день претексты, чтобы затруднить собрание конференции в Берлине, так как, видимо, не желает и даже опасается для своего достоинства мирного исхода. Угрозы ее Порте, чтобы не допустить посадки наших войск в Босфоре, ясно изобличают ее намерение ворваться в Черное море, что в случае войны может иметь для нас самые пагубные последствия. Вот почему я вчера в зашифрованной телеграмме повторил тебе, что считаю необходимым нам занять Босфор, если возможно, — с согласия Порты, а в противном случае — силою. По той же причине я счел нужным приостановить отправку войск в Россию, чтобы не ослаблять тебя, пока не получишь уверенности, что Турция не присоединится к англичанам, а будет действовать заодно с нами, как Реуф-паша нас о том уверял. Последний разговор его с Игнатьевым будет тебе сообщен и должен оставаться в твоих руках, как документ. С нетерпением буду ожидать твоих соображений как для занятия и заграждения Босфора, так и Галлиполи, если оно еще возможно. При этом надеюсь, что Попов окажет тебе большую пользу относительно помощи со стороны морского ведомства» (56. Кн. вторая. С. 445–446).

Великий князь Николай Николаевич при первом же личном свидании в Ильдыз-киоске 15 марта прямо спросил султана, как отнесется Турция к разрыву России с Англией и на чью сторону встанет. Абдул Гамид ответил уклончиво. Сказал, что спрашивать его об этом несправедливо, «после того как ему обломали руки и ноги и довели Турцию до состояния полного бессилия». Не мог же он силой задержать британскую эскадру перед Дарданеллами в то время как русские войска наступали на Стамбул. И теперь всякая его попытка воспрепятствовать действиям англичан обречет

его столицу на гибель. Ведь он принял тяжкие условия мира с Россией только ради спасения Константинополя. Абдул Гамид сравнил свое положение между Россией и Англией, как между молотом и наковальней. Он с ужасом думает о возможности вступления англичан в Босфор, и спрашивать его о том, как он поступит в этом случае, все равно, что спросить, «что станет с ним на том свете». И он этого не знает, а знает только то, что Россия довела Турцию до такого беспомощного состояния. Почему англичане вошли в Мраморное море? Из опасения занятия русскими Константинополя. Теперь, после подписания мира, русская армия должна удалиться из-под Константинополя, тогда же и англичане уйдут за Дарданеллы.

Выслушав пространные рассуждения и туманные речи Абдул Гамида, Николай Николаевич продолжал настаивать на конкретном ответе. Но султан снова начал распространяться о своем намерении соблюдать в отношении России доброжелательный нейтралитет, о своей несчастной стране и о невозможности предвидеть, как поступит он в случае «ужасной катастрофы», под которой подразумевал столкновение России и Англии и едва ли не разрушение Стамбула.

«Если русский император желает, чтобы я сделал более, пусть и он сделает что-нибудь для нас», (56. Кн. вторая. С. 447), — предложил Абдул Гамид и добавил, что в этом случае он сможет изменить свою политику и даже заключить с Россией наступательный и оборонительный союз, что будет ей на руку в случае создания против нее общеевропейской коалиции. «Так не лучше ли сделать это ныне же, оказать более справедливости несчастным туркам, которых преследуют дикари-болгары, не заслуживающие питаемого к ним Россиею сочувствия» (56. Кн. вторая. С. 447).

На великого князя Абдул Гамид произвел благоприятное впечатление, но он не решился предложить ему вновь совместно защищать Босфор от англичан, а «овладеть же Босфором без помощи турок — вещь до крайности трудная», так утверждал он в собственноручном письме брату 16 марта 1787 г. В том же письме Николай Николаевич писал, что в связи с вероятностью разрыва с Англией «сделаны все распоряжения, чтобы немедленно двинуться к Босфору, занять его берег и этим помочь нашим морякам забросать его минами... Войскам приказано, в случае, если при движении нашем турецкие войска нам окажут сопротивление, силою пробиться через них, но все-таки исполнить твое приказание: во что бы то ни стало дойти до Босфора. Полагаю сопротивление турок нашему движению вперед считать как объявлением нам с их стороны войны. Так ли

я смотрю на это дело или нет? Да поможет нам Бог окончить все запутанные дела миром! Если же суждено опять драться, то верь, что каждый из нас исполнит свой долг свято» (56. Кн. вторая. С. 448).

Александр II, прочитав телеграмму от великого князя, где вкратце сообщалось о разговоре его с Абдул Гамидом, 15 марта протелеграфировал брату: «Разговор твой с султаном хорошего не обещает», и добавил, что никакие уступки Турции невозможны.

18 марта 1878 г. Александр II телеграфировал Николаю Николаевичу: «Соображения, изложенные в твоём письме от 9-го марта, в общих чертах одобряю. Разрыв с Англиею почти неизбежен. Мы должны неотлагательно все приготовить к решительным действиям и только тогда, когда все будет готово, потребовать от Порты категорического ответа: как намерена она действовать в случае враждебных действий Англии? Если заодно с нами, то немедленно должна передать в наши руки укрепления Босфора, по крайней мере, на европейском берегу, и войти с тобою в соглашение о распределении ее военных сил. Если же она сочтет себя слишком ослабленною для участия в войне против Англии, то должна, сдав нам означенные укрепления, прекратить все вооружения, распустить или удалить войска, затрудняющие наши действия, разоружить остающиеся в Черном море суда и поставить их в те порты, которые будут нами указаны, и воспретить своим подданным всякое участие во враждебных нам действиях. В том и другом случае мы не должны вступать в самый Константинополь, но утвердиться только на берегах Босфора, заняв несколько пунктов, чтобы эшелонировать заграждения. Начинать решительные переговоры и действия следует только тогда, когда все будет вполне подготовлено, и притом отнюдь не следует подвергать предприятие какому-либо риску, и для сего желательно заранее притянуть ближе к Босфору наибольшие силы, какие признаешь возможным» (56. Кн. вторая. С. 448–449).

19 марта Александр II отправил брату еще одну телеграмму, подтверждавшую первую и предписывавшую главнокомандующему уведомить, когда все будет готово для действия. Телеграмма заканчивалась словами: «Нам не следует терять времени, чтобы предупредить десант английских войск» (56. Кн. вторая. С. 449).

Николай Николаевич ответил императору, что обе его телеграммы «принял к сведению», чем крайне удивил брата, который подразумевал принять их «к исполнению и руководству». И в тот же день, 19 марта, Александр написал письмом великому князю: «Что скажет Россия и наша доблестная армия, что ты не занял Константинополя!.. Я с трепетом

ожидая, на что ты решишься...» (56. Кн. вторая. С. 449).

Но Николай Николаевич так и не решился. Данные царем главнокомандующему инструкции предусматривали два крайних случая: первый — добровольная уступка турок, и второй — высадка британского десанта. Но реальность оказалась иной: англичане не высаживались, а турки собрали со всей империи войска вокруг Константинополя и круглосуточно строили укрепления. Время работало на турок, и султан отказывался выполнять условия русских.

Николай Николаевич боялся ответственности в случае неудачи и хотел, чтобы царь лично отдал приказ о наступлении на Константинополь, а августейший братец также не решался брать на себя ответственность. Кончилось дело тем, что великий князь попросил брата разрешить ему оставить армию в связи с «расстроеным состоянием здоровья».

Царь повелел Николаю Николаевичу ехать в Петербург, а на место командующего армией был назначен генерал-адъютант Тотлебен, прибывший в Сан-Стефано 21 апреля 1878 г. Тотлебен был настроен крайне пессимистично. 27 апреля он отправил царю донесение, где называл успешное заграждение Босфора минами немыслимым делом. Да и само занятие Босфора генерал находил бесполезным, поскольку это, по его мнению, не помешало бы англичанам войти в Черное море. Также Тотлебен считал сложной и опасной операцией взятие укреплений Константинополя и его штурм, хотя и допускал, что занятие турецкой столицы произведет должное впечатление на турок и на европейские державы. Но война на этом не закончится, предрекал генерал, а лишь затянется на неопределенное время, что может вынудить русскую армию оставить Константинополь из-за нехватки продовольствия, вспышек эпидемий и нападений противника на наши коммуникации. В случае же неудачного штурма Константинополя Россия может потерять все, чего добилась в предыдущую войну. Поэтому Тотлебен предлагал добровольно отступить к Адрианополю, что дало бы возможность после оставления турками Шумлы и Варны отбить все попытки Турции занять завоеванную Россией Болгарию и разбить турецкую армию в открытом поле. И только после этого, считал новый главнокомандующий, возможно два корпуса Дунайской армии перебросить на подкрепление войск, сосредоточенных у австрийской границы.

Донесение Тотлебена лило воду на мельницу Горчакова и К°, которые хотели склонить Александра II к переговорам с Англией и Австрией, а, попросту говоря, к капитуляции.

Горчаков и К° все рассчитывали на содействие Бисмарка, чтобы

умерить аппетиты Австрии и при этом удержать ее в составе союза трех империй. Но германский канцлер не желал отступать от политики, начатой им в начале восточного кризиса, и отказывался как-либо влиять на венский двор. Он считал, что России даже выгодно позволить Австрии «зарваться» на Балканах, и уж ни в коем случае не стоит рисковать ввязаться в войну с мощной державой из-за большей или меньшей протяженности границ Болгарии. Бисмарк считал, что «если же, невзирая на это, война все-таки вспыхнет между ними, то Германия останется нейтральной, так как ей одинаково было бы неприятно поражение и той, и другой из воюющих сторон» (56. Кн. вторая. С. 452).

8 апреля 1878 г. во время беседы с русским послом Убри при обсуждении Сан-Стефанского мира Бисмарк в раздражении воскликнул: «В сущности, я всегда думал, что вам нужно только несколько бунчуков пашей да победная пальба в Москве!» (56. Кн. вторая. С. 452).

Избегая вмешиваться в споры Австрии и России, Бисмарк тем не менее сам предложил свое посредничество между Россией и Англией, чтобы предотвратить столкновение британского флота с русской армией под стенами Константинополя. Он брался устроить соглашение между ними, результатом которого стали бы уход британской эскадры из Мраморного моря за Дарданеллы и одновременное удаление русских войск от турецкой столицы.

Английский и русский дворы приняли это предложение, но к соглашению оно не привело. Англичане требовали удаления русской армии за линию Мизия — Адрианополь — Дедеагач, т. е. на гораздо большее расстояние от Константинополя, чем бухта Безика в Эгейском море — обычное место стоянки британского флота. В Петербурге, естественно, на это не согласились, а также не сошлись на сроке возвращения обеих сторон на прежние позиции в случае нового разрыва.

Прошло уже два месяца со дня подписания Сан-Стефанского договора, а вопрос о мире ни на шаг не приблизился к развязке.

Глава 18. Военная тревога 1878 года

В мае 1878 г. в портах Англии началось сколачивание так называемой «особой эскадры» для войны с Россией. Командовать ею был назначен адмирал Купер Кей. «Особая эскадра» должна была войти в Балтийское море и атаковать Кронштадт. 7 июня адмирал Кей поднял свой флаг на броненосце «Геркулес» (водоизмещение 8680 т; вооружение: 8–10-дюймовых, 2–9-дюймовые и 4–7-дюймовые пушки).

Кроме Геркулеса в составе эскадры было шесть казематных броненосцев: «Уорриор» (водоизмещение 9210 т; вооружение: 4–8-дюймовые и 28–7-дюймовых пушек); «Резистанс» (6150 т; 2–8-дюймовые и 14–7-дюймовых пушек); «Гектор» и «Вэлиент» (оба по 6710 т; по 2–8-дюймовые и по 16–7-дюймовых пушек), «Пенелопа» (4470 т; 8–8-дюймовых и 3–5-дюймовые пушки) и «Лорд Уорден» (7940 т; 2–9-дюймовые, 14–8-дюймовых и 2–7-дюймовые пушки).

В составе эскадры были и два башенных броненосца. «Тандерер»^[51] — самый мощный корабль водоизмещением 9330 т имел две башенные установки, в каждой из которых находилось по две 318-мм (12,5-дюймовые) пушки в 38 т. Таким образом, формально по огневой мощи он не уступал сильнейшему русскому броненосцу «Петр Великий». Но сей «Громовержец» имел, как и все без исключения британские корабли, дульнозарядные орудия. А чтобы орудия стреляли, их нужно было заряжать. И, как уже говорилось, дульнозарядные нарезные орудия нужно заряжать с ювелирной точностью, чтобы шипы (выступы) на снаряде попадали в нарезы. Орудия калибра до 9 дюймов кое-как заряжали вручную, а на более мощных пушках применяли гидравлические системы. Так, чтобы зарядить 12-дюймовую пушку «Громовержца», требовалось гидравлическим устройством опустить орудие со станком и платформой, затем повернуть башню в положение для заряжания, наклонить ствол и из-под палубы специальным устройством дослать заряд, а потом снаряд.

В ходе образцово-показательной стрельбы среднее время заряжания составляло 3 мин 46 с, но там были идеально подобраны углы вертикального и горизонтального наведения, при других же углах время заряжания превышало 5 мин. Как «Громовержец» и другие подобные броненосцы стреляли при волнении, скажем, два-три балла и выше, британские моряки умалчивают. Я же как инженер уверен, что они вообще не могли стрелять при столь хитрой системе заряжания.

Для сравнения, все русские башенные суда имели систему заряжания, целиком расположенную внутри башни. Снаряд легко подавался в камору, как его ни поворачивай относительно оси. Заряжать пушки можно было при любом угле горизонтального наведения. Скорострельность русских казнозарядных орудий была гораздо выше, чем у английских дульнозарядных. К примеру, в ходе стрельб в 1874 г. из 11-дюймовых пушек на «Адмирале Спиридове» промежутки между выстрелами были 2 мин при подаче снарядов из бомбового погреба. При наличии в башнях кранцев для первых выстрелов это время сокращалось до 1 мин.

Вторым английским башенным броненосцем был «Принц Альберт» водоизмещением 3900 т, вооруженный четырьмя 9-дюймовыми пушками в однобашенных установках.

В «особую эскадру» англичане включили и четыре строившихся в Англии броненосца, купленных британским правительством в феврале — марте 1878 г. в добровольно-принудительном порядке. Так, броненосец «Нептун», числившийся фрегатом, строили в Англии для Бразилии и назывался он «Индепенденсия» («Independencia»). Его водоизмещение составляло 8960 т, а вооружение — четыре 12-дюймовые пушки весом по 36 т в двух башнях, при этом башни имели «мертвый» угол в 20° на нос и на корму. Поэтому на носу установили две 7-дюймовые в 6,5 т пушки, а на корму (20°) не могло стрелять ни одно орудие. За это «чудо-юдо» англичане уплатили Бразилии 600 тыс. фунтов стерлингов, а еще 90 тыс. фунтов стерлингов ушло на его доделку. Причем полностью доделан он был лишь в 1881 г.

Броненосец (фрегат) «Суперб» строился для Турции и назывался «Момдухье». Это был классический казематный броненосец водоизмещением 9130 т, вооруженный двенадцатью 10-дюймовыми пушками Армстронга весом в 12 т. У него также на нос и корму были «мертвые» углы в 20°. Слабой компенсацией этого были две 7-дюймовые в 6,5 т пушки Армстронга, поставленные одна на носу, а другая на корме. В строй «Суперб» удалось ввести только в конце 1880 г. Покупка «Суперба» обошлась Англии в 440 тыс. фунтов стерлингов.

Броненосцы (корветы) «Белле Айл» (Belle Isle) и «Орин» строились для Турции и назывались «Пейк-и-Шариф» и «Бурди Зафер». Их водоизмещение составляло 4870 т. В казематах корветов находилось по четыре 12-дюймовых пушки в 25 т. Они были установлены по углам каземата, так что в одну точку горизонта могло стрелять только одно орудие. По этому поводу известный теоретик адмирал Коломб сказал: «Белле Айл» отрицал любую принятую форму морского боя: он был

одинаково сильным и одинаково слабым в любом направлении». За оба корвета Англия уплатила 240 тыс. фунтов стерлингов.

Кроме того, в «особую эскадру» входили один парусный фрегат, четыре канонерские лодки и одно посыльное судно.

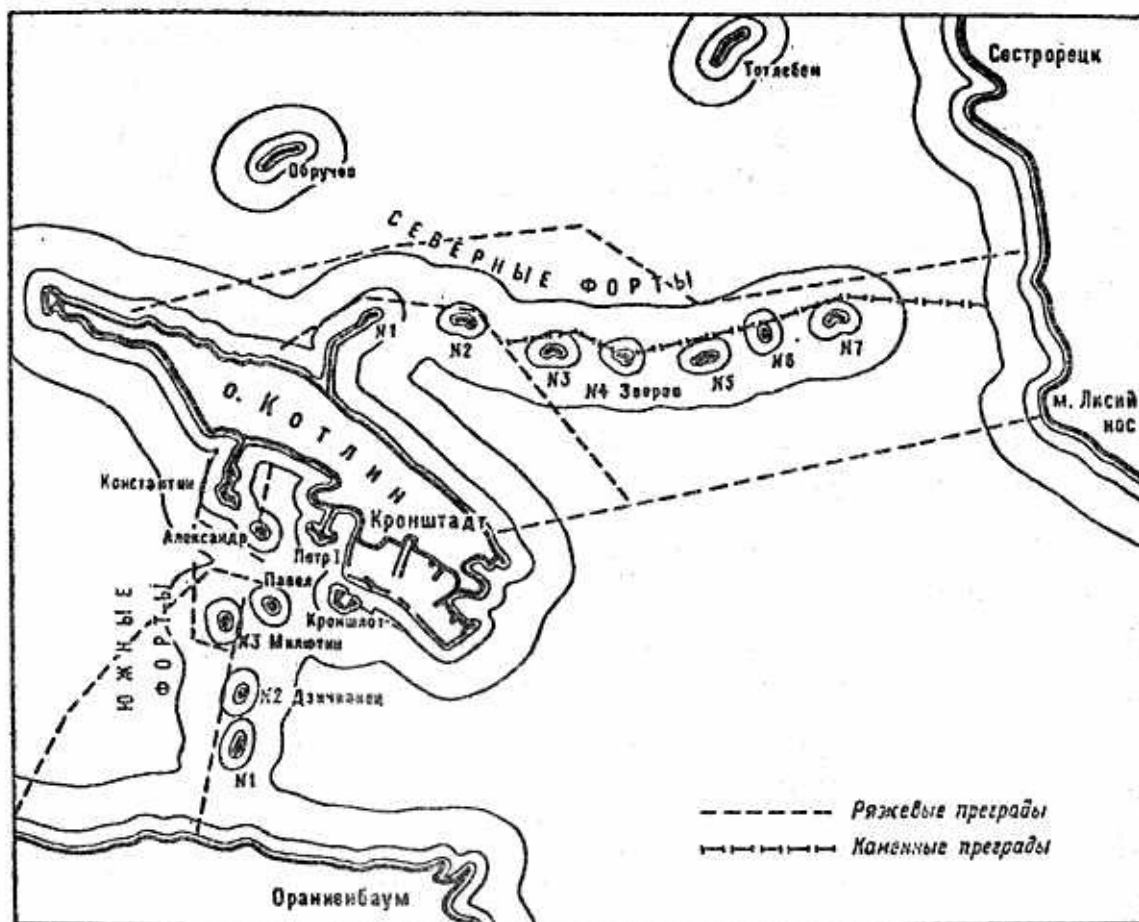

Схема Кронштадтской крепости (конец XIX в.)

Таким образом, хваленая «особая эскадра» представляла собой сборище разнотипных судов, неспособных взаимодействовать в составе соединения.

Зато британская пресса не скупилась на похвалы своей непобедимой армаде. Кульминацией пропагандистской кампании стал высочайший смотр «особой эскадры» 13 августа 1878 г. Адмирал Фишер, заместитель адмирала Кея, знал, что королева Виктория не любит громкой пушечной пальбы, и сделал так, чтобы, когда эскадра давала «королевский салют», яхта королевы находилась на приличном расстоянии, чтобы «не слишком беспокоить ее величество». Эти меры предосторожности оказались кстати,

и адмирал Кей получил благодарность от ее величества за «хорошее состояние кораблей эскадры».

А что ждало «армаду» на Балтике? Как уже говорилось, на борту броненосных судов Балтийского флота состояло 123 пушки калибра от 8 до 12 дюймов. Главным же препятствием англичанам стала Кронштадтская крепость. Броненосцы могли пройти мимо Кронштадта к Петербургу только южным узким (в несколько сотен метров) фарватером под кинжальным огнем кронштадтских фортов «Константин», «Александр I», «Павел I», «Кроншлот» и др. Северным же фарватером могли пройти только мелкосидящие суда. Однако в северной части залива от острова Котлин до финского берега тянулась цепь номерных фортов.

С начала 1877 г. строительство новых и модернизация старых фортов в Кронштадте резко ускорились. В 1877 г. на эти цели ушло 261,6 тыс. рублей, из них 120 тыс. — из экстраординарных ассигнований, предназначенных для приведения крепости в оперативную боевую готовность. В 1878 г. экстренные работы продолжались, всего было затрачено 255 тыс. рублей, в том числе из экстраординарного кредита около 137 тыс. рублей.

К 20 августа 1876 г. на вооружении кронштадтских фортов было орудий обр. 1867 г.: 14-дюймовых пушек — 1; 11-дюймовых пушек — 51; 9-дюймовых пушек — 79; 8,5-дюймовых пушек — 8; 8-дюймовых пушек — 98; 6,03-дюймовых пушек — 8; 24-фунтовых (6-дюймовых) — 30. Гладкоствольных орудий имелось: 10,75-дюймовых пушек — 5; 3-пудовых (273-мм) пушек — 176. Кроме того, имелось 79 6-дюймовых мортир обр. 1867 г., которые с дистанции 4 версты представляли серьезную опасность для британских броненосцев, часть из которых имела тонкую палубную броню, а большинство не имело и того. Дульнозарядных нарезных орудий ни флот, ни крепости в России вообще не имели, если не считать небольшого числа малокалиберных (9-фунтовых и 4-фунтовых) пушек.

Через год с небольшим число орудий в кронштадтских фортах составляло: обр. 1867 г.: 14-дюймовых пушек — 1; 11-дюймовых пушек — 51; 9-дюймовых пушек — 98; 8-дюймовых пушек — 87; 24-фунтовых пушек — 33; гладких: 10,75-дюймовых пушек — 5; 3-пудовых пушек — 171; 6-дюймовых мортир обр. 1867 г. — 69. 8,5-дюймовые и 6,03-дюймовые пушки и часть 8-дюймовых пушек и 6-дюймовых мортир были отправлены в действующую армию.

Главным же событием была установка в 1877 г. в Кронштадте принципиально новых орудий обр. 1877 г. В 1877 г. в Германии было закуплено и доставлено в Россию по железной дороге через Вержболово

одна 14-дюймовая и пятнадцать 11-дюймовых пушек новой системы Круппа. В Кронштадт они прибыли в апреле — июле 1877 г. Их первоначально называли дальнобойными, а с 1878 г. — системами обр. 1877 г. Снаряды этих пушек имели по два медных пояска, а устройство канала ствола почти не отличалось от устройства канала нарезных орудий конца XX в.

Орудия обр. 1877 г. имели большую начальную скорость, дальность и меткость стрельбы, чем орудия обр. 1867 г. Так, 14-дюймовая пушка обр. 1877 г. стреляла бронебойным снарядом весом 519 кг с начальной скоростью 396 м/с на дальность 7470 м при угле возвышения 18° (предельный угол для ее лафета). А 11-дюймовая пушка обр. 1877 г. стреляла 250-кг бронебойным снарядом на 9 верст при начальной скорости 457 м/с и угле возвышения 21°. Забегая вперед, скажу, что при увеличении заряда пушки и увеличении угла возвышения лафета до 35° 11-дюймовая пушка обр. 1877 г. стреляла 221-кг снарядом на дальность 12 377 м при начальной скорости снаряда 515 м/с.^[52]

Крайне важной была и установка в 1877 г. на кронштадтских фортах 33 9-дюймовых мортир обр. 1867 г., стрелявших 126-кг снарядами на дальность 6470 м.

В начале 1878 г. в Кронштадт прибыло двенадцать 11-дюймовых пушек обр. 1877 г., изготовленных на Обуховском заводе по чертежам Круппа, две 9-дюймовые мортиры обр. 1867 г. Пермского завода, двенадцать 6-дюймовых стальных пушек обр. 1867 г. Пермского завода и десять 6-дюймовых мортир обр. 1867 г., отлитых в Петербургском арсенале.

Пушки кронштадтских фортов были установлены за толстым каменным бруствером, а частично — в закрытых каменных казематах. Причем три казематные батареи (около двадцати 11-дюймовых пушек обр. 1867 г.) помимо укрытия за толстыми каменными стенами были прикрыты также броней толщиной от 190 до 225 мм.

Две 11-дюймовые пушки обр. 1867 г. были установлены на форту «Константин» на скрывающейся установке, спроектированной генерал-майором Г. Е. Паукером. После выстрела установка в течение 1,5 с уходила вниз каземата на 2,5 м, где происходило заряжание, затем установка поднималась и делала выстрел.

Двенадцать 11-дюймовых пушек обр. 1867 г. были установлены в шести бронированных башнях на батарее № 3 «Граф Милютин». Башни были рассчитаны так, чтобы они могли выдержать прямое попадание 14-дюймовых бронебойных снарядов, выпущенных почти в упор (с 300–

500 м). Снаружи башни имели броневой пояс толщиной 305 мм, далее следовала 510-мм подкладка из тикового дерева, а затем — два слоя брони толщиной 76 мм и 51 мм. Вращение башен производилось паром, для чего на каждую башню имелась паровая машина мощностью 10 л.с., а на три башни — паровой котел. С помощью парового двигателя производился и подъем снарядов из погребов к орудиям (на высоту свыше 6 м). Постройка башенной батареи обошлась казне более чем в 3 млн рублей.

В случае появления британского флота на Балтике Финский залив в районе Кронштадта должен был быть перегорожен в несколько рядов минными и ряжевymi заграждениями. При этом большинство мин должно было быть крепостными.

Русские морские мины делились на два типа — гальваноударные и гальванические. Оба типа мин срабатывали одинаково: корабль своим корпусом сминал свинцовые колпачки (их моряки называли «рогами»), сминание колпачков замыкало электрическую цепь, ток проходил через запал и производил взрыв. Разница была в том, что в гальваноударных минах электрическая батарея находилась в самой мине, а в гальванических — на берегу. Гальванические мины соединялись с берегом кабелем, что вызывало дополнительные трудности при их постановке. Зато оператор на берегу простым поворотом рубильника мог перевести минное заграждение из боевого положения в пассивное для того, чтобы свои корабли могли ходить по минному полю без риска подорваться на мине.

Гальваноударные мины использовались Морским ведомством, а гальванические — Военным, а конкретно они состояли на вооружении береговых крепостей.

Для постановки мин как флот, так и Кронштадтская крепость располагали несколькими паровыми и гребными судами.

Большое внимание уделялось различным подводным преградам. Так, согласно докладу комиссии Главного инженерного управления: «Подводная преграда, расположенная по линии морских батарей Северного фарватера Кронштадта для воспрепятствования прорыва судов неприятельского флота между укреплениями, состоит частью из отдельных ряжевых ящиков, наполненных камнями, и частью из сплошного каменного мола, образованного наброскою из булыжного камня» (40. С. 301).

В южной части залива ряжевые заграждения в два ряда тянулись от южного берега до форта «Павел I».

Таким образом, не только «особая эскадра», но и пять таких эскадр не смогли бы взломать русскую оборону в районе Кронштадта. Если бы адмирал Кей пожаловал на Балтику, перед ним бы оказалась альтернатива

— или постоять пару-тройку месяцев у входа в Финский залив, захватить десяток малых каботажных судов, пограбить дюжину чухонских деревень, изнасиловать десятка два чухонков, т. е. в точности повторить стояние британской эскадры на Балтике в 1854–1855 гг., или атаковать в лоб Кронштадт. Последний вариант привел бы к уничтожению не менее половины британских броненосцев.

Надо ли говорить, что лорды Адмиралтейства не были дураками, и всерьез нападать на Кронштадт никто не думал. «Особая эскадра» была одним из великих британских блефов, на который, увы, купились Александр II и его «железный канцлер». Был, естественно, и финансовый аспект сбора великой армады. Не надо забывать, что воруют не только в России. В 1877–1878 гг. десятки миллионов фунтов стерлингов уплыли в бездонные карманы подрядчиков и лордов Адмиралтейства.

Между тем Россия готовилась не только к пассивной обороне, но и к нападению на британские коммуникации. Русские крейсера, корветы и клипера были отправлены в Атлантику и Тихий океан.

Кроме того, русское правительство решило в марте 1878 г. приобрести в США двенадцать пароходов с тем, чтобы вооружить их и переоборудовать в крейсера, однако из-за финансовых затруднений было решено ограничиться четырьмя судами. Естественно, что вся операция проводилась в строжайшей тайне. 1 апреля 1878 г. из Ораниенбаума вышел зафрахтованный Россией под командованием капитан-лейтенанта К. К. Гриппенберга германский пароход «Цимбрия», на борту которого находились 66 русских морских офицеров и 606 нижних чинов. Замечу, что все господа офицеры получили огромные для того времени подъемные: мичман — 400 рублей, капитан-лейтенант — 800 рублей. Поэтому недостатка в добровольцах не было. Только в море Гриппенберг вскрыл пакет и прочитал приказ: «...обогнуть Северную Англию и... идти в небольшой порт Северо-Американских Штатов, South-West-Harbour». Этот порт, расположенный в штате Мэн почти на границе с Канадой, как нельзя лучше подходил для пребывания русских экипажей — подальше от любопытных глаз и ушей. Впрочем, была и еще одна причина, чисто русская: в штате Мэн действовал «сухой закон» и были запрещены все крепкие напитки.

16 апреля «Цимбрия» прибыла в Саут-Вест-Харбор. Прибывшие представились русскими эмигрантами, приехавшими в Америку. «Эмигранты» были в штатском, но уж больно однообразно одеты, да и выправка выдавала.

Гриппенберг немедленно отправился на телеграф и отослал несколько

шифрованных цифрами телеграмм в Россию. Телеграфистам никогда не приходилось отправлять цифровые телеграммы, и это обстоятельство привлекло большее внимание прессы, чем сам факт прибытия «Цимбрии». Увы, у наших адмиралов не хватило ума составить зашифрованный текст на английском языке.

Покупку судов вел капитан-лейтенант Л. П. Семечкин, ранее прибывший в США на рейсовом пароходе. Кстати, Семечкин был в Америке в 1863 г. с эскадрой адмирала Лесовского. Семечкин заранее вступил в сговор с филадельфийским банкиром Вортоном Баркером. В марте 1878 г.

Баркер объявил, что собирается создать судоходную компанию для обслуживания линии Аляска — Сан-Франциско и приобрести три-четыре быстроходных парохода. Благодаря огромному капиталу и связям в правительственных кругах этот проект возражений не встретил. Правительство оставило за собой лишь право освидетельствовать пароходы и признать их годными для предполагаемой цели. Так возникло, очевидно, не без ведома американского правительства, фиктивное пароходство Баркера.

«Интимный» же договор Баркера с Семечкиным гласил: «В. Баркер приобретает на свое имя столько судов, сколько ему будет заказано, производит на них такие переделки... какие ему укажут», после чего Баркер должен был вывести суда в океан под американским флагом «в такое время, какое будет вызвано соображениями русского правительства. Для затрат ему делаются необходимые авансы. Окончательный расчет производится при исполнении всех взаимных обязательств. При найме капитанов, офицеров и команды В. Баркер руководствуется указаниями Семечкина и для исключения всяких претензий со стороны властей заключает с ним нотариальный договор». Выведя пароходы за пределы территориальных вод, Баркер «в присутствии необходимых свидетелей и нотариуса передает... Семечкину все свои права на пароходы, совершив на все купчую крепость» (8. С. 95).

Первым судном, которое купила Россия уже через двое суток после прибытия Семечкина в Америку, стало «Stat of California». Л. П. Семечкин писал впоследствии: «Я остановился в Филадельфии, чтобы возобновить сношение с некоторыми из прежних друзей... и осмотреть на верфи г. Крампов оконченный в постройке, но еще не спущенный пароход «Stat of California»... Осмотрев внимательно корпус, стоявший на стапеле, и машину, собранную в мастерской, я убедился, что пароход... имеет право называться лучшим в Соединенных Штатах по тщательности и прочности

постройки» (8. С. 95).

Пароход был признан годным «для крейсерских целей» и куплен за 400 тыс. долларов.

Узнав о намерении русских, англичане также начали скупать через своих агентов в Америке пароходы. «Положили глаз» они и на «Stat of California», за который Крамп запросил с них 500 тыс. долларов. Но в британском Адмиралтействе слишком долго думали и рассчитывали, и разрешение на его покупку пришло через два дня после того, как пароход приобрела Россия.

Покупка «Stat of California» сильно взволновала американскую прессу, газеты подняли шум: «Имеют ли русские право покупать суда? Даже если соблюдены все формальности, должно ли этим довольствоваться правительство?» Тогда русские представители обратились к самым крупным юристам-международникам, среди которых были известный государственный деятель, соратник Авраама Линкольна, сын и внук двух президентов Ч. Адамс, крупнейший юрист и дипломат бывший министр юстиции К. Кашинг, член Конгресса герой Гражданской войны генерал В. Бутлер и другие. Все они симпатизировали русским. «Г-н Адамс созвал репортеров главнейших газет и разъяснял, что американский закон позволяет продавать оружие, но запрещает выпускать вооруженные экспедиции. Закон... позволяет продавать корабли, но последние должны выходить из гавани без пороха и вооруженных людей... Статьи, разъясняющие дело, были напечатаны в 3500 газетах» (8. С. 96).

Но американские юристы настаивали на том, чтобы спуск американского флага и подъем Андреевского должны производиться вне территориальных вод США, т. е. на расстоянии трех морских миль от американского берега. «Всякий корабль пользуется правом экстерриториальности. Приобрести его он может только у своих берегов или в пределах вод, никому не принадлежащих» (8. С. 96).

Американские судовладельцы быстро посчитали ожидаемые барыши от продажи пароходов русским и пришли к выводу, что дело это очень выгодное. Большую роль сыграла и поддержка Промышленной лиги, объединявшей полторы тысячи заводов и более двух миллионов рабочих. «Русские дали работу многим тысячам людей, и потому Лига также приняла сторону наших» (8. С. 96).

Проблема была решена, и 8 мая 1878 г. пароход «Stat of California» сошел на воду. Впоследствии, будучи переоборудованным в крейсер, он получит название «Европа».

Затем Россия купила в Филадельфии за 275 тыс. долларов пароход

«Columbus», переименованный затем в «Азию». Его также переоборудовали на заводе Крампа.

«Последовательность... и осмотрительность, с которой действовала наша экспедиция, произвела на американцев сильное впечатление» (8. С. 96), — вспоминал Л. П. Семечкин. Американские судовладельцы резко подняли цены на пароходы, они были уверены в кредитоспособности русских, а сколько им понадобится еще пароходов — никто не знал. И третий пароход, «Saratoga», переименованный в «Африку», пришлось купить уже за 335 тыс. долларов. Переделывался он также на заводе Крампа. Русские моряки — офицеры и нижние чины — активно участвовали в переоборудовании купленных пароходов.

Между тем Морское ведомство России заказало Крампу за 275 тыс. долларов крейсер «Забияку». По контракту на постройку корабля от закладки до спуска на воду отводилось всего четыре месяца. В случае невыполнения договорных условий предусматривалась система штрафов. Всего за три недели была разработана проектная документация, и 1 июля 1878 г. на верфи Крампа произошла закладка крейсера. 9 сентября «Забияка» был спущен на воду и уже 27 сентября прошел пробные ходовые испытания. Зима в этот год выдалась суровая, реку Делавэр рано сковало льдом, и это не позволило закончить испытания в 1878 г. Только на следующий год Крампу удалось сдать крейсер, да и то с большими штрафами. За опоздание со спуском на 9 дней с Крампа сняли 63 тыс. долларов, за переуглубление на 9 дюймов — 60 тыс. долларов, за меньшую на 0,5 узла скорость — 35 тыс. долларов. В результате Крамп получил всего 153 тыс. долларов, да еще он должен был за свой счет снабдить корабль всем необходимым для перехода в Европу. В итоге «Забияка» стал самым дешевым крейсером русского флота.

21 декабря 1878 г. «Европа» и «Азия» с русской командой вышли в океан. В трех милях от берега они спустили американские и подняли русские Андреевские флаги. Через пять дней тоже проделала и «Африка».

Поскольку к этому времени кризис миновал, все три крейсера под Новый год пришли в Копенгаген, где и перезимовали, ожидая освобождения кронштадтского рейда ото льда.

Об этой экспедиции и до 1917 г., и после написано очень много. Однако во всех источниках обойден один очень любопытный момент — откуда на русских крейсерах взялись орудия? Ведь без орудий эти корабли были абсолютно беспомощны. Получалось, что в условиях войны с Англией надо идти в Кронштадт, там вооружаться, а затем вновь идти в океан на британские коммуникации? Надо ли объяснять бредовость такой

мысли.

На самом же деле орудия для русских крейсеров были заказаны фирме Круппа. «Европа» получила одну 8,26-дюймовую (210-мм) гаубицу, три 5,9-дюймовые (149,3-мм) пушки и четыре 9-фунтовые (107-мм) пушки; «Азия» — три 5,9-дюймовые и четыре 9-фунтовые пушки; «Африка» — пять 5,9-дюймовых и четыре 9-фунтовые пушки. Все эти орудия были изготовлены Круппом. Кстати, 5,9-дюймовые крупновские пушки в 1878 г. получили и другие наши крейсерские суда, например корветы «Богатырь» и «Варяг».

Первоначальный замысел предусматривал вооружение «Европы», «Азии» и «Африки» в море с нейтральных пароходов, доставивших пушки из Германии. И лишь после окончания Берлинского конгресса было решено пушки ставить в Кронштадте.

Покупка пароходов в Америке была осуществлена Морским ведомством и на казенные деньги. Однако параллельно по всей стране в 1878 г. шел сбор средств с населения на покупку за границей крейсерских судов. Инициативу в сборе средств проявило «Императорское общество содействия русскому торговому мореходству». В Москве был учрежден главный комендант для сбора пожертвований, а звание почетного председателя принял на себя цесаревич Александр Александрович. К началу мая 1878 г. было собрано уже более двух миллионов рублей, в мае 1879 г. — 3 835 500 рублей, к концу 1881 г. — 4 132 800 рублей. 6 июня 1878 г. Россия купила в Германии первые три парохода, переименованные в «Россию», «Москву» и «Петербург». А 17 июля, отремонтированные, вооруженные крупновской артиллерией и укомплектованные военными экипажами, они уже стояли на кронштадтском рейде в полной готовности для крейсерской службы. 26 июня был приобретен пароход «Нижний Новгород».

Между тем мирный исход Берлинского конгресса устранил угрозу войны, и 1 августа крейсера были исключены из списков военного флота и переведены в ведение комитета. Крейсера были отправлены на Черное море и участвовали в перевозке русских войск из Сан-Стефано в Одессу (до 13 тыс. человек, 3600 лошадей и около 5 тыс. т другого груза).

Глава 19. Берлинский конгресс

В последних числах апреля 1878 г. русское правительство решилось выйти из состояния неизвестности и снова призвать к содействию Германию.

24 апреля Горчаков телеграфировал русскому послу в Берлине П. П. Убри предложить князю Бисмарку и самому императору Вильгельму стать арбитрами в споре между Россией, Австрией и Англией. Однако и рейхсканцлер, и император решили взять тайм-аут и отправились в свои поместья.

Русский посол в Лондоне граф П. А. Шувалов попытался найти иные средства выхода из кризиса. Он не считал возможным одновременное удаление из-под Константинополя русской армии и британского флота, считая, что это сыграло бы на руку исключительно англичанам. Не был он сторонником и европейского конгресса, справедливо считая, что там произойдет сближение между Англией и Австро-Венгрией и объединение их против России. Но идея конгресса принадлежала Горчакову, он выдвинул ее еще до начала Русско-турецкой войны и теперь, после ее окончания, продолжал настаивать на конгрессе. Шувалов считал, что если уж конгресс неизбежен, то надо попытаться предотвратить на нем сговор англичан и австрийцев, и как контрмеру предлагал заключить предварительное соглашение с Англией по статьям Сан-Стефанского мира.

Граф Шувалов пытался внушить министру иностранных дел лорду Салисбюри, что долг обоих правительств сделать все возможное, чтобы избежать войны, и что даже конгресс может привести к войне, если Россия и Англия не договорятся предварительно о взаимных уступках ради сохранения мира. Поэтому им необходимо договориться, какие статьи Сан-Стефанского договора могут остаться без изменений, а какие стоит пересмотреть. Если удастся прийти к соглашению по спорным вопросам, то мирный исход конгресса будет обеспечен.

Лорд Салисбюри после колебаний и совещаний с премьер-министром лордом Биконсфилдом согласился на предложенные русским послом консультации, но при условии соблюдения строжайшей тайны. Было условлено, что переговоры между Шуваловым и Салисбюри будут происходить только на словах, что Шувалов не будет доносить об их содержании в Петербург письменно (англичане боялись дешифровки русских депеш немцами), а лично отправится в Россию и доложит

императору и канцлеру об итогах переговоров. Александр II дал разрешение на такой способ ведения переговоров.

После нескольких бесед Шувалову и Салисбюри удалось установить главные условия будущего соглашения. Англия соглашалась на присоединение к России придунайского участка Бессарабии, Карса и Батума, но требовала разделения Болгарии на две части: северную и южную, граница которых должна проходить по Балканам. Теперь оставалось решить, как это все преподнести на конгрессе. Шувалов предложил посвятить Бисмарка в тайну русско-английских переговоров и просить его созвать конгресс в Берлине на следующих основаниях: каждая из держав-участниц, принимая приглашение на конгресс, тем самым выражает готовность обсудить все статьи Сан-Стефанского договора.

По дороге в Петербург граф Шувалов посетил князя Бисмарка в его поместье Фридрихсруэ. Канцлер был крайне удивлен тем, что русскому послу удалось выбить у англичан согласие на земельные приращения в пользу России не только в Европе, но и в Азии. «В таком случае, — сказал он, — вы хорошо сделали, что уговорились с Англией. Она и одна объявила бы вам войну, тогда как Австрия не двинется без союзников» (56. Кн. вторая. С. 455).

Бисмарка устроила условленная между Шуваловым и Салисбюри формула приглашения на конгресс, и он пообещал России полную свою поддержку. То же пообещал и император Вильгельм, которого граф Шувалов посетил в Берлине.

По прибытии в Петербург русский посол нашел высшие правительственные круги в состоянии полного уныния. Горчаков и Милютин панически боялись войны. Расплодившиеся в царствование Александра II великие князья тоже не хотели воевать. В 1877 г. вся августейшая компания рванула в действующую армию вслед за императором. Там оказались цесаревич — будущий император Александр III, великие князья Владимир Александрович, Алексей Александрович, Сергей Александрович, Константин Константинович и другие. Все они лезли командовать или, в крайнем случае, советовать. В русской истории налет титулованной саранчи всегда означал, что война считается легкой и гарантированно успешной. В 1812 г. в армии Кутузова не было ни одного великого князя. 31 марта 1904 г. японцы устроили холодную ванну великому князю Кириллу Владимировичу, после чего он уехал подальше от Порт-Артура и «макак». Больше ни один великий князь не был ни во 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадрах, ни в Маньчжурской армии. Естественно, ни один великий князь не сидел в окопах Первой мировой войны, хотя их

тогда расплодилось раза в два больше, чем в 1877 г.

Беда от царя и великих князей была не только в некомпетентных советах. С каждым из них ехала огромная свита, лакеи, повара, собственный конвой и т. д. С императором в армии постоянно присутствовали министры — военный, внутренних и иностранных дел, и постоянно наезжали другие министры. Пребывание царя в армии обошлось в полтора миллиона рублей. И дело не только в деньгах — на театре военных действий не имелось железных дорог, их впервые увидели в районе Адрианополя. В армии были постоянные перебои со снабжением, не хватало лошадей, волов, фуража, повозок и т. п. Ужасные дороги были забиты войсками и транспортом. Надо ли объяснять, какую сумятицу вносили тысячи лошадей и повозок, обслуживающих царя и великих князей.

Принц А. П. Ольденбургский, скучая по своей супруге, организовал даже частную эстафетную почту из действующей армии до Петербурга и при этом хвалился, что она работает лучше, чем государственная.

В армию к титулованным особам зачастили их «походные жены». К Александру II приезжала Катенька Долгорукая, к великому князю Николаю Николаевичу — балерина Числова. Любовь любовью, но обе дамы быстро нашли общий язык с интендантами и поставщиками и хорошо обеспечили не только себя, но и свое многочисленное потомство. Слухи о похождениях этих дам доходили до передовой. В армии ходили анекдоты о главнокомандующем типа того, что Вещий Олег прибил к вратам Царьграда свой щит, а Николай Николаевич на вратах его хотел повесить кружевные панталончики мадемуазель Числовой.

Сами же великие князья не стали на Балканах ни стратегами, ни героями. Им надоела походная жизнь, и все они хотели только одного — мира.

Александр II был не менее князя Горчакова удивлен податливостью английских министров, хоть и отнесся к этому весьма скептически. Выслушав Шувалова, он сказал, что ему все равно, будет ли одна, или две, или три Болгарии, важно лишь, чтобы все они были ограждены от турецких зверств. В то же, что Англия согласилась на уступку России Карса и Батума, Александр II отказывался верить, будучи уверенным, что, как только дело дойдет до подписания договора, англичане откажутся от своих обещаний. Вопрос о предварительном соглашении с Англией обсуждался на нескольких совещаниях под председательством императора. Самым тяжелым условием для Александра II было право Турции занять линию Балкан своими войсками, но царь все же принял его и снабдил графа

Шувалова полномочиями для подписания с лордом Салисбюри тайной конвенции.

Шувалов был назначен первым уполномоченным на конгрессе. Вторым уполномоченным стал посол при берлинском дворе П. П. Убри.

8 мая 1878 г. царь писал главнокомандующему действующей армией генерал-адъютанту Тотлебену: «Приезд графа Шувалова дал нам некоторую надежду на сохранение мира... Переговоры с Австриею еще не привели ни к какому положительному результату, но главный вопрос должен решиться на днях в Лондоне. Если соглашение с Англиею состоится, то невероятно, чтобы Австрия одна решилась объявить нам войну, а если бы была довольно безумна, чтобы на это решиться, то можно полагать, что Турция будет скорее на нашей стороне, ввиду нескрываемого Австриею желания занять Боснию и Герцеговину не временно, а постоянно» (56. Кн. вторая. С. 456).

На обратном пути Шувалов снова встретился с Бисмарком, чтобы договориться о времени проведения конгресса. От него Петр Андреевич узнал, что уже после его отъезда из Петербурга Александр II уступил просьбе своего старого канцлера Горчакова и назначил его первым уполномоченным на конгрессе. Граф Шувалов при этом становился вторым уполномоченным, а Убри — третьим. Бисмарк, расположенный к Шувалову и недолголюбивавший Горчакова, был крайне недоволен этим. «Теперь все изменилось. Мы с вами останемся друзьями на конгрессе, но я не позволю Горчакову снова влезть мне на шею и обратить меня в свой пьедестал!» (56. Кн. вторая. С. 456), — в отчаянии воскликнул Бисмарк. И графу Шувалову пришлось долго убеждать канцлера, что речь идет не о личных отношениях его к Горчакову, а о дружественном расположении Германии к России и об исполнении ее обязательств перед ней.

Граф Шувалов вновь повторил Бисмарку сделанное год назад предложение о создании оборонительного и наступательного союза между Германией и Россией, уверяя, что это будет надежным средством предотвратить всякие коалиции против Германии, которых он, Бисмарк, так боится. Ведь без участия России любая коалиция для Германии будет не опасна. Бисмарк согласился с этим и рассказал, что еще до восточного кризиса сам предложил Горчакову такой союз, при котором Германия обязывалась поддерживать Россию против Турции не только морально, но и материально, предоставив ей стотысячную армию в обмен на ручательство России за территориальную целостность Германской империи. «Эти сто тысяч человек были бы вам очень полезны под Плевной», — заметил канцлер и тут же добавил, что теперь рад, что

предложение его было отклонено, потому что вряд ли ему удалось добиться на это согласия рейхстага. «К тому же, — рассуждал Бисмарк, — если бы Германия принесла в жертву союзу с Россией свои дружественные отношения ко всем прочим державам, то при всяком остром проявлении «реванша» со стороны Франции или Австрии и при ее географическом положении, она скоро впала бы в опасную для нее зависимость от России, в особенности при политике князя Горчакова с ее повелительными, чисто азиатскими приемами» (56. Кн. вторая. С. 456).

На что Шувалов ответил: «Горчаков лишен всякого влияния. Если он продолжает еще формально вести дела, то этим он обязан лишь уважению императора к его старости и к прежним его заслугам» (56. Кн. вторая. С. 456). О чем, спрашивал Шувалов, Россия и Германия могут вступить в спор между собой? Не существует ни одного действительно важного вопроса, который мог бы послужить тому предлогом. С этим доводом Бисмарк согласился, но все же припомнил и Ольмюц, и Семилетнюю войну, выразив мнение, что, помимо Горчакова, многим русским тяжело признать в Германии равноправного друга и что современной России свойственны не только приемы, но и притязания нынешнего ее канцлера.

В заключение беседы Бисмарк отклонил предложенный ему Шуваловым выбор между Австрией и Россией и рекомендовал остаться при союзе трех империй или, по крайней мере, при соблюдении мирных между ними отношений.

В Лондоне граф Шувалов подписал с лордом Салисбюри три тайные конвенции, главными условиями которых были:

Болгария разделялась на две части: одна к северу, а другая к югу от Балкан. Северная область получала политическую автономию под управлением князя, а южная — лишь широкую административную автономию под властью генерал-губернатора из христиан, назначаемого на пятилетний срок Портой с согласия Европы. Южная Болгария не должна была доходить до Эгейского моря. Восточная граница обеих Болгарии также изменялась с тем, чтобы оставить вне их население неболгарского происхождения. Турецкие войска выводились как из Северной, так и из Южной Болгарии, но Англия предоставляла себе право выторговать на конгрессе для султана в известных случаях и под некоторыми ограничениями вводить турецкие войска в Южную Болгарию, расположить их вдоль ее границы, а также назначать с согласия европейских держав начальника милиции в этой области.

Обещанные Портой права и преимущества ее христианским подданным в европейских областях, как-то: в Эпире, в Фессалии и других,

а также армянам в Малой Азии будут поставлены под наблюдение не одной России, а всех великих держав.

Англия хотя и не одобряет желание России вернуть часть Бессарабии, отторгнутой от нее в 1856 г., но не станет препятствовать этому. Соглашаясь на присоединение к России Карса и Батума, Англия принимает к сведению обещание Александра II, что русская граница не будет впредь распространяема со стороны Азиатской Турции. Россия же отказывается от приобретения Алашкертской долины с крепостью Баязет и взамен будет настаивать на уступке Персии Портой города Хотура с округом.

Россия обязуется не обращать в земельное приращение выторгованную в ее пользу денежную контрибуцию за военные издержки, которое не лишит Англию ее права как кредитора Порты и ничего не изменит в положении, которое она занимала в этом отношении до войны.

Таковы были главные статьи англо-русского соглашения, сверх которых Англия оставляла за собой право возбудить на конгрессе несколько второстепенных вопросов, таких как участие Европы в организации обеих Болгарии; срок русского военного занятия Болгарии и прохода через Румынию; условия судоходства по Дунаю, все постановления, касавшиеся Черноморских проливов и т. д.

22 мая 1878 г. германское правительство разослало всем странам — участницам Парижского трактата 1856 г. приглашения собраться на конгресс в Берлине для обсуждения условий «прелиминарного» мирного договора, заключенного в Сан-Стефано между Россией и Турцией.

Представители великих держав съехались в Берлин к 1 июня. Первыми уполномоченными были министры, руководившие внешней политикой своих государств: от Германии — князь Бисмарк, от Австро-Венгрии — граф Андраши, от Англии — премьер-министр граф Биконсфильд и министр иностранных дел маркиз Салисбюри, от Франции, Италии и Турции — министры иностранных дел Ваддингтон, граф Корти и Каратеодори-паша. Русский канцлер князь Горчаков, хоть и был назначен первым уполномоченным, но по слабости здоровья не принимал активного участия в совещаниях, на которых отстаивать интересы России выпало на долю второго уполномоченного, графа Шувалова.

Христианские балканские государства — Греция, Румыния, Сербия и Черногория — тоже прислали в Берлин своих представителей, но на конгресс их допустили без права голоса, и только греки и румыны были заслушаны в процессе заседаний.

Первое заседание состоялось 1 июня, посвящено оно было

составлению бюро конгресса. Андраши предложил в председатели Бисмарка. Остальные уполномоченные единодушно поддержали его. Германский дипломат Радовиц был назначен секретарем конгресса, а его помощниками стали три чиновника берлинского министерства иностранных дел и первый секретарь французского посольства. Прения велись на французском языке, но Бисмарк не препятствовал английским уполномоченным произносить свои речи на английском языке и даже сам отвечал по-английски.

Прежде чем конгресс перешел к обсуждению поставленных в первую очередь статей Сан-Стефанского «предварительного» мирного договора, касавшихся Болгарии, лорд Биконсфильд указал, что стояние русской армии под стенами Константинополя не соответствует мирным целям. Горчаков возразил на это, что единственной целью русского императора является лишь обеспечение самостоятельного существования христианских подданных Порты, а Шувалов добавил, что за три месяца стояния русских войск под Константинополем не произошло ни одного столкновения с турками, в то время как отход русской армии может повлечь за собой серьезные беспорядки. Бисмарк же, выслушав дебаты, заявил, что вопрос этот вообще не подлежит обсуждению конгресса и пусть решают его на частных совещаниях представители Англии и России, и лишь в том случае, если соглашение между ними не будет достигнуто, конгресс выступит в роли примирителя. С тех пор вопрос о пребывании русской армии в Сан-Стефано на конгрессе не обсуждался, а русские войска и британская эскадра в Мраморном море оставались на своих прежних позициях.

На последующих шести заседаниях конгресса обсуждались вопросы, касавшиеся Болгарии. Участь ее уже была предрешена тайным русско-английским соглашением, подписанным 18 мая графом Шуваловым и лордом Салисбюри в Лондоне и установившим разделить ее на две части к северу и югу от Балкан. На конгрессе же лорд Салисбюри заявил, что главной задачей Сан-Стефанского мира было поставить Турцию в полную зависимость от России, в то время как целью Англии является, «если и не вполне уничтожить результаты войны», то хотя бы вернуть Турции часть самостоятельности, чтобы она могла защитить свои стратегические, политические и торговые интересы. Граф Шувалов выступил против, заметив, что Россия пришла на конгресс, чтобы согласовать свой «предварительный» мирный договор с Турцией с общими интересами Европы, а вовсе не для «уничтожения результатов войны», которая стоила ей больших жертв.

Разделение обеих частей Болгарии между собой, а Южной Болгарии,

которой конгресс присвоил название Восточной Румелии, с Турцией, было установлено на частных совещаниях между уполномоченными России и Англии при участии представителей Австро-Венгрии, поэтому России пришлось согласиться на все заявленные по этому вопросу требования не только британского, но и австрийского кабинетов. В результате Восточная Румелия была отрезана от Эгейского моря, и вся Македония исключена из ее состава, а также и из состава княжества Болгарского. Графу Шувалову удалось лишь добиться, чтобы в состав последнего вошел Софийский санджак, хоть и расположен он к югу от главного Балканского хребта. Уступив по территориальным вопросам, русские уполномоченные не сдавали своих позиций в вопросе о строгом ограничении признанного за султаном права вводить в определенных случаях турецкие войска в Восточную Румелию вплоть до самой ее северной границы.

Бисмарк поддержал это требование и заявил, что данные ему императором Вильгельмом инструкции предписывают обеспечить за турецкими христианами по меньшей мере те преимущества, которые были предложены последней константинопольской конференцией. Поэтому германский канцлер считал необходимым вывести все мусульманские войска из всех местностей, населенных христианами и, оставив турецкие гарнизоны в некоторых городах, совершенно удалить их из селений, где порядок должна поддерживать местная милиция. Бисмарк выразил опасение, что непринятие конгрессом русских предложений приведет «к возобновлению прискорбных явлений, не раз уже угрожавших всеобщему миру». Россию и Германию поддержала Франция, и Англии пришлось уступить в этом вопросе.

Австрийский уполномоченный граф Андраши предложил двухлетний срок, назначенный для пребывания русских войск в Болгарии с правом перехода через Румынию, сократить до шести месяцев. Уполномоченный Италии предложил годичный срок. Русских представителей это вполне устроило, и Андраши пришлось согласиться.

Изменив, таким образом, главные касавшиеся Болгарии статьи Сан-Стефанского договора, конгресс дополнил их новыми постановлениями, ограждавшими во вновь созданных княжествах и автономной области частные интересы западных держав. Так, французский уполномоченный Ваддингтон настоял на введении статьи о неприкосновенности исконных прав Римско-католической церкви и ее служителей как в Болгарии, так и на всей территории Османской империи. По предложению представителей Австро-Венгрии, Франции и Италии на Болгарию распространялось действие торговых договоров, заключенных Портой с иностранными

государствами, а также признание Портой права и преимущества иностранцев, консульская юрисдикция и покровительство консулов над соотечественниками с дополнением, что никакой налог не будет наложен на товары, проходящие транзитом через Болгарское княжество. Граф Андраши настоял на признании обязательными для Болгарии всех обязательств Турции по вопросам сооружения и эксплуатации железных дорог. Еще конгресс постановил, что независимо от платежа Турции определенной дани княжество Болгарское должно еще принять на себя соответствующую долю турецкого государственного долга.

Все эти постановления не встретили никаких возражений со стороны русских уполномоченных, а граф Шувалов заявил, что Россия вообще не имеет на Балканском полуострове никаких материальных интересов, а одни только интересы нравственные.

Представители Англии предложили, чтобы Босния и Герцеговина были заняты войсками Австро-Венгрии и «вверены ее управлению». На это Горчаков витиевато заявил, что Россия не заинтересована в этом деле, но что выслушанные им заявления «доказывают действительность предложенного средства для достижения мирной цели, преследуемой конгрессом» (56. Кн. вторая. С. 468).

Турецкие представители попытались было возразить против отторжения от их страны еще двух областей, оставленных ей по Сан-Стефанскому миру. Но Бисмарк резко прервал турок, заявив, что «конгресс собрался не для удержания за Портой желаемых ею географических позиций, а для утверждения мира Европы в настоящем и будущем» (56. Кн. вторая. С. 468), что взамен Боснии и Герцеговины Турция получила по решению конгресса куда более богатую и обширную область, простирающуюся от Эгейского моря до Балкан, и что решения конгресса представляют собой единое целое, «выгоды которого нельзя принимать, отвергая невыгоды» (56. Кн. вторая. С. 468).

Представители Греции пытались добиться права быть выслушанными на конгрессе, их поддержали уполномоченные Англии и Франции, но конгресс ограничился лишь утверждением статьи Сан-Стефанского договора о строгом применении к острову Крит устава 1868 г. и, не упоминая о Фессалии и Эпире, выговоренные в их пользу преобразования распространил на все области Европейской Турции. Зная, что Греция и Турция не согласны с установленным конгрессом «исправлением границ», конгресс предложил им посредничество великих держав. При обсуждении вопросов, касавшихся Греции, русские уполномоченные заявили, что Россия всегда одинаково заботилась о благосостоянии своих единомышленников в

Турции, без различия племен, и если за время последней войны заботливость ее была главным образом обращена на болгар, то только потому, что Болгария представляла собой главный повод для самой войны и служила ее театром. Но Россия всегда желала распространить и на греческие области преимущества, выторгованные ею в пользу областей, населенных болгарами.

По предложению Англии конгресс выделил в отдельную статью установление полной религиозной свободы на всей территории Османской империи и равноправие всех подданных султана без различия вероисповедания. Французские представители настаивали на оговорке к этой статье, что ею не ограничиваются особые права Франции и что ничего не будет изменено в настоящем положении Святых мест в Палестине.

По предложению Австро-Венгрии конгресс принял ряд статей, подтверждавших установленную договорами 1856 и 1871 гг. свободу плаванья по Дунаю и определявших условия этого плаванья.

Турецкий уполномоченный поднял вопрос о контрибуции России. Он заявил, что размер ее сильно превышает платежные способности Турции, и просил конгресс признать невозможным для Порты принять на себя обязательство, которое она не может выполнить. Бисмарк строго ответил, что обязательство это уже принято Турцией в Сан-Стефано, а русские представители успокоили англичан и французов, что денежная контрибуция не будет обращена в территориальные приращения и что Россия признает преимущественное право на удовлетворение кредиторов Порты, ссудивших ее деньгами до заключения мира.

Конгресс уже близился к завершению, когда одна из лондонских газет опубликовала условия тайного русско-английского соглашения, что вызвало бурю негодования в британском обществе и прессе. Особенно досталось лорду Биконсфилду за чрезмерные, с точки зрения английской общественности, уступки России. Перепуганный лорд Салисбюри заявил графу Шувалову, что он как лицо, подписавшее протокол 18 мая, вынужден теперь подать в отставку, после чего британский кабинет откажется от выраженного им согласия на присоединение к России Батума.

Граф Шувалов был сильно озадачен подобным поворотом дел и опять попросил посредничества Бисмарка. Тот заявил лорду Биконсфилду, что, отступив от своего обязательства перед Россией, Англия тем самым нарушает обязательства перед Германией, так как он решился созвать конгресс в Берлине только после предъявления ему тайного русско-английского соглашения. Биконсфилд ответил, что, после того как на

заседании конгресса Шувалов подтвердил отказ России от присужденных ей Сан-Стефанским договором Баязета и Алашкертской долины и заявил о намерении русского императора обратить Батум в порто-франко, он не возражал против перехода Батума, Ардагана и Карса под владычество России.

Признав эти приобретения России в Азии, конгресс утвердил условленные в Сан-Стефано уступку Персии турецкого города Хотура с округом и льготы, дарованные султаном его армянским подданным.

В конце конгресса лорд Салисбюри и граф Шувалов обменялись речами, в которых каждый отстаивал свою трактовку закрытия Черноморских проливов для иностранных военных судов. Но никакого решения по проливам конгресс не принял. Вопрос был слишком серьезным, и его дальнейшее обсуждение грозило срывом конгресса.

1 июля 1878 г. представители великих держав подписали трактат, состоявший из 64 статей, значительно отличавшихся по содержанию от Сан-Стефанского мира.

Еще за несколько дней до начала Берлинского конгресса Англия подписала с Турцией в Константинополе оборонительный союзный договор, где обязывалась в случае, если Батум, Ардаган и Карс или какая-либо из этих крепостей достанется России или если когда-нибудь Россия посягнет на какую-нибудь часть турецких владений в Азии, защищать все эти местности с оружием в руках. А взамен султан пообещал ввести в своих азиатских владениях все условленные с Англией преобразования и обеспечить в них всем своим подданным христианам и иным^[53] порядок и управление и всякое покровительство, а еще передать остров Кипр в управление англичан для занятия его английскими войсками.

А на самом конгрессе британские премьер-министр и министр иностранных дел подписали с министром иностранных дел Франции тайное соглашение, обеспечивавшее Франции дружественный нейтралитет Англии в случае осуществления давних замыслов французов на Тунис и подчинения этой области французскому протекторату.

15 июля 1878 г. Александр II в Петербурге ратифицировал Берлинский договор. Обнародование его не сопровождалось высочайшим манифестом, но через несколько дней, 27 июля, в «Правительственном Вестнике» появилось пространное официальное сообщение, излагавшее взгляд императорского кабинета на акт, «увенчавший войну». Начиналось оно с заявления, что последняя война была предпринята Россией «не по расчету, не из материальных выгод или честолюбивых политических замыслов, но в силу чувства, заглушающего всякие посторонние побуждения, из чувства

христианского, чувства человеколюбия, того чувства, которое охватывает всякого честного человека при виде вопиющего зла». Далее следовал пространный пересказ дипломатических переговоров до, во время и после войны, сообщались результаты, достигнутые на Берлинском конгрессе, охарактеризованные как пусть и несовершенные, но все же существенные для России и для христианского населения Востока. Затем следовало изложение политической программы, которой Россия была намерена держаться впредь в Восточном вопросе. С одной стороны, императорский двор «проникнут чувством солидарности с Европой», а с другой — считает освобождение христиан Востока «нашею историческою миссиею», а Берлинский договор — шаг к достижению этой цели, хоть и приобретенный дорогой ценой. Россия, которая «не делала торгова ни из своих жертв, ни из своих успехов», будет продолжать «притягивать Европу к общему делу» и в то же время точно исполнять принятые на себя обязательства. Не напрасно «русский народ подчинил свои права победителя высшим интересам общего мира и солидарности народов». Жертвы его уже принесли плоды и принесут еще больше в будущем. Окончательная развязка Восточного вопроса — не более чем вопрос времени, поскольку, «несмотря на временные препоны, порождаемые страстями, пороками и слабостями людей, человечество идет к тем же неуклонным целям, которые предназначены ему Провидением». Заканчивалось сообщение словами: «Берлинский конгресс был только роздыхом, остановкою на этом трудном пути. Оценивая его с этой точки зрения, Россия находит в прошедшем веру в будущее». ^[54]

При встрече с императором Горчаков грустно сказал: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». Александр ответил: «И в моей тоже».

Стратегический просчет и Горчакова, и самого Александра II был в том, что они оценивали внешнеполитическую обстановку и силы по речам политиков (ах, Дизраэли заявил, ах, Андраши заметил), не обращая внимания на реальное соотношение сил в Европе и на последствия тех или иных угроз Англии или Австро-Венгрии.

Англия была бессильна вести войну с Россией без помощи сильных европейских армий. Из-за географического расположения России с учетом развитой сети железных дорог британский флот даже не мог осуществить эффективную морскую блокаду России.

Австро-венгерская армия в войне один на один заведомо бы проиграла, и лоскутная империя могла бы развалиться, как это и случилось в 1918 г.

Наконец, рассмотрим самый худший для России вариант развития событий. Германская империя поддерживает Австрию, и их соединенные армии наносят тяжелое поражение русской армии. Ну и что? И Аустерлиц, и Фридланд были булавочными уколами для огромной Российской империи. Ну, заключила бы Россия невыгодный, но не позорный мир. Берлинский мир был позорным, поскольку Россия капитулировала без военного поражения. Что могла потерять Россия в случае неудачной войны в 1878 г.? Максимум — это Привисленскую губернию, населенную поляками. И пусть бы немцы одни разбирались с буйными панами. А вот зато вся Европа оказалась бы под германским сапогом. Далее последовало бы строительство на верфях объединенной Европы огромного флота, превышавшего по тоннажу британский, затем — серьезный разговор с владычицей морей о ее заморских колониях. Учитывая природную жадность просвещенных мореплавателей, можно с уверенностью сказать, что они вцепились бы в колонии зубами. Ну а это привело бы к войне, и германизированная Европа, имея мощный флот, легко бы форсировала Ла-Манш.

Рискнет ли кто утверждать, что это-де фантазии автора? Ведь Германская империя и так шла по этому пути с 1870 по 1914 г., и без разгрома России в 1878 г.

Все ведущие британские политики именно так и оценивали перспективы развития европейских отношений в случае поражения России в войне с Германией. Об этом красноречиво свидетельствует опубликованная позже их неофициальная переписка. Разница в позициях британских политиков была лишь в том, насколько далеко идти в блефе, угрожая России войной. Так было в 1878 г., так будет в 1885 и 1904–1905 гг.

Британские власти одновременно осуществляли двойной блеф. С одной стороны, пугая Россию войной, а с другой — пугая собственное население, а заодно и всю Европу страстью русских царей к мировому господству. Спору нет, иногда тот же Александр I (после 1814 г., разумеется) или Николай I иной раз изображали из себя правителей Европы. Но на самом деле и царям, и русским дворянам была чужда мысль о доминировании в Европе, не говоря уж о всем мире.

Россия — не Англия или Франция, и она никогда не пыталась стать империей, в которой никогда не заходит солнце. Если бы Россия только в XVIII в. вместо войн с Турцией занялась бы захватом земель по всему свету, то на 1/5 средств, потраченных на турецкие войны, она смогла бы создать колониальную империю почище английской. Но России не нужны были чужие земли. Россия только оборонялась. Пассивная оборона на юге

страны от татар и турок в XVI — XVII вв. себя не оправдала, и в XVIII — XIX вв. уже преобладала активная оборона, включавшая превентивные действия.

Возникает резонный вопрос, а разве русские цари, да и все русское общество, не стремились к захвату Константинополя? Да, об этом было много разговоров, даже составлялись планы операции по его захвату. Но давайте подумаем здраво — зачем России Константинополь? В Константинополе с окрестностями проживало около двух миллионов паразитирующего населения, т. е. людей, которые не сеяли, не пахали, не ткали, а жили на 95 % за счет эксплуатации населения огромной Османской империи. Ну, присоединили бы город к России. Кто бы стал кормить дармоедов — русский мужик?

Хорошо болтать о возвращении креста на Святую Софию. А дальше что? Зачем нужны России два миллиона иноверцев, из которых полтора миллиона в любой момент по призыву фанатичных мулл и дервишей могут устроить бунт и начать резать христиан? А что делать с Константинопольским патриархом и пятьюстами тысячами греков? Подчинить патриарха петербургскому Синоду или, наоборот, Синод — патриарху? Русская и греческая церковная вера — православие, но у них есть существенные различия. На расстоянии у них братская любовь, а попробуйте-ка их слить?

Все это лишь ничтожная часть проблем, которые возникли бы при присоединении Константинополя. Поэтому всякие призывы — «Константинополь рано или поздно, а должен быть наш» — следует рассматривать лишь как пропагандистские лозунги. Неграмотному крестьянину не объяснишь стратегических аспектов обороны Черного моря и тонкостей препонов, чинимых турками русской торговле, поэтому и нужны лозунги: «Спасем братьев славян», «Даешь крест на Святой Софии».

А, кстати, что же русские отняли у турок за пять столетий войн и противостояния? Азов и Очаков? Но это не турецкие земли, а военные базы, построенные турками на чужой территории. Их назначение было — не пропускать русские торговые и военные суда из Дона и Днепра в Черное море.

Кавказ? Но и Кавказ, и Закавказье никогда не были населены турками. Там были фактически независимые государственные образования, эпизодически платившие дань туркам.

Русские войска освободили от турок лишь Румынию и Болгарию. Вот и все!

Так кто же развалил Великую Османскую империю? Кто захватил 80 % ее территории? Да, та самая просвещенная Европа, которая была так озабочена, что «московиты» возьмут Стамбул. Именно Европа пять веков стравливала Россию с Турцией. И пять веков старательно отгрызала турецкие земли. Справедливости ради следует заметить — Европа посягала и на русские территории. Но, увы, такие попытки оканчивались плачевно, и русские войска в ответ оказывались у Стокгольма, в Берлине и в Париже.

А вот Турция, занятая войной с «московитами», оказалась лакомым кусочком для Европы. Франция «слопала» Алжир, Тунис, Сирию, покушалась на Египет. Но в конце концов Египет достался Англии вместе с Месопотамией, Палестиной и Кипром. Италия захватила Ливию и острова в Эгейском море. Австрия отобрала у турок Венгрию, Трансильванию, Боснию и другие территории.

Увы, турецкие власти были глупы и упрямы, и прийти к разумному соглашению с ними без применения грубой силы было нельзя. В январе 1878 г. можно было применить силу и без боя занять Босфор и Дарданеллы. России не нужен был Константинополь, но две мощные крепости в Босфоре и Дарданеллах могли бы надолго обеспечить безопасность южных границ России.

В январе 1878 г. был некоторый шанс заключить сепаратный взаимный мир с Турцией. Об этом свидетельствовали и слова турецкого султана Абдул Гамида II, сказавшего новому русскому послу князю А. Б. Лобанову-Ростовскому: «От вас зависело привязать нас к себе узами признательности, смягчив столь тяжкие условия Сан-Стефанского договора. Вы ничего не хотели и предпочли возбудить против себя державы и общественное мнение. Напрасно думаете вы, что турки вовсе неживучи. Я сказал великому князю, что Турция готова была тогда даже заключить с Россией оборонительный и наступательный договор, если бы вы только согласились отменить некоторые неосуществимые статьи последнего договора. Но вы остались глухи. Я свободен от каких бы то ни было обязательств, но спасение остальной части моей империи возлагает на меня обязанность искать в другом месте поддержку, если Россия в самом деле поклялась нас погубить!» (Депеша Лобанова-Ростовского князю Горчакову от 11 мая 1878 г.). (56. Кн. вторая. С. 480–481).

После окончания Берлинского конгресса турецкие войска передали русским крепости: Шумлу (7 июля), Варну (27 июля) и Батум (25 августа).

27 августа 1878 г. Александр II писал генералу Тотлебену: «Занятие Батума без боя и радушный прием, оказанный войскам нашими жителями, которые будто бы, по словам турок и их покровителей англичан, были столь

враждебно против нас настроены, был для меня радостным событием, заключившим плоды минувшей войны» (56. Кн. вторая. С. 481).

5 августа 1878 г. в Сан-Стефано состоялся грандиозный парад русских войск в присутствии высших турецких сановников и иностранных послов. Парад был виден даже из Константинополя. После этого началась постепенная эвакуация русских войск. Часть их была перевезена русскими пароходами в Одессу и Севастополь, а часть двинулась пешком через Болгарию.

15 сентября главная квартира действующей русской армии была перенесена в Адрианополь. Там она пробыла пять месяцев. Дальнейшую эвакуацию пришлось приостановить из-за ряда обстоятельств, вызвавших у русского правительства опасение, что обязательства, наложенные на Турцию Берлинской конференцией, не будут выполнены. Обстоятельствами этими стали: восстание мусульман, вспыхнувшее в Родопских горах; образование Албанской Лиги и сопротивление ее передаче черногорцам территорий, присужденных им конгрессом; жестокости, совершенные турками над христианами в местностях, очищенных русскими войсками, по мере возвращения в них турецких властей. Но главной причиной столь длительного пребывания в Адрианополе главнокомандующего и его штаба и задержки возвращения русской армии на родину было уклонение Порты от заключения с Россией окончательного мирного договора, который должен был подтвердить все статьи, не отмененные Берлинским конгрессом.

Трудная задача добиться от султана подписания этого договора была возложена на посла Лобанова-Ростовского. Ему пришлось не только бороться с обычной тактикой турецких сановников, имевших привычку путем различных проволочек тормозить дело, но и с враждебным влиянием на Порту представителей прочих европейских держав. Большим препятствием успеху переговоров послужили и бесконечные перемены в составе правительства Османской империи.

Наконец, 27 января 1879 г. в Константинополе был подписан окончательный мирный договор между Россией и Турцией.

Как писал С. Татищев, «актом этим устанавливались мир и дружба между обеими империями; объявлялось, что постановления берлинского трактата заменили статьи трактата Сан-Стефанского, измененные или отмененные конгрессом; следующее России от Турции денежное вознаграждение определено в 802,5 миллиона франков, а способ уплаты предоставлен позднему согласованию; вознаграждение русским подданным за убытки ограничено суммой в 2 675 000 франков; положено

свести и уплатить взаимные счета по содержанию военнопленных; предоставлено жителям уступленных России местностей покинуть их в трехлетний срок с правом продажи их недвижимых имуществ; обещано прощение лицам, уличенным в сношениях с неприятелем во время войны, и дозволено тем из оттоманских подданных с их семьями, которые этого пожелают, удалиться вместе с русской армией из пределов Турции; дарована амнистия всем оттоманским подданным, принимавшим участие в событиях, предшествовавших войне и подвергнутых за это ссылке или какому-либо иному наказанию; вновь введены в действие приостановленные войною все договоры и обязательства обеих сторон, касающиеся торговли или прав, предоставленных в Турции русским подданным; Порта обязалась рассмотреть все иски русских подданных и доставить им удовлетворение» (56. Кн. вторая. С. 483–484).

В заключение главы стоит сказать несколько слов о судьбах Батума и Карса. Александр II и не подумал выполнять решение Берлинского конгресса, который провозгласил Батум вольным городом, порт которого должен был использоваться только для торговых нужд. Сразу же после ухода турецкого гарнизона в Батуме началось строительство береговых и сухопутных батарей.

4 ноября 1880 г. вышло высочайшее повеление: «строящееся вблизи Батума укрепление назвать Михайловским». Обратим внимание, что все крепости назывались именами расположенных рядом городов: Санкт-Петербургская, Смоленская, Кронштадтская, Владивостокская, а тут для конспирации — Михайловская, да еще и не крепость, а «укрепление». В 1880–1881 гг. в Батум было доставлено шестнадцать 11-дюймовых пушек обр. 1867 г., шестнадцать 9-дюймовых мортир обр. 1867 г., двадцать 6-дюймовых пушек весом 190 пудов, двадцать четыре 24-фунтовые (152-мм) пушки, шестнадцать 6-фунтовых крепостных мортир обр. 1867 г. и т. д.

Батум действительно стал портом-франко, т. е. портом, в котором производился беспошлинный ввоз и вывоз товаров. За несколько лет население города увеличилось до 30 тыс. человек. Батум богател. В 1883 г. город и крепость были соединены с Центральной Россией железнодорожной веткой Самтреди — Батум. Но в 1886 г. статус порта-франко был упразднен, и Батум стал обычным городом империи.

В следующем, 1887, году «фиговый листок» с «укрепления» был снят, и официально было заявлено о существовании Михайловской крепости в Батуме.

Карс стал самой мощной русской сухопутной крепостью в Азии. К началу 1888 г. на вооружении крепости имелась 491 пушка. Среди них

были: 9–8-дюймовых облегченных пушек обр. 1867 г., 5–6-дюймовых пушек в 190 пудов обр. 1877 г., 116–24-фунтовых (152-мм) пушек обр. 1867 г., 4–8-дюймовые мортиры обр. 1867 г., 41–6-дюймовая мортира обр. 1867 г. и т. д.

Кроме того, в крепости хранилось 128 более-менее современных турецких пушек, взятых в 1877–1878 гг. Среди них была даже одна 6-дюймовая казнозарядная пушка Витворта с полигональным стволом и триста снарядов к ней.

Кроме того, после Русско-турецкой войны из крепости Адрианополь в Карс были переведены осадные орудия Кавказского парка. К 1885 г. в их числе было: 44–24-фунтовые медные пушки обр. 1867 г., 5–6-дюймовых пушек обр. 1877 г. в 190 пудов, 38–8-дюймовых мортир обр. 1867 и 1877 г., 32–6-дюймовые мортиры обр. 1867 г., 30–2-пудовых гладких мортир обр. 1838 г. и 32–9-фунтовые (107-мм) пушки обр. 1867 г.

В 1899 г. вступила в строй железнодорожная линия Тифлис — Карс.

Таким образом, крепость Карс в середине 80-х годов стала твердым орешком как для турецкой армии, так и для любого британского экспедиционного корпуса, если бы он рискнул появиться на кавказском театре военных действий. А материальной части Кавказского осадного парка было достаточно, чтобы взять любую крепость в азиатской части Турции.

Глава 20. Британская интервенция в Египет

В 1877 г. Англию охватил жесточайший экономический кризис, который чрезвычайно обострил ситуацию на мировом рынке. Каждый рядовой английский буржуа осознал новое положение, сложившееся в мировой экономике: Англия больше не являлась гегемоном мирового рынка, у нее появились опасные конкуренты, индустриальная мощь которых росла быстрее, чем развивалась британская промышленность. Обострение неравномерности развития привело к усилению конкуренции в мировой торговле. В связи с этим лорд Керзон писал: «При жестокой торговой конкуренции, которая ныне свирепствует во всем мире подобно урагану, потеря рынка является непоправимым ущербом; приобретение же рынка является положительным приобретением для национального могущества» (67. С. 604).

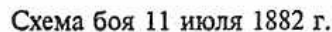
Спасение от конкуренции британское правительство нашло в захвате новых колоний. Захват Кипра в 1878 г. подвинул просвещенных мореплавателей на новые авантюры в Восточном Средиземноморье.

С открытием в 1869 г. Суэцкого канала перед Англией встала задача освоить новый путь в Индию и на Дальний Восток, пролежавший теперь через Средиземное море, Суэц и Красное море. Владея Гибралтаром и Аденом, Англия контролировала выходы в эти моря, а британская военноморская база на Мальте была сильной позицией вблизи наиболее узкого и наиболее поддающегося блокаде района Средиземного моря, но сам Суэцкий канал оставался неподконтрольным Англии. В финансовом отношении его контролировали французские компании, а политически, находясь на территории Египта, он был в руках правительства хедива (египетского монарха) и его сюзерена — турецкого султана, хотя власть последнего являлась скорее номинальной.

В случае войны канал мог быть занят сухопутными войсками враждебных Англии держав. Да и самый крайний вариант развития событий — объявление Египтом в случае войны о нейтралитете канала и введение запрета на проход через него боевых кораблей всех стран — крайне беспокоил «владычицу морей».

По мнению королевы Виктории и премьера Дизраэли, Суэцкий канал мог быть только британским, а чьи суда пропускать по каналу, чьи нет

Для начала Дизраэли обеспечил Англии экономическое господство над каналом. Всего акций Компании Суэцкого канала было 400 тыс. Египетский хедив Измаил, испытывая острую нужду в деньгах, решил продать принадлежавшие ему 176 тыс. акций. Дизраэли, узнав об этом, не стал тратить время на проведение кредитов через парламент и 25 ноября 1875 г. с помощью банкирского дома Ротшильда приобрел у Измаила его акции, что обеспечило британскому правительству экономический контроль над каналом.

Но продажа акций не спасла финансы Египта, и 8 апреля 1876 г. египетское правительство объявило о своей финансовой несостоятельности. Но Дизраэли просчитался, он планировал загнать хедива в кабалу к Англии, а тот начал вести переговоры с французскими банкирами и уже в мае достиг с ними соглашения о консолидации египетского долга. Ценой этого должно было стать установление международного финансового контроля, обеспечивающего платежи по займам, а органом этого контроля становилась организация кредиторов «Касса египетского государственного долга».

Сделка эта была крайне невыгодна английскому правительству, ведь оно стремилось целиком подчинить Египет своему влиянию, а теперь в этой стране устанавливался международный, а фактически французский контроль.

В ноябре 1876 г., помимо опеки «Кассы египетского государственного долга», англо-французский кондоминиум назначил хедиву еще двух финансовых контролеров. Один из них был англичанином, другой — французом. Первый контролировал доходы, а второй — расходы египетской казны.

В начале 1882 г. в Египте произошел государственный переворот. Хедив Тевфик был фактически низложен, а власть принял полковник Ахмет Орабы, сын простого феллаха. Орабы выдвинул лозунг: «Египет для египтян». Он быстро избавился от англо-французского контроля над финансами страны, чем завоевал доверие народа.

В Константинополе по инициативе Франции была создана конференция послов великих держав, где французы попытались ограничить притязания Англии на Египет. Средством для этого стало принятое всеми державами обязательство «не искать в Египте каких-либо территориальных приобретений или исключительных выгод» (44. С. 153). Англия была вынуждена принять это обязательство, но вскоре она его нарушила.

Ввод турецких войск в Египет и усиление там власти султана менее всего устраивали Англию. Премьер-министр Гладстон решил действовать немедленно, не ожидая турок. В мае 1882 г. в Александрию была направлена британская эскадра адмирала Сеймура. Французы решили, что они тоже «не лыком шиты», и отправили туда свою эскадру.

Теперь нужен был повод для нападения. Англичане заметили, что якобы египтяне ремонтируют свои береговые батареи, т. е. их вооруженные силы ведут рутинную работу, положенную по уставу. Вот вам и повод для нападения. Как не вспомнить дедушку Крылова и его басню «Волк и Ягненок».

Адмирал Сеймур направил египтянам ультиматум с требованием прекратить усиление береговой обороны Александрии, угрожая в противном случае бомбардировкой города.

Египетские власти заявили в ответ, что никаких новых укреплений не возводится. Как показали дальнейшие события, египтяне по сути были абсолютно правы. Может, где-то что-то на батареях и приводилось в порядок, но в целом там царил бардак. К примеру, у египтян имелось 87 исправных мин с зарядом 250–500 фунтов (102–205 кг) пироксилина и

500 мин с зарядом 100 фунтов (30,5 кг) пироксилина. Мины были пригодны к постановке даже с гребных шлюпок. Если бы египтяне выставили минные заграждения перед фортами, то «британская эскадра никогда не вошла бы в гавань, не говоря уже о нравственном влиянии присутствия мин на экипажи судов» (32. С. 468). Однако египетские офицеры даже не знали, как пользоваться этими минами.

Тем не менее Сеймур продолжал настаивать и грозить египтянам. Командование французской эскадры наконец сообразило, что дело идет к британской оккупации Египта, и не придумало ничего лучшего, как тихо уйти из Александрии. Уход французов окрылил Сеймура, и 29 июня (11 июля) 1882 г. британская эскадра бомбардировала египетские форты.

Египетские форты были расположены по дуге с хордой 14 верст и из-за малой дальности стрельбы не могли поддерживать друг друга огнем. Важную роль сыграл и неудачный выбор секторов горизонтального наведения орудий. Боевых кораблей, способных поддержать форты, у египтян не было.

Формально на вооружении двенадцати египетских фортов было 306 орудий, но подавляющее большинство из них — это старые гладкоствольные орудия чуть ли не времен похода Бонапарта. Казнозарядных пушек имелось 57, из которых на фортах было установлено лишь сорок, а тела остальных лежали на складах. Эти сорок пушек были системы Армстронга, заряжаемые с дула: пять 10-дюймовых, восемнадцать 9-дюймовых, двенадцать 8-дюймовых, две 7-дюймовые и три 40-фунтовые (127-мм).

В фортах всего находилось две тысячи человек. Прислуга у орудий (около семисот человек) в основном была укомплектована нумидийцами. Уровень боевой подготовки оставлял желать лучшего.

В атаке Александрии участвовали броненосцы:

Казематный «Александра». Введен в строй в 1877 г. Водоизмещение 9492 т, вооружение: два 11-дюймовых и одно 10-дюймовое орудие весом 18 т.

Барбетный «Инфлексибл». Введен в строй в 1881 г. Водоизмещение 12 070 т, вооружение: четыре 406-мм орудия весом по 81 т.

Казематный «Суперб». Введен в строй в 1880 г. Водоизмещение 9710 т, вооружение: шестнадцать 10-дюймовых орудий.

Казематный «Султан». Введен в строй в 1871 г. Водоизмещение 9800 т, вооружение: восемь 10-дюймовых и четыре 9-дюймовых орудия.

Казематный «Темерер». Введен в строй в 1877 г. Водоизмещение 8540 т, вооружение: четыре 11-дюймовых и четыре 10-дюймовых пушки,

из которых две 11-дюймовые пушки находились в барбетных установках, а остальные — в казематах.

Казематный «Инвинсибл». Введен в строй в 1870 г. Водоизмещение 6019 т, вооружение: десять 9-дюймовых и четыре 64-фунтовых (152-мм) орудия.

Башенный «Монарх». Введен в строй в 1869 г. Водоизмещение 8322 т, вооружение: четыре 12-дюймовые пушки весом 12 т в башнях и три 7-дюймовые пушки в казематах.

Казематный броненосец (корвет) «Пенелопа». Введен в строй в 1868 г. Водоизмещение 4470 т, вооружение: восемь 8-дюймовых и три 40-фунтовых (127-мм) орудий.

Итого восемь броненосцев с 84 орудиями (все — заряжаемые с дула).

Кроме того, на каждом броненосце было 6–8 нарезных, заряжаемых с казны 20-фунтовых (94-мм) пушек и 8–12 скорострельных орудий Гатлинга или Норденфельда.

Помимо броненосцев в британской эскадре были следующие небронированные канонерские лодки:

«Дикой» («Dcsoy»), вооружение: две 64-фунтовые пушки и два мелкокалиберных орудия.

«Сайнет» («Cygned»), вооружение: две 64-фунтовые пушки и два мелкокалиберных орудия.

«Кондор» («Condor»), вооружение: одна 7-дюймовая и две 64-фунтовые пушки.

«Битерн» («Bittern»), вооружение: одна 7-дюймовая и две 40-фунтовые пушки Армстронга.

«Бикон» («Beacon»), вооружение: одна 1-дюймовая, одна 64-фунтовая пушка и два мелкокалиберных орудия.

В ходе десятичасовой бомбардировки англичанам удалось подавить огонь двух фортов («Адда» и «Раз-эль-Тин») и нанести серьезные повреждения еще нескольким. По английским данным было выведено из строя 9 нарезных и 22 гладкоствольных орудия. Убито и ранено 270 артиллеристов и 250 пехотинцев.

Британские корабли действовали по правилам парусного флота, почти так же, как Нахимов в Синопе. Правда, поначалу броненосцы «Александра», «Суперб» и «Султан» решили немного поманеврировать на дальности 1350–2130 м от египетских фортов, но не сумели как следует пристреляться, стали на якорь и большую часть времени вели огонь с места.

Британский супер-броненосец «Инфлексибл» якорь не бросал, он с

самого начала стоял на одном месте и с дистанции 2420 м вел огонь из 406-мм орудий по форту «Раз-эль-Тин» и с 3585 м — по форту «Ум-эль-Куляб».

«Инвинсибл» и «Пенелопа» стояли на якоре и с 1350 м стреляли по форту «Мекс».

«Темерер», стоя на якоре, с дистанции 3585 м поддерживал «Инвинсибл» и «Пенелопу». Египтяне храбро отвечали на огонь англичан. Но снаряды их давали недолеты на 43–64 м. Сферическая мортирная бомба, попавшая на палубу «Александры», едва не уничтожила броненосец, но, вовремя залитая водой, не взорвалась.

Через четыре часа бомбардировки британские корабли подошли ближе к фортам «Александра», «Султан» и «Суперб» — на 700 м к форту «Адда».

В ходе боя в броненосец «Инвинсибл» попало несколько снарядов, шесть из них проникли в части, не защищенные броней, а один снаряд ранил шестерых человек.

В «Султан» попало 27 снарядов, из них 23 — ниже ватерлинии, там обнаружены большие пробоины. Мачты броненосца были сбиты, рангоут и трубы сильно повреждены, два-три снаряда пробили остов «Султана» в не покрытых броней частях. Убито два человека, ранено семь. После этого боя корабль стал небоеспособен, ему был нужен капитальный ремонт.

«Суперб» пострадал более всех кораблей эскадры. Он получил 24 попадания, 7 снарядов пробили броню в двух местах и оторвали часть броневой плиты. Была пробита труба. Команда потеряла одного человека убитым и одного раненым.

На «Инфлексибле» один бот был разбит, остальные повреждены. Одно орудие выведено из строя, другие получили сильные повреждения. Убит один человек, ранено три. Броненосец поставили в док для ремонта.

В «Пенелопу» попало восемь снарядов, одно орудие было выведено из строя, 8–10 человек получили ранения.

В броненосец «Александра» из шестидесяти выпущенных в него снарядов попало 24. Один снаряд пробил палубу, другой разорвался в каюте. Выведено из строя три орудия. Убит один человек, ранено три.

У египтян имелось: 1–20-дюймовая, 24–13-дюймовых, 1–12-дюймовая и 12–11-дюймовых мортир. Все они были гладкоствольными и стреляли сферическими чугунными ядрами. Поскольку только три броненосца («Инфлексибл», «Александра» и «Темерер») имели броневую палубу, мортирный огонь мог натворить бы немало бед. Но египтяне из мортир стреляли редко, да и в случае редких попаданий англичанам удавалось заливать водой горящие трубы этих бомб.

В ходе боя 29 июня (11 июля), по британским данным, их корабли израсходовали большую часть боекомплекта для орудий калибра свыше 7 дюймов.

Что любопытно, англичане так и не сообщили, сколько дульнозарядных орудий вышло из строя в ходе боя. А русская разведка, в целом работавшая в то время удовлетворительно, тоже не удосужилась поинтересоваться.

Дело в том, что на следующий день, 30 июня (12 июля) к английской эскадре подошло подкрепление в виде броненосца (фрегата) «Ахиллес». Однако англичане явно не собирались добивать египтян. Лишь к 10 ч 30 мин броненосцы «Инфлексибл» и «Темерер» подошли поближе к форту «Адда» и сделали по три выстрела. Затем начались переговоры, в ходе которых египтяне категорически отказались сдавать форты. Тогда сыны Альбиона в 16 ч выпустили несколько снарядов по городу в районе Фароса. Египтяне подняли в этом месте белый флаг. И тогда «Сеймур ввиду позднего времени решил отложить действия до следующего утра» (32. С. 462). Это 16 ч по местному времени, да еще в июле — «позднее время»? За 5–6 часов светового дня можно начать и кончить сражение.

Так почему же агрессивность Сеймура 11 июля сменилась пассивностью 12 июля? Разница могла объясняться только одним — состоянием британской эскадры. Иначе, что помешало бы разнести в щепки форты и преподнести урок всему миру — вот, мол, что бывает с врагами «владычицы морей». Стрелять надо было хотя бы ради пропагандистского эффекта. Но, увы, увы...

Египтянам же воевать явно не хотелось, и в ночь на 31 июня (13 июля) они тихо ушли. Утром Сеймуру донесли, что форты пусты. По его приказу на шлюпках был высажен десант, который вывел из строя египетские орудия. Поскольку они все были дульнозарядные, их попросту заклепали.

На фортах англичане с удовольствием разглядывали разрушенные каменные постройки с тонкими стенками и сгоревшие деревянные дома, но с сожалением констатировали, что даже 16-дюймовые пушки не в состоянии пробить 24-футовый (7,3-метровый) земляной бруствер. В целом стрельба британской артиллерии оказалась крайне неэффективной. Полковник В. А. Мошнин с иронией писал: «Результаты, полученные бомбардированием Александрии, были таковы, что один английский офицер высказал взгляд, что артиллерия деревянного линейного корабля оказалась бы более действительною против Египтян, чем артиллерия «Александры» и «Инфлексибля», т. е. большого калибра, но с малым числом орудий, основываясь на том, что в этом случае было бы выброшено

гораздо больше снарядов» (32. С. 467).

Операция против Александрии мной описана довольно подробно вовсе не из-за ее значимости для отношений между Россией и Англией. Дело в другом. Это была единственная атака кораблей британского флота против берега с 1853 по 1914 г. Экстраполируя результаты бомбардировки Александрии, нетрудно представить, что случилось бы с британской эскадрой, пусть даже в два-три раза сильнейшей, в случае атаки Кронштадта. Русские форты и корабли Балтийского флота встретили бы просвещенных мореплавателей огнем сотен нарезных орудий обр. 1867 г. и 1877 г. калибра от 8 до 14 дюймов. Дальность стрельбы русских береговых пушек и их удачное расположение позволяли сосредоточить на любой точке огонь нескольких фортов. Русские броненосцы береговой обороны постоянно отрабатывали огневое взаимодействие с фортами. Малые глубины, ряжевые и минные заграждения не давали бы маневрировать английским мореходным броненосцам. Стать же на якорь, как в Александрии, на дистанции двух-трех километров, я уж не говорю на 700 метров, от форта «Константин» было самоубийством для британских броненосцев. Тут они стали бы легкой добычей русских 9- и 6-дюймовых мортир обр. 1867 г. и 1877 г. А в начале 80-х гг. XIX в. на вооружение Кронштадтской и Севастопольской крепостей поступили 11-дюймовые мортиры обр. 1877 г., дальность стрельбы которых 250-кг снарядами составляла 8,8 км. Такой снаряд мог пробить насквозь от верхней палубы до киля любой британский броненосец.

Чтобы не быть голословным, называя самый большой флот мира «бумажным тигром», я вынужден привести скучные цифры. Вот, к примеру, в конце 60-х гг. XIX в. на Волковом поле под Петербургом построили макет палубы башенного броненосца длиной 64 м и шириной 17 м. Для сравнения, размеры британских казематных и башенных броненосцев:

«Девастайшен» (год постройки 1873-й): длина 93,6 м, ширина 19 м;

«Инфлексибл» (1881 г.): длина 97,6 м, ширина 22,9 м;

«Нептун» (1881 г.): длина 103,3 м, ширина 18 м;

«Александра» (1877 г.): длина 99,1 м, ширина 19,5 м.

Стреляли по макету из старой 5-пудовой гладкой мортиры обр. 1805 г. Калибр ее 13,12 дюйма (333 мм), и ее можно считать аналогом 13-дюймовых египетских мортир в Александрии. Затем провели стрельбы из 6-дюймовой (152-мм) медной, с дула заряжаемой мортиры изготовления 1863–1866 гг. и из 6-дюймовой мортиры обр. 1867 г.

Таблица 5. **Вероятность попадания в палубу судна длиной 30 м и**

шириной 8 м (монитор)

Дистанция, сажень, м	Из 5-пудовой гладкой мортиры		Из 6-дм нарезной медной заряжаемой с дула мортиры. Бомба с цинковыми выступами		Из 6-дм нарезной медной заряжаемой с казенной части мортиры обр. 1867 г.	
	вдоль судна, %	поперек судна, %	вдоль судна, %	поперек судна, %	вдоль судна, %	поперек судна, %
500 (1067)	12	0	42	16,2	65	37
700 (1494)	5	0	25	1,9	52	32
900 (1921)	1	0	18	9,9	43	27
1100 (2347)	0	0	13	8,5	34	22
1300 (2774)	0	0	11	7,7	25	17
1500 (3201)	0	0	9	6,9	18	13

Одна 6-дюймовая мортира обр. 1867 г. должна была гарантированно поразить любой британский броненосец на дистанции 3200 м по крайней мере с 8-го выстрела. Скорострельность мортир была около одного выстрела в 1 мин, т. е. за 8 мин. Напомню, что британские броненосцы в Александрии стояли на якоре или без хода по 4 и более часов на дистанции от 3 км до 700 м от египетских фортов.

В конце 70-х годов на Меппенском полигоне Круппа русские и германские артиллеристы провели показательные стрельбы из 28-см мортиры Круппа — аналога русских 11-дюймовых мортир обр. 1877 г. Стреляли по мишеням размером 14,5 x 12 м, т. е. по цели намного меньшей, чем палуба британских кораблей. В ходе стрельб выяснилось, что вероятность попадания на дистанции 1500–2000 м одинакова и не менее 8,5 % (из 36 снарядов попало 12, а из 24–2). Орудие было новое, расчет неопытный, а в Кронштадте расчеты пристрелялись. Все русские береговые мортиры были размещены на батареях, закрытых или каменным бруствером (в Кронштадте), или естественными возвышениями (в Севастополе), и поражение их настильным огнем морских орудий было исключено.

К 1886 г. в Кронштадте имелось береговых мортир: 4–11-дюймовые, 31–9-дюймовая обр. 1877 г., 21–9-дюймовая обр. 1867 г., 34–8-дюймовых обр. 1867 г. и 10–6-дюймовых обр. 1867 г.

Предлагаю любопытному читателю самому посчитать, что натворили бы с британским флотом одни только мортиры в Кронштадте или Свеаборге при «александрійской» тактике англичан. А иной у них тогда не было, да и простора для маневрирования у Кронштадта и Свеаборга не

было из-за узости фарватера, не говоря уж о многочисленных минных и ряжевых заграждениях.

В Александрии стрельбы велись дымным порохом, и клубы дыма постоянно заволакивали форты и корабли. Поэтому русским миноноскам днем даже не понадобились бы дымовые завесы. Сотне миноносок Балтийского флота потребовалось бы около 3 мин, чтобы в дыму выскочить из-за кронштадтских фортов и подойти к бортам вражеских броненосцев.

Но вернемся с холодной Балтики в знойный Египет. Еще до бомбардировки Александрии на Кипре были сосредоточены сухопутные части под командованием Гарнета Уолсней, предназначенные для оккупации Египта. Узнав о бомбардировке, Уолсней в инициативном порядке^[55] отдал приказ высадить десант в Александрии. 6 и 7 (17 и 18) июля 1882 г. в Александрии было высажено две тысячи британских войск, а через несколько дней их число достигло 5 тыс. Египетские войска отошли на 24 км от города и заняли оборону у городка Кафр-эль-Довар.

16 (27) июля британский парламент ассигновал на вторжение в Египет сумму, эквивалентную 23 млн золотых рублей. Для приличия Англия предложила и другим государствам участвовать в оккупации Египта, но парламенты Франции и Италии не дали ни гроша.

В августе 1882 г. на Средиземное побережье у Александрии и на берег Красного моря в Суэце были высажены британские сухопутные части общей численностью 22 тыс. человек. К концу сентября египетские войска были разбиты, и весь Египет оказался под властью англичан. Замечу, что захват Египта был осуществлен исключительно британскими сухопутными частями. Бомбардировка Александрии попросту ничего не дала, а предпринята она была исключительно, чтобы показать всему миру мощь королевского флота и, естественно, напугать Россию.

Британский кабинет лицемерно заявил, что Англия, мол, не имеет намерения удерживать Египет, и английские войска уйдут оттуда тотчас же, как только внутреннее состояние страны позволит им отказаться от своей якобы тягостной миссии. Забегая вперед, скажу, что в 1922 г. французский журналист Джульетт Адам не поленился и посчитал, что за пятьдесят лет британское правительство дало 66 официальных сообщений о выводе британских войск из Египта.^[56] Окончательно вывести свои войска из Египта Англии пришлось лишь в 1956 г., когда Н. С. Хрущев довел до сведения британской королевы, что ракеты Р-5 с зарядом в одну мегатонну достают до Лондона с территории ГДР.

На деле же Гладстон не только не вывел войска из Египта, но

попытался оккупировать и Судан. Впрочем, тут сыны Альбиона потерпели полное фиаско: в 1885 г. восставшие арабы под руководством вождя, известного под именем Махди, уничтожили в Хартуме английский отряд во главе с генералом Гордоном.

Захват Египта серьезно поссорил Лондон с Парижем и Стамбулом. Сказочный Египет был мечтой не только всех Людовиков, начиная с Четырнадцатого, и генерала Бонапарта, но и всех французских лавочников и рантье. Установление французского протектората над Тунисом в 1883 г. лишь подсластило пилюлю, но обида осталась.

Потеря Египта стала большим моральным поражением как султана Абдул Гамида II, так и всех правоверных. После 1878 г. Абдул Гамид примирился с потерей большинства европейских провинций Османской империи, населенных христианами. Султан надеялся на возрождение мусульманской части империи в Азии, огромные владения которой еще оставались нетронутыми. Азия была колыбелью не только его нации и династии, но и его религии и основной массы его народа. Султан был для них защитником не только их земель и жизней, но и их веры. Отсюда и значимость Египта для Османской империи, поскольку Каир уже больше тысячелетия был великим духовным центром ислама, а за несколько веков до захвата турками — столицей халифата. После въезда в Каир в 1517 г. османский завоеватель Селим I был якобы официально признан в качестве халифа последним наследником халифата Аббасидов, а позднее получил почетную должность шерифа Мекки, чтобы стать хранителем святых мест ислама. Для дома Османов это подразумевало духовное руководство всем мусульманским миром. Стамбул стал широко признанным местом нахождения халифата и городом ислама, или «Исламболом». Каждый султан Османов с тех пор носил двойной титул: мирской и религиозный — султан-халиф.

По мнению современного историка Турции лорда Кинросса, именно захват Египта дал толчок к росту антизападных настроений на Ближнем Востоке и бурному развитию исламского фундаментализма

Глава 21. Русско-британское решение проблемы Крита

1894 г. ознаменовался началом нового кризиса Османской империи. Правительства всех ведущих стран Европы ожидали распада блистательной Порты. Вопрос лишь был в том, какие ее провинции когда и кому достанутся.

Экономика Турции находилась на грани банкротства. Страна была опутана долгами. Только Франция вложила в ее экономику от 2,5 до 3 млрд франков. У французских владельцев находилось 60 % облигаций османского государственного долга (около 1,5 млрд франков). В турецкие железные дороги Франция вложила 336 млн франков, в промышленность и торговые предприятия на территории Турции — 160 млн франков, 176 млн франков — в ближневосточные отделения французских банков.

По соглашению, заключенному в 1881 г. между Портой и ее кредиторами и положенному затем в основу Мухарремского указа султана, совет Управления османского долга, составленный из англичан и французов, ведал распределением всех доходов империи.

Одной из форм колонизации было строительство иностранными государствами железных дорог на территории Турции. Так, с помощью Австро-Венгерской империи в Турции была построена первая железная дорога, соединившая Стамбул с Европой. В 1888 г. по ней пустили первый пассажирский экспресс Вена — Стамбул. Немцы предлагали продолжить эту железную дорогу до Багдада, что, кстати, и было сделано в начале XX в. Англия, в свою очередь, выдвинула грандиозный проект строительства железной дороги Кейптаун — Каир — Калькутта, которая должна была соединить британские колонии. Надо ли говорить, что контроль как технический, так и административный над турецкими железными дорогами находился в руках иностранцев. В случае угрозы войны иностранные войска по этим железным дорогам легко могли быть переброшены в глубь страны.

За 500 лет своего правления турки не сумели создать единой нации. Собственно турки продолжали составлять меньшинство в Турции. Национальный вопрос стал неизлечимой и прогрессирующей болезнью империи.

Арабы легко отделились и создали свое этнически чистое, без турок,

государство со столицей в Мекке. Наибольшую опасность для целостности империи представляли греки и армяне.

Греки слишком хорошо помнили о былом величии «греческой» Византийской империи. Их мечты не ограничивались установкой креста на Святой Софии. Греки претендовали на Крит, Кипр, на все острова в Эгейском море и даже на часть побережья Малой Азии.

Кстати, в Стамбуле из 1,7 млн жителей около 450 тыс. составляли греки, а на западном побережье полуострова Малая Азия проживало свыше полутора миллионов греков.

Остров Крит имел большое стратегическое значение в Восточном Средиземноморье, и за обладание им шли непрерывные войны. В 820 г. остров был завоеван у византийцев арабами, но в 962 г. император Никифор Фока вернул его в состав Византии. В 1204 г. во время четвертого крестового похода Крит достался маркграфу Бонифацию Монфератскому, который продал его Венеции. В XVII в. Венеции пришлось вести жестокую борьбу за Крит с Османской империей. В итоге к концу XVII в. турки овладели всем островом.

На острове Крит турецкое население не составляло и 10 %. Естественно, что греческому большинству надоело быть людьми второго сорта в чужом государстве, и они требовали присоединения острова к Греции. Восстания греческого населения на Крите следовали одно за другим.

Карта острова Крит

Решения Берлинского конгресса, обязавшие султана осуществить на Крите преобразования под контролем европейских консулов, выполнены не были. Управлял островом турок-вали, ^[57] а не генерал-губернатор —

христианин, что было нарушением пакта о Крите, подписанного в городе Кания в октябре 1878 г. Народное собрание как высший орган власти не имело никакой силы. В 80-х годах султан расширил полномочия вали, отменил пятилетний срок его назначения и урезал права ассамблеи.

Христианское население Крита, возмущенное произволом местной администрации, обратилось к вали с просьбой о введении объявленных на Берлинском конгрессе реформ. Вали, опасаясь массовых беспорядков, попросил представителей России и Франции в Стамбуле поддержать перед турецким правительством и султаном требования христианского населения острова. Но султан отказался выполнить законные просьбы критян, что вызвало новые волнения. Греки организовали покушение на вали. Абдул Гамид II был вынужден назначить нового вали — албанца-мусульманина, знавшего греческий язык.

В июне 1894 г. ассамблея острова Крит обратилась к султану с просьбой назначить генерал-губернатора христианина и реорганизовать систему взимания налогов. Греков поддерживали посольства европейских государств и заставили Абдул Гамида в мае 1895 г. назначить губернатором острова христианина Александра Каратеодори-пашу.

Генерал-губернатор сразу же восстановил роль ассамблеи в управлении островом и повысил влияние в ней христианского населения. Но теперь были недовольны критяне-мусульмане, их поддерживали турецкие чиновники во главе с военным комендантом, который вместе с жандармерией открыто выступал против генерал-губернатора и провоцировал убийства христиан. Султан поощрял эти действия военного коменданта, надеясь сместить Каратеодори-пашу, назначенного им под давлением европейских держав.

В начале 1896 г. Каратеодори-паша был вынужден подать в отставку. Власть на Крите снова перешла к вали. Первым делом он отменил открытие Народного собрания, чем вызвал новый взрыв возмущения. Христианские делегаты ассамблеи направили в Грецию меморандум, сообщая о решении народа «защитить свои права с оружием в руках» и выражая надежду на поддержку Греции. Новый вали, фанатик-мусульманин, начал формировать отряды башибузуков для борьбы с восставшими христианами.

29 мая 1896 г. на рейде Канеи^[58] уже стояла эскадра из шести судов России, Франции, Англии и Германии. Эскадра и консульства приняли под свое покровительство иностранцев и христиан Канеи. Для решения проблем на Крите четыре державы создали даже управляющий орган — Совет адмиралов, в который вошли морские начальники кораблей,

находившихся на рейде Канеи.

В то же время шесть европейских держав через своих представителей в Константинополе предложили для успокоения острова назначить генерал-губернатором христианина, созвать Народное собрание и объявить всеобщую амнистию. Предложения эти были приняты султаном, и требуемые реформы в скором времени проведены. Сессия Народного собрания открылась 13 июля 1896 г.

Однако в Канеи вскоре возникли новые беспорядки. Турецкие власти были не в силах справиться не только с населением, но и с собственными войсками. Греция, желая использовать выгодное для нее положение, решилась на активные выступления.

В начале 1897 г. греческая эскадра под командованием принца Георга произвела морскую демонстрацию у берегов Крита. В ночь на 15 февраля между островом Теодора и полуостровом Спада высадился греческий десант в количестве 1400 человек при восьми орудиях. Командовал десантом полковник Васос. Греки начали наступление на Канию, уже занятую моряками с международной эскадры. Одновременно со стороны полуострова Акротири начали наступать на Канею инсургенты, подкрепленные греческими добровольцами. Совет адмиралов послал четыре корабля на рекогносцировку греческих позиций вблизи деревни Платанья с приказом открыть огонь по грекам в случае их наступления. Поэтому полковник Васос, опасаясь расстрела своих войск и международных осложнений, был вынужден остановиться. Инсургенты, заняв деревню Керакиес на Акротири, открыли огонь по Канею, но были рассеяны огнем эскадры, стоявшей на Канейском рейде.

Берега Крита были объявлены в блокаде, и греческие войска оказались отрезанными и лишенными боеприпасов и продовольствия. Десанты с эскадр неоднократно освобождали мусульман, заблокированных инсургентами. Адмиралы составили воззвание к инсургентам, обещая им автономию под суверенитетом Турции. Начальники инсургентов были собраны на русском броненосце «Император Александр II», где им зачитали это воззвание. На что те ответили, что будут по-прежнему добиваться присоединения Крита к Греции и «вместо того, чтобы пасть под выстрелами турок, умрут под выстрелами европейцев» (6. Т. XIII. С. 303).

В марте 1897 г. по требованию Совета адмиралов на Крит начали прибывать международные войска, и остров был разбит на зоны иностранного наблюдения. Германия не прислала войск, заявив, что не считает себя заинтересованной в критских делах, и германские корабли в скором времени были отозваны от Крита.

Крит был нашинкован, как церетелевский змий на Поклонной горе. С запада на восток шли зоны: итальянская, русская, английская и французская.

17 апреля 1897 г. Турция объявила Греции войну. Вскоре на суше греки потерпели несколько неудач. На море же сложилась любопытная ситуация. Греческий флот был крайне мал. Его костяк составляли три построенных во Франции в 1889–1891 гг. казематно-барбетных броненосца «Гидра», «Псара» и «Спетзой» (водоизмещение 4900 т, скорость 17 узлов, вооружение: три 274-мм и пять 150-мм пушек) и казематный броненосец береговой обороны «Базилеос Георгий», построенный в 1868 г. в Англии, водоизмещением 1802 т, скорость хода 12 узлов, вооружение: две 210-мм и одна 150-мм пушки (пушки Круппа были поставлены к началу 1897 г.), а также броненосный корвет и около тридцати малых судов (канонерских лодок, посыльных судов и др.). Из них следует выделить пять малых миноносцев, построенных в 1885 г. в Германии (85 т; 18 узлов; одна 37-мм пушка и три 356-мм торпедных аппарата).

Турецкий флот многократно превосходил греческий. В его составе было шестнадцать казематных броненосцев, три башенных броненосца, восемь броненосных корветов и другие суда. Но боевая подготовка личного состава турецких кораблей была явно не на уровне. И турецкие адмиралы свою армаду всю войну держали в Дарданеллах.

Греки пытались послать свои боевые корабли на Крит, но европейские страны объявили блокаду острова и грозили потопить греков, если они приблизятся к острову. Среди блокировавших остров кораблей были русские броненосцы «Император Александр II», «Наварин» и «Сисой Великий». Причем на последнем в ходе учебных стрельб 3 марта 1897 г. произошел взрыв кормовой башни. В результате чего был убит и ранен 31 человек.

За неимением лучших целей греческие корабли занялись обстрелом турецких портов и прибрежных городов.

В начале мая 1897 г. боевые действия закончились. Грекам пришлось отступить, хотя соотношение потерь было в их пользу. Всего за войну греческая армия потеряла 832 человека убитыми и 2447 ранеными, а турецкая — 999 человек убитыми и 2064 человека ранеными.

4 июля 1897 г. был заключен мир, дававший Турции несколько квадратных километров греческой территории (северные проходы в Ларисскую долину) и контрибуцию в четыре миллиона турецких франков.

Крит же остался под контролем европейских держав. В октябре 1897 г. греки создали нечто типа парламента Крита в городе Мелидоне и объявили

об автономии острова. Этим же собранием был разработан критский национальный флаг: черный крест на белом поле с белым крестом на синем поле в кружке.

В середине 1898 г. Турция сделала последнюю попытку утвердить за собой остров. В июле в Канею прибыл Джевад-паша, назначенный сначала генерал-губернатором, но вскоре смещенный на более скромный пост начальника турецких войск на Крите. Джевад-паша начал энергичные действия по восстановлению порядка и дисциплины среди турецких войск на острове. Однако неоднократные столкновения Джевад-паши с Советом адмиралов заставили султана в октябре 1898 г. отозвать его. При содействии адмиралов было организовано временное правительство острова.

В начале сентября 1898 г. в Кандии мусульманские фанатики и турецкие башибузуки учинили резню местных греков. Английский патруль, преградивший путь бунтовщикам и защищавший христиан, потерял одного офицера и тринадцать солдат убитыми и вдвое больше ранеными. Кроме того, был убит английский вице-консул и несколько сотен христиан. Прибывшие из Суды корабли из-за свежей погоды не могли высадить десант. Мятеж удалось прекратить лишь угрозой бомбардировки Кандии. Английский адмирал вызвал с Мальты значительные сухопутные силы. По его требованию были выданы зачинщики и разоружены башибузуки.

Беспорядок в Кандии заставил европейские державы предложить Турции через своих представителей в Стамбуле эвакуировать турецкие войска. 19 октября с острова отошли первые транспорты, увозившие турок в Салоники.

В конце 1898 г. по предложению европейских держав греческий принц Георг был назначен верховным комиссаром Крита, и 21 декабря он занял свой пост. С прибытием Георга ситуация на острове несколько стабилизировалась. Критяне видели в нем залог воссоединения их родины с Грецией.

Принц Георг (1869–1957) был вторым сыном греческого короля Георга I и королевы (бывшей русской княжны) Ольги Константиновны. А женат он был на Марии Бонапарт. Как видим, тут переплелись все знатные династии Европы.

Первоначально принц Георг был назначен верховным комиссаром на три года. Но позже его мандат был продлен до 1906 г. Многие западные историки считают, что выбор Георга был сделан из-за жесткого прессинга Александра III.

В 1899 г. последние турецкие части покинули Крит. Вместе с ними

уехала и значительная часть мусульман острова. В 1900 г. принц Георг представил державам, контролировавшим Крит, меморандум об объединении острова с Грецией. Однако меморандум был отклонен правительствами великих держав. В ответ на Крите начались массовые выступления населения за воссоединение с Грецией. Палата депутатов Крита официально присягнула на верность королю Георгу I и постановила заменить поднятый повсюду критский флаг на греческий.

Совет адмиралов потребовал спустить греческий флаг и попросил правительства своих стран выслать дополнительные корабли к острову. В сентябре 1906 г. Совет адмиралов вынудил принца Георга оставить пост верховного комиссара. Его заменил Заимис — бывший представитель совета министров в Греции. Спокойствие понемногу восстанавливалось, и это позволило державам начать эвакуацию своих войск. Корабли были отозваны в свои порты, и Крит остался под наблюдением генеральных консулов и стационаров.

Окончательно Крит был присоединен к Греции лишь в 1913 г. согласно Лондонскому миру.

Глава 22. Армянский вопрос и новый кризис Османской империи

В своих бедах на Балканском полуострове турки, как официальные власти, так и простой люд, винили, и не совсем безосновательно, христианское население европейской части Османской империи.

Но и в азиатской глубинке империи жили христиане. Особое раздражение у турок вызывали армяне. Армения, географически расположенная между Востоком и Западом, уже пять веков как утратила национальную независимость. Теперь большинство ее населения было разделено между Турцией, Россией и Персией. Армянское население Османской империи насчитывало около двух с половиной миллионов человек, из которых более полутора миллионов владели землями в ее шести восточных провинциях. Но ни в одной из них армяне не составляли большинства. На своей родине они повсюду жили как религиозные меньшинства среди мусульман.

Армянские национальные организации послали своих представителей в 1878 г. на Берлинский конгресс. Армяне просили назначить в восточных провинциях Малой Азии генерал-губернатора христианина, так же как это было сделано в 1861 г. в Ливане после введения автономии. Хотя данное требование и не встретило отклика, но представители держав — участниц конгресса признали потребность армян в самоуправлении и реформах в их провинциях, а также в гарантии безопасности со стороны черкесов и курдов. Берлинский конгресс вынес решение, по которому Порты обязывалась удовлетворить эти требования армян и периодически отчитываться перед державами, которые будут следить за их исполнением, о действиях, предпринятых в этом направлении.

Но султан Абдул Гамид II был категорически против выполнять подобные требования. Единственное, на что он согласился, это назначить в каждую провинцию, населенную армянами, христианского вице-губернатора. Но на деле вице-губернатор оставался безвольной марионеткой, исполняющей приказание султана и подлежащей немедленному увольнению в случае любой предпринятой им инициативы. Таких губернаторов с иронией стали величать «Эвет Эфенди», что означает «Господин «Да».

Вскоре стало ясно, что султан не намерен исполнять решения

Берлинского конгресса и подчиняться повелениям послов иностранных государств, которые подобным образом нарушали его суверенитет. Меньше всего он желал изменить что-либо к лучшему в жизни армян, которых он ненавидел и боялся. Если европейским послам удавалось заставить Абдул Гамида уволить своего чиновника за плохое обращение с армянами, то султан тут же назначал последнего на более высокий и более доходный пост.

Султан содействовал переселению мусульман с Балкан в Малую Азию, намеренно обостряя отношения между славянами, армянами, греками с одной стороны, турками и курдами — с другой.

Армяне были вынуждены защищать свои интересы. И они начали создавать местные националистические группы и тайные общества, получая поддержку от своих соплеменников из России, в основном с Кавказа, чьи концепции революции, одновременно социалистической и анархической, опережали их собственные. Вскоре они стали проникать через границу, в Эрзерум и Ван, чтобы поднять турецких армян на защиту их естественной родины.

В результате в 1881 г. в Эрзеруме была создана организация «Защитники отечества» под лозунгом «Свобода или смерть!». Цель организации — защита армян от курдов и турок. Первая действующая политическая партия — Арменакан — была основана в Ване в 1885 г. Идеи ее распространялись и за границу, что привело к созданию в Лондоне «Армянского патриотического общества Европы», стремившегося «завоевать для армян право править самими собою путем революции». Но члены партии Арменакан в достижении своих целей полагались на поддержку великих держав.

В 1887 г. в Женеве армянскими эмигрантами была основана партия марксистского типа, развившаяся впоследствии в первую в Османской империи революционную социалистическую партию. Она провозглашала идею создания единого армянского социалистического государства, выделенного из турецкой территории. Рупором партии стал издаваемый за рубежом журнал «Гнчак», т. е. «Колокол». По названию этого журнала стали называть и партию, а ее членов — «гнчакистами».

Партия эта имела широкие связи в Европе и даже в Америке. Наиболее активные ее члены проживали на Кавказе. Они организовывали вылазки на турецкую территорию и добивались свержения власти турок не только в Эрзеруме, так называемой «столице турецкой Армении», но и дальше, вплоть до Стамбула. В 1890 г. в Тифлисе была создана Армянская революционная федерация (Дашнакцутюн), члены которой стали

называться дашнаками. Вскоре дашнаки, будучи больше националистами, чем социалистами, разошлись с гнчакистами и, подняв лозунг: «Армянин больше не жалуется. Он теперь требует с оружием в руках», стали предпринимать активные действия.

Абдул Гамид II, встревоженный неподчинением своих армянских подданных, решил стравить христиан с мусульманами. Он с 1891 г. начал формировать нерегулярные войска из курдов и санкционировать их нападение на армян. Войска эти, получившие название «хамидие» («люди султана») и собранные в кавалерийские полки, уже к концу 1892 г. насчитывали около пятнадцати тысяч человек и продолжали увеличиваться.

«Люди султана» буквально терроризировали армянское население. Русские агенты в армянских областях Турции обращали внимание царского правительства на тяжелое положение армян. «Нужно быть здесь, на месте, — писал исполняющий должность российского вице-консула в Вене русскому послу в Константинополе, — чтобы судить, до каких возмутительных пределов доходит преследование турками армян» (7. С. 260).

Русский посол в Турции А. И. Нелидов^[59] в донесениях Н. К. Гирсу сообщал об усилившихся волнениях армян в Стамбуле.

Летом 1894 г. в районе Сасуна, к югу от Муша, домогательства курдских вождей превратились в организованную систему обложения армянского населения данью с помощью шантажа, они заставляли армян платить якобы «за защиту». Одновременно и турецкие власти потребовали от армян погасить все задолженности по государственным налогам, накопившиеся за последние несколько лет. Армяне отказались платить, и тогда в район Сасуна были направлены правительственные турецкие войска. В тесном взаимодействии с курдскими племенами они стали без разбора убивать армян. Солдаты охотились на армян, «как на диких зверей», преследуя их по всему району. В плен никого не брали, мужчин закалывали штыками, насиловали женщин, разбивали о камни их детей, сжигали дотла деревни, из которых они бежали. За эту операцию турецкий командир Зеки-паша получил от султана большие наградные.

Известия о массовых убийствах армян вызвали в Европе возмущение общественности. Этим воспользовалась британская дипломатия и в конце 1894 г. предложила России оккупировать Турецкую Армению, а за это Россия должна была признать права Англии на Египет. Российский МИД отказался от подобного предложения. Формально оно было выгодно России, ведь Египет и так находился под контролем англичан, но занятие Турецкой Армении всерьез и надолго поссорило бы царя с султаном, чего,

собственно, и добивался Альбион. Целью же России был контроль над Проливами, а не приращение территории в Малой Азии. Да и что царю пришлось бы делать с «собранными до кучи армянами»? Давать им независимость и создавать буферное государство между Россией и Турцией, в котором будет сильно западное, а особенно английское влияние?

Получив отказ России, британское правительство предложило создать международную комиссию по расследованию событий в Сасуне. Однако Абдул Гамид, желая скрыть зверства в Армении, отверг проект Англии, но под давлением европейской общественности вынужден был согласиться на создание турецкой комиссии с участием английского консула. Это вызвало противодействие со стороны России и Франции, требовавших присутствия в комиссии и своих представителей. Французский посол в Стамбуле обратил внимание султана на опасность присутствия в комиссии одного только английского консула, который без контроля со стороны других великих держав мог бы стать хозяином положения, и предложил привлечь к участию в комиссии французского и русского консулов, находившихся в Эрзеруме.

Британское правительство, добиваясь единства с Россией и Францией, пригласило их правительство принять участие в расследовании событий в Сасуне. Русское правительство, «не желая оставлять решение этого вопроса на рассмотрение одной Англии, а также не предвидя оппозиции со стороны Турции» (7. С. 262), приняло предложение британского кабинета.

Однако султан фактически саботировал работу комиссии. В это время армяне под предводительством гнчакистов Яровели демонстрацию, пройдя маршем по Стамбулу, чтобы вручить турецкому правительству петицию, в которой выражался протест и содержались требования реформы. Несмотря на советы патриарха армян проявлять сдержанность, демонстранты вышли из повиновения, когда один из них выкрикнул: «Свобода или смерть!» Лозунг был поддержан остальными, крики перешли в революционную песню, вмешалась полиция. В результате несколько демонстрантов было убито. Одновременно фанатики-мусульмане стали рыскать по улицам Стамбула, разыскивая и убивая армян. В последующие несколько дней армяне вынуждены были укрываться в своих церквях и выходить оттуда только под гарантии безопасности со стороны посольств иностранных государств.

В эти же дни поступило сообщение от капитана иностранного судна о массовых убийствах армян в Трабзоне (Трапезунде). Он видел, как турки на лодках убивали веслами армян, пытавшихся вплавь добраться до его судна. В Трабзоне было убито около тысячи армян, многие сожжены в своих

домах заживо, лавки и магазины армян разграблены и сожжены.

Все эти террористические мероприятия против армян не были стихийными, они планировались заранее и были хорошо организованы. Все акты насилия начинались и заканчивались сигналом горна, как и любая заранее подготовленная акция. Это была официальная кампания с применением оружия против армян как против иностранного врага, скоординированная между вооруженными силами, расположенными в армянских центрах шести восточных провинций. Тактика террористических мероприятий основывалась на принципе разжигать религиозный фанатизм среди мусульманского населения. Абдул Гамид снабдил агентов, направленных в Армению, конкретными руководствами к действию. Согласно инструкции султана его агенты сначала собирали мусульманское население в самой крупной мечети города, затем объявляли от имени султана, что армяне подняли всеобщее восстание с целью нанести удар по исламу. Султан обязывал подданных добропорядочных мусульман защищать свою веру против «неверных» мятежников и предлагал обсудить заповедь святого закона, по которому присвоение верующими имущества «неверных» не является грабежом, тем самым поощряя мусульман обогащаться во имя своей веры за счет своих соседей-христиан, а в случае сопротивления убивать их. В результате по всей Армении развернулось «нападение все увеличивающейся стаи волков на овцу».

Абдул Гамид настолько извратил мусульманские принципы, что силой оружия заставил своих противников сделать выбор между смертью и обращением в ислам. Многие христианские семьи в деревнях ради спасения жизни отказывались от своей веры, теряя при этом независимость членов христианского сообщества.

Руководил террором против христианского населения советник султана Шакир-паша, бывший посол в Петербурге. Официально он занимал должность «инспектора отдельных округов в провинциях Азиатской Турции». В действительности же он занимался планированием и исполнением массовых убийств в каждом округе. Шакир-паша стремился уничтожить как можно больше армян-христиан с целью экспроприации их земель в пользу турок-мусульман.

Каждая операция между сигналами горна проходила по одинаковому сценарию. Сначала в город вводились турецкие войска с целью организации резни. Затем приходили нерегулярные части курдов и курдские племена с целью грабежа. Начинались убийства, грабежи и поджоги. Пытавшихся спастись бегством армян преследовали,

прочесывали окрестности и деревни. За зиму 1895 г. в двадцати района Восточной Турции было уничтожено значительное число армянских семей, а имущество их и земли переданы в собственность мусульманам.

В каждом из тринадцати крупных городов Восточной Турции число погибших армян исчислялось четырехзначными цифрами. В Эрзеруме мусульмане разграбили и разрушили базар, насчитывавший тысячу лавок и магазинов, а на следующий день в общей могиле было захоронено около трехсот христиан.

В городе Урфа армяне составляли треть населения. Резня там была особенно чудовищной. В конце 1895 г. мусульмане два месяца осаждали армянский квартал. В декабре знатные армяне, собравшись в кафедральном соборе, составили заявление с требованием официальной защиты со стороны турецких властей. Турецкий офицер пообещал такую защиту и под этим предлогом окружил собор. Затем большой турецкий отряд в сопровождении толпы мусульман прошел через армянский квартал, грабя все дома подряд и убивая всех мужчин. Большая группа молодых армян была доставлена к шейху. Он приказал бросить их на землю лицом вверх и держать за руки и за ноги и, по словам очевидца, прочитал им стихи из Корана, а затем «перерезал им всем горло подобно тому, как в Мекке осуществлялся обряд принесения в жертву овцы» (69. С. 608).

Когда вечером звук горна оповестил о завершении операции, около трех тысяч армян попытались укрыться в кафедральном соборе. Но на следующее утро, в воскресенье, толпа фанатиков-мусульман ворвалась в собор и с криками: «Зовите Христа, пусть он докажет, что он больше пророк, чем Мухаммед» — принялись грабить и разрушать алтарь. Затем мусульмане притащили груды соломенных циновок, разложили их в соборе на носилках для трупов, облили нефтью и подожгли. Все находившиеся в соборе армяне погибли в пламени. Вскоре горн оповестил об окончании операции, чиновники прошли по армянскому кварталу, обещая, что убийств больше не будет.

В эти дни в Урфе турецкие солдаты и фанатики-мусульмане полностью вырезали 126 армянских семей, а общее число жертв, включая сгоревших в кафедральном соборе, достигло восьми тысяч человек.

Только в одном случае армяне выступили в роли нападающей стороны. Произошло это в крепости Зейтун, расположенной в горах в бывшей провинции Киликии. Отряд армян напал на турецкий отряд, выбил из крепости турецкий гарнизон и захватил 400 пленных. Затем армяне переоделись в турецкую военную форму, вошли в близлежащий турецкий городок, разграбили и сожгли его, после чего стали практически

контролировать округ. Турки направили к Зейтуну большие силы регулярных войск, подвергли крепость обстрелу, но армяне уже ушли из нее.

А тем временем армянская община в Стамбуле обратилась к послам иностранных государств с просьбой о посредничестве. В результате удалось договориться с турецкими властями, что все турки и армяне, находившиеся в округе, должны сложить оружие и тогда будут амнистированы.

28 августа 1896 г. группа армян вошла в здание Османского банка — главного банка империи. Сопровождавшие их носильщики несли большие сумки якобы с золотыми и серебряными монетами. Но тут раздался свисток, и в банк ворвались 25 вооруженных человек, они открыли стрельбу в воздух и продемонстрировали, что сумки набиты бомбами, патронами и динамитом.

Вошедшие объявили, что они не грабители, а армянские патриоты и хотят привлечь внимание европейских посольств, предъявив им свои требования и жалобы, изложенные в двух документах. В документах этих выдвигались требования политической реформы и говорилось, что если в течение сорока восьми часов не произойдет иностранного вмешательства, то армяне «не остановятся перед жертвами» и взорвут банк.

Генеральному директору Османского банка англичанину Эдгару Винсенту удалось незамеченным выбраться из банка через люк в застекленной крыше. Он сразу отправился в министерство иностранных дел и добился там гарантии, что полиция не предпримет против армян никаких действий, пока те находятся в помещении банка. Это дало возможность начать переговоры. Вел переговоры первый переводчик русского посольства. Он добился от султана помилования армянским патриотам, и они, получив заверения в том, что переговоры состоятся, при оружии, но, оставив бомбы, покинули банк и спокойно проследовали на борт яхты Эдгара Винсента, чтобы затем быть высланными во Францию.

Султан Абдул Гамид II не желал спорить с англичанами, но отдал приказ учинить в столице расправу над армянским населением. В течение двух дней улицы Константинополя были залиты кровью. Толпы солдат и фанатиков-мусульман грабили и убивали армян. Всего было убито около шести тысяч человек. На второй день бойни представители европейских держав предъявили султану протест. Британская эскадра покинула Мальту и подошла к Дарданеллам.

Султан был сильно встревожен этим обстоятельством и обратился к русскому послу А. И. Нелидову. Он просил выяснить, чего хотят англичане,

и требовал срочного ответа. Нелидов доносил в Россию: «В общих выражениях он (султан) говорит о соглашении с нами о совместной защите Дарданелл. Но, зная его двуличие, я полагаю, что не следует вступать на этот путь, если только он... не укажет сам точных основ соглашения». В следующей телеграмме Нелидов, пытавшийся сохранить осторожность и сдержанность, все же выдает свое волнение: «Я не могу не обратить самым настойчивым образом внимание императорского правительства на огромную опасность, которую представила бы для нас европейская акция на Босфоре, которая навсегда заперла бы нас в Черном море».^[60]

Опасения Петербурга в отношении намерений британского кабинета отнюдь не были беспочвенны. Англичане в 1882–1885 гг. заняли Египет и Судан. В 1882–1888 гг. под «опеку» Англии попал весь юг Аравийского полуострова от Адена до Катара. Остров Кипр был оккупирован еще в 1878 г.

Летом 1895 г. премьер-министром стал лорд Солсбери. Лорд был настроен крайне воинственно и немедленно предложил план раздела Османской империи. Согласно плану Солсбери Англия получала Месопотамию, всю Аравию, остров Крит и брала под контроль Черноморские проливы. Италии, которая уже тогда начала говорить о «нашем море», т. е. об обращении Средиземного моря в «Итальянское озеро», Солсбери предложил отдать в качестве отступного две области Османской империи — Триполитанию (современную Ливию) и Албанию. Но на Албанию уже имела виды Австро-Венгрия, которую решительно поддержала Германия. Узнав, что передача Албании итальянцам считается в Германии неприемлемой, Солсбери дал понять, что может дать компенсации Италии в других местах, например в Марокко и даже в Тунисе, т. е. за счет Франции.

В ноябре 1895 г. Солсбери предложил ввести британскую эскадру в Мраморное море. Кабинет министров безоговорочно поддержал своего премьера. Королева Виктория с энтузиазмом отнеслась к этому предложению. Напомню, что британскую королеву Николай II звал бабушкой, поскольку он был женат на ее внучке Алисе Гессенской. Но, увы, категорически против операции выступил первый лорд Адмиралтейства Гошен. Он заявил, что, войдя в Мраморное море, флот окажется запертым, как в мышеловке, между французской и русской эскадрами. Солсбери ворчливо ответил Гошену, что если его корабли сделаны из стекла, то понятно, что придется изменить политику.

Замечу, что опасения Гошена насчет французского флота, второго после английского по величине, были вполне обоснованны. Франция была

крайне недовольна оккупацией Египта, на который она сама имела виды еще со времен короля Людовика XIV и генерала Бонапарта. Назревал англо-французский конфликт в верховьях Нила, и, наконец, Франция вряд ли пожелала бы отдать Марокко и Тунис.

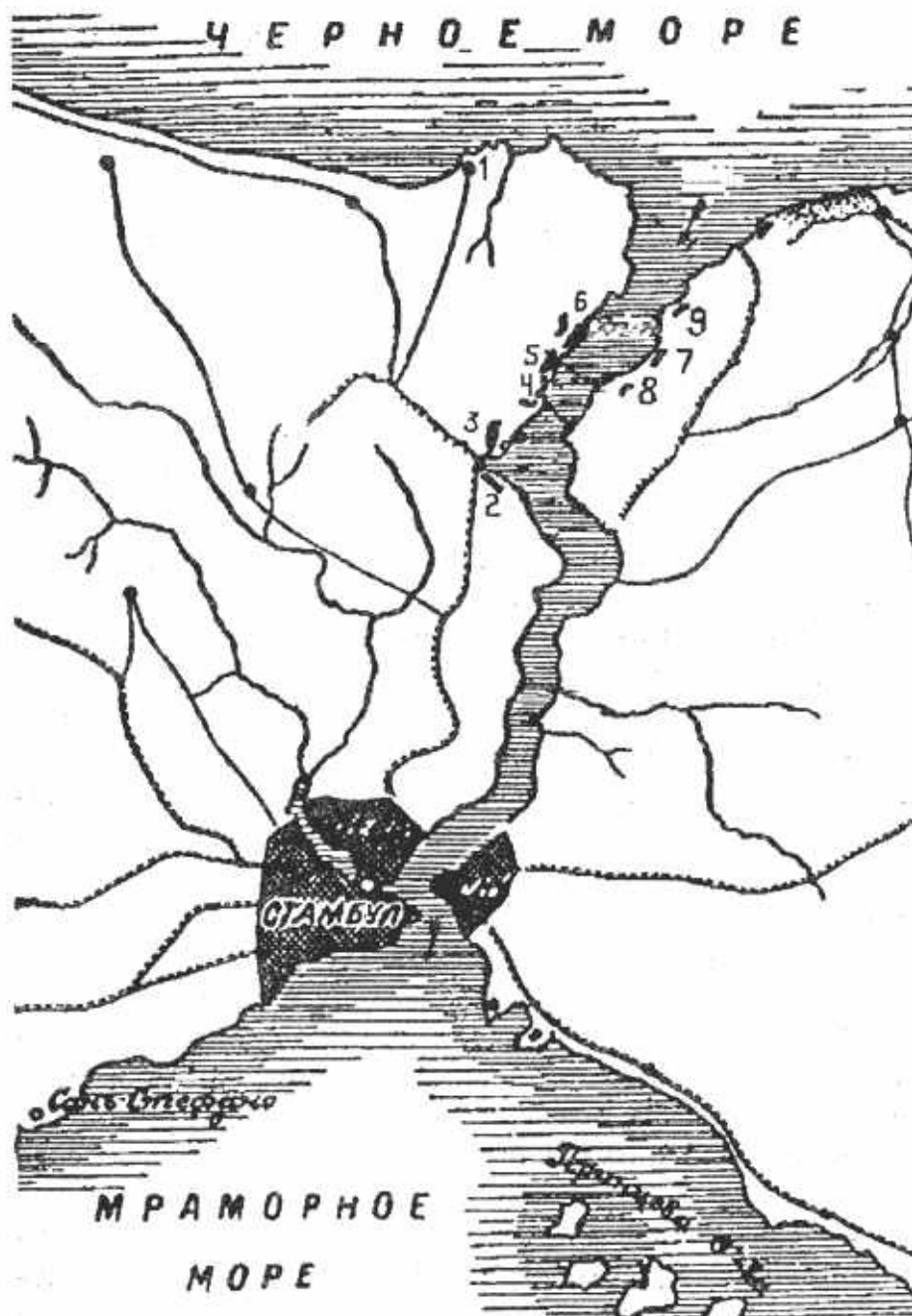
И вот через год Англия вновь готовится к вторжению в Проливы, благо расправы над греками и армянами давали для этого достаточно поводов. Британская пресса начала массированную кампанию за вмешательство в турецкие дела. Бывший премьер-министр Гладстон, которому было уже 86 лет, сделал в Ливерпуле программное заявление против «непредсказуемого Турка», империя которого заслуживала того, чтобы «быть стертой с карты мира» как «позор цивилизации» и «проклятие человечества». Он заклеил султана как «Абдула Великого Убийцу».

В Петербурге ждали вторжения англичан в Проливы буквально со дня на день, и Николай II принимает решение опередить вероятного противника и занять Босфор, а по возможности и Дарданеллы. И это было не волюнтаристское решение, а реализация заранее продуманного плана.

Глава 23. Несостоявшийся русский десант в Босфор

Анализ боевых действий русских войск в ходе войны 1877–1878 гг. показал, как долог и труден поход к Стамбулу сухим путем. Между тем даже тихоходный грузовой пароход, выйдя из Севастополя, через два-три дня будет уже в Босфоре. Кроме того, появление британского флота в Проливах и у черноморских берегов России стало кошмаром для руководства Военного и Морского ведомств.

Единственным решением обеих проблем сразу мог стать захват Россией обоих проливов или, по крайней мере, Босфора.

Пролив Босфор и турецкие береговые батареи (начало XX в.):
 1 — Килия; 2 — Киречь-Кени; 3 — Телли-Табия; 4 — Румели-Кавак;
 5 — Сары-Таш; 6 — Беюк-Лиман; 7 — Анатоли-Кивак; 8 — Маджар-
 Кале; 9 — Филь-Бурун

В сентябре 1879 г. в Ливадии состоялось совещание высших сановников под председательством Александра II, на котором обсуждался вопрос о возможной судьбе Проливов в случае распада Османской

империи. Как писал участник совещания дипломат П. А. Сабуров, Россия не могла допустить двух вещей: расширения Австро-Венгрии на Балканах и «постоянной оккупации Проливов Англией». Была намечена задача: «овладение Проливами в случае, если обстоятельства приведут к уничтожению турецкого господства в Европе» (54. Т. I. С. 112). В качестве союзника России называлась Германия, которой взамен предлагалось гарантировать сохранение в ее составе Эльзаса и Лотарингии. Решения этого совещания стали основой инструкций направленному в Берлин для переговоров П. А. Сабурову.

Россия добивалась от Германии и Австро-Венгрии признания принципа закрытия Проливов для военных судов всех государств, а в случае нарушения этого принципа Портой — предупреждения ее о невозможности гарантировать территориальную целостность, обеспеченную Берлинским трактатом. Австро-Венгрия, вначале активно выступавшая против введения этого принципа, под давлением Бисмарка вынуждена была уступить.

Секретный австро-русско-германский договор был подписан 6 (17) июня 1881 г. Подобно договору 1873 г. он получил звучное название «Союза трех императоров», хотя скорее это было всего лишь соглашение о нейтралитете, который договаривающиеся стороны обязывались соблюдать в случае возникновения военного конфликта одной из них с четвертой великой державой.

3-я статья договора гласила: «Три двора признают европейское значение и взаимную обязательность принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл для военных кораблей, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и формулированного в декларации второго уполномоченного России в заседании Берлинского конгресса от 12 июля (протокол № 19)» (49. С. 229).

Статья эта означала, что Германия и Австро-Венгрия присоединились к русскому толкованию принципа закрытия Проливов и отклонили английский вариант, согласно которому державы обязывались соблюдать принцип закрытия Проливов только перед султаном, но не друг перед другом и только в том случае, если этот принцип будет выражен в «свободно принятом» решении султана. Присоединившись к точке зрения России, Германия и Австро-Венгрия отвергли тем самым право Англии вводить свой флот в Проливы и Черное море по соглашению с Турцией.

В этой же статье говорилось, что Россия, Германия и Австро-Венгрия будут вместе следить за тем, чтобы Турция не допускала исключения из общего правила и не предоставляла территорию Проливов для действий

какой-либо воюющей державы. В случае нарушения этого условия или для его предотвращения в будущем, если бы предвиделась такая возможность, три державы обязывались предупредить Турцию, что они будут считать ее в состоянии войны с той державой, в ущерб которой будет нарушен принцип закрытия Проливов, и что с этого момента Турция лишается гарантий ее территориальной неприкосновенности, данных Берлинским трактатом.

Таким образом, 3-я статья договора обеспечивала России гарантию дипломатического содействия со стороны Германии и Австро-Венгрии в недопущении пропуска султаном английского военного флота в Черное море.

Однако этот договор держался исключительно на согласии трех держав, а между ними периодически возникали серьезные противоречия, в частности, у России с Австрией по поводу Балканских дел и у России с Германией из-за Франции. Кроме того, если бы султан даже и пожелал воспрепятствовать проходу британской эскадры через проливы, у него явно не хватило бы средств для этого.

В августе 1881 г. в Петербурге состоялось особое совещание, касавшееся вопроса будущего развития флота, где была принята долгосрочная кораблестроительная программа. Было принято постановление: «Первою заботой по восстановлению морских сил должно быть возрождение Черноморского флота, а затем уже и развитие флота и на других морях» (42. С. 227). Участники совещания решили, что Россия должна быть готова к тому, «чтобы в момент наступления развязки овладеть устьями Босфора, укрепиться на обоих его берегах и, став прочно у входа в Черное море, оградить его воды и берега от всякого посягательства» (42. С. 227). Для этого было признано необходимым достичь преимущества Черноморского флота над турецким и увеличить количество транспортных судов с тем, чтобы в случае необходимости доставить к Босфору тридцатитысячный десант. В 1883 г. в Николаеве и Севастополе закладываются три однотипных броненосца «Екатерина II», «Чесма» и «Синоп» водоизмещением 11 050 т со скоростью хода 16 узлов. Это были первые крупные военные суда, заложенные на Черном море после Парижского мира. И это при том, что ограничения Парижского мира на строительство кораблей были отменены еще в 1870 г. Несколько позже, в 1891 г., заложили близкий к ним по типу броненосец «Георгий Победоносец».

Все эти броненосцы отличало необычное расположение артиллерии. Шесть 305-мм пушек были расположены в трех барбетных установках, две на носу и одна на корме. Броненосцы всех стран были спроектированы так,

чтобы обеспечить максимальную мощь огня на борт. Кстати, корабли даже характеризовались весом бортового залпа (точнее, весом снарядов). У русских же броненосцев типа «Екатерина II» на борт могло стрелять только четыре из шести 305-мм орудий. Зато вперед могли вести огонь четыре 305-мм пушки. Дело в том, что эти броненосцы были специально спроектированы для встречного боя в Проливах. Во встречном бою огневая мощь «Екатерины II» была по меньшей мере в два раза больше, чем у любого английского, французского или немецкого броненосца.

«Екатерина II» и «Синоп» имели на вооружении шесть 305-мм орудий длиной 30 калибров, а «Чесма» и «Георгий Победоносец» — шесть 305-мм орудий длиной в 35 калибров с лучшей баллистикой. Артиллерия среднего калибра состояла из семи 152/35-мм пушек. Артиллерия малого калибра состояла из двух 2,5-дюймовых десантных пушек Барановского и двенадцати — двадцати 37-мм и 47-мм пушек Гочкиса. Броненосец «Екатерина II» вошел в строй в 1888 г., «Синоп» и «Чесма» — в 1889 г., а «Георгий Победоносец» — в 1893 г.

Остальные броненосцы, поступившие на Черноморский флот в конце XIX в., представляли собой совершенно разнотипные конструкции. В 1889 г. был заложен и в 1892 г. вошел в строй «малый» броненосец «Двенадцать Апостолов». Водоизмещение его было 8433 т, скорость хода на пробе 15,7 узлов. Вооружение его состояло из четырех 305/30-мм пушек в двух барбетных установках и четырех 152/35-мм пушек в бортовых казематах. Малокалиберная артиллерия представлена двумя пушками Барановского и двадцатью шестью 37-мм и 47-мм пушками Гочкиса.

В 1891 г. был заложен и в 1895 г. вошел в строй броненосец «Три Святителя» водоизмещением 13 318 т со скоростью хода 16 узлов. Главный калибр был представлен четырьмя новыми мощными 305/40-мм пушками в двух башенных установках, а средний калибр — новыми патронными пушками Кане: восемью 152/45-мм и четырьмя 120/45-мм. Постановка на броненосец разнокалиберных орудий была явной глупостью наших адмиралов, которую исправили в 1912 г., когда 120-мм пушки были убраны и заменены 152-мм. Артиллерия малого калибра была приблизительно та же, что и на предшествующих броненосцах. Орудиям малого калибра я уделяю мало внимания потому, что эффективность их была невелика, и к 1914 г. от пушек Барановского и Гочкиса во флоте почти избавились. «Почти» потому, что часть 47-мм пушек Гочкиса была переделана в зенитные. Число и тип малокалиберных орудий менялись от кампании к кампании.

В 1895 г. был заложен и в 1899 г. вошел в строй броненосец

«Ростислав» водоизмещением 10 140 т и со скоростью 15,4 узла. Вооружение броненосца состояло из четырех 254/45-мм орудий, помещенных в двух башнях, и восьми 152/45-мм пушек Кане в четырех башнях, расположенных побортно. Артиллерия малого калибра состояла из стандартного набора: двух пушек Барановского и двадцати шести 37-мм и 47-мм пушек Гочкиса. В 1910 г. все орудия малого калибра убрали, установив взамен четыре 75/50-мм пушки Кане.

В марте 1882 г. в строй Черноморского флота был введен крейсер «Память Меркурия», переоборудованный из парохода Добровольного флота «Ярославль». Пароход «Ярославль» был построен во Франции как коммерческое судно, что дало возможность провести его через Проливы на Черноморский флот. Водоизмещение крейсера составляло 3050 т, скорость хода 14–16 узлов (в зависимости от загрузки). Крейсер был вооружен шестью 152/28-мм пушками, четырьмя 9-фунтовыми пушками обр. 1877 г. и шестью малокалиберными пушками. Кроме того, имелось четыре поворотных однотрубных торпедных аппарата. В перегруз крейсер мог брать до 180 мин заграждения.

Аналогично в 1891 г. в Швеции были построены два транспорта «Буг» и «Дунай». В декабре того же года «Буг» прибыл в Севастополь, а в апреле 1892 г. пришел и «Дунай». Здесь оба транспорта были переделаны в минные заградители или, по тогдашней терминологии, в минные транспорты. Полное проектное водоизмещение «Буга» и «Дуная» составляло 1360 т, скорость хода 13–14 узлов. Вооружение состояло из десяти 47-мм и четырех 37-мм пушек Гочкиса. Запас мин заграждения — 425 штук.

С 1889 г. по 1893 г. вступили в строй Черноморского флота три минных крейсера — «Капитан Сакен», «Казарский» и «Гридень». Водоизмещение «Капитана Сакена» — 742 т, остальных — 400 т; скорость 21–22 узла. Вооружение: шесть 47-мм и три 37-мм пушки Гочкиса, а также два торпедных аппарата.

С 1880 г. по 1896 г. вошли в строй 22 малых миноносца водоизмещением от 50 до 120 т, вооруженных двумя 37-мм пушками и двумя-тремя торпедными аппаратами.

В 1886–1889 гг. было построено шесть канонерских лодок — «Кубанец», «Терец», «Уралец», «Запорожец», «Черноморец» и «Донец» (по наименованиям казачьих войск). Их водоизмещение 1224 т, скорость 13–14 узлов. Первоначально вооружение состояло из двух 203/35-мм и одной 152/35-мм пушек, а также двух торпедных аппаратов. Позже часть канонерских лодок получила более современное вооружение: две 152/45-

мм и одну 120/45-мм пушки Кане. В 1905 г. был перевооружен «Уралец», в 1911 г. — «Кубанец», в 1912 г. — «Донец» и в 1916 г. — «Терец». «Запорожец» и «Черноморец» были исключены из состава флота в 1911 г., а «Уралец» погиб в 1913 г. в результате навигационной аварии.

Таким образом, к концу века Черноморский флот по огневой мощи многократно превосходил турецкий флот. А корабельный состав флота показывал, что флот готовится к решительным наступательным задачам — высадке десанта и встречному бою в Проливах. Тем не менее вероятный противник — британская Средиземноморская эскадра — превосходил Черноморский флот по числу броненосцев. Так, в 1896 г. британская эскадра на Мальте состояла из одиннадцати броненосцев. В их числе были: новые барбетные «Рамиллиес» и «Ривендж», их башенный аналог «Худ» (все водоизмещением по 14 150 т, скорость хода 15,5 узлов, вооружение: 4–343-мм и 10–152-мм орудий); малый броненосец «Барфлер» (водоизмещение 10 500 т, скорость 17 узлов, вооружение: 4–254-мм и 10–120-мм орудий); башенные «Найл» и «Трафальгар» (оба имели водоизмещение 12 590 т, скорость 15 узлов, вооружение: 4–343-мм и 6–120-мм орудий); пять барбетных типа «Адмирал» («Коллингвуд» водоизмещением 9500 т., скорость 15 узлов, вооружение: 4–305-мм и 6–152-мм орудий; остальные имели водоизмещение по 10 600 т, скорость 15,7 узлов, вооружение: 4–343-мм и 6–152-мм орудий).

Чтобы компенсировать превосходство англичан в броненосцах, русское командование планировало внезапный захват Босфора, а если повезет, и Дарданелл. Затем следовали заграждение Проливов минами и установка на берегах тяжелых артиллерийских орудий.

Специально для этого был учрежден «особый запас». Он создавался в условиях полной секретности, и даже в закрытых документах для высших офицеров его назначение по возможности не раскрывалось. Первоначально в составе «особого запаса» были тяжелые береговые орудия (штатные для береговых крепостей) и некоторое количество полевых орудий. Так, в 1894 г. только в Одессе в «особом запасе» состояли: 11-дюймовых (280-мм) береговых пушек — 5; 9-дюймовых (229-мм) береговых пушек — 10; 6-дюймовых (152-мм) пушек весом 190 пудов — 7; 107-мм батарейных пушек — 20; 9-дюймовых (229-мм) береговых мортир — 36. Итого 78 орудий.

Весной 1895 г. решили исключить из «особого запаса» 11-дюймовые и 9-дюймовые береговые пушки и иметь орудия меньших калибров: 9-дюймовых (229-мм) береговых мортир — 36; 9-дюймовых (229-мм) легких мортир — 20; 6-дюймовых (152/45-мм) пушек Кане — 10; 6-дюймовых

(152-мм) пушек весом в 190 пудов — 20; 6-дюймовых (152-мм) пушек весом в 120 пудов — 20; 57-мм береговых пушек Норденфельда — 10. Итого: 116 пушек и мортир и 24 пулемета Максима.

В 1896 г. на изготовление недостающих 44 9-дюймовых мортир, шести 6-дюймовых пушек Кане, четырех 57-мм пушек Норденфельда и 24 пулеметов Максима для «особого запаса» было отпущено сверх кредита 2 193 500 рублей. Вместо тяжелых 11-дюймовых пушек и 9-дюймовых береговых мортир, сборка и установка которых требовала больших временных затрат, в «особый запас» в середине 90-х годов стали поступать 9-дюймовые легкие мортиры. Такую мортиру можно было перевозить на двух повозках по десять лошадей каждая и установить на деревянном основании за несколько часов. Но длина канала 9-дюймовой легкой мортиры была всего 6 калибров, а дальность стрельбы 3 км (для сравнения, дальность стрельбы гранатой 87-мм полевой пушки обр. 1877 г. была 6,4 км). Тяжелое орудие с дальностью стрельбы 3 км не было пригодно ни для осадной, ни для крепостной артиллерии. Единственное место, где имело смысл применять такие орудия, — узкий пролив, где их 140-килограммовые снаряды, снаряженные 16,2 кг пироксилина, легко могли пробить палубы новейших английских броненосцев: 76-мм «Ройял Оука» или 65-мм «Центуриона».

В зону Проливов под видом дипломатов и туристов периодически направлялись офицеры русского Генерального штаба. В середине 1881 г. капитан 2 ранга Степан Осипович Макаров был отозван с Каспия, где он командовал флотилией, обеспечивавшей боевые действия в Закаспийском крае.

Макарову было тогда 32 года, служебная карьера шла блестяще, за успехи в Русско-турецкой войне в сентябре 1877 г. он был произведен в капитан-лейтенанты, а в январе 1878 г. уже стал капитаном 2 ранга. Степан Осипович ехал в Петербург с надеждой начать проектирование миноносца нового типа, о котором давно мечтал, но в октябре 1881 г. его определили командиром стационара «Тамань» в Константинополь. «Тамань» — маленький колесный пароходик постройки 1849 г., вооружение его состояло из двух малокалиберных 4-фунтовых пушек. Офицер уже успел флотилией покомандовать, а ему под начало какую-то лайбу! Что это — опала? Но почему тогда в январе 1882 г. Макарова производят в капитаны 1 ранга?

О Макарове написано много, но пребывание в Константинополе освещено явно неполно. Создавалось впечатление, что его отправили туда на отдых. «У Макарова появилась возможность отдохнуть от вечно

напряженной обстановки, обычной на военном корабле. Но бездеятельность Макаров не любил...» — так объяснял один из советских авторов причину того, что в течение нескольких недель Макаров на шлюпке или на «Тамани» скрупулезно исследовал Босфор. Речь шла якобы о чисто научных целях — изучении двух противоположных течений, существующих в проливе на разных глубинах. Однако любопытно, что Степан Осипович старался проводить эти исследования в сумерках, не привлекая внимания. Даже простые гидрографические исследования в стратегически важном проливе следовало бы делать, получив разрешение турецкой стороны. В противном случае это уже не научные, а разведывательные акции... И только ли глубоководные течения изучал Макаров? Кому нужны эти течения?

Да, вроде бы никому, кроме тех, кто собирается ставить в Босфоре минные заграждения. Теперь уже не стоит «стесняться» того факта, что С. О. Макаров вел разведку: изучал возможности действия боевых кораблей в проливе, возможные места высадки десантов и минных постановок. Вот за успешное выполнение этого задания он и получил досрочно чин капитана 1 ранга.

Одним из организаторов плана захвата Проливов стал сотрудник русского посольства в Константинополе А. И. Нелидов. В декабре 1882 г. Нелидов представил Александру III записку «О занятии Проливов». В записке указывалось на нестабильное положение Османской империи и возможность ее распада, что таило угрозу позициям России на Балканах и ее причерноморским владениям. Нелидов выдвигал, в зависимости от обстановки, три варианта занятия проливов: 1) открытой силой во время Русско-турецкой войны; 2) неожиданным нападением при внутренних сложностях с Турцией или внешней опасности; 3) мирным путем с помощью союза с Портой.

Последний вариант был вполне реалистичен, поскольку султан Абдул Гамид, напуганный британской агрессией, сам предложил России вступить в соглашение по вопросу о Проливах. Поэтому именно этот вариант Александр III посчитал наиболее желательным.

В июле 1883 г. по высочайшему повелению Нелидов становится полномочным послом России в Турции.

В январе 1885 г. Нелидов подал Александру III новую записку «О задачах русской политики в Турции». Указывая на враждебные России действия европейских держав, на их все более активную экспансию в Малой Азии, Нелидов указывал на настоятельную необходимость занятия Босфора и даже Дарданелл. По мнению Нелидова, предпочтителен был

мирный путь, основанный на договоренности (подкупе?) с турецкими чиновниками.

В сентябре 1885 г. Александр III направил начальнику Генштаба Н. Н. Обручеву письмо, где заявлял, что главная цель России — занятие Константинополя и Проливов. Император писал: «Что касается собственно Проливов, то, конечно, время еще не наступило, но надо быть готовыми к этому и приготовить все средства. Только из-за этого вопроса я соглашаюсь вести войну на Балканском полуострове, потому что он для России необходим и действительно полезен» (42. С. 232). По сути дела это было поручение Обручеву готовиться к войне.

В октябре 1885 г. Военное и Морское министерства совместно подготовили доклад об организации десантного отряда и обеспечении его транспортными средствами. Причем, по мнению авторов доклада, подготовка этого отряда не должна была вызвать трудностей, поскольку отряд планировалось сформировать на основе двух пехотных дивизий Одесского военного округа. Транспортные средства, предоставляемые Черноморским пароходным обществом и Добровольным флотом, также признавались достаточными.

В 1886 г. Александр III приехал в Москву. На встрече его московский городской голова Н.А. Алексеев, не мудрствуя лукаво, призвал царя водрузить крест на Святой Софии. При этом Алексеев не только не был наказан, но получил от царя орден Анны 2-й степени, а речь его по царскому указу была полностью напечатана в газетах, к ужасу министра иностранных дел Гирса.

В июне 1895 г. в Петербурге состоялось совещание, рассмотревшее ход выполнения программы строительства Черноморского флота. Военные заявили о готовности к занятию Верхнего Босфора 35-тысячным десантом. Право свободного прохода русского флота через Дарданеллы предполагалось получить потом дипломатическим путем.

Следует заметить, что министр иностранных дел Гирс и большинство его подчиненных были против десанта в Босфор и всеми силами вставляли палки в колеса этому проекту. Против была и часть черноморских морских начальников, которые, манипулируя цифрами, доказывали, что Черноморский флот мог за один рейс перевезти не 35 тыс. человек, а только 8 тыс. Это было откровенным враньем, или, по терминологии 30-х годов XX в., вредительством. В случае мобилизации частных торговых судов флот мог за один рейс перевезти не 8 тыс. и не 35, а как минимум 100 (сто!) тыс. человек. Вспомним, что в 1920 г. Врангель за один рейс на 132 плавсредствах, многие из которых не имели хода и шли на буксирах, вывез

в Стамбул 146 тыс. человек (из них 29 тыс. гражданских лиц) (45. С. 256). И это в ноябре, т. е. в самый неблагоприятный, с точки зрения погодных условий, период. Причем машины судов были крайне изношены в ходе непрерывных боевых действий с 1914 по 1920 г. и отсутствия необходимого ремонта. Подавляющее большинство матросов и кондукторов и большинство офицеров покинули суда еще в 1918–1919 гг., и к 1920 г. чуть ли на 90 % экипажи судов составляли офицеры, студенты, гимназисты и т. д., не имевшие никакого понятия о морском деле. Эвакуация проходила буквально под огнем красных. И, несмотря на все, эвакуация прошла удачно. Потерян был лишь миноносец «Живой», машины которого были неисправны, и он шел на буксире.

К 1895 г. турецкий флот находился в полнейшем упадке. С 1878 и до 1914 г. турецкие боевые корабли ни разу не выходили в Черное море.

До 1905 г. Босфорский пролив защищали только шесть береговых батарей, причем большинство их орудий были установлены открыто за земляными брустверами. Батареи находились на самом берегу пролива, почти у уреза воды. Расстрел их русскими броненосцами не составил бы особого труда. Но это скорее всего стало бы излишним. Моральный дух турок был слаб, и в случае внезапного нападения они просто не оказали бы сопротивления.

Наконец, рядом с Босфором на обоих берегах Черного моря не было ни войск, ни противодесантных укреплений, не считая неудачно расположенных древних фортов Килия и Альмаз, т. е. при необходимости десант мог легко высадиться в нескольких верстах от входа в пролив.

1 ноября 1895 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховский поддержал Англию и предложил европейским державам ввести в проливы эскадры, «невзирая на протест и сопротивление оттоманского правительства».

Аналитики русского Генерального штаба и Министерства иностранных дел, основываясь на поступавшей к ним конфиденциальной информации, заранее определили нарастание британской угрозы Босфору. Еще за месяц до выступления лорда Солсбери, о котором я уже упоминал, 6 июля 1895 г. в Петербурге было собрано «Особое совещание» в составе министров: военного, морского, иностранных дел, русского посла в Турции А. И. Нелидова, а также высших военных чинов. В постановлении совещания упомянуто о «полной военной готовности захвата Константинополя». Далее сказано: «Взяв Босфор, Россия выполнит одну из своих исторических задач, станет хозяином Балканского полуострова, будет держать под постоянным ударом Англию, и ей нечего будет бояться со

стороны Черного моря. Затем все свои военные силы она сможет тогда сосредоточить на западной границе и на Дальнем Востоке, чтобы утвердить свое господство над Тихим океаном» (42. С. 239).

Летом 1896 г. два чиновника Морского министерства были командированы в Константинополь для осмотра узкой части Босфора. В августе того же года штаб Одесского военного округа направил к Босфору комиссию под руководством генерал-майора Чичагова. Эта комиссия получила разрешение султана на осмотр укреплений Босфора и Дарданелл с условием, что о замеченных недостатках в оборонительной системе Дарданелльского пролива будет информировано турецкое правительство. Заключение комиссии Чичагова, указавшей на недостаточность дарданелльских укреплений, было направлено для сведения в Министерство иностранных дел России. С ним было ознакомлено турецкое правительство, которому предлагалось обратиться за содействием в минной обороне пролива к России.

Параллельно с подготовкой к десанту Россия пыталась выяснить намерения великих держав и мирным путем урегулировать вопрос о Проливах. В сентябре 1896 г. Николай II посетил Англию, где в замке Бальмораль — шотландской резиденции королевы Виктории — состоялись его переговоры с премьер-министром Солсбери. В том числе обсуждался вопрос и о Черноморских проливах. Николай II заявил о желании России установить контроль над Проливами без овладения какими-либо частями территории Турции. Солсбери отвечал, что это может быть осуществлено только «после исчезновения Турецкой империи». Так что переговоры оказались безрезультатными.

Главный морской штаб с санкции царя решил поддержать вторжение в Босфор посылкой балтийской эскадры в Средиземное море. Поскольку броненосцы, создаваемые по судостроительной программе 1895 г., были еще на стапелях, то на Средиземное море послали только два броненосца под командованием контр-адмирала П. П. Андреева. В конце июля 1896 г. «Император Александр II» и «Наварин» покинули Кронштадт, обогнули Европу и 19 сентября 1896 г. бросили якоря в греческом порту Пирей. Поводом для этого послужили события на Крите.

На Балтике остались лишь устаревший броненосец «Петр Великий», малый броненосец «Гангут» да проходивший испытания броненосец «Сисой Великий». Тем не менее обстановка заставила отправить в Средиземное море и не введенного официально в строй «Сисоя». В конце ноября 1896 г. «Сисой» покинул Кронштадт и уже в начале декабря вошел в Средиземное море.

На Тихом океане Россия имела только один броненосец, и его тоже отправили в Средиземноморье. Англичане, скрипя зубами, пропустили броненосец «Николай I» через Суэцкий канал.

Между тем на Тихом океане осталась внушительная эскадра броненосных крейсеров, предназначенных для действий на английских коммуникациях. В их числе были океанские крейсера «Нахимов», «Рюрик», «Владимир Мономах», «Дмитрий Донской», «Адмирал Корнилов» и «Память Азова».^[61] Там же находилось около дюжины легких крейсеров и кораблей Добровольного флота, которые в любой момент могли быть обращены в крейсера.

Итак, в восточной части Средиземного моря оказалась русская эскадра, ядром которой были четыре новых броненосца, вооруженных двенадцатью 305-мм, восемью 229-мм и восемнадцатью 152-мм орудиями. Естественно, четыре русских броненосца не могли противостоять одиннадцати британским, но они могли затруднить помощь туркам в случае вторжения русских со стороны Босфора.

Начнем с того, что русские броненосцы могли прорваться сквозь дарданелльские укрепления и войти в Мраморное море. Вероятность прорыва зависела исключительно от субъективного фактора — боевого духа расчетов турецких береговых батарей. Однако и боевой дух, и готовность к бою турецких береговых орудий были очень низки. А турецкий флот вообще можно было не принимать в расчет, с ним мог справиться один «Сисой» или «Наварин».

В случае входа всей английской эскадры в Мраморное море четыре русских броненосца и без французской эскадры могли запереть ее в Дарданелльском проливе, выставив в самом узком месте (около версты) минные заграждения. В извилистом проливе во встречном бою вести огонь могли бы не более трех британских броненосцев, т. е. силы в бою были бы равны.

Наконец, само присутствие русской эскадры в восточной части Средиземного моря лишало английское командование свободы маневра. Год назад английские броненосцы могли нестись на всех парах в Константинополь, а за ними через несколько дней на тихоходных транспортах могли бы отправиться британские сухопутные войска. Всего на Мальте было расквартировано 10 тыс. британских солдат, не считая туземного полка королевской милиции. Но теперь русская эскадра могла легко уничтожить транспорты с десантом. Поэтому англичанам пришлось бы ждать погрузки десанта неделю и более, и только тогда отправить десантные силы под прикрытием эскадры из одиннадцати броненосцев.

Можно было разделить мальтийскую эскадру и отправить половину броненосцев на ловлю русских, а вторую половину — в Проливы. Однако разделение флота обрекало операцию по обороне Босфора на заведомую неудачу.

5 декабря 1896 г. на совещании министров под председательством Николая II было рассмотрено решение о высадке в Босфоре. В совещании участвовал посол Нелидов, горячо отстаивавший план вторжения. В соответствии с решением совещания Нелидов должен был дать из Стамбула условную телеграмму, которая послужила бы сигналом к отправке десанта. Текст телеграммы должен был быть любой, но с ключевой фразой: «Давно без известий».^[62]

Командовать операцией назначили вице-адмирала Н. В. Копытова. В ней должны были участвовать эскадренные броненосцы «Синоп», «Чесма», «Екатерина II», «Двенадцать Апостолов», «Георгий Победоносец» и «Три Святителя», крейсер «Память Меркурия», канонерская лодка «Терец», минные заградители «Буг» и «Дунай», минные крейсеры «Гридень» и «Казарский», а также десять миноносцев и тридцать малых миноносок.

Командиром сводного десантного корпуса был назначен генерал-лейтенант В. фон Шток. Численность войск «первого рейса» возросла по сравнению с прежним планом. В их составе теперь числилось 33 750 человек с 64 полевыми и 48 тяжелыми орудиями (из «особого запаса»). Вроде бы учли все, даже «3 версты железной дороги» собирались перевезти...

В целях дезинформации операция была замаскирована под большие учения, включавшие переброску войск на Кавказ.

Эскадра на пути к Кавказу должна была неожиданно повернуть на Босфор. Предусматривалось введение информационной блокады: «В назначенный момент внезапно прерываются все телеграфные провода Черноморского побережья с Европой». Эскадра же в ночное время форсирует Босфор и, пройдя до Буюк-Дере, становится на якорь (в тылу турецких береговых батарей). В это время посол Нелидов представит турецким властям ультиматум: немедленно передать России районы на обоих берегах Босфора под угрозой применения силы. Соппротивление турецких войск предполагалось подавить быстро. После чего русское командование должно было за 72 часа после начала высадки укрепить вход в пролив со стороны Мраморного моря. На берегах Босфора устанавливались тяжелые орудия «особого запаса», а «Буг» и «Дунай» выставляли поперек пролива заграждения в три ряда мин (всего 825 штук). Тут-то и пригодились бы сведения о течениях и глубинах, доставленные

Макаровым. Кроме того, планировалось на обоих берегах пролива скрытно установить торпедные аппараты. 72 часа были отведены не случайно — это был наиболее ранний срок прибытия английской Средиземноморской эскадры с Мальты.

При таких условиях у британской эскадры практически не было шансов форсировать Босфор. Что же касается Дарданелл, то тут вопрос спорный — все зависело от быстроты продвижения русских и степени сопротивления турок. Естественно, Англия могла существенно усилить свою Средиземноморскую эскадру и послать в Турцию две-три пехотные дивизии. Но для этого потребовалось бы уже несколько недель или месяцев. И британцы к тому времени могли встретить на берегах Босфора не только второй эшелон русских войск, но и отобилизованные войска из внутренних военных округов, а кроме 9-дюймовых мортир — десятки 11-дюймовых береговых пушек и 11-дюймовых мортир, снятых с береговых батарей Севастополя, Очакова, Керчи и Батума.

В случае расширения конфликта до глобальных масштабов русский Генштаб прорабатывал даже удар русских войск из Средней Азии в направлении Индии...

В общем, шансов на успех хватало. Тем не менее в последний момент вторжение было отменено. Почему?

Думается, решающую роль здесь сыграл субъективный фактор — непостоянство характера Николая II. По этому поводу министр иностранных дел В. Ламздорф записал в своем дневнике: «Молодой государь меняет точки зрения с ужасающей быстротой».

Противники десанта, конечно, приводили царю и объективные факторы. В частности, рассматривался вариант, при котором английский десант успевал захватить пролив Дарданеллы, пока русские занимали Босфор. Теоретически в этом случае русский флот запирался бы в Черном море. Но это только теоретически. Англия хотела захватить Дарданеллы, но только вместе с Босфором. Тогда английский флот мог бы угрожать русским берегам, как во время Крымской войны, а английская база в Босфоре была бы отделена от сухопутных сил русской армии Черным морем и британскими броненосцами. База в Дарданеллах рядом с русскими базами в Босфоре таила для англичан больше опасностей, чем выгод. Весь английский флот не смог бы помешать России скрытно перебросить за несколько дней крупные силы пехоты и артиллерии и захватить английскую базу с суши. Англичане пуще всего боялись прямого соприкосновения с русской пехотой как в Центральной Азии, так и в других местах.

Вторым аргументом против десанта была возможная международная

изоляция России. Действительно, Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия не желали, чтобы Константинополь стал русским губернским городом. Другой вопрос, кто бы пошел воевать за Проливы? Ведь на дворе был не 1853, а 1896 г. Между Россией и Францией действовал союзный договор 1892 г., а взоры всех французов были прикованы к отнятым немцами в 1871 г. Эльзасу и Лотарингии. По той же причине Германия не могла послать войска в Проливы, чтобы одновременно не услышать «Марсельезу» на Рейне и «Соловей-пташечку» на Одере. А в войне против России без поддержки Германии Австро-Венгерская «лоскутная» империя не продержалась бы и пары месяцев.

Следует заметить, что после кризиса 1897 г. планы вторжения в Босфор не были отменены. Их лишь временно «положили под сукно». «Особый запас» не был расформирован, правда, часть его орудий и боеприпасов в 1904–1905 гг. была отправлена в Маньчжурию. Но после 1905 г. «Особый запас» стал вновь расти.

На Тихом океане назревала война с Японией. Тем не менее царское правительство продолжает интенсивное строительство боевых кораблей на Черном море. В 1898 г. в Николаеве был заложен броненосец «Князь Потемкин-Таврический» со стандартным водоизмещением 12 582 т. Скорость хода его составляла 16 узлов, а вооружение: четыре 305/40-мм пушки в башенных установках, шестнадцать 152/45-мм и шестнадцать 75/50-мм пушек Кане в каземате. В строй «Потемкин» вступил 20 мая 1905 г. Развитием типа «Потемкина» стали броненосцы «Иоанн Златоуст» и «Евстафий», заложенные в 1903 и 1904 гг. соответственно. В боевой состав Черноморского флота они вошли лишь в 1911 г. Их основное отличие от «Потемкина» состояло в артиллерии среднего калибра. В их казематах было установлено четыре 203-мм и двенадцать 152-мм пушек.

В 1901 г. были заложены два однотипных крейсера «Очаков» и «Кагул». Их водоизмещение 6645 т, скорость хода 23 узла. Первоначальное вооружение обоих крейсеров: двенадцать 152/45-мм пушек Кане, четыре из которых находились в двух башнях, а остальные — на палубе. Противоминная артиллерия крейсера состояла из двенадцати 75/50-мм и восьми 37-мм пушек. 25 марта 1907 г. после восстания на «Очакове» оба крейсера были хитро переименованы: «Очаков» стал «Кагулом», а «Кагул» — «Памятью Меркурия». 31 марта 1917 г. «Очакову» было возвращено прежнее наименование, а в ноябре 1919 г. его переименовали в «Генерал Корнилов». В ходе капитального ремонта зимой 1913–1914 гг. с крейсера «Память Меркурия» сняли десять 75-мм пушек, зато число 152-мм пушек увеличили с 12 до 16. На «Кагуле» такое же перевооружение было

проведено в 1915 г. Осенью 1916 г. «Кагул» был вновь перевооружен: башни и все палубные 152-мм установки демонтированы, а взамен на крейсере установили четырнадцать 130/55-мм пушек обр. 1912 г.

В 1902–1905 гг. в Николаеве было построено десять 350-тонных миноносцев («Жаркий», «Живучий», «Живой», «Жуткий», «Заветный», «Завидный», «Задорный», «Звонкий» и «Зоркий»). Их скорость хода составляла 25–26 узлов, вооружение: одна 75/50-мм и пять 47-мм пушек, а также два торпедных аппарата.

В 1906–1909 гг. в Николаеве было построено четыре эсминца водоизмещением 800 т. Они были названы в честь героев войны 1877–1878 гг.: «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Зацаренный», «Лейтенант Пущин» (с 8 апреля 1907 г. «Капитан Сакен») и «Лейтенант Шестаков». Скорость хода эсминцев составляла 24,5 узла. Первоначальным вооружением их было шесть 75/50-мм пушек и три торпедных аппарата, но в 1911–1912 гг. 75-мм пушки сняли, а взамен установили по две 120/45-мм пушки.

В 1907 г. на Черноморском флоте впервые появились подводные лодки. Среди них были: «Судак», построенная в 1907 г. на петербургском Невском заводе по образцу американских лодок типа «Голланд», и три лодки германской постройки — «Камбала», «Карась» и «Карп».

Турецкий же флот даже думать не мог о соперничестве с Черноморским флотом. С 1879 г. по 1910 г. новые крупные корабли в состав турецкого флота не вводились. К 1906 г. старые турецкие броненосцы представляли собой хлам, не способный даже к выходу в море. Исключение представлял лишь «Мессудие», капитально перестроенный в 1898–1903 гг. в Италии. Старая артиллерия была заменена новыми пушками Виккерса: двумя 234/40-мм, двенадцатью 152/45-мм и четырнадцатью 76-мм. Водоизмещение «Мессудие» достигло 9710 т. Новые машины тройного расширения мощностью 11 135 лошадиных сил позволили на испытаниях развить скорость 17 узлов. Но и он не выходил в море для боевой подготовки.

К началу 1908 г. резко обострилась обстановка в Македонии и Боснии, население которых требовало независимости от Турции. В сложившейся ситуации султан не мог опереться даже на армию. В начале 1908 г. среди военнослужащих третьего армейского корпуса в Македонии начались волнения.

Восставшие выступали под лозунгами свободы, конституции и сплочения турецкой нации. Возглавляли восстание майоры Энвер-бей и Ниязи-бей. Молодых революционных офицеров стали называть

младотурками.

Султан Абдул Гамид II отправил на подавление восстания верные части под командованием генерала Шемси-паши. Однако генерал был застрелен собственными офицерами, а каратели перешли на сторону восставших.

Тем временем албанцы, которых султан считал своими союзниками, выступили в поддержку второго армейского корпуса, расквартированного во Фракии. 9 (21) июля 1908 г. Абдул Гамиду от имени комитета была отправлена телеграмма с требованием восстановления конституционного правления. В случае невыполнения этого требования восставшие угрожали султану заменить его наследников и предпринять поход на Стамбул.

Абдул Гамид, следуя традиционной практике мусульман, обратился к суду шейх-уль-ислама за решением, является ли справедливой война восставших мусульманских солдат против власти падишаха. После детального изучения фактов великий муфтий вынес решение, что призывы войск провести реформы и устранить причины для недовольства не противоречат предписаниям священного закона.

В конце концов Абдул Гамид обратился к астрологу, который сообщил, что расположение звезд благоприятствует введению конституции в Турции.

10 (22) июля 1908 г. султан сдался и согласился ввести конституцию 1876 г., им же отмененную. 4 (16) декабря 1908 г. в Стамбуле открылось заседание турецкого парламента.

Фактически с лета 1908 г. по апрель 1909 г. в Турции существовало два правительства — совет министров в Стамбуле и революционный комитет в Салониках.

В апреле 1909 г. сын султана Бурхан Эддин и реакционное духовенство подняли в Стамбуле военный мятеж. В одну из апрельских ночей все младотурки столичных полков были внезапно схвачены и частично перебиты. Под командованием простого фельдфебеля заговорщики двинулись к зданию парламента и вынудили у него свержение министерства, составленного из младотурок. Члены парламента, застигнутые врасплох, составили новое правительство из лиц, указанных им мятежниками.

На следующий день похороны 83 офицеров и солдат, убитых заговорщиками, вылились в кровавое столкновение с войсками султана.

Как только известие о перевороте, в Стамбуле достигло Салоников, революционный комитет предпринял решительные и быстрые меры в защиту конституции. В качестве «армии освобождения» в Стамбул было направлено крупное подразделение третьей армии под командованием

энергичного генерала Махмуда Шевкета-паши с Ниязи-пашой и Энвером-пашой в числе сопровождавших его офицеров и с молодым многообещающим офицером Мустафой Кемалем в качестве начальника его штаба.

13 (25) апреля 1909 г. войска младотурок вошли в Стамбул. Через несколько дней Национальное собрание низложило Абдул Гамида II и провозгласило султаном его брата Мехмеда Решади под именем Мехмеда V. Старый султан с семьей лучшими женами был отправлен под домашний арест в Салоники на виллу Аллатини.

Нестабильность в Турции вновь реанимировала русские планы захвата Босфора. Генерал-квартирмейстер Данилов в одном из своих докладов доносил военному министру: «Особое совещание по турецким делам под председательством министра иностранных дел постановило, что: «... современная политическая обстановка может вынудить нас занять войсками часть территории Турции и на первом плане — Верхнего Босфора» (63. С. 53).

Точно такими же словами изложил итог совещания во всеподданнейшем докладе за 1908 г. и командующий войсками Одесского округа генерал Кульбасов. Приблизительно так же понял результаты совещания и морской Генеральный штаб. Капитан 2 ранга Каськов записал: «На совещании МИД 21 июля 1908 г. решено: 1) Посылка 2-х судов в Средиземное море для совместного с эскадрами держав действия. 2) Создать организацию на Черном море для мирного (!) занятия В(ерхнего) Б(осфора), но так как в стратегическом отношении такое решение о пункте неправильно, то и организация должна быть приспособлена лишь для направления (одного), — а именно экспедиция на Босфор» (63. С. 53).

Начальник Генерального штаба генерал Палицын послал 24 июля 1908 г. командующему Одесским военным округом генералу Кульбасову письмо, в котором писал, что «главнейшею заботой экспедиции будет захват на обоих берегах пролива выгодных позиций, господствующих над Константинополем, и удержание их в своих руках до сосредоточения сил, достаточных для достижения поставленной по обстоятельствам политической цели» (63. С. 54).

Но и на этот раз до десанта в Босфор дело не дошло. Стабилизация положения в Турции, активные действия на Балканах и ряд других факторов заставили русское правительство отказаться от своих планов. Вновь к плану захвата Босфора русское командование вернулось лишь в 1915 г.

Глава 24. Дела Персидские

К середине XIX в. русско-персидские отношения заметно улучшились. Россия была важным торговым партнером Персии, а главное, стратегическим союзником против ее извечного врага — Турции.

В ходе войны 1877–1878 гг. Персия оказала определенную помощь русской Кавказской армии. В 1879 г. русское влияние в Тегеране значительно возросло в результате создания персидской казачьей бригады под командованием русских офицеров. В ее состав вошли четыре конных полка двухбатальонного состава, пехотный батальон и две четырехорудийные батареи. Штатная численность бригады составила 1750 человек. Бригада подчинялась лично шаху и быстро стала важной опорой его власти.

Дело в том, что Персия до 1914 г. не имела регулярной армии, разумеется, по европейским понятиям. У шаха была стража из нескольких сот человек. В военное время сельские общины должны были выставять ополчение. До двухсот тысяч всадников должны были выставять вожди кочевых племен, номинально подчинявшиеся шаху.

Персия в силу Гюлистанского договора с Россией (1813) не имела права содержать военные суда на Каспии. Но этот запрет в принципе и не был нужен. На юге Персия не имела никаких ограничений, но ее флот в Персидском заливе состоял только из одного парохода, купленного в Пруссии в 1855 г. и совмещавшего функции флагмана персидского флота и яхты шаха.

Русские офицеры сформировали первую в истории Персии регулярную часть — казачью бригаду.

Завоевание Россией Средней Азии, и в частности Туркестана, привело к дальнейшему укреплению ее стратегических позиций у северных рубежей Персии. Русское влияние доминировало во всех северных провинциях страны: в Персидском Азербайджане, Гиляне и Мазендеране. Утверждение России в Туркмении значительно усилило русское влияние в Хорасане, прекратились набеги туркменских феодалов на эту провинцию, и была проведена четкая граница. 9 декабря 1881 г. в Тегеране была подписана конвенция о разграничении русских и персидских владений к востоку от Каспийского моря. Персы, находившиеся в рабстве у туркменских ханов, вернулись на родину.

Русские власти завербовывали в свои агенты ханов и вождей племен

Хорасана. Для этого все средства шли в ход: подкуп, запугивание, поддержка и протекция, скупка земли и феодальных прав. Центром такого рода деятельности в Хорасане стал Ашхабад — резиденция администрации вновь созданной Закаспийской области. Затем таким центром стал Мешхед, где в 1889 г. было учреждено русское генеральное консульство.

Экспансия России в Хорасане способствовала получению концессий на строительство шоссейной дороги от Ашхабада до Кучана. Дорога была закончена в 1882 г. и обеспечила связь русских владений с Мешхедом. Русская торговля вытесняла из Хорасана английскую. В северных провинциях, а затем и во всей Персии стали преобладать русские товары. Персия стала важным рынком для русской текстильной, сахарной и нефтяной промышленности. В 1883 г. русское правительство отменило беспошлинный транзит иностранных товаров через Закавказье, что сразу ослабило конкуренцию иностранных товаров на рынках Северной и Центральной Персии.

Карта Персии

В ответ на это английское правительство в 1888 г. добилось от шаха разрешения на открытие судоходства по реке Каруну, впадающей в Шатт-эль-Араб (Тигр) недалеко от побережья Персидского залива. Англичане получили концессию на постройку шоссе от города Шуштер, расположенного на Каруне, до Тегерана. Дорога эта увеличила долю английских товаров на персидском рынке.

Англичане добились концессии на основание Шахиншахского банка, которую персидское правительство выдало им в 1889 г. на 60 лет. Формально эта концессия должна была служить возмещением за потери Рейтера, понесенные им вследствие аннулирования его концессии в 1873 г.

Банку были предоставлены большие права, обеспечившие его влияние на персидское правительство и экономику Персии.

В 1890 г. английский подданный Тальбот получил монополию на скупку, обработку и продажу табака. Но грабительские действия монополии вызвали взрыв народного недовольства, и шах был вынужден ее ликвидировать. Табольт же в накладе не остался, он требовал с персидского правительства крупную неустойку.

Русский капитал в Персии не отставал в своей активности от английского. В противовес Шахиншахскому банку русский подданный Поляков в 1890 г. основал Учетно-ссудный банк Персии. Еще ранее, в 1889 г., русский купец Лианозов получил концессию на рыбные промыслы на персидском побережье Каспия. В 1893 г. русские получили концессию на постройку шоссе от порта Энзели на Каспийском побережье до Тегерана, а в 1895 г. — от Казвина на Хамадан. Постройка этих дорог способствовала развитию русской торговли в Северной Персии.

В марте 1889 г. русское правительство получило от шаха сроком на пять лет исключительное право на разработку проектов строительства в Персии железных дорог и выбор компании для осуществления данных проектов с тем, чтобы в течение пятилетнего срока это право не предоставлялось никому другому.

Русские предприниматели Хомяков, Третьяков и Корф начали с персидским правительством переговоры о предоставлении концессии на сооружение Трансперсидской железной дороги от Решта до южного побережья Персии. Но проект этот натолкнулся на противодействие английского правительства. Хотя англичане в принципе были готовы заключить с Россией соглашение по спорным вопросам в Персии, в том числе и по железнодорожному.

В получении концессии на Трансперсидскую железную дорогу была заинтересована группа русских подданных, связанных с парижским Учетным банком. Но русское правительство вскоре изменило свое отношение к проекту Трансперсидской дороги. Влиятельные русские банкиры и промышленники боялись, что эта дорога будет больше способствовать проникновению английских товаров с побережья Аравийского моря в Северную Персию, чем русских товаров в южную часть страны. Да и постройка Транссибирской магистрали для России в данный момент была более важна. Русское правительство опасалось, что такое грандиозное мероприятие, как прокладка железнодорожного пути во Владивосток, не позволит изыскать ресурсы для сооружения Трансперсидской железной дороги. Поэтому русские дипломаты в Тегеране

в 1890 г. добились от шаха обязательства в течение десяти лет не предоставлять никому каких-либо железнодорожных концессий без согласия правительства России. Уже из одного этого видно, как велико было влияние России в Тегеране.

Но в Южной, Юго-Восточной и частично в Центральной Персии преобладало влияние Англии. В середине XIX в. англичане построили большую военно-морскую базу и сильную береговую крепость в Адене, на юге Аравийского полуострова. С тех пор британские военные суда постоянно дежурили в Персидском заливе. Английские корабли, базировавшиеся на Аден, имели возможность в любой момент быстро доставить на южное побережье Персии англоиндийские войска из Бомбея и Карачи.

В британских правительственных кругах давно вынашивалась идея о разделе Персии между Россией и Англией. В 1892 г. вышла книга лорда Керзона «Персия и персидский вопрос», которая стала для британских колонизаторов как бы библией по персидским делам. В своей монографии лорд издевательски отзывался как о России, так и о русском народе. Замечу, что это тот самый Джордж Натаниэл Керзон (1859–1925 гг.), который в мае 1923 г. предъявил знаменитый ультиматум Советской республике. В своей книге Керзон выдвинул идею раздела Персии с Российской империей. Заявив, что Россия вот-вот захватит северные провинции, Керзон продолжал: «Через всю Персию может быть проведена линия от Сеистана на востоке, через Керман и Йезд на Исфахан и далее на запад на Буруджир, Хамадан и Керманшах, к югу от которой никакое враждебное политическое влияние не может быть терпимо» (67. Т. II. С. 621).

Пытаясь изобразить из себя защитников Персии, англичане не только желали ее раздела, но и поощряли внутри страны центробежные силы в лице феодалов южных племен — бахтиар, кашкайцев, белуджей и др.

Если с Россией у Персии торговля была взаимовыгодной, то с Англией баланс складывался в пользу последней. Англичане видели в развитии англо-персидской торговли и в британских капиталовложениях не только экономические выгоды, но и укрепление своего политического влияния в Персии.

Одновременно с усилением влияния России в Северной Персии в Южной укреплялось господство Англии. В Тегеране обе державы с переменным успехом вели борьбу за влияние на шаха и его правительство. Но в целом в конце XIX в. чаша весов склонялась в пользу России.

При этом следует заметить, что, обратив особое внимание на северные провинции Персии, ни русское правительство, ни русские промышленники

не забывали о юге страны и о Персидском заливе. Так, в конце XIX в. «Русское общество пароходства и торговли» учредило регулярную грузопассажирскую линию Одесса — порты Персидского залива, на которой работали только русские пароходы.

В конце XIX в. — начале XX в. в Персидский залив стали заходить и русские боевые корабли. К примеру, в феврале — марте 1900 г. канонерская лодка «Гиляк» обошла порты Персидского залива. А в середине ноября 1901 г. в залив вошел новый русский крейсер «Варяг» по пути на Дальний Восток. («По пути» — это писалось в отчетах Морского ведомства, а реально — это крюк в четыре тысячи верст в одну сторону.) «Варяг» посетил большинство портов залива и в том числе простоял три дня в персидском порту Бендер-Аббас. Четырехтрубный красавец крейсер произвел крайне благоприятное действие на местных шейхов и шахских чиновников. В ноябре следующего 1902 г. порты Персидского залива по пути на Дальний Восток посетил крейсер «Аскольд». На нем было пять труб, что вызвало еще большее почтение у туземцев, поскольку англичане, перед этим заходившие в залив, имели 1–2 трубы.

Главной целью политики России в Персии считалось постепенное подчинение последней «своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя».^[63]

В августе 1905 г. в Петербурге прошли переговоры с шахом и его премьер-министром. Русские дипломаты сформулировали персам условия финансовой помощи их стране, которая могла привести Персию к односторонней экономической зависимости от России и ограничить права шахского правительства в ряде важных вопросов. Но переговоры эти закончились безрезультатно.

После поражения России в войне с Японией и последовавшей затем первой русской революции персидское правительство решило отказаться от идеи прорусской ориентации своей страны. Персидский посол в России Мошир-уль-Мольк хоть и продолжил в Петербурге переговоры о финансовой помощи, но не проявлял к ним особого интереса и не особенно скрывал их содержание от английского посольства. В декабре 1905 г. в Петербурге стало известно, что шахское правительство договаривается о крупной ссуде с английским Шахиншахским банком.

Серьезные коррективы в планы Лондона и Петербурга внесла персидская революция 1906 г. Поначалу Россия и Англия решили поддержать тяжело больного Музаффера Эд-Дина и гарантировать, что в случае смерти шаха его место займет вамагу (наследный принц) Мохаммед-

Али.

Однако англичане по вековой традиции в ходе персидской смуты стали делать ставки на нескольких лошадях, т. е. не только на шаха, но и на сепаратистов из числа губернаторов южных провинций и ханов.

Заодно Форин оффис решил поиграть в либерализм и предоставил в парке при британском посольстве в Тегеране убежище тринадцати тысячам противников шаха. Английский поверенный в делах согласился передать шаху требования сидевших в посольстве мятежников. Они требовали введения конституции, созыва меджлиса, смену министерства и др. На деле же британский либерализм в Персии объяснялся желанием поставить у власти вместо русской марионетки свою собственную.

Напуганный шах обратился за помощью к русскому послу. Замечу, что в мае 1906 г. в Тегеран прибыл новый русский посланник, бывший директор Азиатского департамента МИДа, Н. Г. Гартвиг. По свидетельству современников, Гартвиг был убежден, что «Персия еще не готова для конституции и что шах и только шах является краеугольным камнем порядка в стране» (70. С. 213).

В июне того же года Гартвиг стал добиваться от шахского правительства предоставления России ряда концессий, в особенности передачи в пользование Мешхед-Сеистанской телеграфной линии. Персидская дипломатия воспользовалась этими переговорами, чтобы поднять вопрос о более широком соглашении с Россией. Оно должно было констатировать совпадение реальных интересов двух стран и их солидарность, базирующуюся на общности политических, географических и экономических условий. По этому соглашению Россия должна была бы способствовать поддержанию независимости и целостности Персии во всех случаях, когда шахское правительство обратится за помощью. Персидское правительство, со своей стороны, обязалось бы не участвовать ни в каком действии, которое могло быть направлено против России. Но к этому времени уже начались переговоры России с Англией по азиатским делам, и министр иностранных дел А. П. Извольский не захотел компрометировать столь важного в общеполитическом плане дела ради успеха в более частном вопросе. Поэтому русская дипломатия уклонилась от принятия персидского проекта.

В начале августа 1906 г. Гартвиг добился передачи Мешхед-Сеистанской телеграфной линии в концессию России. Шахское правительство пошло на эту уступку не без задней мысли затруднить русско-английское соглашение: линия эта шла по провинциям, прилегавшим к Афганистану и Индии.

9 (22) декабря 1907 г. состоялась встреча русского и английского послов с шахом. Заявив для приличия, что они не собираются вмешиваться во внутренние дела Персии, иностранные дипломаты посоветовали шаху сделать публичное заверение «в твердом решении» соблюдать конституцию.^[64] Оба посланника в таком случае «могли бы засвидетельствовать об этом перед некоторыми членами меджлиса. Таковые гарантии внесли бы успокоение» (48. С. 53), т. е. помогли бы избежать развития революции.

На первом этапе персидской революции (до начала 1908 г.) русским офицерам персидской казачьей бригады из Петербурга поступило строгое указание не вмешиваться во внутренние дела персов. Но с развитием революции поведение казаков стало меняться. Казачья бригада под командованием полковника Ляхова стала главной вооруженной силой шаха. Русское правительство, позабыв об осторожности, все дальше шло по пути вооруженной интервенции. 23 июня 1908 г. с помощью персидских казаков и с согласия русского и английского правительств шах разогнал меджлис.

Британское правительство, в общем-то солидарное с Россией в борьбе против персидской революции, было крайне недовольно активностью русских казачьих офицеров в Персии, хотя они считались офицерами персидской службы и официально служили шаху, а бригада была персидской воинской частью. Поэтому участие бригады в подавлении революции формально не могло считаться иностранной интервенцией в юридическом смысле этого слова. Но фактически оно не было бы возможно без согласия русского правительства.

В конце 1908 г. суда русской Каспийской флотилии вошли в порт Энзели и высадили десант. В апреле 1909 г. русские войска с Кавказа вошли в Персию и подавили народное восстание в Тебризе. В июне 1909 г. русские войска с боями заняли Решт и Казвин. В это же время Турция, действуя по наущению Германии, расширила захваченную ею еще в 1905 г. зону персидской территории. Турки оккупировали теперь значительную часть персидского Азербайджана, и войска младотурецкого правительства подавили там всякое революционное движение.

Новый шах, пытаясь спасти трон, восстановил отмененную конституцию, но это ему не помогло. Из восставших северных провинций на Тегеран двинулись отряды вооруженных крестьян под предводительством своих феодалов, с юга — конные отряды сепаратистски настроенных ханов. Совместными усилиями этих разнородных элементов шах Мохаммед-Али 16 июля 1909 г. был низложен.

Русские и английские представители в Тегеране пытались уговорить

бахтиарских ханов остановить наступление их конницы на столицу, что было продиктовано страхом в случае усиления смуты и невозможностью предугадать последствия. Но победа бахтиар и их появление в Тегеране вызвало явное удовольствие у английской миссии. Англичане поддерживали Мохаммеда-Али, пока боялись народного восстания. Но сыны Альбиона были рады свергнуть шаха при условии, что власть перейдет не в руки повстанцев, а в руки английских агентов.

Вождь бахтиар Сардар-Азад незадолго до похода на Тегеран побывал в Англии, где был принят лордом Греем. Сардар-Азад втайне надеялся основать в Персии бахтиарскую династию на смену Каждарам. Но для начала хану пришлось удовлетвориться должностью министра внутренних дел в новом правительстве. Новым шахом стал малолетний сын Мохаммеда-Али Ахмет, а регентом при нем был назначен старейший из каджарских принцев Азад-эль-Мольк. Премьер-министром нового правительства стал Сепехрад — крупнейший в Реште феодал.

Престарелый Азад-эль-Мольк вскоре, в 1910 г., скончался, и место регента занял другой каджарский принц — Насер-эль-Мольк. Он получил образование в Оксфорде и сохранил тесные связи с англичанами.

После свержения Мохаммеда-Али бахтиарские ханы постепенно прибрали руководство страной в свои руки, а вместе с этим в Тегеране усилилось влияние Англии в ущерб России. Новое персидское правительство начало переговоры с британским Шахиншахским банком о предоставлении займа, несмотря на кабальные условия, выдвигаемые англичанами.

Русско-английское соперничество в Персии обострилось, несмотря на совместную борьбу с революцией в этой стране. В сентябре 1910 г. английский посланник в Тегеране требовал от русского посланника вывода русского отряда из Казвина, хотя сами англичане к этому времени ввели свои войска в персидские города на юге. Осенью 1910 г. англичане под предлогом охраны дорог от разбоя пытались даже организовать в Южной Персии собственную армию под командованием английских офицеров. Из-за протестов России англичане решили для создания жандармерии пригласить «нейтралов» — 38 шведских офицеров.

Буржуазное правительство, пришедшее к власти в результате свержения шаха, пригласило в 1911 г. в Тегеран группу американских финансистов во главе с Морганом Шустером. Последний был назначен главным казначеем Персии, нечто типа министра финансов. Шустер потребовал себе огромных полномочий. Он настоял, чтобы без его визы правительственными органами не производилось никаких бюджетных

расходов; создал даже свою жандармерию якобы для взимания налогов и обеспечения других бюджетных поступлений. Таким образом, американский банкир стал в Персии чем-то вроде финансового диктатора, под дудку которого плясало персидское правительство.

Шустер попытался назначить начальником финансовой жандармерии враждебно настроенного по отношению к России английского офицера Стокса, но русское правительство повело борьбу против этой кандидатуры.

Решающий конфликт Шустера с русским правительством возник по внешне пустяковому поводу. Персидское правительство конфисковало имущество брата свергнутого шаха. Шустер направил в его имение своих жандармов. Но их опередил местный русский генеральный консул. Он заявил жандармам, что владелец поместья является должником русского Учетно-ссудного банка, и поэтому его имущество не может отойти персидскому правительству, а пойдет в счет погашения долга русскому банку. И русский консул с помощью казаков своего конвоя не допустил жандармов к имуществу брата Мохаммеда-Али. На следующий день к шустеровским жандармам подошло подкрепление, и они силой выгнали казачью охрану из имения. При этом двое русских консульских служащих были обстреляны жандармами.

5 ноября 1911 г. русское правительство потребовало через своего посланника удовлетворения за нанесенное консульству оскорбление. В случае отказа оно грозило выслать войска на персидскую границу. Требование было удовлетворено. Тогда русское правительство с согласия Англии 29 ноября направило персидскому правительству ультиматум с требованием удаления Шустера с его поста. Шахское правительство с радостью бы уволило Шустера, но тот успел сколотить в меджлисе свою группировку, которая воспрепятствовала его увольнению. В ответ русский отряд из Решта через Казвин двинулся на Тегеран. Перепуганные персидские правители уволили Шустера.

Англичане, вначале поддерживавшие русское правительство, теперь испугались перспективы фактического перехода Тегерана в руки России и пригрозили разрывом русско-английского соглашения. Британские отряды в свою очередь заняли Бушир, Шираз и несколько других городов Южной Персии. Но, удовлетворившись отставкой Шустера, русское правительство отказалось от оккупации Тегерана.

24 декабря 1911 г. персидское правительство и регент, опираясь на бахтиар, разогнали меджлис, а затем и все демократические организации. Персидская революция была окончательно подавлена. Монархия и феодальное землевладение уцелели в Персии при прямой поддержке

России и Англии.

20 марта 1912 г. персидское правительство официально признало русско-английское соглашение 1907 г. о разделе Персии на сферы влияния.

Согласно этому соглашению, подписанному 18 (31) августа 1907 г. в Петербурге, сферой интересов условно обозначалась территория в Персии к северу от линии Касре — Ширин — Исфаган — Иезд — Хакк и до точки стыка русской, персидской и афганской границ. В эту зону Англия не должна была вступать и домогаться там политического, экономического, торгового, транспортного и других видов влияния и преимуществ. Сферой английских интересов определялась область в Персии к югу от линии, идущей от афганской границы через Газик — Бирдженд — Керман и оканчивающаяся в Бендер-Аббасе, в которую Россия не должна была вступать и домогаться там каких бы то ни было интересов.

Территория между этими линиями объявлялась временно нейтральной, где стороны должны действовать только по предварительной договоренности.

Реализация соглашения 1907 г. в 1912 г., естественно, не привела к идиллии в отношениях русских и британцев в Персии. Так, большим «камнем преткновения» стала деятельность «Англо-Персидской компании» в нейтральной зоне. Тем не менее после 1912 г. англичане стали проявлять куда меньше агрессивности, чем раньше. Их уже мало волновало, что русские войска стоят в Казвине в нескольких дневных переходах от Тегерана.

Глава 25. Вторжение англичан в Тибет

С 1720 г. Тибет считался вассальным владением Поднебесной империи. Однако политические и экономические связи его с Китаем были относительно слабыми. Фактическим правителем Тибета был духовный лидер буддистов Далай-лама.

К 60-м гг. XIX в. англичане заняли господствующее положение в Гималайских княжествах — Непале, Бутане и Сиккиме, после чего просвещенные мореплаватели обратили свое внимание на Тибет. В 1866 г. лорд Дэферин снарядил в Тибет «торговую» экспедицию Кольмана Маколея. Надо ли говорить, что в составе экспедиции хватало и офицеров, и разведчиков. Однако экспедиция Кольмана застряла в Сиккиме из-за противодействия китайских властей.

Вскоре возник пограничный конфликт между Сиккимом и Тибетом. В 1888 г. в Сикким были введены британские войска, которые вытеснили тибетцев в долину Чэмби. Английские войска заняли находящийся на сиккимо-тибетской границе город Гангток. Состоявшееся вскоре после этого, в 1890 г., соглашение с Китаем об установлении английского протектората над Сиккимом, а также заключенный в Дарджилинге в 1893 г. англо-китайский договор о торговле с Тибетом не удовлетворили англичан. По их мнению, тибетцы игнорировали этот договор, взимали с индийских купцов произвольные пошлины и всячески затрудняли торговые отношения с Индией. Англичане неоднократно обращались по этому поводу к китайскому правительству, но безрезультатно. Китайцы ссылались на свое слабое влияние в Тибете, а тибетцы — на приказания китайских властей. В 1901 г. лорд Керзон попытался вступить в переговоры с Далай-ламой, но получил свое письмо обратно нераспечатанным.

Между тем русское Военное ведомство внимательно следило за проникновением англичан в Тибет. В свою очередь, министерство иностранных дел старалось парализовать активность военных в Тибете. Поэтому для начала в Тибет было организовано несколько экспедиций под эгидой Императорского русского географического общества. Экспедициями руководили Пржевальский, Роборовский и Козлов.

Одним из энтузиастов русского проникновения в Тибет стал надворный советник Петр Александрович Бадмаев, бурят по национальности.^[65] Бадмаев с 1871 по 1875 г. учился в Петербургском университете на факультете восточных языков по китайско-монголо-

маньчжурскому разряду, затем служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

23 февраля 1893 г. Бадмаев подал Александру III записку о задачах русской политики на азиатском востоке. В записке рассматривалась возможность присоединения к империи Монголии и Тибета. Бадмаев писал: «Буддисты считают белого (т. е. русского. — А. III.) царя перерожденцем одной из своих богинь Дара-эхэ — покровительницы буддийской веры. Она перерождается в белого царя для того, чтобы смягчить нравы жителей северных стран. Легендарные сказания имеют гораздо более значения в этих странах, чем действительные явления». А далее следовал пассаж: «Русский царь — идеал для народов Востока» (15. С 57–58).

Александр III наложил на записку собственноручную резолюцию: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха» (66. С. 7).

В 1898–1899 гг. Бадмаев под видом ламы побывал в столице Тибета Лхасе. Однако русским резидентом в Лхасе стал не он, а другой бурят — Агван Доржиев. В 1888 г. тибетская Брабунская мистическая академия присвоила 33-летнему монаху Агвану титул Цанид-Хамбо-лама. С этого момента ему в обязанности вменялись упражнения по богословию с Далай-ламой и проведение с монархом философских диспутов. В конце концов, Доржиев откровенно рассказал о своей миссии Далай-ламе XIII. Глава Тибета благосклонно отнесся к идее союза с Россией и в 1898 г. отправил Доржиева в Петербург с секретной миссией.

В 1901 г. Далай-лама отправляет новую миссию в Россию. В Петербурге тибетский посланец ведет переговоры с представителями МИДа, переводчиком им служит подъесаул Н. Э. Уланов, калмык по национальности, хорошо владевший тибетским языком и знавший буддийские обычаи и обряды.

О русско-тибетских переговорах стало известно англичанам, и они решили вторгнуться в Тибет. Для начала в июне 1903 г. была снаряжена дипломатическая миссия полковника Ионгхэсбенда. Переговоры начались в местечке Камба-Дженг на тибетской территории.

Одновременно с этим британское правительство решило направить в Тибет войска, чтобы силой оружия принудить тибетцев выполнять английские требования. Дипломатическое руководство экспедицией было возложено на полковника Ионгхэсбенда, а командование войсками — на генерала Макдональда. В отряд входили 23-й и 32-й пионерные и 8-й гусарский полки, пулеметная команда Норфолкского английского полка и

команда мадрасских саперов. Всего около трех тысяч человек.

В ноябре 1903 г. англо-индийский отряд сосредоточился в Секкиме и 1 декабря через перевал Джелеп-ля вступил в Тибет. Главные силы отряда остались в долине Чэмби, а авангард (в составе четырех рот и пулеметной команды) выдвинулся на Пари-Джонг и далее, через перевал Танг-ля, к урочищу Туна, на главное Тибетское плато. В этом положении отряд пробыл до апреля 1904 г., укрепляя свои коммуникации.

В Туне английские войска пришли в соприкосновение с тибетскими войсками, стоявшими лагерем в Гуру, у озера Бам-цо. Попытки договориться с тибетскими вождями не привели к положительным результатам. К 17 марта весь английский отряд сосредоточился у Туны, а на следующий день продвинулся к Гуру. Там англичане атаковали тибетский отряд. После непродолжительного, но упорного боя тибетские войска, потеряв около шестисот человек, отошли к северу.

Английский отряд продолжал наступление и 29 марта занял Джиантзе. Тут англичане простояли до лета, периодически пытаясь возобновить переговоры с Далай-ламой, поджидая подкреплений и устраивая здесь промежуточную базу на случай необходимости дальнейшего наступления.

Тибетцы периодически беспокоили англичан, возникали боевые столкновения. 21 апреля они напали на английский лагерь в Джиантзе. 22 апреля отряд полковника Брандера штурмовал перевал Каро-ля, 13 мая этот же отряд после упорного рукопашного боя занял селение Пала. 25 мая тибетцы напали на пост Кангма, а 13 июня штурмовали тибетский монастырь в Джиантзе.

Англо-индийский отряд в Джиантзе был усилен новыми частями и доведен до пяти батальонов пехоты (четырёх туземных и одного английского), двух саперных рот, двух горных батарей и роты конной пехоты, всего 4600 человек при 12 орудиях. Численность тибетского войска, выступившего против англичан, достигала 12 тыс. человек. Многие тибетцы были вооружены фитильными ружьями.

1 июля англо-индийский отряд возобновил наступление. В этом наступлении участвовали 21 рота пехоты, две роты конной пехоты, восемь горных орудий, рота саперов и пулеметная команда. В Джиантзе остался гарнизон в составе 23-го пионерного полка.

За время движения до Лхасы англо-индийский отряд не имел ни одной стычки с тибетцами. 5 июля в Нагартзе-Джонг отряд встретили тибетские представители, выехавшие из Лхасы для переговоров. Но соглашения достичь не удалось, и отряд продолжил движение. 18 июля англо-индийский отряд переправился на пароме через реку Брахмапутру, а 21

июля подошел к Лхасе и разбил лагерь под городом.

Узнав о приближении англичан, Далай-лама бежал на север в сопровождении Агвана Доржнева, врача, трех придворных и восьми человек прислуги. Вскоре Далай-лама прибыл в Ургу (Монголия), где остановился в буддийском монастыре Гандан.

После бегства Далай-ламы полковник Ионгхэсбенд вступил в переговоры с китайским резидентом (амбаном). Заручившись поддержкой китайского правительства, Ионгхэсбенду удалось склонить тибетские власти к подписанию мирного договора, которое состоялось 25 июля 1903 г. Сущность договора заключалась в следующем: тибетцы обязуются исполнять условия англо-китайского договора 1893 г.; обеспечивается свобода индо-тибетской торговли; Тибет выплачивает англичанам в течение 75 лет контрибуцию в размере 7,5 млн рупий; в обеспечение этой уплаты англичане временно занимают долину Чэмби; англичане гарантируют Тибету неприкосновенность его владений.

Вскоре после заключения этого договора англо-индийский отряд покинул Лхасу и вернулся в Индию. В Джиантзе остался британский торговый агент и при нем пятьдесят человек конвоя, а в долине Чэмби — гарнизон из пяти рот пехоты.

Вступление британских войск в Тибет вызвало серьезное беспокойство как в Пекине, так и в Петербурге. Оба правительства начали неофициальные переговоры с Далай-ламой, находившимся в Монголии.

Чтобы прояснить обстановку и по возможности поддержать антибританские элементы в Тибете, русское Военное ведомство решило отправить в Тибет секретную миссию.

В январе 1904 г. Николай II получил секретную записку от военного министра генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина. Там говорилось:

«3-го сего января вашему Императорскому Величеству благоугодно было соизволить на командирование весьма секретно в Тибет для сбора сведений об этой стране прикомандированного к Главному управлению казачьих войск Первого Донского казачьего полка подьесаула Уланова, сроком приблизительно на один год в сопровождении штатного гелюна^[66] Потаповской станицы Войска Донского Дамбе Ульянова и переводчика той же станицы Лиджи Шарапова.

Для сохранения в тайне сего командирования полагалось бы по бывшим примерам уволить подьесаула Уланова в отставку под рубрикой «по домашним обстоятельствам» с условием обратного приема на военную службу по окончании командировки и с зачетом проведенного в ней времени за действительную службу с сохранением всех прав.

Вызываемый сей командировкой расход в сумме 13 840 рублей полагалось бы отнести на суммы запасного кредита Канцелярии Военного Министерства.

Кроме того, подьесаулу Уланову полагалось бы отпустить для вооружения его, спутников его, а равно для подарков 5 винтовок казачьего образца и 8 трехлинейных револьверов с надлежащим количеством патронов.

Испрашивается: благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству соизволить на изложенное?

Генерал-адъютант Куропаткин». ^[67]

Николай II придавал столь важное значение этой экспедиции, что 13 января 1904 г. записал в дневнике: «В 3 часа принял двух донских калмыков — офицера Уланова и ламу Ульянова, которые отправляются в Тибет...» (13. С. 135). На приеме Николай, не мудрствуя лукаво, приказал Уланову «разжечь тибетцев против англичан». Царь отдал приказ держать экспедицию в строжайшей тайне от... своего министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа. Замечу, что это был не первый и не последний случай, когда внешнеполитические дела царь вел за спиной своих министров иностранных дел.

В октябре 1904 г. разведгруппа прибыла в город Кульджа в Синьцзяне. Далее группа переделась в одеяния буддийских монахов и стала изображать паломников. В пути умер подьесаул Уланов, и руководство группой взял на себя лама Ульянов.

Группа прибыла в Лхасу в двадцатых числах мая 1905 г. «Паломников» встретили с большим почтением, приняв Ульянова за Великого Хубильгена или генна (высшего представителя буддийского духовенства). На поклон к нему стали приходить и местные жители, и иностранные паломники.

Ульянов вступил в тайные переговоры с голданом Гива-Рамбуче, который правил страной в отсутствие Далай-ламы. Рамбуче рассказал, что после прошедших антианглийских народных выступлений англичане ушли из Лхасы, но он опасается, что они могут вернуться. Рамбуче считал, что англичан больше сдерживала негативная реакция других стран на их вторжение, чем противодействие народа, который все равно не мог оказать им серьезного сопротивления. Рамбуче также высказал свое мнение о том, что отношение населения и лам к Далай-ламе не изменилось, тибетцы продолжали считать его своим духовным вождем. Рамбуче сам с нетерпением ждал возвращения Далай-ламы, но ситуация в Тибете оставалась пока нестабильной из-за опасности вторжения англичан.

Группа пробыла в Лхасе три месяца и 15 августа 1905 г. отправилась

обратно.

Информация Ульянова о ситуации в Тибете вызвала особый интерес в МИДе и в Военном ведомстве. В это время русская дипломатия вела тонкую работу с целью остановить английскую экспансию в Тибет и создать условия для укрепления позиций России в Китае. В проводившихся в то время дипломатических ходах вопрос о времени возвращения Далай-ламы в Тибет стоял не на последнем месте. Контакт с ним поддерживался постоянно. В Петербург часто приезжал его представитель Доржиев.

В марте 1906 г. Военное министерство предложило Далай-ламе вернуться в Тибет. Тот попросил усилить ему конвой, состоявший из казаков-бурят, поскольку путешествие предстояло дальнее и опасное. Эта просьба была удовлетворена. Но вопрос о конвое был настолько деликатным, что несколько раз обсуждался министром иностранных дел и военным министром с самим царем. Было опасение, что китайские власти увеличение конвоя для сопровождения Далай-ламы воспримут как недоверие к ним и заподозрят русское правительство в наличии каких-то особых планов решения тибетского вопроса.

Одновременно Далай-лама просил русское правительство отправить в Лхасу две научные экспедиции, которые в случае необходимости смогут укрыть его и переправить в безопасное место. Еще Далай-лама предлагал разместить на территории Монголии недалеко от тибетской границы подразделение из казаков-бурят, одетых в обычную одежду, для связи с русскими представителями и оказания ему в случае необходимости вооруженной поддержки.

Вскоре началась подготовка двух «научных» экспедиций для отправки в Тибет. Одной командовал капитан Козлов, второй — ротмистр Козаков.

В декабре 1906 г. Далай-лама отбыл из Монголии. Вначале он поселился на территории Китая в монастыре Гумбут в окрестностях Синина, вблизи тибетской границы, а затем переехал в Лхасу.

Активность России в тибетском вопросе произвела определенное действие на Лондон. В итоге в рамках общего четвертого русско-английского соглашения о разграничении сфер влияния в Средней и Центральной Азии, подписанного 18 (31) августа 1907 г. в Петербурге, по Тибету было принято компромиссное решение. В пункте 1 соглашения говорилось: «Обе стороны обязуются воздерживаться от всякого вмешательства в дела Тибета и сносятся с ним только через правительство Китая, исключая случаи, предусмотренные для Англии по ее соглашению с Китаем от 1904 и 1906 гг.», а в пункте 2: «Англия и Россия воздержатся от посылки своих диппредставителей в Лхасу». В приложении к соглашению,

касающемуся Тибета, говорилось: «Англия прекратит оккупацию долины Чэмби в Тибете, когда получит от Китая три взноса по 25 млн рупий каждый, а тибетские власти откроют тибетский рынок для Англии. Если это дело с урегулированием задержится, то Англия обменяется по этому поводу мнениями с Россией и проинформирует ее о ситуации» (37. Кн. первая. С. 759).

Кроме того, английское правительство попросило Россию не посылать в Тибет и не разрешать доступ туда в течение трех лет никаких русских и других научных экспедиций. Правительство России дало согласие на эту просьбу.

Как видим, в ходе переговоров Англии удалось выторговать для себя кое-какие уступки, но главная цель русской дипломатии — признание Тибета частью Китая — была достигнута.

Глава 26. Альбион притравливает японского дракона

Вопрос о занятии незамерзающего порта на Дальнем Востоке постоянно обсуждался руководством Морского и Военного ведомств еще с 70-х годов XIX в. Толчком же, заставившим поспешить Россию в этом вопросе, стали действия Германии и Англии.

Англия уже имела несколько военно-морских баз на Дальнем Востоке — Сингапур, Гонконг и др. В конце XIX в. англичане специально для войны с Россией закончили Трансканадскую железную дорогу до порта Ванкувер на Тихоокеанском побережье. Дорога эта имела не столько хозяйственное, сколько военное значение. Поэтому лорд Джон Макдональд, обращаясь к парламенту с предложением приступить к постройке Трансканадской железной дороги, ясно выразил все значение этого важнейшего пути: «Я рекомендую это великое предприятие не с коммерческой точки зрения, хотя я убежден, что и хозяйственная роль его будет велика, но — с точки зрения высших интересов Великобритании. Этот путь явится смычкой между востоком и западом Канады. Он обеспечит Англии экономическое общение с Японией и Китаем. Он явится безопасным путем для британских войск, если их понадобится перевозить к берегам Тихого океана» (14. С. 146).

На строительство этой дороги британское правительство потратило много денег, хотя сама эта дорога постройкой была отдана частной компании. Правительство субсидировало компанию суммой 5 млн фунтов стерлингов и отдало ей даром 25 млн акров земли.

Рядом с портом Ванкувер на одноименном острове англичане построили военно-морскую базу и береговую крепость Эскимо. Расходы на строительство базы оплачивались совместно Англией и Канадой. Первоначально, до 1902 г., на острове Ванкувер находился английский гарнизон, а в 1902 г. его сменил канадский.

Британское правительство мечтало и о захвате новой базы в Северном Китае. Внимание английских, германских и русских адмиралов привлекла бухта Циндао (Киао-чоу). Коллежский советник русского МИДа писал: «Стратегическое значение Циндао (Киао-чоу), в силу его географического положения, громадно, оно отдает в руки занявшего его весь Шаньдун и открывает свободный доступ в Пекин, упраздняя все Печилийские

укрепления как средства для обороны подступов к столице против владеющего названной бухтой» (43. С. 70).

В 1896–1897 гг. германский посол в Китае барон Гейканг несколько раз поднимал вопрос о передаче Циндао Германии. Китайское правительство отвечало Германии решительным отказом, ссылаясь, с одной стороны, на собственное намерение воспользоваться этой бухтой как стоянкой для возрождавшегося в те дни китайского флота, а с другой — на право первенства, принадлежавшего по отношению к этой бухте России.

Действительно, еще в 1895 г., в период переговоров с Японией, командовавший в это время соединенными эскадрами в Тихом океане вице-адмирал Тыртов 2-й на совещании со своими ближайшими сотрудниками — вице-адмиралом Макаровым и контр-адмиралом Алексеевым, указал именно на Циндао как на удобнейшую зимнюю стоянку русских судов. Эта же стоянка была необходима России потому, что Владивосток замерзал, рейд Чифу имел большие недостатки, корейские порты были неудобны тем, что телеграф там находился в руках японцев, а стоянка в японских портах, которой Россия пользовалась раньше, после событий 1895 г. оказалась уж совсем неудобной в политическом отношении. «Киао-чоу удовлетворяет условиям, имеется телеграф и провизия» (43. С. 70), — писал вице-адмирал Тыртов.

20 октября 1897 г. в Шаньдуне, недалеко от Циндао, местным населением были убиты два католических миссионера, по национальности немцы. Теперь Германия получила повод для захвата Циндао. 26 октября Вильгельм II отправил в Петергоф телеграмму, в которой, сообщая о самом факте нападения китайцев на католических миссионеров, находящихся под его личным покровительством, писал, что он обязан наказать этих китайцев и выражал уверенность, что Николай II ничего не будет иметь против его решения отправить германскую эскадру в Циндао, дабы с этого пункта действовать против «китайских разбойников». Вильгельм II писал, что Циндао — наиболее подходящая стоянка, что наказания необходимы и произведут хорошее впечатление на всех христиан, что он, император, несет известные обязательства перед католической партией в Германии и должен показать себя перед католиками способным оказать им покровительство.

Николай II ответил на эту телеграмму, что он не может быть ни за, ни против отправки германской эскадры в Циндао, поскольку недавно выяснилось, что стоянка там оставалась за русскими судами только временно, а именно на зиму 1895–1896 гг. Вместе с тем Николай II высказал опасения, что строгие меры наказания только вызовут волнения,

произведут тяжелое впечатление на Дальнем Востоке и расширят или углубят пропасть, уже и без того существующую между христианами и китайцами.

Утром 2 ноября 1897 г. три германских судна вошли в бухту Циндао, высадили двести человек десанта и разрушили телеграфную линию. Уступая угрозе германского адмирала, начальник китайского гарнизона очистил порт и укрепления и отступил, оставив орудия, снаряды, амунисию и припасы. Отправившийся к германскому адмиралу за объяснениями генерал Чжан был обезоружен и задержан немцами.

Германская пресса представила убийство двух миссионеров как угрозу всей германской нации. В помощь германской эскадре Тихого океана была немедленно отправлена вновь сформированная из четырех судов 2-я крейсерская дивизия под командованием брата императора принца Генриха. Отправка этих судов происходила с большой помпой и сопровождалась патриотическими манифестациями.

Германское правительство воспользовалось шаньдунским инцидентом и внесло в рейхстаг проект об усилении флота.

Китайское правительство пыталось сопротивляться. К Циндао был послан пятитысячный отряд, а князь Гун^[68] обратился к русскому послу А. И. Павлову с просьбой послать русскую эскадру в Циндао. Николай II сгоряча отдал приказ эскадре идти в Циндао, но 8 ноября приказ этот был отменен.

Потеряв надежду на помощь извне, Китай вступил с Германией в новые переговоры и в конце декабря 1897 г. заключил с ней особое соглашение, по которому Германия получала право на арендное пользование бухтой Циндао в течение 99 лет.

Любопытно, что район Циндао был подчинен ВМФ, а не министерству колоний Германии. За несколько лет Циндао превратился из маленькой рыбацкой деревушки в 60-тысячный город с многочисленными промышленными предприятиями и мощной крепостью. На Циндао стала базироваться эскадра германских кораблей.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что аннексия Циндао вызовет лавинообразную серию захватов других китайских территорий прочими империалистическими государствами, среди которых первыми будут Англия и Япония. Одним из самых лакомых кусочков Китая был Порт-Артур. Захват его был неизбежен. Вопрос заключался лишь в одном — кто это сделает.

Таким образом, России пришлось решать — занимать ли ей Порт-Артур или его займут другие. Кроме того, русской эскадре на Дальнем

Востоке давно уже требовался незамерзающий порт. Единственная военно-морская база на Тихом океане, Владивосток, зимой замерзала. Хороших ледоколов не было и приходилось или на полгода ставить эскадру на прикол, или на зиму уходить гостить в порты Японии или Китая. Обычно наши адмиралы предпочитали гостить в Японии. Причем не последним аргументом базирования в Нагасаки были любвеобильные гейши. Морское министерство рассматривало несколько вариантов создания незамерзающей военно-морской базы. Причем моряки отдавали предпочтение не Порт-Артуру, а базе на юге Корейского полуострова. Основные аргументы: контроль над стратегическим Цусимским проливом, защита Кореи от вторжения японцев и, наконец, Владивосток был вдвое ближе (почти на 800 миль).

Управляющий Морским министерством вице-адмирал Тыртов писал: «Помешать из далекого Порт-Артура подготовлениям Японии к внезапному занятию Кореи нам будет значительно труднее, чем английской эскадре из Безикской бухты захвату Босфора. Для того чтобы... своевременно разрушить такой план захвата и чтобы Япония не решилась на это предприятие в сознании риска неудачи и неизбежных громадных потерь, необходимо иметь опорную точку на юге Кореи. База эта... нужна сверх того как связующее звено Владивостока с Порт-Артуром. Станция в южной Корее являлась бы, кроме того, сильной угрозой... более многочисленному торговому флоту Японии. Приобретение такого порта должно составлять цель, к которой необходимо стремиться неуклонно...

Для обеспечения нашего спокойствия и развития на крайнем Востоке нам нужны не дальнейшие приобретения в Китае... а достижение преобладания на море. Но такое преобладание недостижимо одним уравнением наших сил в Тихом океане с японскими и даже некоторым излишком с нашей стороны, пока расстояния наших баз от объекта действий, т. е. Кореи, будут так велики, как теперь по сравнению с Японией, для которой всегда будет служить большим соблазном возможность... перебросить в Корею целую армию раньше, чем это даже будет известно во Владивостоке или Порт-Артуре. Поэтому нам необходимо стремиться приобрести... защищенную базу в юго-восточной части Кореи, предпочтительнее всего Мозампо,^[69] чтобы обеспечить себя от всяких неожиданностей со стороны Японии» (43. С. 74).

Как видим, и тогда нашим адмиралам были однозначно видны все недостатки Порт-Артура. Но дело решили экономические интересы и не столько России, сколько конторы Витте и К°. Им Порт-Артур нужен был не как военно-морская база, а как опорный пункт для торговой экспансии в

Северном Китае. А формально для царя и для общественности выдвигается совершенно справедливый аргумент — не захватим мы, захватят другие.

Действительно, захват немцами Циндао заставил Англию начать сосредоточение своей Тихоокеанской эскадры у Чусанских островов, недалеко от устья Янтсекианга. Намерения англичан были известны. Отдельные суда английской эскадры появились в Печилийском заливе.^[70] С конца ноября в Петербург стали поступать тревожные известия, что в Чифу ожидается британская эскадра в полном составе, что она идет затем в Порт-Артур, дабы предупредить Россию.

Посол Павлов сообщил об это в Петербург 25 ноября. 27 ноября из самого Чифу донес об этом русский консул Островерхов. Наконец, о подобных планах Англии намекнул русскому представителю в Пекине и германский посол барон Гейкинг.

Когда известие о намерениях англичан дошло до командующего Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала Федора Васильевича Дубасова, то он предложил Морскому министерству занять архипелаг Коргодо с портом Мозампо. Русская военно-морская база там, как доносил Дубасов, вполне разрешила бы вопрос о стратегическом упрочении России на берегах Восточного океана и давала русским опорный пункт, господствующий над сообщениями Кореи с Северным Китаем и Японией, связанный к тому же с Сеулом главной в Корее большой дорогой, расстоянием всего до 400 верст. 27 ноября 1897 г. Дубасов доносил в Петербург: «Мог бы занять эту базу и удержать, минировав второстепенные проходы и защищая эскадрой главные» (43. С. 77). Телеграмма эта была получена 30-го вечером, уже после того, как 29 ноября в 3 часа ночи в Нагасаки, где находилась русская эскадра, были посланы совсем иные распоряжения, расходившиеся с мнением командующего Тихоокеанской эскадрой. Впрочем, если бы его телеграмма и была получена до этих распоряжений, вряд ли Петербург изменил бы свое решение — занять не Мозампо, а Порт-Артур.

Барон Розен, русский посланник в Токио, писал: «Нам очевидно опасно оставление этой важнейшей для нас позиции в бессильных руках Китая» (43. С. 78). Того же мнения придерживались и в Петербурге. Управляющий МИДом граф Муравьев находил, что теперь по получении согласия китайского правительства на свободное посещение русскими судами китайских закрытых портов он находит вполне возможным и своевременным немедленную отправку нескольких русских судов в Порт-Артур, «дыбы предупредить занятие этой гавани другой нацией» (43. С. 78).

Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович заявил: «Надо

послать в Артур сильную эскадру». Николай II, как всегда, не имел ни своего мнения, ни вообще каких-то идей в области дальневосточной политики. Он традиционно колебался. Наконец, 28 ноября дядя Алексей уговорил царя согласиться на отправку русской эскадры в Порт-Артур.

29 ноября 1897 г. в 3 часа ночи контр-адмиралу Дубасову было послано по телеграфу приказание немедленно по получении этой телеграммы отправить в Порт-Артур отряд из трех судов. «Отряд должен спешить, — говорилось в депеше, — и по прибытии оставаться в этом порту впредь до распоряжения, причем судам быть готовым ко всяким случайностям. Сохраните поручение в строжайшем секрете даже от командиров; его должны знать только вы и Реунов. Официально назначьте посылку отряда в какой-нибудь другой порт. Остальные суда эскадры держите в полной готовности; уведомьте срочно о получении телеграммы и о выходе отряда» (43. С. 78).

1 декабря в Петербург пришло новое известие, что четыре английских судна спешно грузятся углем в Чифу и что они, по всей видимости, идут к Порт-Артуру. Очевидно, что англичане могли предупредить русских: от Чифу до Порт-Артура было несколько часов хода, от Нагасаки до Квантуна — два с половиной дня. В Морском министерстве начали беспокоиться. Наконец, 2 декабря от Дубасова была получена телеграмма о сделанных им распоряжениях, и депеша о состоявшемся в ночь на 1 декабря выходе контрадмирала Реунова из Нагасаки.

Предполагалось, что в Порт-Артуре уже могут находиться английские корабли. Поэтому Реунову было предписано тотчас же по прибытии в Порт-Артур заявить местным властям, что русские корабли, имея право в силу состоявшегося соглашения пользоваться китайскими арсеналами, пришли фактически осуществить это право; что вслед за отрядом Реунова придут и другие корабли русской эскадры, для которых нужно при помощи местного арсенала выполнить некоторые работы; что китайские власти должны передать это заявление английским кораблям, если последние находятся в Порт-Артуре или придут туда, и просить англичан об очищении места для русской эскадры.

Если же англичане не приняли бы заявления властей и приступили бы к занятию порта, то Реунов должен был до получения определенных указаний из Петербурга ограничиться энергичным протестом. Во всяком случае, он не имел права непосредственно требовать от иностранных судов, чтобы они покинули порт, а тем более начать против них какие-либо враждебные действия.

Но англичан в Порт-Артуре не оказалось. Когда 4 декабря задержанный в пути свежим ветром отряд Реунова появился на его внешнем рейде, там находилось всего два военных судна, да и то китайских. Английская же лодка «Дафнэ» пришла в Порт-Артур только 6 декабря. Несмотря на запрещение китайских властей, она вошла во внутренний рейд и, простояв три часа, ушла обратно.

Контр-адмирал Дубасов считал необходимым наряду с Порт-Артуром занять и Талиенван. 2 марта 1898 г. он телеграфировал в Петербург генерал-адмиралу: «Без поддержки Талиенвана — Порт-Артур мог быть изолирован, и связь их обоих с внутренней базой могла быть прервана» (43. С. 79). Об этом еще 27 ноября говорил управляющий Морским министерством граф Муравьев, считая, что одновременно с занятием Порт-Артура должны быть отправлены суда и в Талиенван. Как раз 2 декабря из Чифу был передан новый слух, будто бы Англия уже овладела Талиенваном. Поэтому 3 декабря в три часа ночи Дубасову было отправлено приказание Николая II немедленно послать в бухту Талиенван один крейсер и две канонерские лодки. «Невозможно позволить англичанам хозяйничать на севере» (43. С. 79), — телеграфировал великий князь Алексей Александрович.

8 и 9 декабря крейсер «Дмитрий Донской» и лодки «Сивуч» и «Гремящий» вошли в гавань Талиенвана. Английских судов там не оказалось. 17 декабря в Порт-Артур пришла канлодка «Кореец». Одновременно с ней пришли на внешний рейд и встали на якорь английские крейсера «Immortalite» и «Iphigenia». Китайцы подали им сигнал, что вход в порт запрещен, и англичане через некоторое время ушли.

Первоначальные отношения русских и китайцев были самые дружественные. Русский посол Павлов писал: «Китайские власти в Порт-Артуре и Талиенване оказывают нашим судам самое широкое внимание» (43. С. 80). Три китайских судна по очереди ходили в Чифу для подвоза русским кораблям провизии. Сухопутное китайское начальство предупреждало каждое желание русских моряков. Происходил взаимный обмен подарками, обедами и любезностями. Весь запас угля в Порт-Артуре был передан контрадмиралу Реунову совершенно бесплатно, затем по распоряжению центрального китайского правительства из Шанхайгуаня был выслан дополнительный запас угля для русских кораблей. Наши корабли пришли в Порт-Артур с минимальным запасом угля и без денег, так как при выходе из Нагасаки командирам дано было знать, что они идут в Фузан.^[71] А в Фузане уголь был уже заготовлен, и расстояние было недалеко. Когда же в море были вскрыты запечатанные конверты с

приказанием, оказалось, что отряд идет в Порт-Артур. «К счастью, угля хватило, но были и такие суда, которые висели на волоске» (43. С. 80), — писал один из очевидцев. По приходе же в Порт-Артур русских выручили китайцы.

Следуя инструкциям из столицы, генерал-губернатор Печили заявил английскому консулу в Тяньцзине, что «русские пришли в Порт-Артур для защиты интересов Китая».

Известие о появлении русских судов в Порт-Артуре вызвало тревогу в Англии и Японии. 18 декабря 1897 г. английская эскадра адмирала Бюллера в составе шести кораблей (общее водоизмещение 24 940 т) появилась на рейде Чемульпо. Тогда же разнеслись слухи о намерении англичан высадить десант на острова Чусан и в порт Гамильтон. 10 января 1898 г. газета «Starndart» напечатала самую воинственную статью, в которой лорд Уолсней заявил, что если война с Россией начнется, то она застанет британскую армию в блестящем состоянии.

Русскому послу в Лондоне приказано было заявить английскому правительству, что Россия крайне удивлена тревогой, возникшей как в лондонской печати, так и в общественных сферах столицы, что, по мнению русского правительства, интересы России и Англии на Дальнем Востоке не могут прийти в серьезное столкновение. Из дальнейших объяснений с английским премьером стало очевидно, что Лондон вполне удовлетворен этим ответом. Вообще же солидарность России с Германией невольно заставила Англию действовать с особой осторожностью. Уже 10 января 1898 г., в тот самый день, когда в Лондоне появилась статья в «Starndart», контр-адмирал Дубасов донес, что общее настроение стало спокойнее, что отношения русских и английских судов носят дружественный характер, а встречи между адмиралами русской и английской эскадр отличаются особенной любезностью.

В Японии появление русских судов у Квантуна вызвало ряд воинственных приготовлений. Всем адмиралтействам было приказано держать корабли в полной боевой готовности, поспешить с их ремонтом, вести работы даже ночью.

Министр иностранных дел Японии Нисси спросил русского посланника, какие цели преследовала Россия, занимая Порт-Артур, и имеют ли русские ввиду содействие или противодействие германским предприятиям в Китае. Барон Розен ответил, что занятие Порт-Артура стоит в прямой связи с занятием Циндао, что поступок немцев побуждает Россию искать обеспеченной стоянки вблизи Шаньдунского полуострова, что «наша политика всецело направлена к поддержанию мира и

спокойствия на Крайнем Востоке» и что посылка отряда для временной стоянки в Порт-Артуре, очевидно, лишь мера предосторожности, «ни против кого не направленная и принятая с согласия китайского правительства» (43. С. 80).

В то же время японский посланник в Пекине потребовал от китайцев объяснений и напомнил им данное при возвращении Ляодунского полуострова обещание не уступать этой местности никакой другой державе. Китайцы ответили, что о территориальной уступке Порт-Артура нет и речи и что по дружескому соглашению с Россией ее флоту лишь предоставлено право пользоваться Порт-Артуром и Талиенваном для временной стоянки.

Подобно Англии, Япония не решилась на активный протест. Она не могла не видеть, что «тройственный союз», с которым она уже имела дело в период ратификации Симоносекского договора, не рухнул, а живет. Все операции германской и русской эскадр, занявших в течение одного месяца у Китая три лучших северных гавани, были отлично согласованы. Конечно, Япония еще более убедилась бы в силе и прочности этого союза, если бы могла слышать, что сказал 5 декабря 1897 г. русскому послу в Берлине император Вильгельм II, беседуя с ним по поводу Циндао и Порт-Артура: «Ваши враги — будь то англичане или японцы — становятся и моими врагами, и какими бы агрессивными они ни были, как бы ни противостояли вашим интересам, будьте уверены в том, что германская эскадра станет бок о бок с вашими военными судами» (43. С. 80). Таким образом, управляющий Морским министерством был прав, сообщая 9 января Дубасову, что «опасаться неприязненных действий Японии или Англии нет оснований» (43. С. 80).

За день до прихода русской эскадры в Порт-Артур китайцы попросили у России новый заем в сто миллионов лан. Деньги Китаю были крайне необходимы для выплаты Японии последних взносов денежной контрибуции. 2 декабря 1897 г. Д. Д. Покотилов^[72] передал министру финансов России просьбу Китая, чтобы Россия гарантировала и этот заем подобно тому, как она уже обеспечила заем 1895 г. В ответ на это С. Ю. Витте 4 декабря уведомил Покотилова, что Россия возьмет на себя совершение нового займа при условии, если Китай: 1) предоставит ей надлежащие гарантии в исправности своих платежей по этому займу; 2) подтвердит в безусловной форме разрешение южного направления Китайской Восточной железной дороги (т. е. задуманного в то время направления на Бодуне и Нингуту взамен нынешнего направления на Цицикар и Нингуту); 3) примет на себя обязательство не допускать никаких

иностранцев, кроме русских, к сооружению железных дорог и к эксплуатации других промышленных предприятий во всех трех провинциях Маньчжурии, а равно и в Монголии и т. д. А кроме того, Китай предоставит России выбрать гавань для устройства порта для Добровольного флота, причем в новый порт будут иметь право входить все суда под русским флагом.

12 марта 1898 г. в Желтое море вошли прибывшие с Балтики броненосные крейсера «Рюрик» и «Дмитрий Донской». Но еще 11 марта китайские сановники в Пекине на переговорах с русским послом А. И. Павловым согласились передать России Порт-Артур и Талиенван с прилегающими территориями в аренду сроком на 25 лет. Статья 6-я соглашения определяла, что Порт-Артур для военных и коммерческих судов других государств будет считаться закрытым портом, но зато Талиенван, кроме одной из его внутренних бухт, будет считаться открытым для иностранной торговли, и доступ в него будет предоставлен коммерческим судам всех наций.

Параллельно с переговорами в Пекине русское командование вело переговоры в самом Порт-Артуре с местным начальством — генералами Сун-Цином и Ма-Юйкунем. Под их началом только в Порт-Артуре состояло 7500 человек пехоты и конницы при двадцати полевых орудиях. В конце концов, генерал Сун-Цин получил 100 тыс. рублей, а генерал Ма-Юйкунь — 50 тыс. рублей. Досталось и мелким чиновникам.

28 февраля Павлов сообщил Колесову, прикомандированному в качестве переводчика к русской эскадре: «...в мое распоряжение уже предоставлены денежные средства на выдачу пособия китайским властям Порт-Артура и Даляньваня, дабы привлечь их на нашу сторону... Полагаю чиновникам категории Гу, Ли, Хо практичнее всего определить теперь ежемесячно от 100 до 200 лан со дня прихода наших судов в Порт-Артур и обещать единовременно более крупную сумму в несколько тысяч лан» (43. С. 81).

Трудно сейчас сказать, что произвело большее впечатление на китайских военных — приказ из Пекина, «живые» деньги или 12-дюймовые пушки броненосцев «Сисой Великий» и «Наварин». Но меньше чем за сутки (с 15 на 16 марта) все китайские солдаты покинули Порт-Артур. Взятка китайским генералам окупалась хотя бы тем, что в Порт-Артуре ими были оставлены в исправном состоянии десятки мощных крепостных орудий, многие из которых позже участвовали в обороне крепости в 1904 г.

На занятие Порт-Артура Англия ответила традиционным британским

шантажом — послала мощную эскадру в Желтое море. Эта эскадра превосходила по силе русскую, но у наших адмиралов на сей раз оказались крепкие нервы, и они попросту игнорировали англичан. Отважиться на войну против России без союзников Англия бы никак не осмелилась.

Поскольку владычице морей не удалось отстоять китайский суверенитет над Порт-Артуром, она решила захватить у Поднебесной империи порт Вэйхайвэй^[73] с окрестностями. 25 марта 1898 г. Англия потребовала от китайского правительства уступки Вэйхайвэя на северном побережье Шаньдуна, дабы иметь собственную базу на подступах к Пекину. Заодно английское правительство заявило претензии на увеличение своих владений на полуострове Цзюлун (Коулун) на материке напротив Гонконга. Аренда Цзюлуна была оформлена англо-китайским договором от 9 июня, а аренда Вэйхайвэя — 1 июля 1898 г.

Одновременно британская дипломатия добилась расширения прав английского судоходства по рекам Китая. Так, она получила фактическое признание бассейна реки Янцзы, богатейшей части Китая, в качестве сферы влияния Англии. Забегая вперед, замечу, что сразу же после занятия Вэйхайвэя Англия сосредоточила там мощную эскадру. С 1900 г. в ее составе находилось не менее пяти новейших британских броненосцев, а также крейсера, миноносцы и другие суда. Назначение этой эскадры понятно уже из того, что все пять броненосцев ушли с Дальнего Востока в Англию в течение месяца после Цусимского боя.

В декабре 1900 г. в первом номере социал-демократической газеты «Искра» была опубликована статья В. И. Ленина «Китайский вопрос». Там говорилось: «Одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то бишь «арендовать» китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая...

Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний...

Ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны... Вспомните восстания индийских туземцев против Англии и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами...»^[74]

Указывая на размеры вызванных войной расходов, Ленин писал о политике русского царизма: «И эти бешеные деньги бросает правительство,

которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на казенных заводах, из мелких служащих...»

Эта статья интересна не только отражением точки зрения русских социал-демократов — будущих большевиков и меньшевиков, взгляды которых по данному вопросу не расходились. Увы, и сейчас на просторах «СНГовии» есть немало либералов-антикоммунистов, разделяющих взгляды Ленина, но выражающих их куда менее внятно. Вот, мол, какая императорская Россия, захватила Порт-Артур и покушалась на всю Маньчжурию. Уж куда лучше деньги потратить на обустройство Дальнего Востока, переадресовать на нужды народного образования, здравоохранения и т. п. Допускаю, что такая позиция была бы справедлива, если бы Англия, Германия, Япония и другие государства не вели экспансии в Тихоокеанском бассейне вообще и в Китае в частности. Если бы Россия не заняла Порт-Артур, она через несколько лет получила бы сильного и агрессивного противника вдоль всей многотысячекилометровой границы от Байкала до Владивостока, т. е. то, что мы имели в 1935–1945 гг.

И, надо заметить, что такое развитие событий предсказывали десятки русских генералов, дипломатов и журналистов с 1894 по 1903 г. Разница была лишь в том, что до 1900 г. наиболее вероятным считался захват всего или только Северного Китая Англией, т. е. индийский вариант с созданием огромной «туземной» армии, вышколенной британскими инструкторами, которая неизбежно будет выдвинута к русским границам. А с 1900 г. стал преобладать японский вариант, т. е. перспектива захвата Маньчжурии Японией.

О захвате Англией Вэйхайвэя и Гонконга уже говорилось. В 80-х гг. XIX в. Англия захватила Сингапур, Малайю и северную часть острова Борнео, а также ряд архипелагов в Тихом океане, имевших важное стратегическое значение. Среди них были острова Гилберта (1892), острова Эллис (1892), острова Санта-Крус (1898), Соломоновы острова (1885) и т. д.

Франция в 1880-х гг. оккупировала Камбоджу, Лаос и Вьетнам, а также ряд архипелагов в Тихом океане (Новая Каледония, острова Лояли, острова Общества, Маркизские острова и др.).

Германия, кроме Циндао, захватила западную часть Новой Гвинеи, Марианские острова, Маршалловы острова, Каролинские острова, архипелаг Бисмарка, острова Западные Самоа и т. д.

Соединенные штаты в 1893 г. окончательно присоединили к себе

Гавайские острова, а в ходе испано-американской войны захватили Филиппинские острова (янки будут оттуда выбиты японцами лишь в 1942 г.), острова Гуам, Уэйк, Мидуэй, архипелаг Восточные Самоа и т. д.

В такой ситуации у России не было иного выхода, чем укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. В ином случае ее бы попросту выкинули с берегов Тихого океана.

Занятие Порт-Артура и постройка КВЖД поставили перед русским правительством сложный вопрос — как их охранять? Восстание «боксеров» показало в Китае, что охранная стража КВЖД способна защищать дорогу лишь от шаек хунгузов.^[75] В правящих кругах России никто не сомневался в целесообразности укрепления крепости Порт-Артур, усилении Дальневосточной эскадры и создании надежной защиты для КВЖД. Вопрос был лишь в том, как и в каком объеме это делать.

Занятие Россией Порт-Артура многими европейскими политиками и журналистами было воспринято с явным удовольствием и, я бы сказал, с радостью. Причем речь идет не о друзьях, а о заклятых врагах России. По этому поводу наиболее ясно выразилась германская газета «Fremdenblatt»: «Весь цивилизованный мир должен единодушно радоваться, что Россия так глубоко увязла в делах Дальнего Востока и что европейские и особенно балканские дела теперь надолго избавлены от ее грубого и кичливого влияния» (43. С. 93). Таким образом, Англия гарантировала для себя целостность Индии, Австрия — свободу на Балканском полуострове, Германия — в Турции и Малой Азии.

Но, увы, и политики, и газетчики на Западе в своих расчетах глубоко ошиблись. Они исходили из того, что русский царь и его министры имеют хотя бы посредственные умственные способности. На самом же деле на русском троне сидел Хлестаков, мечтающий о временах тишайшего царя Алексея, в правление которого русская экспансия на Восток никак не зависела от европейской политики России. Министры же, как умные, так и глупые, боялись говорить то, что не нравилось государю.

В результате этого после занятия Порт-Артура русская политика в Европе не изменилась. Руководство армии и флота докладывало царю, что Россия в состоянии иметь флот на Дальнем Востоке, существенно превосходящий японский, и в то же время оставшиеся на Балтийском флоте силы будут равны по мощи всему Германскому флоту. Армия готовилась к наступательной войне с Германией. А параллельно продолжалась подготовка к захвату Проливов на юге. И все это делалось в исключительно благоприятной для России внешнеполитической обстановке. Германия в 1894–1905 гг. не была еще готова к войне на два фронта (одновременно с

Россией и Францией). Турция переживала очередной период внутренней нестабильности и абсолютно не была готова к войне даже в союзе с Англией. Британия на три года (1899–1902 гг.) погрязла в англо-бурской войне, а главное, на Даунинг-стрит все с большим и большим опасением смотрели на возрастание экономической и военно-морской мощи Германии. Итак, Англии тоже было не до России.

Однако в этот момент британские дипломаты сумели найти себе достаточно сильного союзника в лице Японии. Сразу замечу, что союз со Страной восходящего солнца был нужен не только против России, но в перспективе и против Германии, и он действительно сработал и в 1904, и в 1914 гг.

Первые зондажи о возможности заключения англо-японского союза были начаты в марте 1901 г. в Лондоне. Их вели японский посол Хаяси и министр иностранных дел Англии Ленсдаун. Условия союза стали предметом длительных споров в правящих кругах Лондона и Токио.

Только 8 октября 1901 г. Хаяси получил указание возобновить переговоры об англо-японском соглашении. 16 октября он изложил Ленсдауну содержание японского предложения: Япония всегда более заинтересована в Корее. В Маньчжурии она заинтересована якобы лишь постольку, поскольку захват этой области Россией легко может привести к захвату ею также и Кореи. Японское правительство желало бы иметь с Англией такой союз, который обеспечивал бы каждому участнику военную помощь союзника на случай войны из-за интересов на Дальнем Востоке более чем с одним противником.

6 ноября Ленсдаун встретился с Хаяси и передал ему английский проект союзного договора. Британское правительство предложило расширить сферу действия союза за пределы Дальнего Востока. Оно желало иметь японскую помощь также и на случай войны из-за Индии. Зато в отношении Кореи английский проект предусматривал совместные действия только в целях предотвращения захвата ее Россией.

Японское правительство возражало. Оно не соглашалось, с одной стороны, расширить сферу союзных обязательств за пределы Китая и Кореи, а с другой — желало распространить действие договора не только на случай покушения третьей державы на Корею, но и на войну из-за любых попыток какой-либо державы ограничить господствующее влияние Японии в этой стране. Иными словами, Япония хотела получить поддержку Англии на тот случай, если Россия будет мешать Японии самой произвести фактический захват Кореи.

Параллельно с переговорами Хаяси состоялся визит в Европу бывшего

японского премьера маркиза Ито. 13 ноября 1901 г. он прибыл в Париж и встретился с Делькассе.

Французский министр иностранных дел был крайне заинтересован в примирении Японии с Россией. Он всеми силами стремился избавить свою союзницу от необходимости отвлекать свои войска от германской границы в Восточную Азию. Делькассе убеждал Ито в необходимости соглашения с Россией. Он рассчитывал, что Япония нуждается в средствах, и Ито будет просить о предоставлении займа, но этого не произошло. Ито только выразил надежду, что соглашение будет достигнуто, и пообещал в случае необходимости прибегнуть к посредничеству Франции.

12 (24) ноября Ито прибыл на берега Невы. Японский дипломат Исии писал в «Дипломатических комментариях», что «русские деятели... и сам царь устроили более чем королевский прием маркизу Ито. Они говорили с ним о политических вопросах и заняли чрезвычайно благожелательную позицию» (19. С. 39).

В беседах с Николаем II, Ламздорфом и Витте Ито требовал установления японского протектората в Корее, на что ему было заявлено, что интересы России требуют обеспечения свободы плавания по Корейскому проливу. Если это условие будет принято, то Россия признает промышленные и коммерческие интересы Японии в Корее. Русское правительство было готово предоставить Японии преимущественное право «подавать советы» и оказывать «помощь», в том числе и военную, корейскому правительству. Но, признавая право Японии вводить в Корею свои войска, русское правительство настаивало, чтобы численность этих войск и сроки их пребывания в Корее были ограничены и чтобы Корея не использовалась Японией «для стратегических целей» против России. Японские войска не должны были переступать определенную зону вдоль русско-корейской границы. В обмен от японцев требовалось признание русского преобладания в Маньчжурии и других областях Китая, граничащих с Россией. Япония должна была «ни в чем не стеснять там свободы действий России».

Сотрудник японского посольства в Лондоне привез в Петербург к Ито проект англо-японского договора, хотя информировать Ито об этом можно было бы гораздо проще — по телеграфу из Токио. Но специально был выбран более демонстративный способ. Ито посоветовал своему правительству не торопиться с подписанием союза с Англией, пока не выяснится полностью вопрос о возможности заключить выгодное соглашение с Россией.

В конце переговоров в Петербурге Ито предложил продолжить

переговоры и заключить соглашение в Токио, куда он и выехал через Италию. Внезапно 17 января 1902 г. в Петербурге было получено извещение о заключении договора между Англией и Японией.

Причины столь резкого поворота японской дипломатии не ясны до сих пор. Советские историки склонны винить в этом генералов Катцура и Ямагато, занимавших ключевые посты в японском кабинете (21). Исследования же В. А. Золотарева (43) указывают и на жесткий нажим британского правительства на Японию.

Как бы то ни было, 18 (30) января 1902 г. Ленсдаун и Хаяси подписали союзный договор. В первой его статье обе стороны признавали друг за другом право на охрану в Китае и Корее своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее, и потребуется интервенция какой-либо из договаривающихся сторон для защиты жизни и собственности ее подданных» (21. Т. II. С. 537).

Таким образом, договорные обязательства касались не только отпора покушениям третьей державы на захват Кореи или Китая. Они предусматривали также «право» на противодействие любым попыткам третьей державы — предположительно, России — «угрожать интересам» Японии или Англии в этих двух странах Восточной Азии. В высшей степени растяжимые формулировки статьи 1 предоставляли широкие возможности для изыскания поводов как для вмешательства во внутренние дела Китая и Кореи, так и для развязывания войны против России. Если бы, например, Россия воспротивилась каким-либо агрессивным действиям Японии в Корее, то японскому правительству было бы нетрудно подвести этот случай под формулировки статьи 1 англо-японского договора. Оно могло бы заявить, что, противодействуя Японии, Россия «угрожает» японским интересам.

Статья 2 обязывала каждую из договаривающихся сторон соблюдать строгий нейтралитет в случае, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется вовлеченной в войну с третьей державой.

В случае войны одного из союзников с двумя или более державами договор (статья 3) обязывал другого его участника оказать союзнику военную помощь.

Этот англо-японский союзный договор стал крупной победой японской дипломатии. Об Индии в договоре не было сказано ни слова, зато в отношении Кореи и Маньчжурии договор обеспечивал Японии все, чего добивалось ее правительство. Договор этот давал возможность Японии

начать войну против России, не опасаясь, что какая-либо держава окажет России вооруженную поддержку, поскольку воевать бы тогда пришлось не только с Японией, но и с ее союзницей — Англией. Договор был одобрен парламентом и опубликован.

Заключение англо-японского союзного договора сопровождалось обменом секретными нотами. В них устанавливалось, что «в мирное время» военно-морские силы обеих сторон, «насколько это возможно», будут действовать согласованно и что будут предоставлены взаимные льготы в использовании доков и в снабжении углем военных кораблей каждого союзника в портах другого. В нотах констатировалось, что в данный момент Англия и Япония содержат на Дальнем Востоке силы, превосходящие морскую мощь любой другой державы. Обе союзницы заверяли друг друга, что они не имеют намерения ослаблять усилий к сохранению такого превосходства.

Англо-японский договор оживленно обсуждался в Европе. В Германии не скрывали злорадства, считая, что этот договор поставит в затруднительное положение и Англию, и Россию. Некоторые берлинские газеты дошли до того, что объявили этот договор делом германского правительства. Во Франции считали, что англо-японский договор направлен главным образом против России, и решили, что Франция, как союзница, обязана внимательно отнестись к указанному договору, способному, кроме того, повлечь за собой и борьбу против французского влияния в южных провинциях Китая. Соединенные штаты приняли этот союз «скорее хорошо, чем дурно», так как им все же проповедовался в китайской политике принцип открытых дверей, причем статс-секретарь Хэй заявил, что англо-японское соглашение «вполне соответствует американским интересам» (43. С. 323).

В России, увы, должного значения этому договору не придали. Хотя еще в 1897 г. в особой записке от 12 апреля русский посол в Токио барон Розен высказал предположение, что в корейском вопросе Япония будет искать опоры в Англии и найдет здесь полное сочувствие и нравственную поддержку. «Англия нуждается на Дальнем Востоке в союзнике, — писал Розен, — который поддерживал бы сухопутными войсками действия английского флота. Такого союзника она могла бы найти в лице Японии с ее превосходно организованной и сравнительно сильной армией. Вследствие этого Англия и стремится всеми силами втянуть Японию в союз с собой, который обеспечил бы за ней преобладание, которого она, несомненно, ищет как здесь, так и повсюду» (43. С. 323).

Кстати, в Петербурге вспомнили и высказывание старого русофоба

лорда Керзона, сделанное им в Палате общин еще 7 (19) июля 1897 г. в ответ на запрос сэра Чарльза Дилька. Керзон определил интересы Англии так: во-первых, «чтобы независимость Кореи была обеспечена» и «чтобы она не была поглощена территориально или административно Российской империей»; во-вторых, «чтобы корейская территория и корейские порты не сделались базисом для планов территориальных расширений, могущих нарушить равновесие сил на Крайнем Востоке и дать одной державе (естественно, России. — А. Ш.) военно-морское преобладание в восточных водах». Лорд Керзон закончил свои объяснения словами: «Какие бы то ни было попытки одной державы вроде тех, которые я описывал, найдут нас готовыми к охране там наших интересов» (43. С. 323).

В начале 1902 г. Ламздорф обратился к французскому правительству с предложением совместно выступить с ответом на англо-японский союз. Французское правительство не одобряло отвлечения сил России на Дальний Восток, но все же согласилось на то, чтобы 20 марта 1902 г. оба союзных правительства опубликовали общую декларацию. В ней говорилось: «Будучи вынужденными учитывать возможность враждебных действий других держав, либо повторения беспорядков в Китае... оба союзных правительства оставляют за собой право озаботиться в такого рода случаях принятием мер, необходимых для охраны их интересов» (21. Т. 11. С. 538).

Декларация эта намекала правительствам Японии и Англии на возможность франко-русского сотрудничества на Дальнем Востоке, но вопрос, примет ли это сотрудничество военные формы, оставался открытым. Поэтому декларация имела малообязывающий характер, Франция не оказала своей союзнице существенной политической помощи на Дальнем Востоке.

Чтобы более не возвращаться к отношениям России и Франции в 1900–1905 гг., скажу, что в 1893 — начале 1894 г. был заключен русско-французский союз, основанный на ряде политических и военных соглашений, подписанных обеими сторонами. Советские и нынешние «демократические» историки смотрят на этот союз сквозь призму 1914 г. и рассматривают его исключительно как союз против Германии. Но русское правительство полагало, что Франция будет союзницей России и в конфликтах с другими странами. Причем для этого были вполне реальные основания.

В 70–80-х гг. XIX в. произошло несколько серьезных дипломатических конфликтов между Англией и Францией, когда дело шло к вооруженным столкновениям. Это касалось Египта, Судана, Экваториальной Африки,

Индокитай и т. д. В ряде случаев в те годы русская и французская дипломатия действовали единым фронтом против англичан.

Летом 1900 г. состоялось совещание начальников Генеральных штабов России и Франции. Принятые на них решения, зафиксированные протоколом от 2 июля, вносили во франко-русский союз еще два важных изменения. Первая поправка касалась Австро-Венгрии, а вторая — Англии. Впервые союзнические обязательства России и Франции распространялись на случай войны против Англии, правда, не автоматически, как против Германии, а только при условии, что оба правительства приняли бы специальные решения «об ожидании взаимной помощи в возможной войне с Англией». В протоколе говорилось: «Если Англия нападет на Францию, то Россия в состоянии совершить тактическую диверсию в пользу Франции на границах Афганистана и Британской Индии» с целью «произвести в Англии большой моральный эффект» (21. Т. II. С. 486). В протоколе указывалось, что после завершения строительства железной дороги Оренбург — Ташкент Россия сможет сосредоточить для этой цели в течение шести недель до 300–350 тыс. человек. В связи с этим Франция предоставила России заем на строительство железной дороги в Средней Азии.

Если же Англия нападет на Россию, то «Франция может произвести в пользу России диверсию путем концентрации на побережье Ла-Манша от 100 до 150 тыс. человек» (21. Т. II. С. 486).

Таким образом, имелся в виду только случай нападения со стороны Англии. Если бы война с Англией перешла в войну с Германией, то Германия стала бы для обеих союзниц основным противником. То есть франко-русский союз теперь направлялся и против Англии, хотя Германия и признавалась главным противником.

На самом же деле французское правительство не только не собиралось ссориться с Англией, но и желало союза с ней. А антибританское соглашение с Россией предназначалось, с одной стороны, с целью задобрить и усыпить бдительность восточного партнера, с другой — легонько пошантажировать Англию.

Дипломаты с обоих берегов Канала быстро нашли общий язык. Весной 1903 г. состоялся визит нового короля Эдуарда VII в Париж. (Королева Виктория умерла 22 января 1901 г.) Визит этот носил характер эффектной демонстрации сближения Англии и Франции. В Париже король много говорил о том, что время вражды ушло в прошлое и что должна наступить эра англо-французской дружбы.

Летом 1903 г. президент Французской республики Лубэ прибыл с

визитом в Лондон. Его сопровождал Делькассе — главный поборник англо-французского сближения. Между Делькассе и главой Форин оффис лордом Ленсдауном начались деловые переговоры. После отъезда гостей переговоры продолжились между Ленсдауном и французским послом Камбоном.

Главной темой переговоров было устранение колониальных разногласий между Англией и Францией. Французская сторона выдвинула вопрос о Марокко и Сиаме, а англичане добавили и Египет.

Заключенный 8 апреля 1904 г. договор принял форму соглашения о разделе колоний. Пресса обеих стран окрестила его «сердечным согласием».

Договор Антанты^[76] представлял собой очень любопытный документ. Он состоял из двух частей: открытой, предназначенной для опубликования, и секретной.

В открытой декларации «О Египте и Марокко» английское правительство заявило, что оно не имеет намерения изменять политический статус Египта и Марокко. В статьях же секретного соглашения в полную противоположность статьям публичной декларации предусматривалась возможность изменения «политического статуса» как Марокко, так и Египта.

Отдельной декларацией устанавливался раздел Сиам между Англией и Францией на сферы влияния по реке Менам. Западная часть страны, граничащая с Бирмой, становилась сферой влияния Англии, а восточная, граничащая с Индокитаем, — Франции.

После заключения соглашения с Францией британское Адмиралтейство стянуло в метрополию из Средиземного моря и других многочисленных владений Англии около 160 боевых кораблей. После создания Антанты английские коммуникации по всему миру оказывались в относительной безопасности, их теперь обеспечивал французский флот. А свои основные военно-морские силы Англия теперь сосредоточила против Германии. Раньше главные базы английского флота располагались по побережью Ла-Манша, напротив французских берегов, а с 1903 г. Англия начала строить крупные военно-морские базы на своем восточном побережье, обращенном в сторону Германии.

Английское Адмиралтейство подумывало, а не лучше ли заблаговременно, посредством неожиданного нападения, разбить германский флот, как это когда-то сделали англичане с датским флотом на Копенгагенском рейде. Адмирал Фишер и первый гражданский лорд Адмиралтейства Ли придерживались мнения, что внезапный удар по

неприятельскому флоту был бы, с военной точки зрения, самым целесообразным способом действий. «Если возникнет война, британский флот сумеет нанести первый и сокрушительный удар, прежде чем противная держава узнает из газет, что война объявлена» (21. Т II. С. 561), — говорил лорд Ли.

Поведение Франции в конце XIX в. и особенно после 1902 г. ясно показывает, что ни на какой конфликт с Англией ради России она не пойдет, и в лучшем случае можно рассчитывать на ее нейтралитет как в случае войны с Японией, так и с Англией.

Стать противовесом Англии могла только Германия, но этого не понимали ни Николай II, ни его тугодумы с Певческого моста.^[77] Тот же Ламздорф и К° были не прочь использовать Германию против Англии и Японии, но платить не хотели. А минимальная плата Германии заключалась в русской гарантии стабильности существующих европейских границ, на что Николай II никак не мог решиться.

Возвращаясь к Англии, стоит заметить, что владычица морей еще с 80-х гг. XIX в. стала помогать строить японский флот.

В 1895 г. японское правительство сразу же после окончания войны с Китаем приняло первую программу усиления своего флота. Япония планировала начать постройку кораблей всех классов, и в первую очередь эскадренных броненосцев, броненосных крейсеров и миноносцев, предназначенных для ведения активных наступательных действий. Поскольку японская судостроительная промышленность была еще не достаточно развита, правительство разместило заказы на постройку кораблей, предусмотренных программой 1895 г., за границей.

Таблица 6. **Корабли, построенные для Японии за границей**

Класс кораблей	Количество	Место постройки
Эскадренные броненосцы	4	Англия
Броненосные крейсера 1-го класса	6	Англия, Франция
Небронированные крейсера	5	Англия, США
Минные крейсера	3	Япония
Минные истребители (эсминцы)	11	Англия
Миноносцы водоизмещением более 100 т	23	Франция, Германия
Миноносцы водоизмещением более 800 т	31	Франция, Германия
Миноноски	35	Япония

В 1896 г. японское правительство, считая судостроительную

программу 1895 г. недостаточной, дополнительно приняло рассчитанную на 10 лет программу, предусматривавшую постройку главным образом крейсеров и значительного количества эсминцев, а также оборудование военно-морских баз и портов, предназначенных для обеспечения боевой деятельности японского флота в Желтом и Японском морях.

Третья судостроительная программа была принята на специальном заседании японского парламента в июне 1903 г. 2 февраля 1904 г., т. е. буквально перед началом войны, японское правительство заключило в Лондоне контракты с фирмами Виккерса и Армстронга на поставку двух эскадренных броненосцев «Кашима» и «Катори» водоизмещением 16400 т каждый. Вооружение броненосцев составляли четыре 304/45-мм, четыре 254/45-мм и двенадцать 152/45-мм пушек.

«Кашима» был заложен 29 февраля 1904 г. на верфи Армстронга в Эльсвине, а «Катори» — 27 февраля 1904 г. на верфи Виккерса в Барроу, т. е. уже после начала Русско-японской войны. Спущены броненосцы были 22 марта 1905 г. и 4 июля 1905 г. соответственно. В строй они вошли одновременно — 23 мая 1906 г.

Как видим, нейтральная Англия наплевала на все международные законы и соглашения и буквально в бешеном темпе, менее чем за полтора года ввела в строй два мощнейших броненосца.

Глава 27. Британский вектор в Русско-японской войне

Англия формально соблюдала нейтралитет в русско-японской войне, но, по мнению автора, именно позиция Англии стала одним из главных факторов поражения России.

Беспрецедентным в истории военного морского права стал провод британскими моряками под конвоем королевского крейсера двух японских броненосных крейсеров из Италии в Японию.

В марте — мае 1902 г. на итальянской верфи Ансальдо в городе Сестри-Поненте (близ Генуи) были заложены для Аргентинского флота два броненосных крейсера водоизмещением по 7628 т — «Митра» и «Рока». Весной 1903 г. их переименовали в «Бернардино Ривадавия» и «Маонано Морено».

За время их постройки произошли важные политические изменения — пограничный спор между Чили и Аргентиной разрешился мирным путем, причем обе стороны в соглашениях, заключенных в мае, июле и декабре 1902 г., обязались установить равновесие морских сил. Помимо других мероприятий, предусматривалась продажа ранее заказанных кораблей. Третий пункт договора, подписанный в Буэнос-Айресе, гласил: «Правительства республик обязуются теперь же известить соответствующие заводы, что строящиеся у них корабли по взаимному соглашению предоставлены в распоряжение его величества короля Великобритании и без его личного приказания не могут быть переданы какой бы то ни было державе».

К тому времени аргентинские корабли уже находились в высокой степени готовности, а в январе 1903 г. спустили на воду и чилийские броненосцы «Контитусьон» и «Либертад». Представители обоих недавно конфликтовавших государств, действуя через посредников, срочно искали покупателей. Русско-японские отношения к началу 1903 г. мало у кого вызывали сомнения в неизбежности скорой войны на Дальнем Востоке.

28 ноября 1902 г. вице-адмирал итальянского флота Кандиани направил личное письмо своему старому знакомому по службе на Средиземном море вице-адмиралу Н. И. Скрыдлову с предложением фирмы «Орландо» продать заложенный для Аргентины броненосец типа «Витторио Эммануэле» водоизмещением 12 600 т. Речь шла, очевидно, о

корабле, который Аргентина только собиралась заказать Италии. Скрыдлов доложил об этом начальнику Главного морского штаба вице-адмиралу Ф. К. Авелану, который 17 декабря сообщил мнение управляющего Морским министерством адмирала П. П. Тыртова — есть указание Николая II строить корабли только на русских верфях. С Тыртовым в данном случае трудно не согласиться — предлагаемый броненосец существовал только на бумаге. 20 января 1903 г. адмирал отказался от приобретения уже спущенных на воду в Англии броненосцев, предложенных России чилийским правительством через торговый дом Ротшильдов.

28 апреля 1903 г. министр иностранных дел России В. М. Ламздорф направил управляющему Морским министерством Ф. К. Авелану копию донесения посольства в Риме: представитель фирмы «Ансальдо» Ф. М. Перроне конфиденциально предложил послу купить два чилийских броненосца.

В начале августа в Главный морской штаб поступило письмо от фирмы «Ансальдо», датированное 27 июля 1903 г., с предложением купить крейсера: «Дело идет о двух судах современного типа, мощных, быстроходных, хорошо бронированных, с мощной артиллерией. При испытаниях первый из них дал свыше 18,5 узлов при естественной тяге и даст свыше 20 узлов при искусственной».

Несмотря на обострение обстановки, адмирал З. П. Рожественский решил действовать «на основе ранее принятого решения» и 9 августа уведомил посольство в Риме о том, что Морское министерство не намерено приобретать суда. Рожественский считал достаточным обеспечить равенство русского флота с японским, полагая, что превосходство ни к чему, поэтому ограничился «плановыми мероприятиями». Постройка русских кораблей шла обычным порядком, а на Дальний Восток отправлялись два очередных броненосца и два крейсера, из которых, несмотря на спешку, к началу войны в Порт-Артур успели прийти только «Цесаревич» и «Баян».

В ноябре Япония мобилизовала свой флот, а 6 декабря Главный морской штаб вновь отклонил сделанное через морского агента в Лондоне капитана 1 ранга И. Ф. Бострема предложение аргентинского консула продать строящиеся в Италии крейсера с полным боевым запасом. В итоге 29 декабря 1903 г. крейсера были куплены Японией.

К этому времени на пути на Дальний Восток находился отряд русских кораблей под командованием контр-адмирала А. А. Вирениуса. В отряд входили: эскадренный броненосец «Ослябя», крейсера 1 ранга «Дмитрий Донской» и «Аврора», крейсер 2 ранга «Алмаз», семь миноносцев

водоизмещением по 350 т («Бодрый», «Быстрый», «Бравый», «Бедовый», «Буйный», «Безупречный» и «Блестящий»), два миноносца водоизмещением по 186 т и три парохода Добровольного флота («Орел», «Саратов» и «Смоленск»).

Между прочим, броненосец «Ослябя» вышел из Кронштадта 25 июля 1903 г. вместе с крейсером «Баян». Последний благополучно дошел до Порт-Артура. А вот «Ослябя» из-за незначительного повреждения днища в Гибралтарском проливе задержался и 12 октября 1903 г. встал на ремонт в итальянском порту Специя. Затем броненосец вместо Дальнего Востока отправили в Бизерту конвоировать малые миноносцы № 212 и № 213. Замечу, что проку от малых миноносцев на Дальнем Востоке не было.

Крейсер «Аврора» ушел из Кронштадта 25 сентября 1903 г. и в начале октября вошел в Средиземное море. 25 октября «Аврора» пришла в Бизерту. Но петербургское начальство погнало «Аврору» назад в Специю, куда она пришла 9 ноября 1903 г.

Риторический вопрос — кто и зачем накануне войны гонял русские корабли по Средиземному морю? В 1941 г. никто не отличал преступного дурака от вредителя, и оба становились к стенке. А вот в 1903–1905 гг. все преступники-адмиралы, кроме несчастного Небогатова, получили кресты и огромные пенсии.

Лишь в конце декабря 1903 г. русская эскадра прибыла в Порт-Саид.

А между тем крейсера, закупленные Японией (их называли «Ниссин» и «Касуга») ранним утром 27 января 1904 г. покинули Геную и отправились в Порт-Саид. По свидетельству русского генерального консульства в Генуе, спешка была такая, что на «Ниссине» не только не успели закончить работы, но и не погрузили все необходимое оборудование. Крейсера шли под английским коммерческим флагом, командовали ими английские офицеры резерва флота Х. Пейнтер («Ниссин») и Д. Ф. Ли («Касуга»). Общая численность экипажей, состоящих в основном из английских моряков и итальянских механиков, была около 240 человек.

Вирениус преступно упустил японские крейсера. «Ниссин» и «Касуга» были полностью небоеспособны, с обоими мог легко разделаться один «Дмитрий Донской» или «Аврора». «Кинг Альфред» (водоизмещение 14 150 т; вооружение: 2–234/46-мм, 16–152-мм и 14–76-мм пушек) был существенно слабее «Ослябя». А главное, как уже говорилось, Англия ни под каким видом не собиралась вступать в войну с Россией, тем более из-за каких-то японских крейсеров.

3 февраля 1904 г. «Ниссин» и «Касуга» благополучно прибыли в Йокосуку и менее чем через два месяца появились под Порт-Артуром.

Эскадра же Вирениуса пришла в Джибути, где и получила приказ из Петербурга возвращаться обратно. Пароходы Добровольного флота «Орел», «Саратов» и «Смоленск» должны были идти в Севастополь, а остальные суда — на Балтику.

Таким образом, петербургские адмиралы и Вирениус совершили две роковые ошибки. Во-первых, они упустили японские крейсера, а во-вторых, отказались от блестящей возможности пройти во Владивосток. Японский флот не мог весной 1904 г. уйти из Желтого моря и ловить эскадру Вирениуса по проливам — Сангарскому, Лаперуза, Татарскому и другим. По пути русская эскадра могла наделать много «шума» вдоль берегов Японии.

Япония, как известно, остров, и Россия могла выиграть одной крейсерской войной.

В 1902 г. из собственного сырья железной руды Япония была в состоянии выплавить 240 тыс. т чугуна и добывала всего 10 млн л нефти. Потребность страны в том же году составила 1850 тысяч т чугуна и 236 млн л нефти. Стоимость импорта черных металлов и металлоизделий в 1901 г. составила 24 406,5 тыс. иен, нефти и нефтепродуктов — 15 млн иен, машин и оборудования для промышленных предприятий — 16,6 млн иен, шерсти и шерстяных изделий — 12 млн иен. А всего эти четыре вида товаров, имеющих важное значение для военно-экономического потенциала, обходились Японии в 73 006,5 тыс. иен, или 54,1 % всей стоимости импорта в 1901 г.

В годы войны почти все тяжелые орудия, включая 11-дюймовые гаубицы, были получены Японией из-за рубежа. В 1904–1905 гг. в страну было ввезено огромное количество военно-морского вооружения, включая пушки и торпеды, и даже подводные лодки.

Япония расположена на десятках островов, ее береговая линия составляет тысячи миль. Большинство ее городов находятся на побережье в пределах досягаемости 152/45-мм пушек Кане. Страна в значительной мере зависит от рыболовства.

Все это было хорошо известно русским политикам и адмиралам задолго до 1904 г. Прервав морские коммуникации японцев и напав на ее побережье, можно было быстро поставить на колени Империю восходящего солнца. Так, кстати, и сделали американцы в 1943–1945 гг. Их надводные корабли, подводные лодки и самолеты действовали по принципу «Sink them all»^[78] и пускали на дно все суда, идущие в Японию или из нее, невзирая на национальность.

А чтобы избежать обвинений, что, мол, в 1904 г. были совсем иные

нравы, чем в 1941 г., я процитирую адмирала и лорда британского Адмиралтейства Джона Фишера: «На первой мирной конференции в Гааге в 1899 г., когда я был британским делегатом, городили ужасную чушь о правилах ведения войны. Война не имеет правил... Суть войны — насилие. Самоограничение в войне — идиотизм. Бей первым, бей сильно, бей без передышки!» (68. С. 126–127).

Нравы за последние двести лет были, увы, одинаковые, менее всего думали о соблюдении правил войны в Англии и США, а более всего — в России и СССР. Последним русским правителем, который не боялся западного «общественного мнения», была Екатерина II. Когда ей доложили, что французский посол спрашивает, на каком основании были введены русские войска в Варшаву, она велела спросить посла, а на каком основании он ей задает такие вопросы?

Самое интересное, что Россия, по крайней мере, с 1855 г. интенсивно готовилась к крейсерской войне. Правда, не с Японией, а с Англией, т. е. с многократно более сильным противником. На русских верфях строились специальные броненосные крейсера, предназначенные для действий на коммуникациях противника. На казенные средства и добровольные пожертвования был создан Добровольный флот. В мирное время корабли Добровольного флота перевозили грузы и пассажиров, а в военное они должны были использоваться как вспомогательные крейсера (рейдеры) на коммуникациях врага. К концу 1903 г. в составе Добровольного флота насчитывалось 74 парохода водоизмещением от 900 до 15 000 т.

Но, увы, робкие попытки ведения крейсерской войны против Японии позорно провалились. Если ограничиться изучением только военных документов, то создается впечатление, что Николай II сознательно подрывал обороноспособность страны. Три императора создали на западных границах России лучшую в мире систему крепостей, а Николай довел ее до такого состояния, что русские крепости стали легкой добычей немцев в первые месяцы Первой мировой войны. Столь же впустую ушли миллиарды народных денег, потраченных на крейсерский и Добровольный флот. Единственным оправданием Николая II является его дневник, который давным-давно пора было отдать на исследование комиссии психиатров вместо исследования неизвестно кому принадлежавших костей.

Россия вполне могла к концу 1903 г., переоборудовав в угольщики (суда снабжения) часть пароходов Добровольного флота и зафрахтовав для этого часть угольщиков, например германских, создать тайные склады снабжения на бесчисленных тихоокеанских островах, на Камчатке и Сахалине. Кроме того, Китай с 1904 г. был уже достаточно

децентрализован, и туземные китайские начальники за хорошие деньги всегда бы продали русским крейсерам уголь, пресную воду и продовольствие, и даже девиц для господ офицеров. Своевременный выход броненосцев, броненосных и вспомогательных крейсеров в океан и порты Китая в начале 1904 г. стал бы отличным козырем в дипломатических переговорах и исключил бы нападение Японии.^[79]

Не поздно было начать крейсерскую войну и после нападения японцев на Порт-Артур. На Балтике к тому времени находилось несколько броненосцев и крейсеров, которые устарели для линейного боя с современными японскими броненосцами и были бы обузой для 2-й Тихоокеанской эскадры, но вполне годились бы для крейсерской войны. Да и создавались эти крейсера в первую очередь для крейсерской войны. Среди этих кораблей были броненосцы «Александр II» и «Николай I», введенные в строй в 1891–1893 гг. Водоизмещение их составляло 9244 и 9600 т, вооружение: две 305/30-мм, четыре 229/35-мм, восемь 152/35-мм пушек, а также несколько бесполезных 65-, 47- и 37-мм пушек. Скорость хода броненосцев достигала 14,5–15 узлов, дальность плавания — до 4000 миль при нормальном запасе угля.

«Николай I» был включен в состав 3-й Тихоокеанской эскадры, захвачен японцами в Цусиме и под названием «Ики» находился до мая 1915 г. в составе японского флота.

«Александр II» прибыл в Кронштадт из последнего дальнего плавания в сентябре 1901 г. и встал на ремонт. В декабре 1903 г. была закончена замена котлов. В 1904 г. всю артиллерию, кроме двух 305-мм пушек, заменили на одну 203/45-мм, десять 152/45-мм, четыре 120/45-мм и четыре 47-мм пушки. Кстати, в 1915 г. десять 152-мм пушек заменили на пять 203-мм.

Замечу, что 152/45-мм и 203/45-мм установки были палубными тумбового типа. Монтаж и демонтаж их проводили легко и быстро. В годы Гражданской войны и белые, и красные производили монтаж 152-мм и 203-мм пушек на мобилизованные суда и бронепоезда за сутки-двое.

К 1904 г. 152/45-мм пушек Кане было более чем достаточно. Были и новые корабельные пушки, изготовленные Обуховским и Пермским заводами. Это пушки кораблей Черноморского флота «Потемкин», «Кагул», «Очаков», «Три Святителя» и др. Наконец, десятки 152-мм пушек Кане можно было взять в береговых крепостях — Кронштадте, Либаве, Севастополе и др. Береговые 152-мм пушки Кане отличались от корабельных мелкими деталями. К примеру, сейчас на крейсере «Аврора» в Петербурге большая часть 152-мм пушек — это пушки сухопутных

крепостей, но вряд ли во всем СНГ найдется хоть дюжина специалистов, способных отличить их от рядом стоящих корабельных пушек.

Так что «Николай I» и «Александр II» могли выйти в крейсерство из Кронштадта уже весной 1904 г., вооруженные современными 152/45-мм и 203/45-мм пушками. Эти броненосцы могли стать легкой добычей японских броненосцев, но были вполне способны потопить броненосный крейсер и гарантированно разнесли бы в щепки японские суда береговой обороны, включая «Чин-Иен» и «Фусо».

К 1904 г. в строю на Балтийском флоте находились броненосные крейсера:

«Владимир Мономах»,^[80] вступил в строй в 1883 г., водоизмещение 6000 т, вооружение: 5–152/45, 6–120/45-мм орудий;

«Дмитрий Донской»,^[81] вступил в строй в 1885 г., водоизмещение 6200 т, вооружение: 6–152/45-мм, 10–120/45-мм орудий;

«Адмирал Нахимов»,^[82] вступил в строй в 1887 г., водоизмещение 8300 т, вооружение: 8–203/35-мм, 10–152/35-мм орудий;

«Адмирал Корнилов», вступил в строй в 1889 г., водоизмещение 5377 т, вооружение: 14–152/35-мм орудий;

«Память Азова», вступил в строй в 1890 г., водоизмещение 6734 т, вооружение: 2–203/35-мм, 13–152/35-мм орудий.

Имелось и несколько судов меньшего тоннажа, но вполне годившихся в рейдеры. Это яхта «Алмаз», построенная в 1903 г., водоизмещением 3885 т. Вооружение в Цусиме состояло из четырех 75/50-мм и восьми 47-мм пушек, но в 1915 г. она несла семь 120/45-мм пушек и четыре гидросамолета.

Яхта «Полярная Звезда» 1891 г. постройки водоизмещением 4000 т к 1904 г. была императорской яхтой, но проектировалась как «яхта-крейсер» и по проекту должна была нести после мобилизации восемь 152/35-мм, четыре 9-фунтовые и шесть 47-мм пушек, а также два торпедных аппарата.

Яхта «Штандарт», вошедшая в строй в 1896 г. Водоизмещение ее 5500 т. К 1904 г. была императорской яхтой. В 30-х годах большевики переделали яхту в минный заградитель, вооружив четырьмя 130/55-мм пушками, семью 76-мм зенитными установками 34К и четырьмя 45-мм пушками. Запас мин — 516 обр. 1908 г.

В 1904 г. профессор Военно-морской академии по кафедре стратегии Н. Л. Кладо неоднократно обращался по инстанциям с предложением об обращении императорских яхт в крейсера. Отчаявшись, он даже написал об этом статью в газете «Новое Время», за что был немедленно отправлен

под арест.

Замечу, что царь-батюшка и его многочисленная августейшая родня в случае ухода «Полярной Звезды» и «Штандарта» на Дальний Восток не остались бы без морских прогулок. Только на Балтике в строю были яхты «Царевна» (678 т), «Стрела» (290 т), «Марево» (51 т) и «Александрия» (544 т). Однако в ходе войны никто более не посмел и заикнуться о мобилизации «Штандарта» и «Полярной Звезды». Мало того, «принц-бастард» Е. И. Алексеев^[83] — наместник на Дальнем Востоке — решил и сам занять океанскую яхту.

1 августа 1903 г. в списки крейсеров 2 ранга был включен один из лучших пароходов Добровольного флота «Москва». Он получил название «Ангара» и был вооружен шестью 120/45-мм и шестью 75/52-мм пушками. Но не тут то было! Наместник приказал сохранить роскошную деревянную отделку судна, его пассажирские каюты и фактически превратил «Ангару» в свою яхту. Поэтому такой ценный крейсер водоизмещением 12 050 т, имевший максимальную скорость хода 20,1 узла и дальность плавания 5160 миль при 12,5-узловом ходе было приказано держать в Порт-Артуре, а не во Владивостоке, где он мог принести огромную пользу.

Столь же бездарно использовался и другой вспомогательный крейсер «Лена» (бывший пароход Добровольного флота «Херсон»). Его водоизмещение составляло 10 675 т, скорость хода 20 узлов, дальность плавания 5500 миль. Вооружение: шесть 120-мм и шесть 75-мм пушек.

Вначале «Лену» зачем-то таскали с эскадрой Владивостокских крейсеров «Рюрик», «Россия» и «Громобой». Видимо, для поднятия духа командования — вот, мол, как нас много! А далее следует совсем запутанная история, которая еще ждет своих исследователей. Я же не люблю фантазировать и лишь процитирую «Военную энциклопедию», т. XIV, изданный в 1914 г.: «29 июля 1905 г. (крейсер «Лена») отправлен совместно с транспортом «Якут», «Камчатка» и «Тунгуз» в экспедицию для охраны промыслов в Охотском море. Транспорт отправился Татарским проливом к рандеву в устье Амура, крейсер «Лена» Лаперузовым проливом вошел в Охотское море, зашел в Корсаковский пост, оттуда на Тюлений остров, около которого захватил и потопил японскую хищническую (браконьерскую. — А. Ш.) шхуну. В устье Амура, получив известие о поражении Порт-Артурской эскадры 28 июля и Владивостокской 1 августа, начальник экспедиции и командир крейсера (капитаны 1 ранга Гинтер и Берлинский) донесли о негодности его механизмов, получив разрешение из Владивостока прекратить экспедицию, отправили транспорты в Николаевск на Амуре, а сами пошли в крейсерство

на торговые пути из Сан-Франциско в Иокогаму. Однако дня за два до предполагавшейся встречи с японскими пароходами, везшими артиллерию из Америки, «Лена» свернула с обычного пути и пошла в Сан-Франциско. 29 августа крейсер получил разрешение из Санкт-Петербурга разоружиться, хотя состояние механизмов вполне допускало дальнейшее крейсерство. С окончанием войны «Лена» после частичного очередного ремонта с теми же котлами вернулась во Владивосток, а оттуда в Либаву» (6. Т. XIV. С. 576).

Кроме военных судов и яхт, в крейсеры можно было обратить и несколько пароходов Добровольного флота, а также пассажирских судов, купленных за границей. Причем все возможности для этого имелись. Российские финансы к 1904 г. были в полном порядке, денег хватило бы и на покупку сотни пароходов.

А где взять личный состав для крейсеров? Традиционно в случае войны происходила мобилизация экипажей торговых судов. Но это само собой. Кроме того, в России имелось два источника, откуда можно было получить тысячи хорошо подготовленных матросов и офицеров. Это старые корабли Балтийского и Черноморского флота.

К 1904 г. в составе Балтийского флота были корабли (формально они считались броненосцами береговой обороны) постройки 60–70-х гг. XIX в., которые уже не представляли никакой боевой ценности. Орудия главного калибра этих броненосцев стали опасны только для их прислуги, а не для противника. Речь идет о броненосцах «Первенец», «Кремль», «Чародейка», типа «Адмирал Грейг» (4 единицы); устаревших крейсерах 1 ранга «Князь Пожарский», «Минин», «Генерал-Адмирал», «Герцог Эдинбургский»; устаревших крейсерах 2 ранга «Азия», «Африка», «Вестник» и др.

Можно было взять часть экипажей и снять торпедные аппараты с ряда малых миноносцев Балтийского флота, которые были неспособны идти на Дальний Восток.

Огромным запасом личного состава и вооружения для войны на Дальнем Востоке мог стать Черноморский флот. В мае 1904 г. контр-адмирал З. П. Рожественский поднял вопрос об отправке двух черноморских броненосцев «Потемкин» и «Три Святителя», а также минного заградителя «Дунай» с несколькими миноносцами на Дальний Восток. Однако из рапорта командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г. П. Чухина стало известно, что и такой небольшой отряд невозможно подготовить к сроку: «Потемкин» еще достраивался, а готовившийся ему на замену эскадренный броненосец «Ростислав» требовал переделки отопления котлов с нефти на уголь — общее топливо

для отправляемой эскадры. Остальные суда, по мнению Чухина, можно было приготовить к 1 августа 1904 г.

Главной же причиной отказа от посылки кораблей Черноморского флота на Дальний Восток стала трусость русского министра иностранных дел Ламздорфа и его коллег. Они представили в Морское ведомство резюме: «В общем, стало быть, получилась бы следующая картина: тяжелая война с Японией, требующая все большего напряжения морских и сухопутных сил: разрыв добрых отношений с Турцией; столкновение русского и английского флотов в Средиземном море и, наконец, война с Афганистаном и Великобританией в Средней Азии».

В этом резюме все было поставлено с ног на голову. Это англичане еще во времена Павла I смертельно боялись похода русских на Индию. Главное же в другом: на Даунинг-стрит в отличие от Певческого моста и Царского Села никогда не было дураков. Там прекрасно понимали, что такое Порт-Артур и что такое Булонь и Антверпен, куда в случае войны неизбежно пришли бы русско-германские войска.

Англичане желали поражения России в войне с Японией, но они никогда не вступили бы в войну на стороне Японии. Об этом говорят и мемуары британских руководителей, и рассекреченные ныне документы. Главным противником Британии уже тогда была Германия, а Россия представлялась единственным средством для ее укрощения.

Справедливости ради надо сказать, что противодействие Англии проходу военных русских судов через турецкие проливы и трусость наших дипломатов (и Николая II, разумеется!) не были фатальными для России. Под командованием столь бездарного флотоводца, как Рожественский, «Три Святителя» и «Ростислав» не смогли бы изменить ход Цусимского сражения. Но зато без всяких дипломатических проблем на торговых судах через Проливы и по железной дороге с Черноморского флота и из береговых крепостей можно было свободно вывезти десятки 152-, 120- и 75-мм пушек Кане, сотни снарядов калибра 37–305 мм, торпедные аппараты, торпеды, мины заграждения и, наконец, тысячи хорошо обученных матросов, а также крепостных артиллеристов и минеров (как уже говорилось, наши крепости имели свои морские мины и минные заградители). Этой материальной части и личного состава могло хватить как минимум для комплектования дюжины вспомогательных крейсеров.

Элементарный расчет показывает, что несколько десятков русских крейсеров могли поставить Японию на колени еще в 1904 г., до похода 2-й Тихоокеанской эскадры. В 1904 г. японский флот должен был сторожить Порт-Артурскую эскадру и владивостокские крейсера, а также

обеспечивать коммуникации между Японией, Кореей и Маньчжурией, где находились многочисленные японские армии. Поэтому выделить достаточных сил для противодействия русским крейсерам японцы физически не могли.

Русские крейсера могли не только перехватывать суда, идущие в Японию, но и регулярно производить обстрелы японских портов и промышленных объектов, высаживать диверсионные отряды и т. д. Наконец, тихоокеанские суда, маскируясь под «нейтралов», могли ставить активные минные заграждения у берегов Японии и Кореи.

Собственно, и нет нужды описывать возможные действия русских крейсеров, достаточно почитать о действиях германских рейдеров в 1939–1943 гг. Причем 15-см пушки KL/45, установленные на германских рейдерах (по 6 орудий), не превосходили по своим баллистическим данным русские 152/45-мм пушки Кане. Скорость хода рейдеров была 14–16 узлов (у русских вспомогательных крейсеров в среднем больше). Все же достижения техники (дальняя радиосвязь, радары, авиация и т. д.) пошли только во вред рейдерам.

А к 1904 г. радиостанции на торговых судах были большой редкостью, да и дальность их действия составляла 50–100 миль. Японский флот был на порядок слабее английского. И, наконец, условия базирования у русских рейдеров к 1904 г. были несравненно лучше, чем у немцев в 1939–1943 гг.

Выход 2-й Тихоокеанской эскадры сопровождали слухи о том, что в Европу неведомым способом прибыл отряд японских миноносцев, и злые самураи хотят-де напасть на русскую эскадру при прохождении датских проливов или в Северном море. Источники этих слухов до сих пор не выяснены. По моему мнению, было два независимых источника дезинформации — японская разведка и родная «охранка». Первой хотелось затянуть и осложнить поход эскадры Рождественского, а второй — получить лишние чины и кресты, а главное, сорвать огромный куш. Морское ведомство уже в апреле 1904 г. обратилось с просьбой к Министерству иностранных дел об организации с его помощью активной агентурной разведки при посредничестве русских дипломатических служб в Швеции, Дании, Германии, Франции и других странах. Однако МИД отклонил просьбу флота, а запрошенные послы «дипломатически» отказались взять на себя организацию агентурной разведывательной работы в странах, где они были аккредитованы.

Тогда Морское ведомство вступило в переговоры с Министерством внутренних дел и его департаментом полиции. Директор департамента полиции А. А. Лопухин поручил организацию охраны пути следования 2-й

Тихоокеанской эскадры не только в датских и шведско-норвежских водах, но и на северном побережье Германии заведующему берлинской политической русской агентурой коллежскому советнику А. М. Гартингу. Гартинг (настоящая фамилия Абрам Геккельман) в начале 80-х годов был революционером, затем последовал арест. Мастер политического сыска жандармский подполковник Г. П. Судейкин завербовал Геккельмана. На его совести было несколько громких провокаций. За одну из них Геккельман был заочно приговорен парижским судом к пяти годам тюрьмы. Агент Гартинг создал большую сеть наблюдательных постов в Дании и Северной Швеции. Для наблюдения за японскими миноносцами им была зафрахтована шхуна «Эллен».

Но, увы, и агентурная сеть, и шхуна существовали только в отчетах Гартинга. Зато новый агент получил несколько сотен тысяч франков на расходы, десять тысяч рублей наградных и чин статского советника (т. е. генерала).

Командиры кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры нервничали, им повсюду мерещились японские миноносцы. В Северном море плавучая мастерская «Камчатка» под командованием капитана 2 ранга А. И. Степанова отстала от третьего эшелона и оказалась в 20 милях позади отряда самого командующего эскадрой. Около 20 ч 40 мин 8 октября на «Суворове» была получена радиограмма с «Камчатки» о том, что она атакована миноносцами. Уже ночью, в 0 ч 55 мин, по обе стороны броненосца «Князь Суворов» появились силуэты малых судов, шедших без огней. Опасаясь, что неведомый противник может в темноте набросать впереди эскадры плавучие мины, Рожественский со своим отрядом уклонился вправо от курса. Когда из темноты впереди флагманского корабля снова показался силуэт, на судах отряда открыли прожектора, в лучах которых с обоих бортов оказались суда, принятые на эскадре за миноносцы. Немедленно с «Суворова», а затем и с других кораблей эскадры по этим судам открыли огонь. Стрельба велась 10 мин, было выпущено около двух тысяч снарядов. Часть снарядов попала в собственные крейсера. В «Аврору» попало три 75-мм и два 47-мм снаряда, которыми были пробиты дымовая труба и машинный кожух, тяжело ранен судовой священник (скончавшийся затем в Танжере) и легко ранен командир.

Позже выяснилось, что за японские миноносцы были приняты английские рыболовецкие суда, которые по неясным причинам шли без огней. В результате обстрела одно судно было потоплено и пять повреждены, двое рыбаков были убиты и шестеро получили ранения.

Рыболовецкие суда имели порт приписки Гульль, поэтому вся история получила название Гульльского инцидента.

Британские власти, воспользовавшись этим инцидентом, развязали беспрецедентную кампанию в печати и начали угрожать нападением на русскую эскадру.

Английские газеты называли эскадру Рождественского «эскадрой бешеной собаки», а сам инцидент «актом открытого пиратства». Сами по себе эти заголовки были направлены на развитие русофобии у придурковатого среднего слоя британского общества. Ведь любой нормальный человек мог посмотреть в юридический справочник, где написано, что пиратство, т. е. морской разбой, включает как необходимый состав преступления корыстный мотив. И, кроме того, пиратом может быть лишь частное лицо, а любые действия, совершаемые по приказу своего правительства, не могут быть приравнены к пиратству.

Замечу, что инциденты, подобно Гульскому, периодически имели и имеют место и тогда, и теперь. Так, в 1900 г. в ходе подавления «боксерского» восстания в Китае английские моряки убили несколько русских солдат, приняв их за «боксеров». Этот инцидент был исчерпан выражением сожаления со стороны английского адмирала. Куда более серьезный инцидент случился в 1894 г., когда японский крейсер, которым командовал Того — будущий знаменитый японский адмирал, потопил английский пароход «Коушинг», зафрахтованный китайским правительством. Отягощающим обстоятельством инцидента стало то, что японцы потопили «Коушинг» еще до объявления войны Китаю, и Того приказал расстрелять из винтовок людей, спасшихся с парохода. И что же сделала Англия, ревностная защитница морского права? Да просто промолчала.

А теперь британская пресса и даже официальные лица требовали немедленного возвращения эскадры Рождественского и придания суду адмирала и капитанов судов, открывших огонь.

Британские газеты более всего возмущались тем, что «один из русских миноносцев до утра оставался на месте происшествия и не оказал никакой помощи рыбакам, спасавшим своих товарищей».

Это свидетельство, данное рыбаками, комментировалось на все лады. Говорили, что даже варвары щадили случайные жертвы войны и не отказывали им в сострадании, что после этого не должно быть колебаний, что это — пощечина Англии, оскорбление, которое можно смыть только кровью.

Как позже писал участник похода Семенов: «Адмирал

(Рожественский), осведомившись о кампании, поднятой английской прессой, немедленно телеграфировал нашему морскому агенту в Лондоне для опубликования, что в момент инцидента все наши миноносцы были впереди эскадры на 200 и даже более миль — факт, который легко проверить, осведомившись о времени их прибытия в порты Франции, а потому миноносец, оставшийся на месте происшествия до утра, был, несомненно, из числа тех, которые атаковали эскадру, и который, по свидетельству офицеров эскадры, был сильно подбит. Ясно, он исправлял свои повреждения или поджидал товарищей.

Весьма знаменательно, что едва это строго мотивированное опровержение появилось в одной из газет, как высокодисциплинированная английская пресса немедленно забыла о показании рыбаков, на которые раньше так настойчиво указывала. Мало этого, на заседаниях следственной комиссии в Париже английские делегаты высказали убеждение, что рыбаки, несомненно, ошиблись, что никакого миноносца не было, что просто утром через это место проходила «Камчатка» (!) и они приняли ее за миноносец... Возможно (по расчету времени), что «Камчатка» действительно утром 9 октября проходила этим местом, но ведь речь шла о миноносце, который оставался на месте до утра!» (51. С. 211).

Замечу, что вопрос о таинственных миноносцах дискутируется до сих пор, но ни один автор не может достоверно доказать или опровергнуть их присутствие.

Британские официальные представители грозились собрать эскадру из 28 броненосцев и 18 крейсеров и уничтожить эскадру Рожественского. Уже это одно должно было показать низкопробность очередного британского блефа. Технически собрать эскадру было возможно, но только через несколько месяцев. При этом пришлось бы убрать все корабли из вод метрополии, Атлантического и Индийского океанов и Средиземного моря, что само по себе могло привести к непредсказуемым военно-политическим последствиям.

19 октября 1904 г. к русской эскадре приблизился британский крейсер «Ланкастер» (9800 т; 23 узла; 14–152-мм и 8–76-мм орудий). Вскоре появилось еще четыре крейсера, один из них был опознан русскими моряками как «Дрейк»^[84] (14 150 т; 23 узла; 2–234/46-мм, 16–152-мм, 14–76-мм орудий).

Адмирал Рожественский еще 16 октября написал жене: «Англичане либо подстроили инцидент, либо вовлечены японцами в положение, из которого нет легкого исхода... Без всякого сомнения союз англо-японский предусматривает вооруженную помощь, когда в ней явится потребность...

она очевидно наступила» (11. С. 195).

20 октября британские крейсера вновь близко подходили к русской эскадре. «Маневры англичан наблюдали с мостика «Князя Суворова», где зарядили орудия боевыми зарядами. «Любуется?» — спросил адмирал у В. И. Семенова и продолжил: «Любуйтесь! Есть на что! Вот это — эскадра! Это — моряки! Эх, если бы нам...» — и, не договорив, начал быстро спускаться по трапу. В его голосе звучало столько искренней горечи, по его лицу скользнуло выражение такого глубокого страдания, что я сразу понял... Я понял, что он тоже не тешит себя несбыточными надеждами, хорошо знает цену своей эскадры, но, верный долгу, никому не уступит чести быть первым в рядах людей, добровольно идущих к кровавому расчету!..

В Санкт-Петербург адмирал докладывал более определенно: «Пушки были заряжены, и я не раз чувствовал, что залп наших 12-дюймовых орудий был бы уместен... Опасаюсь, что пушки застреляют без приказанья, если такое в высшей степени наглое поведение будет продолжаться...» (51. С. 314).

Но тут в дело вмешался Вильгельм II. В Лондоне быстро сообразили, что кайзер не шутит. Британская пресса в один день сменила тон. Россия предложила передать рассмотрение Гульского инцидента в ведение Гаагского суда. Англия немедленно согласилась. В конце концов, русское правительство 23 февраля 1905 г. выплатило гульским рыбакам компенсацию — 65 тыс. фунтов стерлингов. На этом инцидент был исчерпан.

Однако британское правительство продолжало вредить России. Как писал тот же Семенов, чтобы возместить расход снарядов эскадры Рожественского на практических стрельбах, «вдогонку за эскадрой был послан транспорт со снарядами. Для этого был зафрахтован английский (!) пароход «Carlisle». А дальше началась обычная во время этой войны комедия с английскими транспортами. Ждали его у Мадагаскара, — не пришел; ждали в Камранской бухте, — и туда не пришел. Пройдя Малаккский пролив, английский пароход... сбился с пути и вместо Карана попал в Манилу. Японские агенты ему там сделали демонстрацию и объявили, что, если только он выйдет из порта, он будет взорван... Тогда он остался спокойно стоять в порту, а вся эта комедия имела для нас весьма трагический конец: русская эскадра пошла в бой без достаточного запаса снарядов. Плохие снаряды и те надо было экономить в бою, испытывая на себе частый град японских снарядов...» (51).

Япония не смогла бы вести войну, не опираясь на финансовую

поддержку английского и американского капитала. Английские банки еще до войны финансировали Японию и ее военную подготовку. На нью-йоркский денежный рынок Японии до войны пробраться не удавалось, несмотря на поддержку президента Соединенных Штатов и еще более авторитетную в данном случае поддержку банкиров лондонского Сити. Руководящие круги Уоллстрит отказывались доверять Японии свои деньги или выдвигали ростовщические требования — уплату огромного процента и др.

Но вскоре после начала войны против России настроение в Нью-Йорке изменилось. В апреле 1904 г. еврейский банкир Шифф и крупный банкирский дом «Кун, Леб и компания» вместе с синдикатом английских банков, включая Гонконг-Шанхайский, предоставили Японии заем на сумму 50 млн долл. из высокого процента (6 % годовых); половина займа размещалась в Англии, половина — в США. Недоверие к японскому кредиту было все же столь велико, что банкиры потребовали точного определения конкретного источника доходов японского правительства, который даст возможность исправно погашать платежи по займу. В качестве такого источника в контракте были указаны доходы таможен.

В ноябре 1904 г. в Англии и США был размещен новый японский заем — на 60 млн долл., — тоже из 6 %. В марте 1905 г. последовал третий англо-американский заем, уже на 150 млн долл. и всего из 4,5 %, но опять-таки под конкретное обеспечение — на этот раз доходами от табачной монополии. Наконец, в июле 1905 г. Япония получила четвертый заем — снова 150 млн долл. из 4,5 %. В размещении займа на этот раз приняли участие и германские банки. Чистая выручка японского правительства от внешних займов за вычетом комиссионных и других расходов и потерь составила 697 млн иен и покрыла свыше 40 % всех военных расходов Японии, достигших 1730 млн иен. Без английских и американских денег исход войны был бы иной.

В заключение рассказа об участии Англии в Русско-японской войне я хочу процитировать британского морского офицера Сеппинга Райта, служившего с августа 1904 г. по февраль 1905 г. на кораблях эскадры адмирала Того. «В то время, когда я готовил для печати отчет о впечатлениях, вынесенных мною из пребывания в японском флоте, до Англии долетело известие о подавляющем торжестве этого самого флота в его последней встрече с русскими судами — торжестве, дополнившем и достойно увенчавшем трудное и доблестное дело, которое на моих глазах исполняли под Порт-Артуром храбрые японские моряки. Эта великая победа превращает Японское море в простой ров под стенами Токио.

Теперь под покровительством флага Восходящего Солнца торговые суда всех наций будут бороздить с полной безопасностью поверхность восточных морей. Новые гавани широко распахнутся для мировой торговли, и территории, население которых было подавлено тяжестью русской оккупации, перейдя под благодетельное господство Японии, насладятся сияющим над ними светом цивилизации, мира и благоденствия. Банзай!» (53. С. 170).

До поражений в Малайе и Бирме, до сдачи Гонконга и Сингапура, до утопления «Принца Уэльского» и «Рипалса», до японских погромов на Цейлоне и Мадагаскаре оставалось 36 лет. Банзай!

До стремительного броска Красной Армии, которая за месяц дошла от берегов Амура до Порт-Артура и Пхеньяна, взяв по пути 600 тыс. пленных, до резкого приказа Сталина остановиться, когда танки Т-34 были в одном переходе от Пекина, а десант на Хоккайдо грузился на суда, оставалось 40 лет. Ура!

Глава 28. Встреча в Бьёрке — забавный анекдот или упущенный шанс спасти две империи?

В ходе Русско-японской войны единственной дружески настроенной к России великой державой была Германия. Естественно, что это объяснялось не родственными чувствами кузена Вилли к кузену Ники. Германия с 1870 по 1906 г. панически боялась войны на два фронта и постоянно пыталась если не разорвать, то по крайней мере ослабить русско-французский союз.

Русский посол в Берлине граф Остен-Сакен 4 (17) февраля 1904 г. телеграфировал в Петербург о том, что германский император отдавал должное героизму русской армии и даже в мелочах спешил подчеркнуть свое благоволение к России и к ее представителям. «Не могло быть никаких сомнений в чувствах императора Вильгельма, — писал русский посол, — благодаря его расположению к нам Германия осталась для нас благожелательным соседом, поведение которого явилось ценным залогом для нашей безопасности по всему протяжению европейской границы» (43. С. 527).

Следуя примеру кайзера, также дружелюбно по отношению к России держал себя и рейхсканцлер граф Бернгард Брюлов. Уже на следующий день после нападения японцев на Порт-Артур он передал русскому послу, что «Российский Император может видеть в Германии честного и лояльного соседа» (43. С. 527).

А в парламенте рейхсканцлер заявил, что «германская политика не допустит порчи дружественного характера русско-германских отношений. Упрочение близких отношений к России является одной из главных основ внешней политики Германии... И чем усиленней вы будете агитировать против России, — добавил Брюлов, обращаясь к партии социалистов, — тем стремительнее я буду заботиться о поддержании мирных и дружественных сношений с нею» (43. С. 528).

Прошел год войны, прогремел Мукден, а отношение Германии к России не изменилось. 3 марта 1905 г. рейхсканцлер говорил тем же социалистам: «Ни перипетии войны, ни внутренние волнения не смогут скомпрометировать Россию как великую Державу... Русское правительство прекрасно знает, что Германия решила не пользоваться настоящим

положением России по созданию ей каких-либо затруднений и что я, канцлер, решил заботливо поддерживать эту политику, отнюдь не давая увлечь себя в ссору с Россией» (43. С. 528).

Однако Николай II и его окружение боялись реакции Франции, упорно не желая вступать в союз с Германией. Между тем Франция заявила о своем нейтралитете и заняла позицию гораздо более выгодную Японии, нежели России. Так, к примеру, французские власти запрещали эскадре Рождественского заходить в порты французских колоний, а также требовали разоружения крейсеров Порт-Артурской эскадры, зашедших на ремонт в Сайгон и другие контролируемые французами порты. Риторический вопрос, зачем России был нужен «союзник», работавший на Японию?

Но Николай II по-прежнему держал марку: он пообещал французам не взять ни одного солдата в Маньчжурию из войск западных военных округов и, надо сказать, сдержал свое слово. Вместо одной общей мобилизации в России было проведено девять частных. Для начала провели мобилизацию в Казанской, Симбирской и других восточных губерниях. Молодежь бойкотировала мобилизацию, и на призывные пункты пришли в основном многодетные степенные мужики 30–35 лет. Они забыли, чему их когда-то учили в армии, смутно помнили «берданку», но в глаза не видели 7,62-мм винтовки Мосина обр. 1891 г.

Мобилизация этих мужиков предполагалась в случае большой войны, и их дивизии должны были получить артиллерийские бригады со старыми полевыми пушками обр. 1877 г. Но на Дальнем Востоке таких орудий в полевых войсках давно уже не было. Тогда решили отправить в Маньчжурию новые 76-мм пушки обр. 1900 г. Однако таких пушек заводы давали мало, и пришлось взять их в артиллерийских бригадах западных округов.

Таким образом, западные округа остались с обученными молодыми солдатами, но без артиллерии, а «бородачи» поехали в Маньчжурию с новыми пушками.

Русско-японская война — тема отдельного исследования, но, несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что первую фазу войны выигрывает тот, кто быстрее доставит на театр военных действий наибольшее число боеспособных частей.

Японцы преуспели в этом, а мы — нет. С учетом малой пропускной способности Транссибирской магистрали в первые же дни войны в Маньчжурию следовало направить наиболее боеспособные части — гвардию, а затем дивизии западных округов. Но гвардия должна была в Петербурге охранять царя-батюшку, а войска на западе — тешить

французов.

После Гульсского инцидента 22 октября 1904 г. и провокационных действий британских кораблей против эскадры Рождественского Германия решительно поддерживала Россию. 27 октября кайзер лично телеграфировал Николаю II, сообщая, что Англия намерена помешать Германии снабжать углем русский военный флот. Кайзер предлагал совместно положить конец этим поползновениям, образовать «мощную комбинацию» против Англии и сообщая принудить Францию присоединиться к России и Германии для солидарного отпора ей.

Министр иностранных дел Ламздорф усмотрел в этом только «попытку ослабить наши дружеские отношения с Францией», на что Николай II ему ответил: «Я сейчас за соглашение с Германией и с Францией. Надо избавить Европу от наглости Англии» и 16 октября телеграфировал Вильгельму: «Германия, Россия и Франция должны объединиться. Не набросаешь ли ты проект такого договора? Как только мы его примем, Франция должна присоединиться к своей союзнице. Эта комбинация часто приходила мне в голову» (21. Т. II. С. 563).

Ответ Вильгельма гласил: «Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба тайно, не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе» (21. Т. II. С. 563).

К этому чувствительному посланию был приложен проект союзного договора. «В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, — гласил проект, — союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза» (21. Т. II. С. 563).

Осуществление немецкого проекта означало либо создание антианглийского континентального блока под руководством Германии и России, либо разрыв франко-русского союза.

Примерно в это же время британский министр иностранных дел лорд Ленсдаун заявил: «Германия преисполнилась готовности угрожать Франции войной шестидесяти миллионов против сорока. Англия не может допустить уничтожения Франции или ее превращения в провинцию Германии и в ее раболепного союзника против Англии. В случае такого акта агрессии Англия в интересах самозащиты должна будет

воевать, и война, если только она разразится, явится ужасной. Она приведет к тому, что мы должны будем создать огромную сухопутную армию, чтобы помочь Франции против ее врага» (21. Т. II. С. 591).

В случае хотя бы дипломатического выступления Германии, России и Франции против Англии, последней ничего не оставалось бы, как пойти на любые уступки. Вот тогда-то русские рейдеры могли бы спокойно ловить нейтральные суда, везшие груз в Японию, не только в Красном море, но и в Ла-Манше. Вопрос заключался бы только в том, сколько месяцев продержится Япония без европейских товаров, сырья и топлива.

Но, увы, и Николай II, и Ламздорф, ознакомившись с предложенным кайзером договором, стали вносить поправки, а главное, просить разрешения ознакомить с этим договором французское правительство. Для Вильгельма II это означало срыв всех его замыслов: Германии как раз надо было поставить Францию перед свершившимся фактом русско-германского соглашения. Вильгельм писал своему канцлеру: «Дорогой Брюлов, при сем посылаю Вам только что полученную от царя шифрованную телеграмму, которую я расшифровал с помощью Куно и Гогенау. Его величество начинает прошибать холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этого договора с нами не желает заключить без их разрешения, а значит, не желает его заключить также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал, прежде чем мы получим подпись «царя-батюшки». Ибо если до подписания текст договора сообщить Делькассе,^[85] то он даст телеграмму Камбону, и в тот же вечер ее напечатают в «Times» и «Figaro», а тогда делу конец... Такой оборот дела очень огорчает, но не удивляет меня: он (Николай II. — А. III.) по отношению к галлам — из-за займов — слишком бесхребетен» (21. Т. II. С. 564).

Дело ограничилось тем, что по категорическому требованию немцев 12 декабря 1904 г. им была гарантирована вооруженная помощь России в случае, если у Германии возникнет конфликт с Англией из-за угольных поставок русскому военному флоту.

Как русские, так и советские историки обычно рассматривают Русско-японскую войну вне контекста мировой политики. А между тем эта война протекала параллельно с так называемым марокканским кризисом, который грозил общеевропейской войной. Франция пыталась овладеть Марокко, Англия поддерживала ее, Германия же в свою очередь имела там свои интересы и не желала уступать Франции.

По настоянию Брюлова Вильгельм II отправился на своей яхте «Гогенцоллерн» в Средиземное море, якобы, просто попутешествовать. И

это не вызвало подозрений, поскольку было общеизвестно, что германский император большой любитель морских прогулок. 31 марта 1905 г. кайзер высадился на берег в Танжере, где ему была организована торжественная встреча. Марокканский султан послал в Танжер своего дядю, чтобы приветствовать германского императора, посетившего Марокко. Встречать кайзера вышла и имевшаяся в Марокко небольшая немецкая колония под предводительством представителя фирмы Круппа.

Отвечая на приветствия, Вильгельм II выступил с речью, которая немедленно облетела всю мировую печать. Кайзер заявил, что прибыл приветствовать султана как независимого государя. Он надеется, что под его властью Марокко останется открытым для мирной конкуренции всех наций — без монополий и без исключений для кого бы то ни было. Кайзер добавил, что готов защищать германские интересы в Марокко и для этого будет сноситься непосредственно с султаном. Отвечая на приветствия французского дипломатического представителя, Вильгельм заявил, что он знает, как надо защищать права Германии, и надеется, что Франция будет их уважать.

Слова кайзера означали, что Германия обращается к Англии и в особенности к Франции с требованием отказаться от претензий на Марокко.

В ответ министр иностранных дел Франции Делькассе заявил в Париже: «Европа на моей стороне, Англия поддерживает меня полностью. Она тоже не остановится перед войной... Нет, конечно, не мне надо домогаться посредничества, мое положение превосходно... Германия не может хотеть войны, и ее нынешнее выступление не более как блеф: она знает, что против нее выступит Англия. Я повторяю, Англия поддержит нас до конца и не подпишет мира без нас» (21. Т. II. С. 569).

К концу мая дело дошло до того, что германский посол в Риме открыто заявил, что «если французские войска войдут в Марокко, германские войска немедленно перейдут границу Франции» (21. Т. II. С. 573).

Перед Николаем II открылась блестящая возможность исправить катастрофическое положение после Мукдена и Цусимы. Поддержка Россией Германии в вопросе о Марокко могла иметь только два результата: или капитуляцию Англии и Франции, тогда Германия получила бы Марокко, а Россия — почетный мир на Дальнем Востоке; или войну против Англии и Франции в союзе с Германией и Австро-Венгрией, которую физически невозможно было бы проиграть. И вот тогда «коварному Альбиону» пришлось бы заплатить за все, от поддержки панов в 1863 г. до проведения «Ниссина» и «Касуги» в 1904 г.

10 июля 1905 г. из Кронштадта в залив вышла императорская яхта «Полярная звезда», на борту которой находился Николай II. Собственно говоря, ничего необычного в этом не было — царь-батюшка любил отдохнуть. Ранней весной он уезжал в Крым в Ливадию, где обязательно встречал Пасху. С наступлением жары царь возвращался в Царское Село или в Петергоф, а в июне — июле путешествовал на яхте в Финских шхерах. Август и начало сентября он проводил на охоте в Беловежской пуще, а в сентябре опять ехал в Ливадию, где оставался до конца ноября — начала декабря. Но тут есть маленький нюанс: во все эти поездки царь отправлялся только с семьей. А 10 июля он поехал в шхеры один.

Вот запись в царском дневнике за 10 июля 1905 г.: «Встали в 9 часов жаркой погодой с темными тучами. После ранней обедни простился с дорогой Алике и детьми на Ферме и отправился с Мишей на «Александрии» в Кронштадт. Ровно в час вышел на «Полярной Звезде» в Бьёрке, куда прибыл в 4 часа. Стали на якорь у ост. Равица. Были две грозы с сильнейшим ливнем, но температура очень приятная. С 7 часов ожидали прихода «Гогенцоллерна», кот. запоздал на два с половиной часа. Он подошел во время нашего позднего обеда. Вильгельм приехал на яхту в отличном расположении духа и пробыл некоторое время. Затем он отвез Мишу и меня к себе и накормил поздним обедом. Вернулись на «Полярную» только в 2 ч» (13. С. 269).

Запись от 11 июля: «Проспал подъем флага и встал в 9. Погода была солнечная, жаркая, со свежим SO. В 10 ч прибыл Вильгельм к кофе. Поговорили до 12 ч и втроем с Мишей отправились на герм, крейс. «Берлин». Осмотрел его. Показали арт. учение.

Завез Вильгельма к нему и вернулся на «Полярную». Было полчаса отдыха. В 2 ч у нас был большой завтрак. Слушали музыку Гвар. Эк. и разговаривали все время стоя до 4. Простился с Вильгельмом с большой сердечностью. Снялись в 5 ч одновременно и до маяка Веркомоталы шли вместе; затем разошлись. Миша пошел на новом минном крейс. «Украина», кот. перегнал «Полярную» на 17 узл. ходу, идя 24 узл. ходом. Пришел в Кроншт. отличным вечером в 9 ч. На «Александрии» прибыл в Петергоф в 10 ч. Алике встретила нас у морских ворот. Вернулся домой под самым лучшим впечатлением проведенных с Вильгельмом часов!»

Внешне записи от 10 и 11 июля выглядят как обычная светская хроника. Ну, оторвались два кузена от семей, поболтали, выпили, закусили, «поиграли в солдатики» и разошлись в отменном настроении.

На самом же деле в Бьёрке в ночь с 10 на 11 июля было подписано секретное соглашение. Советские историки старались приписать

инициативу встречи германской стороне. Но эта ложь была опровергнута в 1939 г. известным историком-монархистом С. С. Ольденбергом (34). Он писал, что Николай II еще 7 июля 1905 г. послал императору Вильгельму приглашение посетить финские шхеры.

Замечу, что со времен Александра II в России жестко выполнялось правило, когда царь встречался с иностранными монархами и вел с ними политические беседы, то его обязательно сопровождал министр иностранных дел. На этот раз было сделано исключение, Николай II не только не взял с собой графа Ламздорфа, но, уезжая утром 10 июля, даже не уведомил министра иностранных дел, что вечером его ждет встреча с кайзером.

Поздно вечером 10 июля на борту «Гогенцоллерна» оба императора подписали секретный договор. Ввиду его особой важности стоит привести текст полностью.

«Их императорские величества — император всероссийский, с одной стороны, и император германский, с другой, — в целях упрочения мира в Европе пришли к соглашению по следующим пунктам договора, нижеизложенного и определяющего оборонительный союз:

Статья I. Если какое-либо из европейских государств нападет на одну из империй, другая договаривающаяся сторона обязуется помочь своему союзнику всеми имеющимися в ее распоряжении силами на суше и на море.

Статья II. Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать сепаратного мира с какой-либо из враждебных стран.

Статья III. Настоящий договор входит в силу с момента заключения мира между Россией и Японией и может быть расторгнут только после предварительного предупреждения за год.

Статья IV. Когда настоящий договор войдет в силу, Россия предпринимает необходимые шаги, чтобы осведомить о его содержании Францию и пригласить ее как союзника подписаться под ним.

Подписано:

Николай.

Вильгельм» (18. С. 43).

Ольденберг в 1939 г. писал: «Бьёркский договор устанавливал взаимное обязательство для России и для Германии оказать друг другу поддержку в случае нападения на них в Европе. Особой статьей указывалось, что Россия предпримет шаги для привлечения Франции к этому союзу. Договор должен был вступить в силу с момента ратификации мирного договора между Россией и Японией. Острие договора было явно

направлено против Англии...

Бьёркский договор, как союз материковых держав против Англии — вполне соответствовав тем воззрениям, которые Государь неоднократно высказывал, начиная с весны 1895 г. Но в данный момент он имел еще одно, гораздо более непосредственное значение. Государь подготовлял возможность продолжения войны с Японией» (34. С. 291).

На мой взгляд, антибританская сущность договора очевидна, но в значительной степени договор был направлен и против Франции, уже вступившей в «сердечные согласия» с владычицей морей.

По законам обеих империй для вступления в силу договора требовалось, чтобы он был «контрассигнован», т. е. подписан еще и достаточно важными сановниками. Поэтому после подписания договора *tete-a-tete* обоими кузенами Вилли позвал фон Чиршки — чиновника высокого ранга из Министерства иностранных дел, который впоследствии стал статс-секретарем этого министерства. Тот прочитал и контрассигновал договор. Царь же, не мудрствуя лукаво, позвал морского министра Бирилева, закрыл рукой текст договора и предложил адмиралу подписать его, не читая. Бирилеву оставалось лишь выполнить приказ.

Позже журналисты писали, что Николай II в момент подписания Бьёркского договора был сильно пьяным. Действительно, к полуночи с 10 на 11 июля оба императора были навеселе, но кто и сколько пил, осталось тайной истории.

По прибытии в Петергоф 12 июля царь записал в дневнике: «С утра жизнь вошла в обычную колею. Радостно было увидеть детей, но не министров» (13. С. 269).

Действительно, ведь кроме царя в России никто не знал о договоре. Как писал А. П. Извольский: «По возвращении в Петербург во время аудиенции, которая была дана министру иностранных дел, как рассказывал мне граф Ламздорф, Николай был очень обеспокоен и озабочен. Он медлил пятнадцать дней, прежде чем решился заговорить о договоре. Граф Ламздорф был совершенно подавлен, когда узнал об этом, и со всей убедительностью, на которую только был способен, стремился указать императору опасность положения и полную необходимость принять немедленные меры для уничтожения договора» (18. С. 43).

После подписания Портсмутского мира с Японией в Россию 16 сентября возвращается Витте. Немедленно он вместе с Ламздорфом и профранцузским лобби начинает обрабатывать царя. После нескольких недель колебаний царь сдается и просит Ламздорфа убедить Германию считать договор ничтожным.

Сам Николай написал Вильгельму, что необходимы длительные предварительные переговоры с Францией, до завершения которых договор не должен вступать в силу. Это было, конечно, дипломатической формой отказа: весь немецкий расчет строился на том, чтобы запуганную Францию поставить перед свершившимся фактом перебежки ее союзницы в германский лагерь. Напрасно кайзер взывал к царю: «Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед богом... Что подписано, то подписано» (21. Т. II. С. 576). Призывы кайзера остались втуне.

Так была похоронена последняя попытка союза с Германией. Подавляющее большинство наших историков осуждают поступок Николая II в Бьёрке, и лишь незначительная часть, в том числе и Ольденберг, поддерживают его. По мнению же автора, союз с Германией был жизненно необходим обеим великим империям. И роковая ошибка Николая заключалась лишь в том, что он не пошел на заключение договора задолго до Бьёрке, где-нибудь весной 1904 г., а то и раньше. Это гарантировало бы победу над Японией или по крайней мере сохранило бы статус-кво на январь 1904 г.

Царь интуитивно чувствовал необходимость союза с Германией, но профранцузская клика правила бал на берегах Невы. Конечно, это тема особого исследования, равно как влияние французской ложи «Великий Восток» на российских вольных каменщиков.

Вместо эпилога

Поражение России в войне с Японией стало одной из важнейших причин возникновения первой революции 1905–1907 гг. Она была подавлена, но не решительными действиями властей и мудрого царя при поддержке большинства населения, а лишь потому, что противники режима не были достаточно организованы. Подавление революции не решило ни одной проблемы в России. Столыпинские реформы, о которых сейчас обожают талдычить наши СМИ, представляли лишь косметический ремонт обветшавшего здания Российской империи. Да и сам Столыпин на момент выстрела Богрова находился на грани отставки. Царь не поехал даже на похороны своего хваленного премьера, а, наоборот, в день похорон лихо отплясывал на балу в Севастополе.

Поэтому все стенания, ох, дали бы Столыпину двадцать лет покоя, вот он бы преобразовал Россию, являются плодом элементарного невежества. Основной причиной гибели империи стал не крестьянский вопрос, не свобода печати, не прочие «демократические реформы», а развал системы управления империей.

Бесспорно, и Столыпин, и Витте были умными людьми, но они не могли спасти ситуацию. Кстати, Витте был отправлен в отставку, и Столыпина царь собирался отправить туда же. Замечу, что на обоих премьеров были совершены покушения агентами Охранного отделения Мордкой Богровым и А. Е. Казанцевым. Разница была лишь в том, что браунинг у Богрова сработал безотказно, а часовые взрыватели у двух бомб, заложенных в особняк Витте, не сработали.

В критические для России годы (1900–1908) стране нужны были не столыпины и витте, а орловы, потемкины, палены и бенигсены. Гвардия, по крайней мере периодически, в 1741, 1762 и 1801 гг., спасала Россию. Тоже могло случиться и в 1900, и в 1905 гг. И не надо бормотать о том, что в истории-де нет сослагательного наклонения. Было бы то, что стало обычаем на Руси — иллюминированный Петербург, повсеместное исчезновение шампанского на следующий день после «геморроидальных колик» или «апоплексического удара», крики «Ура!» при появлении на Невском любого офицера, румяные барышни, кидающиеся целовать гусаров и кавалергардов. А дальше храбрых офицеров, не побоявшихся испачкать перчатки, чтобы вытащить державу из грязи, ждали Чесма, Очаков, Крым, Эйлау, Бородино и Париж.

К сожалению, интересы нашей гвардии в течение многих десятилетий, с 1825 г., сводились к картам, лошадям и женщинам. В результате о судьбе Родины господа офицеры вспомнили лишь в 1915 г., после явления Распутина и поражений на фронте. Вот тогда разговоры «как все плохо» перешли в традиционное русское «кто виноват?», а затем «что делать?». И только тогда офицеры и генералы начали планировать «железнодорожный вариант», «авиационный вариант» и т. п. Кстати, «железнодорожный вариант» и был осуществлен 17 февраля (1 марта) 1917 г. в Пскове, где царский поезд был блокирован частями генерала Рузского.

Но, увы, наши военные опоздали как минимум на десять лет. В феврале — марте 1917 г. офицеров в Петрограде приветствовали не цветами и шампанским, а руганью и камнями, а в Кронштадте уже в ход пошли винтовки.

Однако вернемся в 1905 г. Профранцузское лобби буквально заставило царя просить огромные займы во Франции. За обещания займов платить пришлось немедленно — в январе 1906 г. на международной конференции в Альхесирасе, посвященной судьбе Марокко, Россия была вынуждена поддерживать Англию и Францию, чем испортила отношения с Германией.

В мае 1906 г. царь уволил министра иностранных дел графа Ламздорфа. Так ушел с дипломатической сцены политический деятель, который, опираясь на франко-русский союз, стремился балансировать между Германией и Англией и несколько настороженно относился к одностороннему сближению с последней.

На место Ламздорфа Николай II назначил А. П. Извольского — посла в Копенгагене, возвращавшегося во враждебной Германии датской среде. Извольский с первых же дней вступления в должность стал подталкивать Россию к военному союзу с Англией.

Одновременно, в том же мае 1906 г., в Петербург прибыл новый английский посол А. Никольсон, которому предстояло сыграть не последнюю роль в создании англорусской Антанты. Вскоре после его прибытия начались англо-русские переговоры относительно сфер влияния в Персии, Афганистане, Тибете, а также обсуждался вопрос о Черноморских проливах.

Переговоры эти закончились подписанием 18 (31) августа 1907 г. серии русско-английских соглашений по Персии, Афганистану и Тибету. Соглашения носили компромиссный характер, но России пришлось пойти на куда большие уступки, чем Англии.

Этими и серией последующих мелких соглашений и договоренностей Россия была втянута в англо-французский союз. «Коварный Альбион»

разгромил Россию руками японцев, а теперь собирался разделаться с Германией с помощью «русского парового катка». Любопытный момент: после окончания Первой мировой войны в Англии было опубликовано секретное англо-французское соглашение, из которого явствует, что эти державы заранее не собирались выполнять союзнические обязательства по отношению к России.

Мало того, британские и французские дипломаты уже в 1915 г. рассматривали планы устройства Европы после разгрома Германии, предполагая расчленение России, в том числе отторжение Привисленского края и Прибалтики.

Россия шла к войне с сильнейшей в мире армией, имея недостойных союзников.

Приложение. Записка генерал-адъютанта М. Д. Скобелева о походе в Индию ^[86]

«Нет благоразумного человека, который бы сомневался, что русские дойдут до Индукуша. Неужели непонятно, что в Азии все держится, скорее, обаянием, чем силою, и что прикосновение к Индии будет равносильно гибели Англии».

Correy. Shadows of coming events or the eastern menace. London, 1876.

«По приближении к Герату можно быть уверенным, что вся Индия будет в огне».

Полковник Столетов. Красноводск, 1870

«Врага надо бить там, где он слабее и где удар, нанесенный ему, будет чувствительней».

Мориц Саксонский.

Вопрос о походе в Индию, уже давно занимавший многие великие умы, носил долго для нас, русских, характер мифический. Настоящая заметка имеет целью показать, что при теперешнем нашем географическом положении, политическом превосходстве в Средней Азии и средствах дело это представляется, если, конечно, не легким, то несомненно вполне исполнимым. Конечно, я не беру на себя смелость высказывать свое мнение об исполнении этого великого мирового предприятия; но, казалось бы, нижеследующее, как указание, может соответствовать нашим интересам. Впрочем, повторяю: я решаюсь высказаться по этому вопросу исключительно с целью ознакомить Ваше Высокопревосходительство с мнением людей, специально занимающихся этим вопросом, преимущественно англичан. На заключения наталкиваешься невольно; они служат как бы ответом на высказываемое нашими врагами.

В последние годы положение наше в Туркестанском крае сделалось весьма грозным, и опасения англичан не напрасны, в особенности, если

действия собственно из Туркестанского военного округа связать с действиями 30-тысячного корпуса войск, высаженных на Гязском берегу, близ Астрабада.

Мы создали в Средней Азии сильную базу с армией около 40 тыс. человек, из которых всегда можно выделить для действий вне пределов генерал-губернаторства не менее 16 тыс., причем можно ручаться за спокойствие края, тем более что до сих пор нет сколько-нибудь серьезных указаний относительно связи, для нас опасной, между мусульманами в Турции и в Средней Азии в данный политический момент.

Всякий, кто бы ни касался вопроса о положении англичан в Индии, отзывается, что оно непрочное, держится лишь на абсолютной силе оружия, что европейских войск в стране достаточно только для того, чтобы держать ее в спокойствии, и что на войска из туземцев положиться нельзя. Всякий, кто ни касался вопроса о возможности вторжения русских в Индию, заявляет, что достаточно одного прикосновения к горцам ее, чтобы произвести там всеобщее восстание. Скажут, что предприятие против англичан в Индии есть предприятие рискованное, могущее окончиться гибелью русского отряда. Полагаю, что от себя и не следует скрывать, что это дело рискованное. Надо помнить только, что при удаче предприятия мы можем разрушить Британскую империю в Индии, последствия чего в самой Англии заранее и исчислить трудно. Компетентные люди в Англии сознаются, что неудача у границ Индии может повлечь за собою даже социалистическую революцию в самой метрополии, так как в последние 20 лет громадность затраченных в Индии английских капиталов и колоссальное увеличение торговых оборотов теснее, чем когда-либо, связали современную Англию с ее индийскими владениями. Одним словом, падение британского могущества в Индии будет началом падения Англии.

При неполном успехе со стороны нашей, т. е. когда в Индии не произойдет восстания и мы не в состоянии будем вторгнуться в ее пределы, мы прикуем всю индийскую армию к Индостану и лишим ее возможности выделить какую-либо часть ее в Европу, даже заставим часть войск из Европы перевести в Индию. Одним словом, можем в значительной степени парализовать сухопутные силы Англии для войны в Европе или же для создания нового театра войны от Персидского залива к Тифлису, о чем уже с Крымской войны мечтают английские военные люди.

Примечание. С окончанием великих революционных войн Западная Европа начинает быстро развивать свои промышленные силы. С 60-х годов развитие это до такой степени сильно, что потребовало открытия новых обширных рынков (например, миссия Форсейта в Кашгар, вмешательство в

дело Бирманской империи).

Сбыт обширных фабричных произведений необходим в особенности Англии, где пролетариат, сильно развившийся от неправильного распределения поземельного богатства, требовал усиленного развития производительных мануфактурных сил. Англии грозило бы бедствие, если бы явилась возможность закрыть для нее доступ в те страны, которые служат главными рынками ее произведений. Англичане будут стараться всеми силами удержать за собою обладание этими странами.

Всем хорошо известны причины, вызвавшие Англию на борьбу с Россиею в 54–55 гг. Разрушению Севастополя и уничтожению нашего Черноморского флота рукоплескала вся мануфактурная Англия.

Для внешней торговли Англии имеют огромное значение Восточные страны (Япония, Китай, Австралия, Индостан, Персия, Турция); эти страны служат ей весьма выгодными и обширными рынками для сбыта. Чтобы убедиться в этом, приведем следующие цифры: с Турциею и Египтом Англия имеет ежегодно торговых оборотов на сумму 255 948 000 руб. серебром. Обороты Англии с прочими странами Востока простираются на сумму 687 019 000 руб. серебром. Итак, общий годовой оборот Англии с Востоком доходит до громадной цифры 942 967 000 руб. серебром. Вот ключ к разгадке Восточного вопроса.

Быстрое развитие владений России с начала нынешнего царствования, движение России к пределам Японии (Сахалин), к пределам Китая (Уссури, Амур), окончательное покорение Кавказа, завоевания, в особенности же громадность обаяния русского имени в Средней Азии, — все это ставит Россию в положение в высшей степени выгодное в отношении Востока; окружая почти с трех сторон Азию, наше государство по своему географическому положению имеет полную возможность сильно влиять на будущую политическую и экономическую жизнь этого обширного материка (Туркменский рукописный сборник Л. Н. Соболева).

На необходимость участия Туркестана в предстоящих событиях указывает и то, что в случае неудачи войны здесь, очищение нами Туркестанского края или ограничение там нашего положения неминуемы. Если мы даже при полной неудаче наших предприятий как в Европе, так и в Азии докажем, хотя и несчастной предприимчивостью, всю возможную грозность нашего теперешнего положения в Средней Азии, то при необходимости заключить несчастный мир России предстоит, быть может, откупиться ценою Туркестана, поднявшегося в цене. Не может быть сравнения между тем, чем мы рискуем, решаясь демонстрировать против англичан в Индии, и мировыми последствиями, которые будут достоянием

в случае успеха нашей демонстрации. Громадная разница в результатах в случае успеха, существующая между нами и неприятелем, должна побуждать нас смело идти вперед. Политика наша на Востоке в последние 10-летие возвысила мировое значение России. Величайшая деятельность нашего правительства, по мнению англичан и азиатцев, здесь, в Азии, не имеет пределов. Это обаяние, главным образом, и служит обеспечением нашего положения. Читая сочинение подполковника Кери, начальника штаба мадрасских войск, поражаешься заявлением, что он иначе и не представляет себе Туркестан, власть, как соединяющую Чарджуй на р. Аму с Москвою железною дорогою. Знакомство с Туркестанским краем и с его средствами непременно приводит к заключению, что присутствие наше здесь, во имя русских интересов, может быть лишь оправдано стремлением способствовать из Туркестана разрешению в нашу пользу восточного вопроса, иначе овчинка не стоит выделки и затраты на Туркестан будут непроизводительны. Напротив того: весьма следует, казалось бы, опасаться, чтобы бездействием своим в Средней Азии в решительный момент на западе мы не доказали врагам всю случайность наших захватов, ибо это неминуемо повлечет за собою уменьшение нашего обаяния и в будущем потребует еще больших непроизводительных затрат. В Средней Азии нам в будущем, без сомнения, предстоит испытать еще многое, но для этого необходимо, чтобы подросло мусульманское поколение, родившееся, увы, под сенью русских законов, чтобы создался целый класс влиятельных людей, близко нас знающих и сознательно относящихся к действительным причинам нашей силы и успеха. Подобные элементы у нас здесь еще не созданы. В этом заключается одно из наших безусловных преимуществ перед англичанами, и, раз события на западе складываются решительно, это важное соображение, в связи с многими другими, должно побуждать нас извлечь из Туркестана всю ту пользу, которую он в состоянии дать. «En Asie la ou cessent les triomphes commencent les diff cultes», — писал лорд Веллингтон лорду Окленду в 1839 г. Мы теперь в смысле политическом переживаем эпоху торжества, и этим надо пользоваться. Демонстрация против англичан в Индии, при нынешней комбинации отношений между государствами, а также при тех военных средствах, которые сосредоточены в Туркестане и могут быть легко сосредоточены на южной окраине Закаспийского военного отдела, представляется практически исполнимою. Когда разрыв с Англиею сделается неизбежным, то на Гязском берегу следовало бы сосредоточить действующий отряд в 30 тыс. человек, а в Туркестане сосредоточить в Самарканде действующий отряд из 12 батальонов, 27 сотен при 48 орудиях, всего 16 100 человек. Одновременно с

мобилизацию войск округа послать из Ташкента посольство в Кабул. Цель посольства — втянуть в союз с нами Шир-Али-хана и войти в связь с недовольными в Индии. Чтобы переговоры достигли своей цели, необходимо немедленно по формировании отрядов двинуть их: 1) через Бамиан к Кабулу; 2) от Астрабада на Бурд-жар-Мешед к Кабулу или к Кандагару. На удачный исход подобных переговоров много указаний: а) неизгладимость впечатлений погрома англичан в 1842 г.; б) недоверие к их политике, которое доказывается тем, что Шир-Али не допускает до сих пор у себя официального английского резидента; в) вековые притязания Афганистана на Пейшаур, а главное, надежда, в союзе с русскими, грабить обетованную Индию, чего, конечно, с Англией рассчитывать нельзя. В случае, если бы английское влияние было слишком сильно в Афганистане, при существующем порядке вещей, то генерал-адъютантом фон Кауфманом 1-м еще в 1870 г. подготовлено было могучее, казалось бы, средство приобрести в этой стране влияние допущением, вслед за занятием Самарканда, Абдурахман-хана в наши пределы. Отрывки из переписки Абдурахман-хана с генерал-адъютантом фон Кауфманом, которые мне удалось читать, указывают на возможность воспользоваться Абдурахман-ханом. Можно будет воспользоваться и Якуб-ханом, сыном Шир-Али-хана. Якуб-хан желает, чтобы Афганистан не стоял в зависимости от Ост-Индийского правительства. То же самое проповедует относительно России и известный в Средней Азии Каттатюр, старший сын эмира Бухарского Мусафар-Эддин-Богадур-хана; вследствие этого преимущества, присоединение Бухары к империи вопрос самого непродолжительного времени; кризис разрешится со смертью эмира, которому 64 г. и который давно истощен гаремной жизнью. Якуб недоволен также, что отец назначил наследником престола не его, а младшего его брата Абдулла-хана.

Упомянутое посольство должно было бы следовать на Карши, Баах, Бамиан и Кабул, прикрываясь хотя бы торговым предлогом. Оно должно быть возможно торжественнее, дабы своим появлением послужить пробойю пера того впечатления, которое в такое время оно может произвести на Индостан. Кроме главной цели посольства, — заручиться союзом Афганистана, — ему следовало бы поручить исследование пути в военном отношении, сбор сведений о состоянии Индостана, и, если возможно, путем подкупа, обещаний или другими средствами, которые окажутся на месте, войти в связь с влиятельными недовольными английским владычеством туземцами, чего в бывших сейкских владениях недостатка быть не может. От действий миссии в значительной степени будет зависеть выбор операционных путей, т. е. на Кабул или на Герат. Весьма для нас

важно побудить Персию возобновить свои притязания на Герат, чем достигается возможность пользоваться средствами, которые в случае нужды даст нам страна, подвластная шаху, преимущественно Хоросан, а главное, отвлекается внимание и средства Тегеранского правительства от нашей границы на Араксе, на что рассчитывают, со времени Крымской кампании, наши враги, в случае каких-либо неблагоприятных для нас обстоятельств на кавказско-турецкой границе и в самом Кавказе. При нашем движении связь с персидской армией не будет иметь значения военного, но даст нам в руки массу средств перевозочных; тяготение Персии к Герату и Кандагару выработалось веками. Как сказано выше, одновременно с отправлением посольства в Кабул начать сосредоточивать два отряда: один — в Самарканде, другой — в Астрабаде. В предмет настоящей заметки не входит касаться подробностей состава и обеспечения Астрабадского отряда перевозочными и продовольственными средствами; указана только приблизительная соответствующая его численность, причем 30 тысяч, казалось бы, следует принять за *тахитим*, да и то всесторонне разработать наиболее важный вопрос — об обеспечении отряда перевозочными средствами. Затруднения, встреченные отрядами полковников Маркозова и Ломакина при сборе верблюдов перед Хивинским походом в 1873 г., будут весьма поучительны при соображениях о формировании обозов; на средства Закаспийского военного отдела, смею думать, ни в каком случае рассчитывать не следует. Весьма важное значение приобретут: а) Персия; б) Бакинская губерния; в последнем случае, — если только хватит морских перевозочных средств. Оставляя в стороне средства нашей Каспийской военной флотилии, которая в весьма плохом состоянии, мы с ранней весны обладаем на Каспийском море весьма значительными перевозочными средствами. Генерал-майор Анненков полагает возможность сразу поднять в Астрахани или другом каком-либо из Кавказских портов (Баку или Дербент), на судах компании «Кавказ и Меркурий», пехотную дивизию с ее артиллерией. Страна от Астрабада к Герату и к Кабулу представляется во всех отношениях удобною. Путь, по которому предстоит движение Астрабадского отряда, протекает близ гор, орошен водою, имеет подножный корм для лошадей и вьючных животных, населен, а потому даст возможность сформировать запасные продовольственные магазины. По этому пути постоянно ходят многочисленные караваны, которые от Астрабада до Кабула идут 50 дней. По этому пути не раз ходили азиатские полчища с многочисленной и тяжелой артиллерией, а Надир-шах в середине прошлого столетия с большим войском прошел по этому направлению. В состав Туркестанского

действующего отряда, формируемого в Самарканде, войдут:

Пехота

Туркестанская стрелковая бригада — 4 батальона^[87]

2-й, 3-й, 6-й, 11-й, 12-й, 15-й Туркестанские линейные батальоны — 6 батальонов

2-й Оренбургский линейный батальон — 1 батальон

3-й запасной Сибирский линейный батальон — 1 батальон

Всего: 12 батальонов (10 800 чел.)

Туркестанская саперная рота — 230 чел.

Кавалерия

4-й сводный Оренбургский Уральский казачий полк — 6 сотен^[88]

1-й Сибирский казачий полк — 6 сотен

2-й Оренбургский казачий полк — 6 сотен

1-й Семиреченский казачий полк — 2 сотни

Две ракетные батареи^[89] — 2 сотни

Конно-стрелковая рота — 1 сотня

Всего: 27 сотен (2430 чел.)

Артиллерия

1-я и 2-я батареи^[90] 1-й Туркестанской артиллерийской бригады — 16 орудий

Дивизион 3-й батареи 1-й Туркестанской артиллерийской бригады — 4 орудия

1-я и 2-я батареи 2-й Туркестанской артиллерийской бригады — 16 орудий

1-я и 5-я конные батареи Оренбургского казачьего войска — 12 орудий

Итого: 48 орудий (1630 чел.)

Всего 16 тыс. человек, на одну тысячу человек приходится 4 орудия.

Как сказано выше, предметом действий наших могут быть Кабул или Герат. Оба эти пункта находятся почти в одинаковом расстоянии от Самарканда, в 800–850 верстах, следовательно, в полутора месяцах марша, полагая средним числом по 20 верст в сутки, считая здесь и дневки. Придется ли Туркестанскому действующему отряду идти на Кабул или на Герат, во всяком случае на пути следования нашего в Бухарских пределах, на р. Аму должны быть учреждены продовольственные магазины. Затем, в случае наиболее вероятном, движения Туркестанских войск на Кабул, если Шир-Али окажется на нашей стороне, то заготовкою довольствия на левом берегу Аму-Дарьи в Балхе или Хулуме (посредством наших доверенных людей) он окажет нам весьма существенную пользу. Приблизительный

расчет стоимости: для Туркестанского действующего отряда потребуется довольствия на полтора месяца: сухарей (по 2 фунта) 36 230 пудов; круп (по 1,5 фунта) 9260 пудов, ячменя (по 10 фунтов) 50 690 пудов; чаю (1 фунт на 100 человек в день) 181 пуд; сахару (3 фунта в день на 100 чел.) 543 пуда. Войска выступают из Самарканда с двухнедельным запасом, а затем довольствие на 31 день должно быть заготовлено на Аму-Дарье. Для поднятия этого количества довольствия могут быть взяты арбы и верблюды.

Причем, вступив в горную страну, начинающуюся от Хулума, по которой движение повозок с таким широким ходом, каковы арбы, если не невозможно, то, во всяком случае, затруднительно, Туркестанская армия будет следовать с одними выючными животными. Так как от Самарканда до р. Аму войска возьмут двухнедельную пропорцию довольствия, то для поднятия в этом пункте должны быть собраны арбы числом 1400 (на арбу 20 пудов тяжести). От Аму-Дарьи до Кабула 31-дневное довольствие повезут на 12–14 дней до Хулума упомянутые 1400 арб и на 18 дней от Хулума до Кабула (14 490 пудов сухарей, 3620 пудов круп, 20 280 пудов ячменя, 73 пуда чаю и 217 пудов сахару) верблюды числом 6446 (верблюжий выюк 6 пудов, это выработано опытом Хивинского похода). Затем перевозочные средства потребуются — 1400 арб и 11 707 верблюдов. Из этого количества должны быть собраны: а) в Самарканде средства, необходимые для поднятия всего войскового имущества и парков, 4616 верблюдов и двухдневного довольствия 1400 арб и б) на Аму-Дарье 7090 верблюдов для поднятия довольствия на 18 дней, так как арбы, взятые из Самарканда (1400), 13-дневную пропорцию повезут до Хулума. Для сбора отряда в Самарканде при настоящей дислокации войск округа потребуется немного более месяца. В виду войны генерал-адъютант фон Кауфман изменил дислокацию и облегчил сосредоточение к Самарканду. Он на это намекает в своем письме из Ташкента от 14 сентября. Подробностей не знаю. Если собранный отряд придется двинуть за границу, на Кабул или на Герат, то немедленно по выступлении его сформировать в Самарканде новый отряд, не менее как из двух батальонов, одной батареи и шести сотен казаков. Назначение этого отряда — служить резервом главных сил и, в случае надобности, быть употребленным для занятия Бамианского прохода, при движении на Кабул, самого Кабула или же Герата, как опорных пунктов. Кроме того, в Самарканде же должно быть сосредоточено не менее 10 сотен казаков для этапной службы в тылу действующего отряда. В случае движения на Кабул, и если Шир-Али не станет на нашу сторону, то регулярную пехоту (сарбазов) с артиллериею и

возможно большее число иррегулярной конницы (сипаев) Бухарского эмира (всего около 80 тыс. при более чем 100 орудиях) направить на Анхой и Маймане (Маймане по своему выгодному положению между Туркестаном, Афганистаном и Индией, всегда был пунктом, которым старались завладеть Бухарские эмиры, но всякий раз безуспешно) и вообще в предгорья Парапамиза для завладения этою страной. Если же, при том же операционном направлении, мы будем в союзе с Шир-Али, то бухарские полчища полезно отвлечь от нашей коммуникационной линии, указав им предметом действия Мерв. К Мерву же должна быть направлена бухарская вооруженная сила и в том случае невероятном, если бы мы имели против себя Шир-Али-хана и вошли бы в союз с Персией. Этим направлением бухарской армии будут парализованы действия текинцев против Персии, которые для завладения Гератом не должны ничем развлекаться.

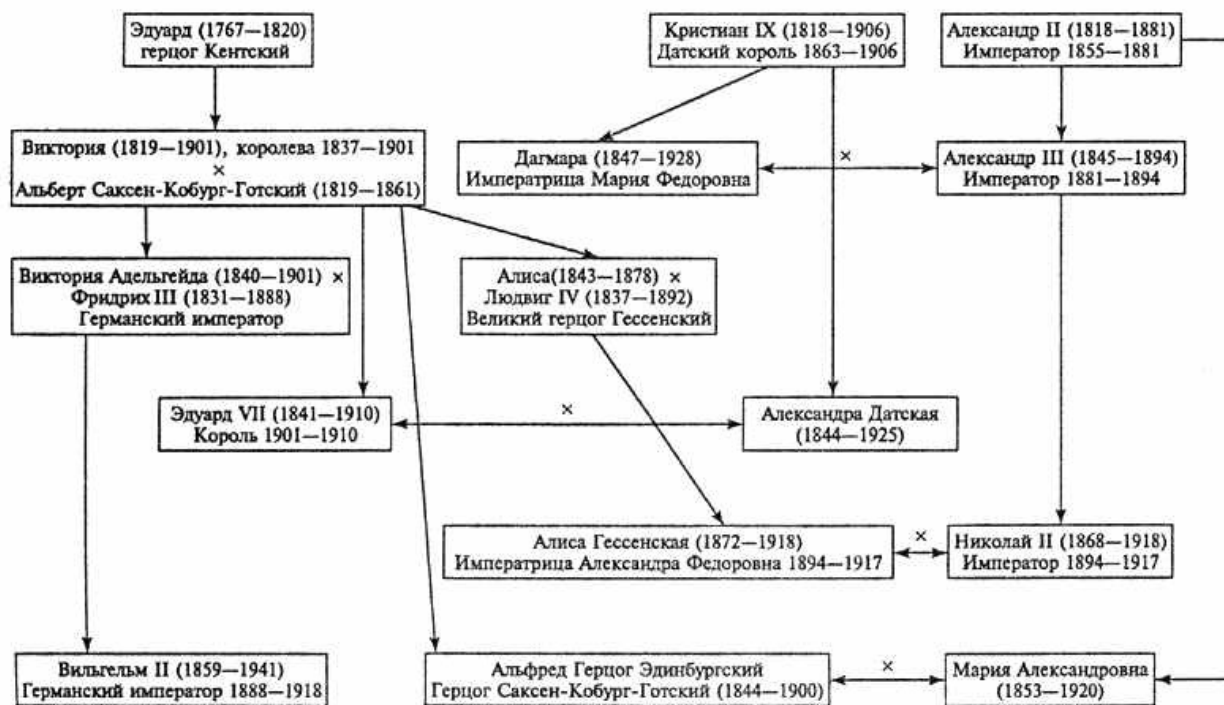
Примечание. (Таблица войск, остающихся в Туркестане для охранения спокойствия): Общая цифра — 28 тыс. чел., это — *minimum*, ибо можно привлечь из Западной Сибири; во всяком случае, она достаточна при настоящих обстоятельствах. Вообще, не касаясь подробностей, поход в Индию делится в моем представлении на два периода: первый период действий крайне быстрых, период дипломатических переговоров с Афганистаном, которые необходимо поддержать наступлением действующего отряда к Кабулу; второй период по занятии Кабула, выжидательный, во время которого мы должны войти в сношения со всеми недовольными в Индии элементами, постараться дать проявлению их возможно более соответствующее нашим интересам направление (главная причина неудачи восстания 1857 г. заключалась в недостатке регуляризации усилий инсургентов) и, наконец (а это главное), организовать массы азиатской кавалерии, которую во имя крови и грабежа, направить в пределы Индии, в виде авангарда, возобновив времена Тимура. Определять в плане кампании дальнейшие действия собственно русского отряда из Кабула было бы гадательно. Закрываю мнением компетентного англичанина, полковника Кери, бывшего начальником штаба Мадрасской армии. «Если Бонапарт, опиравшийся лишь на Астрабад, считал возможным наступление на Индию, то теперь положение России несравненно выгоднее, так как она может опираться на Мерв и на Чарджоу. Теперь все значительные среднеазиатские торговые и стратегические пути в руках, и фактически граница между Англией и Россией в Азии есть водораздел между Индийским океаном и Арало-Каспийской равниною».

М. Скобелев

Люли-Бургас, 17 января 1878 г.

10 1/2 час. веч.

Схема родственных связей британского королевского дома

Использованная литература

1. Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганского. СПб., 1901.
2. Английский броненосный флот. СПб.: Типография Морского министерства, 1878.
3. Андреев А. Последний канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков. М.: Белый волк, 1999.
4. Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997.
5. Верещагин В. На войне в Азии и Европе. М., 1898.
6. Военная энциклопедия / Под ред. К. Величко, В. Новицкого, А. Фон-Шварца и др. СПб., 1911–1914.
7. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / Под ред. Н. Киняпина, М.: Наука, 1978.
8. Гангут. Вып 23. СПб., 2000.
9. Глущенко Е. Герои Империи: Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век — Согласие, 2001.
10. Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М.: Воениздат, 1955.
11. Грибовский В., Познахирев В. Вице-адмирал З. П. Рожественский. СПб.: Цитадель, 1999.
12. Гродеков Н. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1883.
13. Дневники императора Николая II / Под ред. К. Шацилло. М.: Орбита, 1991.
14. Доливо-Добровольский Б. Тихоокеанская проблема. М.: Высший военный редакционный совет, 1924.
15. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача). Л.: ГИЗ, 1925.
16. Заичкин И., Почкаев И. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994.
17. Игнатьев А. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1986.
18. Извольский А. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989.
19. Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942.
20. История XIX в. / Под ред. Лависса и Рамбо. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
21. История дипломатии / Под ред. А. Громыко, И. Земскова и др. М.:

Государственное издательство политической литературы, 1963.

22. История отечественного судостроения / Под ред. И. Спасского. СПб.: Судостроение, 1994.

23. Керсновский А. История русской армии. М.: Голос, 1993.

24. Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. М.: Захаров, 2000.

25. Кожин В. Тютчев. М.: Соратник, 1994.

26. Крымская война / Сост. С. Семанов. М.: Вече, 1999.

27. Кутаков Л. Россия и Япония. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988.

28. Лихарев Д. Эра адмирала Фишера. Владивосток: Военное издательство Дальневосточного университета, 1993.

29. Маслов А. Завоевание Ахал-теке. СПб., 1887.

30. Международные отношения на Востоке (1870–1945 гг.) / Под ред. Е. Жукова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.

31. Монархи Европы / Ред. — сост. Н. Попов. М.: Республика, 1996.

32. Мошин В. Оборона побережья с древнейших времен до наших дней. СПб.: Типография Н. В. Васильева, 1901.

33. Нарочницкая Л. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. М.: Наука, 1989.

34. Ольденберг С. Царствование Императора Николая II. Белград: Издание общества распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939.

35. Очерки истории Российской внешней разведки / Под. ред. Е. Примакова. М.: Международные отношения, 1996.

36. Паркс О. Линкоры Британской империи. Ч. I. «Пар, парус и броня». СПб.: Галея Принт, 2001.

37. Похлебкин В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995.

38. Прочко И. История развития артиллерии. М., 1945.

39. Пушкин А. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957.

40. Раздолгин А., Скорилов Ю. Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, 1988.

41. Романовы: Исторические портреты. 1762–1917. Екатерина II — Николай II / Под ред. А. Сахарова. М.: Армада, 1997.

42. Россия и Черноморские проливы (XVIII — XX столетия) / Под ред. Л. Нежинского, А. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999.

43. Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В. Золотарева. М.:

АРБИЗО, 1994.

44. *Ротштейн Ф.* Захват и закабаление Египта. М., 1959.
 45. Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. Т. 1 / Сост. И. Басик. М.: Гея, 1988.
 46. Русские и советские моряки на Средиземном море / Под ред. В. Алексеева. М.: Воениздат, 1976.
 47. *Савелов Л.* Лекции по генеалогии. М.: Археографический центр, 1994.
 48. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. СПб., 1911.
 49. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.
 50. *Семанов С.* Макаров. М.: Молодая гвардия, 1972.
 51. *Семенов В.* Расплата. СПб.: Гангут, 1994.
 52. *Семенов Ю.* Без единого выстрела. М.: Молодая гвардия, 1983.
 53. *Сеппинг Райт Н. С.* С адмиралом Того. СПб., 2001.
 54. *Сказкин С.* Конец австро-русско-германского союза. Т.1. 1879–1884. М., 1928.
 55. *Тарас А.* Энциклопедия броненосцев и линкоров. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2002.
 56. *Татищев С.* Император Александр Второй. М.: Алгоритм, 1996.
 57. *Терентьев М.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906.
 58. *Ферро М.* Николай II. М.: Международные отношения, 1991.
 59. *фон Турпиц А.* Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.
 60. *Халфин Н.* Победные трубы Майванда. М.: Наука, 1980.
 61. *Халфин Н.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965.
 62. *Шацилло К.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне: Генералы и политика. М., 2000.
 63. *Шеремет В.* Босфор. М.: Технологическая школа бизнеса, 1995.
 64. *Шеремет В.* Война и бизнес. М.: Технологическая школа бизнеса, 1996.
 65. *Широкопад А.* Русско-турецкие войны. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.
 66. *Шишкин О.* Битва за Гималаи. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
 67. *Curzon G.N.* Persia and the Persian question. London, 1892.
 68. *Fisher J.A.* Memories. London, 1919.
 69. *Lord Kinross.* The Ottoman centuries. London, 1970.
 70. *Shelking E.* Recollections of a Russian Diplomat. N.Y., 1918.
-

notes

Примечания

1

Так в России до Тильзитского мира называли Наполеона.

Так европейские дипломаты называли с конца XVIII в. Османскую империю.

РОПиТ — Российское общество пароходства и торговли.

Номинальная лошадиная сила — это расчетная мощность паровых машин; индикаторная лошадиная сила — фактическая мощность.

В 1860-х гг. в России пушкам одного калибра в зависимости от длины ствола давали № 1–4. Наиболее длинные имели № 1.

Отчет МТК за 1870 г. СПб., 1871. С. 19.

Повод к войне (*лат.*).

Капер — корабль, снаряженный с разрешения своего правительства частным лицом и укомплектованный вольнонаемной командой для ведения крейсерских действий на море.

Здесь и далее: 4-фунтовые нарезные пушки — это нарезные пушки, заряжаемые с дула

Попов останется на Тихом океане до 1861 г., когда его произведут в контр-адмиралы и назначат членом кораблестроительного комитета. Но уже в 1862 г. он вновь будет назначен командующим Тихоокеанской эскадры

Вблизи современного Владивостока

Современное название — залив Бахайвань.

Еще до обострения ситуации, осенью 1859 г., с Дальнего Востока на Балтику ушли фрегат «Аскольд», корветы «Рында» и «Новик» и клипер «Пластун».

Из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России».

В XIV — XVI вв. термины «Украина» и «Белоруссия» не существовали. Польские паны именовали всех православных русскими. Русскими называли себя и запорожские казаки в XV — XVII вв. и др.

Названный так по месту подписания — Ям Запольный.

Об этом писали Пушкин, академик Тарле и др.

Его право на наследование было заверено Лондонским протоколом 1852 г., подписанным Англией, Францией, Россией, Австрией, Пруссией, Швецией и Данией.

В то время триколор был флагом торгового флота России

Такая надпись была на французских пушках, начиная с XV в.

Правительственный вестник. 1870. № 235. 3/15 ноября. С. 1.

Не путать с адмиралом Григорием Ивановичем Бутаковым.

Толбухов Е. Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник. 1913. № 6. С. 906–907.

Макарьев монастырь вблизи Нижнего Новгорода, где проходила ярмарка

В настоящее время г. Кульджа находится на китайской территории в 60 км от границы с Казахстаном

Современное название Цзюцюань.

Бенджамин Дизраэли (1804–1881), граф Биконсфилд, крещеный еврей, глава консервативной партии, премьер-министр Великобритании (1868–1880)

Сардар — титул афганского правителя.

По данным С. Татищева, имелось не 44, а 56 орудий (см.: Император Александр Второй. Кн. вторая. М.: Алгоритм, 1996. С. 116).

В 1880 г. эта должность называлась «Управляющий делами Главного штаба».

Это были первые в русской артиллерии пушки, в название которых не входил калибр. Так сделали, чтобы не путать легкую и батарейную пушки обр. 1877 г. (калибра 87 и 107 мм) с 4-фунтовыми и 9-фунтовыми пушками обр. 1867 г. того же калибра (87 и 107 мм). Канал и боеприпасы этих орудий имели принципиальные различия. Первоначально орудия обр. 1877 г. именовались дальнобойными, что вводит в заблуждение некоторых современных авторов, считающих, что у Скобелева была тяжелая дальнобойная артиллерия.

Позже, с 1901 г., ее стали называть Саксен-Кобург-Готской, а с 1917 г. — Виндзорской династией

Теккереѝ У. Собр. соч. М., 1979. Т. II. С. 517.

Более подробно сказано об этом в Приложении «Схема родственных связей британского королевского дома».

Позже великий князь Михаил Михайлович женился на внучке Пушкина.

О французских броненосных плавучих батареях уже говорилось в главе «Русский флот выходит в океан».

Штучные нарезные пушки (пищали) изготавливались еще в XVI — XVII вв., но в истории артиллерии принято считать первым нарезным орудием именно систему Кавалли

Дробь означает: длина орудия полная/длина канала. Приведены обе величины, поскольку в разных источниках идет путаница этих величин.

ОСЗ первоначально был частным, а позже его национализировали и передали Морскому ведомству

1 февраля 1892 г. все три плавбатарей Балтийского флота были переклассифицированы в броненосцы береговой обороны.

Первоначально эти суда классифицировались как башенные броненосные лодки. 10 мая 1869 г. их переклассифицировали в мониторы, а 1 февраля 1892 г. — в броненосцы береговой обороны.

С 1 февраля 1892 г. — эскадренный броненосец

Иррегулярная турецкая кавалерия

Премьер Дизраэли в 1876 г. был пожалован королевой Викторией в пэры с титулом лорда Биконсфильда.

Широкопад А. Русско-турецкие войны. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2002.

Все обр. 1867 г., за исключением отдельно указанных:
«гладкоствольные» и т. п.

Броненосцы «Ахилес», «Султаин», «Эджинкорт», «Свифтшур», «Инвизибл» и «Дифенс».

Замечу от себя, что их ремонт и перевооружение русскими орудиями обошлись бы казне в сумму, соизмеримую с постройкой новых броненосцев

«Thunderer» — в переводе с английского «Громовержец».

11-дюймовые пушки обр. 1867 г. при стрельбе на дистанцию 100 м по нормали пробивали броню толщиной 16 дм, соответственно 11-дм пушки обр. 1877 г. — 16,6-дм, а 14-дм пушки обр. 1877 г. — 18,9-дм броню.

В договоре имелись в виду представители иных конфессий.

Правительственный Вестник. 1878. 27 июля.

Одним из существенных факторов обеспечения политического и военного успеха Англии и Японии было свободное мышление послов, генералов, адмиралов и даже командиров отдельных судов, позволявшее, не сносаясь с центром, предпринимать решительные действия в интересах своего государства. К сожалению, Гольштейн-Готторпская династия, правившая в России под именем Романовых, требовала от своих дипломатов и военных абсолютного подчинения и пресекала самостоятельные действия. Вот, к примеру, в ходе войны с Турцией летом 1811 г. на Дунае были очень холодные ночи, много солдат простудилось. Ясно, надо одеться потеплее, например, поменять летние штаны на суконные зимние. Чей это вопрос? Очевидно, ротного командира, ну, в крайнем случае, командира полка. Так нет! Кутузову лично пришлось обращаться к царю, чтобы солдатам штаны сменить. Пока шел запрос, пока Александр I думал над столь важной проблемой, пока шло обратно Высочайшее Повеление, пришла осень. Царь Николай I лично решал, могут ли жены декабристов брать с собой горничных или нет, что могут захватить из нижнего белья и т. д. В 1900 г. вдова генерала в Нижнем Новгороде решила открыть богадельню на 10 мест, так на это потребовалось разрешение не исправника, не градоначальника, не даже губернатора, а аж самого Николая II!

Agam J. L'angleterre en Egypte. Paris, 1922. P. 73.

Вали — правитель области, мусульманин.

Ныне город-порт Ханья.

А. И. Нелидов принадлежал к старинному дворянскому роду Нелидовых, известному еще с XV в. В начале XVI в. от Нелидовых отделилась ветвь Отрепьевых-Нелидовых, к которой принадлежал и знаменитый Юрий Богданович Отрепьев.

Телеграммы Нелидова от 26 (14) августа и 3 сентября (22 августа)
1896 г.

По тогдашней классификации их называли броненосными крейсерами, кроме «Корнилова», который считался бронепалубным крейсером

АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 448.

Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 13.

Еще 25 сентября 1906 г. шах обнародовал указ о введении в Персии однопалатного парламента (меджлиса). Таким образом, самодержавие должно было быть заменено конституционной монархией

Позже Бадмаев получит скандальную известность за дружбу с Григорием Распутиным.

Гелюн — буддийский военный священнослужитель

РГВИА. Ф. 447. Д. 77. С. 29–30.

Сановник, выполнявший обязанности премьер-министра.

Ныне город и порт Масан

Ныне залив Бохайвань.

Ныне город и порт в Корее Пусан

Д. Д. Покотиллов — представитель русского Министерства финансов в Пекине и директор пекинского отделения Русско-китайского банка

Ныне город и порт Вэйхай.

Искра. 1900. № 1

Хунгузами (ханхузами) называли шайки профессиональных грабителей. Единого руководства у этих шаяк не было, но они зачастую находились под покровительством местных китайских властей, с которыми делились добычей

Entent (*фр.*) — согласие.

У Певческого моста располагалось Министерство иностранных дел.

«Топи их всех» (англ.).

Здесь и далее я делаю предположения, лишь когда они проверены практикой, пусть в другое время, но при тех же условиях.

Отправлены на Дальний Восток в составе эскадр Рожественского и Небогатова

Отправлены на Дальний Восток в составе эскадр Рожественского и Небогатова

Отправлены на Дальний Восток в составе эскадр Рожественского и Небогатова.

Внебрачный сын Александра II.

Позже немцы «расплатились» за эскадру Рожественского: крейсер «Дрейк» был потоплен подводной лодкой U-79 2 октября 1917 г. у берегов Ирландии.

Министр иностранных дел Франции.

Военная энциклопедия/Под ред. К. Величко, В. Новицкого, А. фон-Шварца. СПб., 1912. Т. 10. С. 618–621.

По 900 штыков в батальоне

Сотня в 130 коней.

Ракетная батарея — 90 коней.

90

В батаре 250 чел